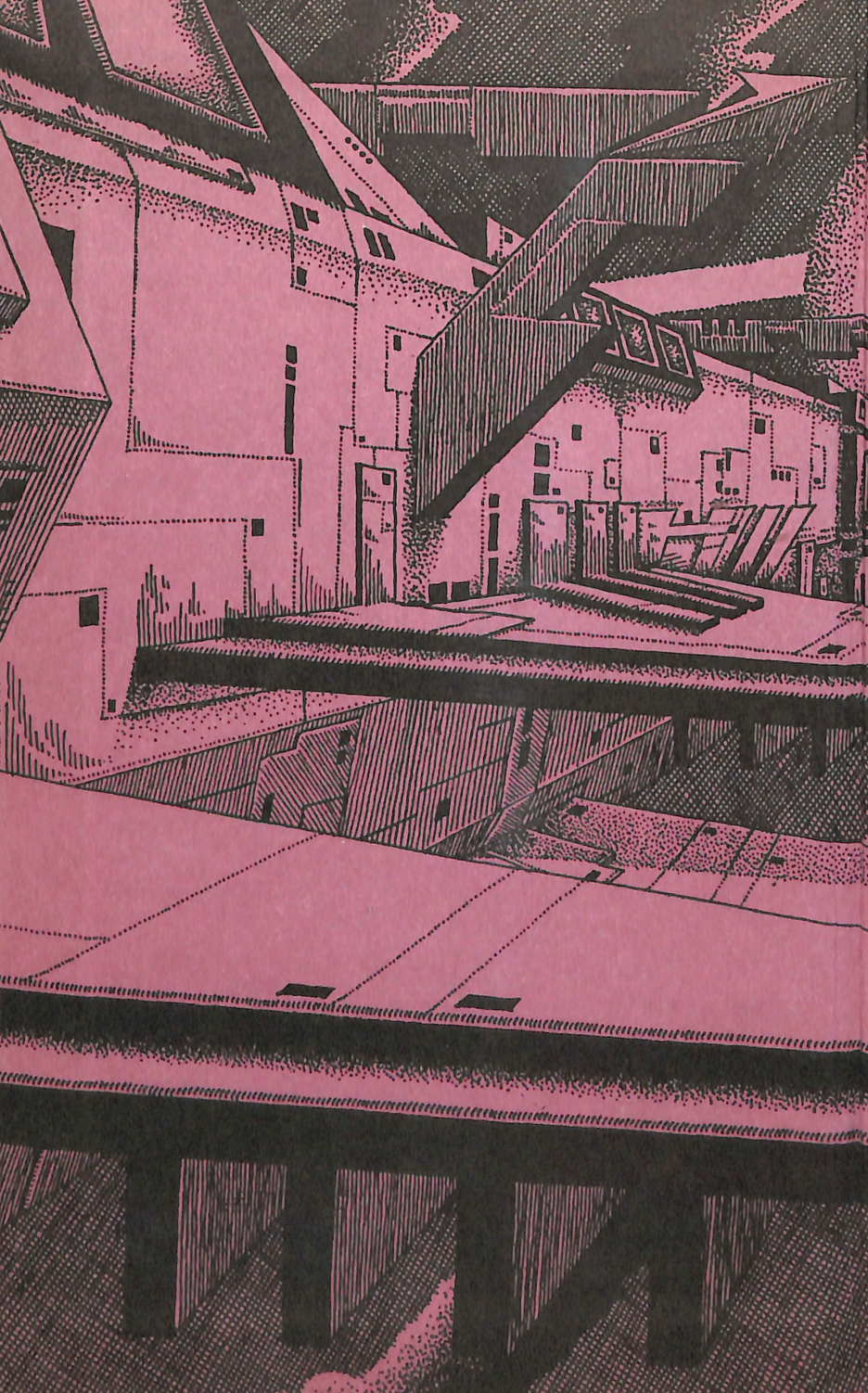
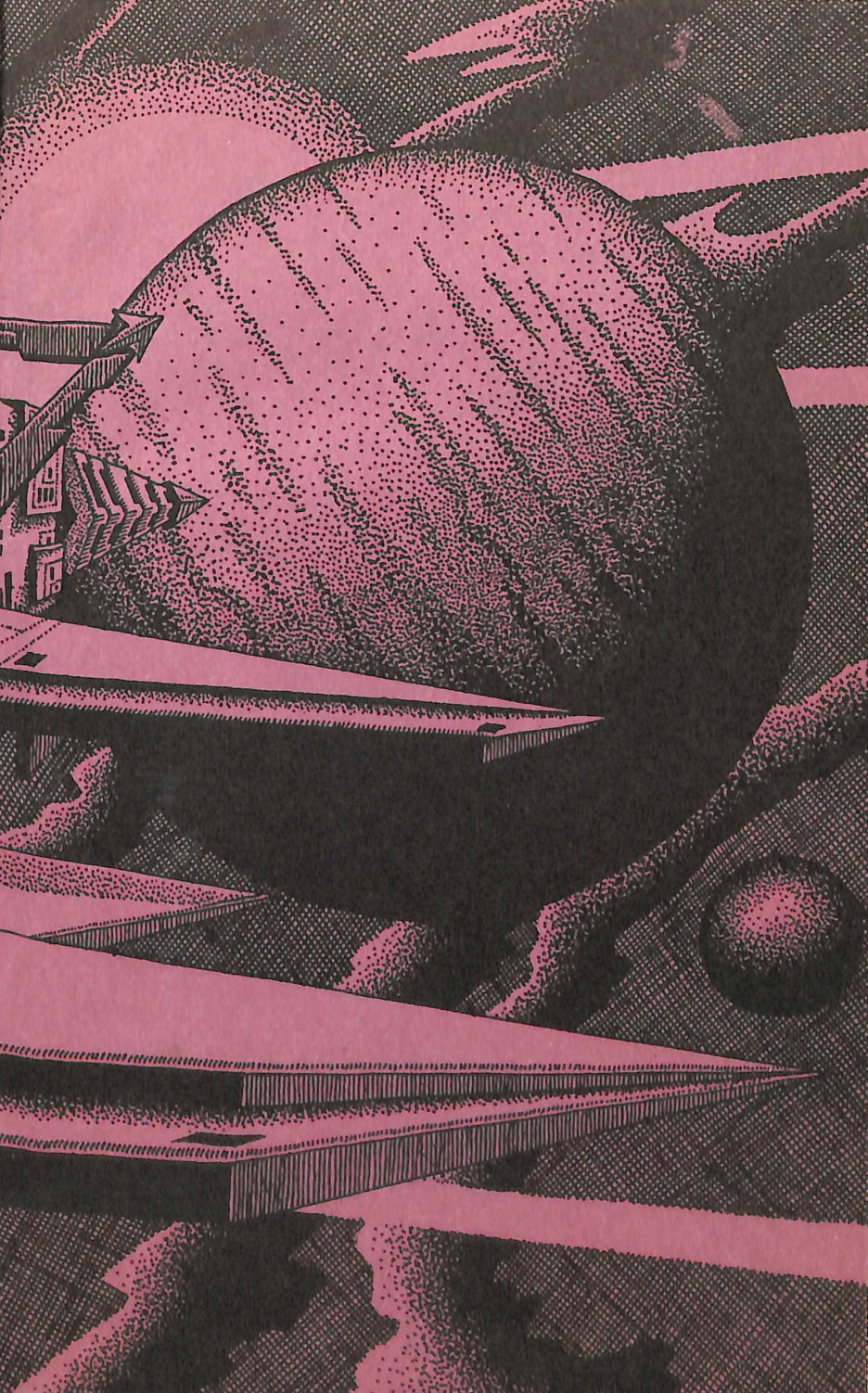
КЕН
ИЛЛЮ
Звездные самураи
КЕН
ИЛЛЮ





KEH

КЕН

ЛЕВИН

Звездные самураи

Нейтральная зона

Либерти

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

ББК 84(7США)
К 29
УДК 820(73)

Като К.

К 29 Звездные самураи: Романы/Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1997.—448 с.
ISBN 5-7906-0016-6.

Предлагаем вниманию читателей второй том захватывающего сериала «Ямато», написанного в жанре «космической оперы».

Далекое будущее. Галактика разделена на крупные национальные сектора. Могущественный сектор Ямато, возродивший древние самурайские традиции, развязывает захватническую войну. Ему противостоит разоренный бесконечными междуусобицами сектор Американо...

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

К 8200000000

ISBN 5-7906-0016-6

© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1997

ЯМАТО. Книга III

Нейтральная

ЗОНА

23-й год Канэй (2424 г. н.э.)

Милого провожая
Назад в Ямато,
В темноте я стояла
До рассветной росы.
И вдвоем по осенним дорогам
В горах тяжело подниматься.
А как господин мой
Их один одолеет?

Принцесса Оку

Фрагменты рукописи «Летопись Космоса», извлеченные А. Хаккером. Найдены в хранилище «Озма»

Авторские права синтетической корпорации «Воспитатель», Оренбург. С разрешения Центральной Власти Древней Земли, 2401 г. н. э.

«Развитие промышленности обеспечивается использованием двух особых химических элементов: золота (аурум) и серебра (аргентум). Оба трансурановых элемента обнаружены на участке стабильных изотопов расширенной периодической таблицы после ряда актиноидов. Аргентум имеет атомный номер 125, аурум — 126. Оба элемента — сверхтяжелые, сверхпрочные, со сложной молекулярной структурой. Вместе с третьим сверхтяжелым металлом, платиной, они составляют...

(Фрагмент утрачен.)

...новый пульсар Вела, взорвавшийся за 13000 лет до н. э. В результате этого взрыва образовалась

Смолистая туманность, удаленная от туманности Рака на расстояние 450 световых лет. Слабые выбросы достигли некоторых планет Освоенного Космоса. Эти планеты подверглись терраморфной обработке и очистились от обломков, образовавшихся в результате...

(Фрагмент утрачен.)

...пульсар 0833-45. Вела является сверхновым образованием, как и подобный ему, но более молодой пульсар туманности Рака. Смолистая туманность покрывает теперь 30-й — 40-й градусы неба, видимого с Древней Земли. Пульсар испускает гамма-лучи высокой энергии, имеет период 90 миллисекунд и скорость замедления $1{,}5 \times 10^{-5}$ *сек в год.*

Пульсар Вела первоначально отождествлялся со звездой двадцать четвертой величины, которая...

(Фрагмент утрачен.)

...следуя в Нейтральную Зону в поисках «голубого золота». Системы Садо и Окинавы имеют богатые месторождения, которые быстро истощаются, в то время как спрос на золото и серебро продолжает возрастать. К сожалению, оба элемента существуют в ограниченных количествах и формируются под воздействием большой энергии. Эти физические условия возможно создать только в ...

(Фрагмент утрачен.)

...ключ к основным процессам. Оба используются в производстве плекса — легкого, прочного и долговечного материала. Он повсеместно применяется в строительстве и военной технике — стены городских домов и корпуса кораблей сделаны исключительно из плекса. К тому же золото и серебро необходимы для работы дуврских машин, которые превращают воду и двуокись углерода в жиры, белки, гидрокарбонаты и протеины, а затем синтезируют из них пищу. Оба элемента используются в транспортной технологии — в корабельных гравитационных трансформаторах, изменяющих местное ускорение и силу

тяжести. Радиоактивный изотоп серебра применяется в силовых двигателях нового класса кораб...

(Фрагмент утрачен.)

...генерировать защитные поля. Но эти стратегически незаменимые элементы найдены в очень ограниченных количествах, поэтому...

(Фрагмент утрачен.)

...единственное место, где могут быть получены столь тяжелые атомные ядра,— это сверхновые остатки в космическом классе X-а. Они не подвержены радиоактивному распаду, как другие трансурановые изото...»

(Рукопись обрывается.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Место действия: Нейтральная Зона, система Палавана

Неизвестный корабль в виде зеленой точки два-ноль-девять, азимут десять на ближайшем экране, движется в нашем направлении!

Крик рулевого взбудоражил капитана Кондо Ицуми. Им овладело недоброе предчувствие, и он нетерпеливо подошел к экрану. Ничего не обнаружив, Кондо пригрозил оператору, что накажет его, если тот еще раз объявит ложную тревогу. Корабли Золотого флота Кин кайгуна приближались к вытянутой, эллиптической орбите Палавана. Эта система имела крупную звезду, напоминавшую голубой алмаз, которая была в пятьдесят раз ярче солнца. «Гайдзины называют ее «Вега»,— подумал капитан.— Она обладает сильным гравитационным полем и значительно облегчает перелет».

Кондо увидел, как снизившие скорость конвойные корабли выстроились в цепочку. Адмирал Курита на своем флагмане «Мусаси» и остальные двадцать шесть больших и малых кораблей включили тормозные системы. Это позволило им вписаться в орбиту Палавана. «Если гравитационные усилители выйдут из строя в момент захода на орбиту, — подумал Кондо,— корпуса мгновенно превратятся в кашу. Неплохо бы иметь аварийную систему на этот случай».

На капитанском мостике «Когё мару» было включено только рабочее освещение. Приглушенный, немного тревожный красный свет заполнял отсек, а сквозь прозрачную обшивку виднелись отблески звезд. Кондо Ицу-

ми оперся о планшир и еще раз взглянул на экран. Сохраняя спокойствие, он ждал появления пиратов — гайдзинов, но перелет по-прежнему проходил в спокойной обстановке.

«Пусть боги кастрируют оператора, если он ошибся»,— разгневался Кондо. Последние двадцать бессонных часов отняли много сил, а ложная тревога вывела капитана из себя. Он испытал болезненное разочарование, когда понял, что и на этот раз нужно сдержать свой самурайский пыл и терпеливо ждать удобного случая. Но он обязательно настанет, в этом Кондо был полностью уверен. Мысль о новом мощном оружии, скрытом на борту, наполняла капитана нетерпением. Он посмотрел сквозь прозрачный плекс вверх, на звезды, и еще раз проклял оператора мониторов.

— Если он снова поднимет ложную тревогу,— проговорил Кондо, обращаясь к рулевому,— я приставлю катана к его шее!

— Не беспокойтесь, капитан,— ответил рулевой Нома,— эта система полностью свободна от астероидов и обломков. Здесь трудно ошибиться.— Рулевой Нома Симэй знал крутой нрав капитана, поэтому постарался успокоить его.

Кондо — скуластый, с густыми бровями мужчина средних лет — считался искусным специалистом в управлении кораблем и его сложными механизмами. Поэтому Курита настоял на том, чтобы его включили в состав командования Кин кайгуном.

— Нет, этот оператор устал,— холодно проговорил Кондо.— Он недостаточно внимателен и плохо относится к обязанностям самурая.

— Такано очень усердный человек,— осторожно возразил рулевой.— Я знаю его семью, у нее древняя родословная.— Нома внезапно повернулся к слонявшемуся без дела пятнадцатилетнему кадету.— Эй, парень! Сбегай к главному экрану, узнай, о чем там кричит Такано.

Хай! Репутация Такано была небезупречной. Из-за своей медлительности он не успел вовремя добраться до

поста, когда «Когё мару» покинул орбиту Силибеса. В наказание главный по оружию выдал Такано таблетку слабительного и велел ее проглотить. Затем Такано отправился в отсек, оделся и вышел в космос. Там, на высоте семидесяти футов над кораблем, подключась к коммуникационной системе, он должен был двадцать четыре часа подряд повторять фразу: «Я сделал все по-своему».

С капитанского мостика было хорошо заметно, как Такано безуспешно борется с поносом, начавшимся из-за слабительного. Это наказание унизило Такано, зато развеселило его товарищей. Конечно, его голос, заунывно твердивший одно и то же, надоел всем уже через час, и его отключили. Но провинившийся должен был отбыть наказание до конца, а потом, к радости экипажа, отстирывать свой костюм. Аристократ Такано не мог вынести такого унижения и, когда корабль стремительно вошел в систему Палавана, дал ложную тревогу, заставив всех срочно занять свои посты и причинив значительное беспокойство экипажу в трудный момент перелета.

— Да, капитан. Такано — хороший человек.

— Этот хороший человек одурачил весь экипаж! — злобно ответил Кондо. Он ударил кулаком о планшир.— Я должен благополучно довести мой корабль до цели, Нома-сан. Это значит, что экипаж обязан поддерживать строгую дисциплину. Я преподам урок тем, кто медленно выполняет приказы. Вам известно, что мы не на торговом судне. Мы не можем позволить себе расхлябанности.

— Да, капитан.— Нома поскреб затылок.— Конечно, вы совершенно правы. Я никогда не вел корабль, подобный нашему.

— Никто не вел, Нома-сан.

«Когё мару», четырехдвигательный межпланетный корабль в пять тысяч тонн, внешне казался неповоротливым и потрепанным, но это впечатление не соответствовало действительности. Его верхнюю часть расширили с помощью отодвигающихся куполов из плекса, а ударные

плоскости, опоясанные тяжелыми перемычками, придавали кораблю дорогостоящий, но довольно громоздкий вид. Однако «Когё мару» не был громоздким, благодаря превосходной балансировке. Центр тяжести, перемещенный ближе к носовой части, находился не там, где могло показаться со стороны.

Ниже средней линии корпус плавно изгибался, так что корабль мог совершать стремительные маневры, как быстрый военный крейсер. Семь лазерных установок скрывались за цельными щитами. Они идеально отражали лучи приборов дальнего видения. Кроме того, на борту имелось и другое вооружение.

Корабль, детище адмирала Куриты, был выполнен по его чертежу. Это был достойный ответ адмирала американским, корейским и китайским пиратам, число которых в Нейтральной Зоне постоянно увеличивалось. Кондо подумал о Курите, необыкновенном человеке, спасшем его от смерти. Сразу же после разгрома в Ниигате адмирал стал прилагать максимум усилий, чтобы стереть с себя позорное пятно. Но он не забыл и про своего подопечного.

Сколько ловкости и самообладания потребовалось ему, чтобы отвести обвинения от капитана! Пока Кондо томился в заключении, Курита, используя свои связи, обратился с прошением к принцу Сэкигахаве, сводному брату императора. Принц без колебаний гарантировал должность командира Курите, которого он очень уважал — и как адмирала, и как человека. Курита поступил в распоряжение барона Харуми. Ему доверили вести эскадру на сражение с китайцами. В Хайнани адмирал полностью оправдал доверие. Он одержал победу и возвратился, купаясь в лучах славы, но даже в такой ситуации не забыл о разжалованном Кондо.

Долгие месяцы ожидания суда окончательно сломили Кондо. Его карьера разбилась на множество черепков, а звание самурая висело на волоске. Но великолепное заступничество Куриты, огласившего неоспоримые доказательства, решило исход дела. Кондо вспомнил день, когда

он предстал перед судом, неся ленту ордена Хризантемы. Его раболепие и преклонение перед бакуфу даймё убедило судей, и те оправдали его. Кондо вспомнил, какое блаженство он испытал, услышав приговор. Возвращаясь домой обеленным, он возносил благодарные молитвы богам, покровителям звездных путешественников, и бил адмиралу земные поклоны.

Но на следующий день Кондо обнаружил, что он уже не вице-адмирал гвардии Ямато. Несмотря на оправдательный приговор, его не восстановили в правах. С императорской службы его уволили безо всяких объяснений, лишили не только пенсии, но и будущего. Словно душу буддиста в чистилище, носило его по мирам отечества.

Наверное, он бы погиб, если бы однажды ночью агенты адмирала Куриты не разыскали его в публичном доме на Иокагаме. Они потребовали, чтобы он последовал за ними в порт Кюрэ. Кондо, пьяный в стельку, грубо отказал им. Тогда его, чтобы немного остудить, макнули головой в бассейн с карпами и, не дожидаясь, пока он протрезвеет, потащили к адмиралу. Кондо не поверил своим глазам, когда Курита привел его в секретный ангар и показал «Когё мару». Он еще больше изумился, узнав, что адмирал доверяет ему командование этим кораблем.

— Вы будете управлять им, Ицуми-сан,— проговорил он мрачно, когда они стояли под золотой хризантемой, изображенной на носу корабля.— Работа вам, наверное, нужна как никому в Ямато. Этот корабль отправится очередным рейсом в Нейтральную Зону, на поиски американских пиратов вместе с Золотым флотом. «Когё мару» станет для них хорошей приманкой. Внешне это старое, неповоротливое грузовое судно, под завязку набитое золотом, беспомощное, невооруженное. Эти подонки клюнут на него, как мыши на сыр. Вот тогда мы и захлопнем капкан!

— Да, Курита сдержал слово,— размышлял Кондо.— После донесения даймё о событиях в Ниигате меня ждал смертный приговор. Я вполне мог лишиться головы, если

бы не адмирал. Я обязан ему жизнью. Он предоставил мне шанс отстоять свою честь и доказать, что я не трус. Да помогут мне боги оправдать доверие великодушного Куриты!

Сигнал тревоги прервал его размышления и вернул к действительности. Члены экипажа занимали свои посты. Что-то возбужденно кричал, брызжа слюной, кадет, которого Нома послал за Такано. Кондо оживился и нетерпеливо подошел к экрану. Сначала он ничего не заметил, но затем взгляд его остановился на сером пятне.

— Дайте сигнал «Мусаси»,— приказал он младшему лейтенанту, стоявшему рядом с ним.— Пеленг неизвестного корабля: азимут — один-четыре-один, область — два-один-ноль-пять.

Лейтенант возбужденно заговорил в свой микрофон, передавая сообщение на флагманский корабль. Ответ пришел незамедлительно: «Осуществляйте план «Вишневый цветок». Кондо возликовал. Здесь, на окраинах системы Вега, межпланетное пространство было чистым и непроницаемо-черным. Большая разреженность газа и низкая концентрация пыли облегчали маневры. Миллионы микрочастиц не шлифовали корпус и не ударялись о щиты, а остаточные газовые ямы не рассеивали энергию. И именно сейчас наконец-то появился шанс украсить вакуум обломками. В этом холодном пространстве Кондо вспорет обшивку корабля надменных американцев и пошлет его останки барахтаться в межзвездном мраке по бесконечной гиперболической орбите.

— О, боги, помогите нам расправиться с американскими пиратами! — молился Кондо. Он вытащил из ножен тяжелый самурайский меч и крепко сжал рукоятку.

— Во имя богов! Во имя императора! Во имя Ямато! — торжественно произнес Кондо, поднимая над головой меч после каждого восклицания. Все офицеры корабля последовали его примеру.

— Взгляни на эту рыбу! Она фыркает, словно акула! Ну, давай, давай, подплывай! Посмотрим, какие у тебя зубы! Наш святой меч рассечет тебя пополам!

— Этот корабль явно не японский,— размышлял Кондо.— Будь это контрабандисты, они бы испугались нас и тут же сбежали, чтобы на них не наложили штраф за незаконную торговлю. В то же время это и не обычное грузовое судно: в наши дни никто не осмелится путешествовать по Нейтральной Зоне без конвоя. Китайцы тоже не смогли бы здесь появиться. Значит... Значит, это американский корабль, направляющийся в свой сектор! Они просто не знают о недавно созданных станциях на Мацуи и Тайсэё Токай. Американцы не заметили цепи орбит, по которым легко добраться до их границы.

— Итак... Хай! Мои молитвы услышаны! Это американский корабль с награбленным добром и, без сомнения, обагренный кровью жителей Ямато. Калифорнийский? Трудно определить. Но в любом случае это пираты. И они заплатят жизнью за совершенные преступления!

— Приготовить щиты на правом борту! — резко приказал Кондо.

На экранах уже можно было различить, что к ним приближается военно-торговый трехдвигательный корабль, похожий на рыбу-молот. За «Когё мару» потянулась длинная полоса газа, порождающая смесь сигналов и создающая впечатление критического падения скорости. Эту уловку экипаж долго отрабатывал заранее и сейчас успешно применял. Тревожные сигналы и фальшивый шум торможения скрывали от врага истинную мощь корабля, готовую внезапно проявиться в нужный момент.

Кондо почувствовал, как снизилось ускорение «Когё мару». Трансформаторы скрипели и вздрагивали из-за большого сопротивления. Щиты вспыхивали на поворотах, и Кондо уловил легкую вибрацию корпуса корабля. Он вспомнил, что такая же вибрация возникла, когда они проходили через Троянские Обломки. Экраны показывали, что остальные корабли Кин кайгуна ушли далеко вперед. «Когё мару» отставал все больше и больше, словно раненое животное, беспомощно плетущееся за стадом.

— Убавить работу двигателей! — закричал он людям, стоявшим у приборов. Накопленная трансформаторами

энергия внезапно высвободилась, имитировав взрыв верхнего двигателя. Это было эффектное зрелище: корпус окутало густое облако голубоватого дыма, со стороны могло показаться, что судно вот-вот развалится. Кондо внимательно наблюдал за реакцией мародера. Корабль немного приблизился.

— Вы, дикие свиньи! Подходите ближе. Видите, как напрягается наш последний сбалансированный двигатель. Вы, наверное, воображаете, что мы потерпели аварию, удирая от акулы!

— Выключить ускорители и подготовиться к маневрам! — Нома тотчас передал приказ офицерам караула. Он понимал, что имитация бешеной активности радиоуправляемых роботов, пытающихся якобы устранить неисправность двигателя, будет замечена пиратским кораблем, и он тут же попытается обогнать «Когё мару», чтобы пересечь ему курс. Кондо приказал всем людям подняться на корму и разыграть панику. Остальные корабли Кин кайгуна растянулись вереницей уже в полумиллионе миль справа от них и набирали заметное ускорение. Они словно спасались бегством, бросая слабейшего хищнику.

Неизвестный межпланетный корабль приближался к ним прежним курсом, не проявляя никаких признаков торможения. Он хотел захватить их. Его едва различимый в темноте корпус был еще недосягаем для радиопереговоров. Корабль не подавал знакомых сигналов, излучение было лишено символов, а на корпусе отсутствовали опознавательные знаки. Все это доказывало, что корабль пиратский. Кондо наблюдал, как постепенно увеличивалось изображение направлявшегося к ним корабля.

Судно подошло ближе и развернулось. В лучах ультрафиолета на видимых волнах показался корпус. Кондо понял, что пираты собираются преградить им дорогу и захватить абордажными полями. Для этого им нужно обогнуть корабль с кормы и пойти с ним на одной скорости, подкрадываясь с удобной для быстрого маневра стороны.

«Скоро вы увидите,— в ярости говорил себе Кондо,— что загнали в угол не ягненка, а льва!» Когда мародер приблизился на расстояние двух тысяч километров, приборы дальнего видения позволили различить людей на борту неизвестного корабля. Они были отлично вооружены. Кондо увидел пять групп, столпившихся на центральной палубе. Осталось только дождаться угрожающе-предупредительных лазерных лучей и ненавистного приказа сдаваться в плен, звучащего по всем частотам. Вот тогда они ответят! Кондо повернулся к лейтенанту.

— Роботы очистили двигатель?

— Да, капитан.

— Вы готовы открыть огонь?

— Все на своих постах, капитан.

— Начинайте по моей команде.

Члены экипажа заняли места на нижней палубе под капитанским мостиком, где находились четырнадцать лазерных установок за отражающими экранами. Вместо орудий экраны транслировали изображение невинных пассажиров, в ужасе мечущихся по кораблю. Все замаскированные лазерные пушки сливались с корпусом корабля и были совершенно неразличимы. Кондо знал, что паника, преднамеренно созданная им наверху, создаст впечатление, будто корабль управляется неопытным капитаном. Хаос на палубах был тщательно отрепетирован.

Вражеские ионные световые орудия сделали два выстрела. Лучи, достигшие ослабленных щитов «Когё мару», создали оглушительные воздушные волны. Точность выстрелов произвела впечатление на Кондо, и он заметил, как Нома молча от него отвернулся. Он понимал, что Нома считает его безрассудным человеком и не одобряет рискованную тактику. Несмотря на свое умение управлять кораблем, рулевой всегда воздерживался от активных действий. Кондо уловил предостережение Номы, словно дурной запах. Он вспомнил девиз ордена Святого Меча: «Настоящий воин заставит соперника рассечь пустоту, а сам вонзит меч во вражескую плоть».

После того как пиратские орудия ударили в щит, испытывая прочность полей, создалась видимость ослабленной защиты: поля начали деформироваться и перемещаться к носу. Стало возможным рассечь щит за несколько минут и направить потоки лазера непосредственно на синтетическую обшивку корабля. В этом случае жидкие кристаллы серебра, содержащиеся в обшивке, вспыхнут всеми цветами радуги, а затем станут прозрачными и пропустят лазерные лучи насквозь. Корпуса кораблей сближались, и на «Когё мару» началась паника. Некоторые члены экипажа бросились врассыпную, другие в отчаянии потрясали кулаками. В последний момент Нома приказал отключить работающий двигатель, после чего ускорение стало нулевым. Обстрел прекратился.

— Закрыть щиты! — «Когё мару» разворачивался, беспомощно ожидая атаки пиратов. Лучи лазерного оружия вспыхивали все ближе и ближе. Каждая деталь незнакомого корабля несла в себе угрозу. Сверкающие дула пушек заметно вздрагивали. Казалось, вот-вот раздастся оглушительный взрыв и сожжет незащищенные отсеки «Когё мару». Пот струился по лицу Номы. Он с изумлением взглянул на Кондо, глаза рулевого выражали недоверие.

— Отключить трансформаторы!

— Капитан! На что вы надеетесь? Неужели вы не видите, что они не пощадят нас?

— Отключить трансформаторы, я сказал! И освободить все проходы, держать их открытыми!

— Капитан, пожалуйста!

Кондо ничего не ответил, потому что его внимание отвлек пиратский корабль, подошедший уже на расстояние выстрела — не более четверти мили.

— Ближе, ты, ублюдок! Еще ближе!

— Капитан, прикажите стрелять! Я умоляю вас! Не дайте им подойти к нашей корме.

Но Кондо словно не слышал рулевого. Пиратское судно продолжало заходить с кормы.

— Капитан! — взвыл Нома и схватил Кондо за рукав, но тот отбросил его прочь.— Прикажите нашим орудиям открыть огонь, пока еще не поздно! Умоляю!

— Заткнись!

Пиратское судно миновало критическую точку и вышло из зоны обстрела. На мониторах Кондо мог различить сверкающие шлемы и перчатки, всмотреться в лица врагов, загорелые, но белые от природы. «Нет, они не монголоиды»,— подумал Кондо. На капитанском мостике стояли трое, но ни один из них не носил капитанских знаков отличия. Правда, человек, находившийся поодаль, был одет в голубую, украшенную белой каймой куртку с широким воротником, видневшимся из-под золотистой бороды. С пиратского корабля донеслась гортанная речь на ломаном японском.

— Что это за корабль? Что это за корабль? Что это за корабль? Назовите себя!

Кондо взял микрофон.

— «Принцесса Нукуда»,— спокойно солгал он. Голос его звучал уверенно и ровно, несмотря на охватившее его волнение.— Одиночное торговое судно из Синоку. Я — капитан Мурано Сиро, перевожу даймё с Бидзэна на Осаку под покровительством императора Ямато. С кем имею честь разговаривать?

Пираты ничего не ответили. Два небольших лазерных орудия с вращающимися пушками, выставленными на корме,— вот и все, что имелось в распоряжении «Когё мару». В наступившей жуткой тишине волны слабых радиопомех наводнили капитанский мостик. Остальные корабли Кин кайгуна уже вышли за пределы досягаемости приборов связи. Судно Кондо осталось в холодной тьме один на один с пиратами. Корабль противника дюйм за дюймом приближался к правой корме японцев, его острый хищный нос был уже в нескольких ярдах от них.

— Капитан! Не подпускайте их слишком близко. Они могут увидеть замаскированные орудия и поймут, что мы обманываем их!

— Нет, они еще далеко! — коротко ответил Кондо. Он сжал в кулак всю свою волю.

— Кажется, они что-то заподозрили!

Кондо с ненавистью взглянул на рулевого.

— Это не военный корабль, а пираты! Жадные бандиты, существующие благодаря своей добыче. В их интересах взять нас в плен, а не уничтожить.

— Что, если они откроют огонь и разнесут корабль на куски?

— Они хотят захватить нас, как трофей! — зло ответил Кондо.— Проклятье! Где твое мужество, хини?

Оскорбление подействовало на Ному отрезвляюще. Он наконец понял, что его предусмотрительность воспринималась, как трусость.

— Я лишь беспокоился о корабле, капитан.

— Не беспокойся. Делай то, что тебе говорят.— Кондо пытался справиться с собственным возбуждением, удары сердца отдавались в висках. Он чувствовал, что вот-вот наступит момент, о котором он так долго мечтал. Скоро станет ясным, действительно ли он поступил безрассудно, установив щиты на нулевую отметку. Еще немного — и он увидит, как поведут себя «Когё мару» и ее экипаж в первом настоящем бою.

— Давай, давай! Подходи ближе! — шептал Кондо сквозь стиснутые зубы.

Бутафорские пушки одиноко стояли, накрытые прозрачными колпаками. А в это время в углублениях, незаметно для врага, уже суетились стрелки, подготавливая к бою лазерные установки. Кондо молча наблюдал, как пиратский корабль медленно разворачивается, чтобы занять подходящую позицию для атаки. Капитан, вероятно, хотел поставить свое судно бок о бок с «Когё мару» и нацелить все пушки левого борта в одно незащищенное место, а затем пойти на абордаж. Если так, то пиратский корабль окажется беззащитным и будет расстрелян в упор. Из детектора послышались какие-то звуки. Кондо уловил неразборчивые приказы, доносящиеся с пиратского судна. «Что это за язык?» — недоумевал он.

Кондо увидел, что вражеский капитан, золотобородый тупица, настолько уверен в себе, что даже пренебрег шлемом и защитной одеждой. Он сложил рупором ладони, и по радио прозвучал самонадеянный хриплый голос.

— Капитан Мурано! Прикажите своим людям бросить оружие, собраться на корме и лечь на пол с вытянутыми руками,— кричал пират на ломаном японском.— Мы идем на абордаж. Если будете сопротивляться, мы сожжем вас всех!

«Глупость и чванство,— подумал Кондо.— Это англичане. Мерзавцы! Они уже почти перекрыли космический путь в Европу через цепь Балтийских орбит». Кондо поднял руку. Прищурив один глаз, он большим пальцем прикоснулся к экрану, на котором маячила жалкая фигурка капитана. Кондо хотелось раздавить ее, словно жужжащую у стекла муху. Внизу, в оружейном отсеке все уже было готово. Командир стрелкового взвода внимательно наблюдал за Кондо, и, когда капитан резко ударил ладонью по стойке, сделал то же самое.

Семь ярких вспышек пронизали вакуум между кораблями. «Когё мару» покачнулся, и пол ушел из-под ног Кондо, когда смертоносная энергия с шумом вырвалась из оружейного отсека. Корпус пиратского судна скрылся в ослепительном сиянии. Сполохи освещали только капитанский мостик и корму, словно голову и хвост фантастического дракона. Игра света начала замирать, и Кондо увидел, что синтетическая обшивка вражеского корабля стала совершенно прозрачной. Значит, защитные поля полностью разрушены первыми же залпами. Пираты в ужасе замолчали.

Зато на «Когё мару» царило оживление. Картина чудовищных разрушений подняла боевой дух самураев. Оружейный отсек пиратов сгорел дотла, а целый борт корабля превратился в оплавленную массу. Из-под разбитой обшивки торчали части корпуса, словно ребра гигантского скелета. В верхнем отсеке покоилось отвратительное месиво из человеческих останков, лазерных установок и арматуры. Из разбитых проемов атмосфер-

ных отсеков постепенно выходил воздух. Самураи с криками выскакивали из укрытий, готовые броситься в рукопашную. Абордажное поле, усиленное в четыре раза, удерживало пиратский корабль на энергетическом буксире. Экипаж Кондо накинулся на жертву с мезонными прожекторами, прокладывая себе дорогу в разрушенных боковых газовых отсеках, в то время как сожженные трупы выплывали наружу.

Волна радости охватила Кондо и понесла его, словно на крыльях. Он понял: что бы ни случилось в будущем, сегодня они победили. Капитан повернулся к своим подчиненным и поднял обнаженный меч.

— Бандзай! За императора! За Ямато!

В ответ раздался оглушительный боевой клич, и самураи бросились в атаку.

Мезоновые прожектора расправились с остатками обшивки, и люди Кондо устремились внутрь, словно древние воины, яростно сжимая в руках катана. Раздалось несколько ответных выстрелов, но пиратов отбросили прежде, чем те успели сообразить, что происходит. Круша все что попадалось под руку, самураи обыскивали корабль, прозрачное брюхо которого наполнилось агонизирующими телами. Одни пираты спасались бегством, прячась в уцелевших отсеках, другие, осознав, что попали в смертельную ловушку, выбрасывались в космический вакуум.

Оставшиеся пираты жалкой кучкой толпились на носу, готовясь дать отпор или жалобно молить о пощаде. Кондо бросился в атаку вместе со второй волной самураев, проталкиваясь к капитанскому мостику. Он жаждал сразиться с самоуверенным капитаном, но опоздал — капитан был уже мертв, липкая серая масса кишок обвилась вокруг его тела. Обезображенная голова с оторванной нижней челюстью болталась буквально на нескольких сухожилиях. Ликующий самурай сжимал в высоко поднятой руке косматую золотистую бороду, залитую кровью. Увидев, что сражение превращается в резню, Кондо понял: если пустить ситуацию на самотек, то отчаянная смелость перейдет в безудержную дикость фанатиков.

Кондо приказал остановить атаку, взяв на заметку, кто из его людей последним выполнил команду. Он знал, что такие воины всегда оказываются самыми трусливыми в бою, и от них следовало побыстрее избавиться. Кондо вернулся на свой корабль, остальные же начали быстро обследовать грузовые отсеки, разыскивая пленных и награбленное добро. Необходимо было успеть до того, как из выпотрошенного корабля испарится последний воздух.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Адмирал Курита лежал в своей роскошной каюте на борту флагманского корабля «Мусаси». Он с радостью узнал, что Кондо в точности выполнил его приказ. Как он и рассчитывал, «Когё мару» сумел привлечь пиратов, заманить их в ловушку и уничтожить, а его прямодушный и самоотверженный капитан отлично справился со своей задачей. «Поручи я это кому-нибудь другому, ему бы наверняка не хватило той особой отваги, которая появилась у Кондо Ицуми после его возрождения,— размышлял адмирал.— Я сделал мастерский ход, спасая Кондо от позора. Находясь в затруднительной ситуации, капитан с особым рвением исполнил свой долг. В других руках «Когё мару» мог бы повести себя менее достойно. Несчастный пират встретился с человеком, вынужденным искупить свой позор либо смертью, либо славой. Несомненно, ценность воина измеряется духом бусидо».

Курита приоткрыл дверь каюты и увидел колышащееся шелковое одеяние с вышитой стальной спиральной эмблемой кэмпэя. Настроение у него моментально испортилось.

— Адмирал-сан,— обратился к нему жрец каннуси,— вы не уделите мне минуту?

Это был мэцукэ Фукуда Икку, хрупкий мужчина, с серьезным, неулыбчивым лицом, немного похожий на птицу. В официальной обстановке он обычно носил капюшон, а в частных беседах снимал его, обнажая благочестиво выбритую голову, сияющую, как желтая луна. Фукуда держал в правой руке о-гохэй — жезл в виде

лопаты с четырьмя пластинами. Когда-то это был просто гохэй — символ божественности синто, но, удостоенный почетного «о» — «великий»,— он стал чем-то намного большим, жезлом силы и власти.

Мэцукэ — главный инспектор тайной полиции кэмпэй — по праву владел им. Этот облеченный властью человек назначался пятью старейшинами, тосиёри, которые выполняли приказы императора, но могли действовать также и самостоятельно. Их задача заключалась в осуществлении руководящего контроля за действиями слуг его императорского величества. Они наблюдали за придворными, военными, министрами, банкирами, крупными и мелкими торговцами, даймё, учеными, инженерами, артистами. Кэмпэй словно невидимой сетью опутывал практически каждого жителя Империи. Агенты тайной полиции регулярно доносили правительству о нарушениях, уклонениях или достижениях в области духовной жизни Великого Ямато.

Фукуда появился на борту «Мусаси», держа в руках каменную дыню — символ личной благосклонности императора — и принес с собой множество приказов и предписаний. Фукуду назначили для выполнения особой миссии. Он должен был охранять души людей, следить за тем, чтобы их образ жизни соответствовал Истинному Пути, синто, и удерживать их от ошибок. Его деятельность охватывала недавно приобретенные императором системы вдоль границы нулевого градуса. Курита знал этого человека и ненавидел всей душой.

Адмирал взял себя в руки и холодным, официальным тоном пригласил гостя войти. Каюта главнокомандующего Кин кайгуном была великолепно обставлена. Все помещения на корме флагманского корабля в двадцать тысяч тонн предназначались для императорских офицеров высокого ранга, их семей и обширного штата. На отделку флагмана были затрачены колоссальные средства. Невыносимую скуку длительного межпланетного путешествия скрашивали комфорт и роскошь. Обеденные приборы были сделаны из настоящего фарфора и

бамбука, не жалели и сакэ высшего качества. Коридоры и переборки кают украшали деревянные инкрустации, а на палубах лежали первоклассные рисовые татами ручной работы. Интерьер корабля создавал полную иллюзию присутствия на вилле в Киото. В довершение всего в глубине, за раздвигающимися ширмами скрывались яркие фрески с морскими пейзажами или изображениями садов созерцания.

Избалованные императорские чиновники не привыкли к трудностям межпланетных перелетов, поэтому стены их кают тройной толщины покрывали дорогие стеганые шелковые одеяла из пуха годовалых гусей. Но даже в таких условиях Фукуда Икку и его фанатичные подчиненные не знали покоя. Они то и дело покидали свои апартаменты и приставали к членам экипажа, вмешиваясь в работу корабля. Курита опустился на одно колено и поклонился так, что два меча показались из-за пояса с левой стороны. Фукуда Икку тоже поклонился и встал на колени, желая начать беседу. Он поднял правую руку в знак отказа от предложенной ему чашечки сакэ.

— Эти варвары... Сколько их?

— Двадцать один.

— Почему вы приняли их на борт вашего корабля?

Курита вежливо прикрыл рот рукой и кашлянул, пытаясь скрыть свое возмущение тем, что его допрашивали. Фукуда всегда задавал вопросы назойливо, словно впиваясь в своего собеседника и не отпуская его до тех пор, пока не вытянет все, что ему нужно узнать. Он, очевидно, наслаждался чувством власти, которое при этом испытывал. «Такое происходит со всеми физически неполноценными людьми,— подумал Курита, глядя на Фукуду.— Они просто все время пытаются компенсировать недостатки своего роста или телосложения. А самые жестокие из них — импотенты. Была ли у тебя хоть одна женщина за всю жизнь? — мысленно вопрошал Курита, вглядываясь в холодные глаза собеседника.— Никогда! А если ты и подцепил когда-нибудь случайную шлюху, то вряд ли ей это понравилось. Представляю, как

ты из последних сил тужился... Такие же фанатичные твари, как ты, довели своими излишествами сына императора до сумасшествия и положили начало всем несчастьям в Киото. У жрецов души грязные, полные похоти и извращений! И это несмотря на ваше благочестие! Вы бываете хуже скотов, когда, в раздражении уступая своей животной похоти, насилуете какую-нибудь крестьянку в хлеву или в придорожной канаве. О, я много бы отдал, чтобы увидеть, как твоя плоть торжествовала над духом. Был ли это раболепный рот жреца или попки продажных мальчиков из местного публичного дома? Или, быть может, еще в семинарии ты стал жертвой педераста? Это могло бы объяснить ненависть, источившую твою впалую грудь. Для человека существует множество способов еще при жизни умертвить свой дух. Интересно, каким воспользовался ты?»

— Эти заключенные находятся под моей ответственностью, — спокойно проговорил Курита.— Они европейские пираты. Законы Власти Центральной Земли разрешают мне наказать их не раньше, чем мы окажемся на территории Ямато.

— Благодарю вас за подробное разъяснение, адмирал. Но я спросил вас, почему они находятся на корабле «Мусаси». Зачем вы распорядились перевезти их с «Когё мару»?

— Я должен наказать их сам. Их приведут ко мне, и я разъясню им их преступление. Они осознают его до того, как будут казнены.— Курита сделал нетерпеливый жест, давая понять, что больше не желает отвечать на вопросы, но Фукуда Икку, казалось, забеспокоился. Он предпринял еще одну атаку.

— Конечно, это никчемные людишки, сдавшиеся на вашу милость. Но их можно использовать с определенной целью. Разве не состоит ваш долг в том, чтобы превратить их предсмертные стоны в назидание для ваших людей? Или вам неизвестны заповеди бусидо?

— Я знаю, в чем состоит мой долг, Фукуда-сан. И толкование бусидо — мое личное дело,— резко ответил

Курита, но тут же пожалел об этих словах, сорвавшихся-таки с его уст.

Мэцукэ ледяным взором впился в адмирала.

— Нет, Курита-сан, ваше толкование бусидо касается и меня тоже.

Адмирал судорожно вздохнул и почувствовал в груди ледяной холод. Он не пытался обмануть себя, поняв, что его охватил зябкий страх, подобного которому он не испытывал со времен ранней юности.

— Пиратам отсекут головы в присутствии моих людей,— проговорил он настороженно.

— Да, я понимаю. Совершенно естественно, что вам пришла в голову мысль наказать их, преподав урок остальным. Но такая казнь никого не устрашит. Вы судите за пиратство, не подозревая, что среди вашего экипажа найдутся люди, сами способные стать пиратами.

Курита гневно взглянул на мэцукэ.

— Все члены экипажа «Мусаси» верны императору! Все — до единого!

Жрец бесцветно улыбнулся.

— О, вы исполняете все необходимые обязанности по отношению к вашим людям. Это хорошо, что самурай до конца верит своим подчиненным. Но вы не поняли сути моих мыслей. На замечательном примере вы можете заставить экипаж проникнуться высшей покорностью — верностью законам императора.

Курита разжал кулаки. Он понял, куда клонил жрец, опутывая его словами, словно осьминог щупальцами. Адмирал почувствовал, что должен противостоять Фукуде Икку. Он должен показать, что здесь, в космосе, главнокомандующий Кин кайгуном — абсолютный властелин.

Однако у кэмпэя имеется множество скользких изворотливых щупалец, которые могут задушить когда угодно. Курита понимал, что должен сдерживатся. «Было бы безумием приобрести себе врага в лице одного из самых почтенных и безжалостных служителей кэмпэя»,— размышлял адмирал.

— Вы не согласны? — холодно спросил Фукуда Икку.— В отличие от меня вы, кажется, не надеетесь наставить всех людей, особенно недостойных, на путь истинный.

Курита смиренно склонил голову, испытывая при этом ненависть и отвращение.

— С бусидо в сердце я живу всю жизнь,— спокойно проговорил адмирал.— Путь для меня священен.

Фукуда почувствовал сопротивление, и в его голосе зазвучали стальные нотки:

— Я спрашиваю вас: должны ли мы обезглавить пиратов, как обычных преступников?

— Это закон.

— Закон. А как насчет Эдикта императора? Согласно последнему, варвары должны умирать на кресте.

Курита почувствовал на своей шее хватку осьминога. Он с усилием поднял голову.

— Это дело практики. Мы не в состоянии распять людей на борту межпланетного корабля. Но мы можем их обезглавить, если вы не хотите, чтобы я вез их всех до Садо.

— Вы — военачальник, Курита-сан, человек действия.— Лицо жреца растянулось в улыбке. Затем тон его стал вдруг более вкрадчивым.— Я читал донесения о вашей храбрости в великой битве с китайцами. Разве не вы командовали эскадрой принца Сэкигахавы? И разве не ваш собственный корабль захватил знамена Небесного трона? Говорят, по приказанию принца Сэкигахавы пленные китайские офицеры разрывали их в клочья и мочились на них, пока не уничтожили все национальные символы. Ну что это за люди, которые сначала защищают свое знамя, а потом проделывают с ним такое? Нелюди! Мы одержали победу, не опозорив знамя с вышитой хризантемой — символ нашего императора. Ни один меч не упал на землю, ни один сангокуин не проник на корабль Ямато. Когда люди поступают честно и выполняют волю богов, те берегут их и благоволят к ним. Не правда ли?

Курита безмолвно опустил взгляд в чашку с остатками красного вина. Сейчас оно показалось ему кровавой кашицей. Он возненавидел жреца еще больше, когда вспомнил подлинные события в Хайнани. Китайцы считались грозными врагами, они захватили систему Хайнань и взяли в плен командира гарнизона Ямато. Китайцы живьем содрали с него кожу, вымазали ее дерьмом и послали этот трофей в Пекин. Когда новость о таком оскорблении дошла до Киото, императора уговорили ответить самыми решительными действиями.

Флот Ямато застал китайские корабли врасплох. Битва с неподготовленным врагом, оказавшимся в замешательстве, продолжалась полдня. Китайские эскадры «Голубого Дракона» и «Красного Льва» были разбиты и обращены в бегство. Остатки флота «Золотого Дворца» под командованием адмирала Као Юна бросились врассыпную. Лишь тридцати кораблям удалось спастись, устремившись к орбитам Чжаньцзяна. Остальные же рухнули в океан недавно завоеванной планеты. Наступившие сумерки скрыли жуткую картину полного разгрома. Взволновавшееся море у главной островной крепости на несколько миль вокруг было запятнано кровью и усеяно обгоревшими обломками кораблей и трупами людей. Между ними курсировали шаттлы и аэромобили жрецов синто, добивавших мечами уцелевших врагов. Пламя горящей в темноте крепости освещало резню. Гигантские огненные языки достигали неба, так что боги радовались обильному жертвоприношению.

Курита взмок от напряжения. «Может быть, жрец прав,— думал он со страхом.— Наверное, моя вера слабеет». Он вдруг понял, почему люди оставались на Пути. Без него мир выглядел жутким, неподдающимся созерцанию. Кругом хаос, зло, бесконечная и необъяснимая жестокость. Курита вспомнил, как его собственный победоносный корабль отправился в систему Видзудао, где он вместе с другими адмиралами получил личную благодарность от принца Сэкигахавы. Церемония проводилась офицерами кэмпэя в великолепном шатре, украшенном

пурпурными цветами миндаля, под аккомпанемент боевых барабанов и пение конфуцианских монахов. По знаку принца все корабли салютовали, осветив небо ярче, чем днем. Они потеряли семьдесят тысяч человек, и еще сто пятьдесят получили ранения. У китайцев погибло двести пятьдесят тысяч.

Настойчивый и резкий голос Фукуды Икку прервал воспоминания адмирала.

— Цель наказания варваров — не возвеличить победителей, а вселить страх в тех, кто стоит рядом.

— Извините меня, Фукуда-сан, но я не буду сооружать распятие на борту моего корабля,— проговорил Курита, вставая.

Его слова прозвучали решительно и жестко. Адмирал принял решение, и следующий ход был за жрецом. Мэцукэ молча взглянул на Куриту, подобрал одежды и, опираясь на пятки, тоже поднялся с колен.

— Я буду молиться, чтобы вы собрались с духом и изменили свое решение.

Фукуда, не обернувшись, ушел, и адмирал остался наедине со своими мыслями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день удалось достичь компромисса. Жрецу разрешили обратиться к экипажу с проповедью. Он выкрикивал ее, держа в руках свиток с золотыми печатями и кисточками. Адмиралу показалось, что глаза Фукуды Икку ни разу не задержались на пергаменте, а жадно блуждали по лицам тех, кому он адресовал свои слова.

— Слушайте меня, приверженцы Пути, самураи и жрецы, офицеры государственной службы и кораблей его императорского величества, инженеры и солдаты, представители всех званий, степеней и сословий. Будьте внимательны, и вы очистите свои души.

Кают-компанию на «Мусаси» украсили шелковыми знаменами. Казалось, всю роскошь флагмана выставили напоказ по этому случаю. Пятьсот рядовых опустились на колени в колонны друг за другом. Выше расположились самураи первого ранга, за ними — второго. На кормовой палубе на раскладных стульях сидели пятьдесят офицеров более высокого ранга. Адмирал Курита возвышался над всеми, рядом находились капитаны кораблей, включая Кондо. За ними стоял командир атакующих отрядов, а сбоку — лейтенанты и ряд солдат при полном вооружении. Младшие офицеры, а также астронавты, инженеры, стрелки и врачи столпились на носу. К ним примкнули даже торговцы и императорские таможенники, с которыми те заключали сделки. Последними приплелись несколько рассеянных ученых, весьма упитанный шеф-повар и пара прыщавых кадетов.

Голос Фукуды Икку стал невыносимо резким:

— Сим вы обязуетесь доносить обо всем, что слышали от любого субъекта или субъектов, живых или мертвых, клевещущих на Путь, либо действующих против Пути; либо на тех, кто почитал либо соблюдал грязные законы варваров и сангокуинов; либо на тех, кто совершил любое преступление против чистоты Ямато. Знаете ли вы кого-нибудь, кто утверждает, что император — не истинный потомок Аматэрасу? Или не истинный Сын Небес? Слышали ли вы, чтобы какой-нибудь мужчина или какая-нибудь женщина отрицали это? Отрицал ли кто-нибудь чистоту бусидо? Говорил ли, что Путь Воина не является добродетельным? Слышали ли вы, чтобы кто-нибудь не соглашался с тем, что святилища синто неприкосновенны, где бы они ни находились? Или кто-то осмеливается распространять скандальную клевету о кэмпэе и его служителях? Или кто-то утверждает, что Три Сокровища императора — Драгоценный Камень Луны, Зеркало Солнца и Меч Молнии — не есть истинное наследие Нихон? Если да, я призываю сказать нам об этом сейчас!

Двадцать заключенных гайдзинов, закованных в кандалы, жалкой кучкой сгрудились на носу корабля. Один уже умер от ран прошлой ночью. Его труп спустили в желоб для ядовитых отходов, прежде чем известие о его смерти достигло мэцукэ. Лицом к лицу с англоязычными варварами стояли офицеры императора. Они следили за тем, чтобы гайдзины вели себя прилично.

Курита с отвращением наблюдал за служителями кэмпэя. Нельзя было отрицать очевидной власти этих людей: мерзкого Фукуды Икку, замершего в пурпурных одеждах, и его услужливого помощника Хисикари Нобуро, повсюду таскающего о-гохэй своего начальника. Именно Хисикари потратил несколько лет, подвергая цензуре библиотеку императорского двора. Он отыскивал и уничтожал все вредные истории, не соответствовавшие, по его мнению, Новой Истине. Курита знал, что Хисикари Нобуро совершенно одержим идеей наследственности сангокуинов. Адмирал молился, чтобы ни Кондо, ни кто-либо другой из его офицеров не оказались столь глупы,

чтобы согласиться с тем, что их происхождение было испорчено корейской кровью.

Двое одетых в капюшоны писцов, сидевших возле Хисикари, — Судзуки Тори и Вада Дзэнго — выглядели зловеще. Курита кипел от возмущения. Он пошел на компромисс, но не давал разрешения на такое представление. Фукуда Икку согласился с отсечением голов и, в свою очередь, за эту уступку получил позволение произнести проповедь, чтобы напомнить людям об их грехах. «Конечно, адмирал не откажет священнику в столь малой просьбе? Тем более тот адмирал, который чтит законы выше повелений императора». Курита проглотил оскорбление, ведь для Фукуды Икку закон был не писан.

Курита наблюдал за происходящим с каменным лицом, не желая думать о ненависти, которую Фукуда питает к нему и его офицерам. Многое из того, что говорил мэцукэ, было лишь притворством, но Куриту охватило сомнение. Одна часть его души хотела прервать жреца, а другая, наоборот, ее сдерживала. «Людей следует наказывать только за их деяния, а не за то, каковы они есть. Однако то, что человек совершил, и делает его таким, каков он есть»,— размышлял адмирал.

Никто не двигался. Фукуда Икку опустил свиток и приблизился к слушателям. На этот раз его пристальный взгляд задержался на офицерах и торговцах.

— Тот, кто знаком с сыном или внуком варвара, уже осужденного нашей службой, пусть выйдет вперед. Так как сей подлый отпрыск лишен всех прав, ему не позволено нести службу, иметь оружие, шелк или хорошую одежду, украшать себя серебром, золотом или жемчугом. И если кто-нибудь из вас знает человека, осужденного ранее, но который теперь владеет конфискованными или запрещенными товарами, мебелью или одеждой, драгоценностями или кредитами, пусть выйдет вперед!

«Это возмутительно!» — негодовал Курита, наблюдая за происходящим. Мэцукэ произносил не проповедь, как они договаривались, а занимался методичной подготовкой террора среди экипажа и пассажиров. Но вмешаться

Курита все же не отважился. Распаленный Фукуда Икку ударился в другую крайность, в его визгливом голосе послышались угрозы.

— Если же вы не выдадите тех, о ком я вас спрашиваю, знайте: это обременит вашу душу и принесет вред вам, вашей семье и вашему роду. Вас приговорят к ссылке, и вы подвергнете себя опасности. Против вас возбудят уголовное дело как против соучастника преступления. Вас осудят и запретят сэппуку, отлучат от империи и ее колоний. Вы будете всеми прокляты, и на вас будут плевать даже хини. На ваши головы, на честь ваших семей, на память ваших предков падет наказание, заслуженное тем, кто отрицает Путь! Отвратителен и мерзок тот, кто отвергает Путь! Да поразят его страдания в жизни и смерти, в еде и питье, в работе и сне! Пусть его тело беспрерывно терпит боль, пусть дни его будут печальны, а жизнь коротка. Пусть дети его останутся сиротами, а жена достанется хини. Да пребудет его семья в бесчестье, и никто не поможет ей. Пусть жену и детей его выгонят на улицу и отправят умирать в нищете!

Фукуда Икку замолчал, и в наступившей тишине не было слышно даже дыхания подавленных слушателей. Они с ужасом смотрели в его глаза, излучавшие зловещее сияние. Курита с содроганием заметил, что фигура жреца слабо замерцала и почувствовал благоговейный страх перед ками. Зажгли ароматические палочки, и воздух наполнился благовониями. Пленников, вся одежда которых состояла из набедренных повязок, вывели вперед. По знаку жреца их окропили водой и зачитали приговор. Пронзительный голос Хисикари напугал пленных, которые мучались в неведении. Затем Хисикари начал грубо пихать о-гохэй в лицо гайдзинам, вынуждая их отворачиваться.

— Посмотрите! Они уклоняются от божественного символа! — закричал помощник жреца.

Пленные в ужасе переглядывались, ничего не понимая.

— Они недостойны Пути! — взвизгнул Хисикари.

Дымя палочками и шелестя длинными одеждами, служители кэмпэя направились к экипажу. Фукуда Икку поднял о-гохэй над головами оцепеневших людей, затравленно уставившихся на жреца.

— Ваш адмирал приведет корабли в систему Садо через тридцать дней,— продолжил действо Фукуда Икку. Вам дается половина этого срока для признаний. Если вы знаете каких-нибудь корейцев, которые едят мясо собаки и продолжают говорить на запрещенном языке, выйдите вперед! Кому из вас недостает почтения? Выходите! Кто из вас лжет? Вам не миновать страшной кары, если вы тотчас же не сознаетесь. Шаг вперед! Немедленно выходите!

Оцепеневший Курита сидел на своем раскладном стуле, не в силах пошевелиться. Адмирал понимал, что обязан прервать речь мэцукэ, но какая-то сила подавляла его волю, заставляя слушать поток прорвавшихся слов. Курита с отвращением отметил, как изменились лица его людей, когда они услышали истеричные вопли жреца. Страх боролся с их разумом, а дух был уже пленен. Они из последних сил сопротивлялись соблазну сделать признание. Адмирал почувствовал, как его захлестнула волна ненависти, и, собрав всю свою волю, он разорвал невидимые цепи, прочно сковавшие его собственную душу.

— Достаточно! — раздался твердый голос Куриты.

— Признайте свои грехи! Не ждите, пока другие донесут о ваших преступлениях! Исповедуйтесь! Так будет лучше для вас! — визжал Фукуда Икку.

— Прекратите! Я приказываю вам!

— Исповедуйтесь! Я жду!

Фукуда Икку был глух к словам Куриты, он, казалось, просто не замечал адмирала. Мэцукэ устремился вниз, по центральному проходу «Мусаси». Члены экипажа согнулись в низком поклоне. Угрожающе размахивая о-гохэем, жрец шагал, уверенный в своей силе. Он находился на вершине экстаза, и его фигура, казавшаяся стройнее и выше, чем обычно, как будто росла на

глазах. Фукуда Икку подошел к шлюзовой камере — приближалась кульминация задуманного им ритуала. Накануне утром он приказал рабочим изготовить двадцать один стальной крест и установить кресты в шлюзовой камере, замаскировав вход шелковым знаменем от чужих глаз.

«Посмотрим, как они преклонятся перед духом Пути,— раздался привычный голос в душе Фукуды Икку.— Это сделает им честь, но кто посмеет отрицать, что все они потеряны для Пути? Скажи им, что они должны стать свидетелями смерти нечистых тварей!» Он сказал: «Скажи им, что у них есть шанс показать императору, как они гордятся избавлением от нечистот!» Он сказал: «Они простые люди — простые и слабые. Их все время отвлекают посторонние мысли. Им надо помочь придерживаться Пути». Он стал разбрызгивать кипящую воду на англичан.

— Смотрите, как они отвергают Путь! Смотрите, как Он пожирает их плоть!

Мэцукэ суетился возле коленопреклоненных пленников. Вовлеченные в водоворот ритуала, они закричали на отвратительном английском, умоляя о пощаде. Самураи, державшие пленных, схватили их еще крепче. «Души этих животных взывают ко мне. Но гайдзины никогда не поймут, что для них возможно обрести достоинство только с помощью боли и страха. Их тела — всего лишь осквернённый прах. Мы очистим их смертью и возвратим в тот прах, из которого они вышли!» Отбросив шелковые покрывала, он обнажил сияющие кресты в воздушном шлюзе. Корабль наполнился душераздирающими криками. Пленники поняли, что их ждет мучительная смерть.

— Только страдание смывает позор с людей! — закричал мэцукэ.

— Привести пленных! Открыть вентили! — приказал главный инженер. Фукуда Икку заранее заручился его поддержкой в казни англичан. Трое рабочих кинулись выполнять приказание.

— Нет! — Курита схватил одного из них за руку и отшвырнул назад.

Лицо адмирала исказилось от гнева. Он понял, что мэцукэ задумал привязать пленных к стальным крестам и менять давление воздуха в шлюзовой камере, усиливая агонию. Курита не мог этого допустить. Он почувствовал, что должен предотвратить распятие во что бы то ни стало.

— Я не позволю!

Фукуда Икку повернулся к нему.

— Вы не посмеете сорвать наказание!

— Мы договорились о другом! — закричал Курита.

— Стойте! — пальцы Фукуды Икку сжались.— Ни один человек не вправе препятствовать желаниям императора! Ни один человек этого не допустит!

Курита остановился. В него впились тысячи глаз, дорогу ему преградил капитан пехоты.

— Араки! — закричал адмирал.— Прочь с дороги! Я приказываю вам! Хонё, готовьте гильотину! Сержант, вы отрубите заключенным головы! Живо...

Никто не шелохнулся. Все завороженно смотрели на мэцукэ.

— Немедленно выполнять мою команду! Это мятеж!

— Они будут повиноваться только слову императора! Взять его!

— Нет!

Все оцепенели, наступила тишина. Курите показалось, что она длилась целую вечность. Поняв, что проиграл, адмирал потянулся к мечу, но в этот момент палуба ушла из-под ног Куриты, и он потерял равновесие. Корабль сильно накренился, опрокинув цепляющихся за планшир людей. Тишину разорвало завывание сирен, предупреждающее экипаж об аварии первой степени. Корпус «Мусаси» содрогнулся. Палубы заходили ходуном, словно во время землетрясения. Это были грозные симптомы вышедшего из строя стабилизатора. Неожиданно все стихло. Курита мгновенно понял, что произошло, и возблагодарил богов. Во время всеобщего замеша-

тельства Кондо первым бросился на помощь своему адмиралу. Он выскочил из-под сводов главной палубы и, обнажив меч, двинулся на Араки.

— Подчиняйся адмиралу, или я разрублю тебя! Все по местам! Быстро!

Пронзительный крик Кондо словно пробудил экипаж. Услышав знакомые команды, люди сбросили с себя страшные чары мэцукэ. Курита пытался собраться с мыслями, но в душе его по-прежнему царила сумятица. Адмирал проклинал собственную глупость. «Невероятно, как Фукуда Икку сумел заворожить всех своим колдовством! Благодарение богам, что у Кондо хватило мужества добраться до капитанского мостика и устроить ложную тревогу. Какую ошибку я совершил! Мои собственные рядовые не выполнили моего приказа! Это был мятеж. Только встряска, устроенная Кондо, привела их в чувство. Мэцукэ, подобно дьяволу, подчинил всех своей воле. И я ощутил на себе его силу». При мысли об этом по спине Куриты побежали мурашки. «Он загипнотизировал даже пси-талантов. Каким образом я смогу теперь противостоять ему? Я нанес ему глубокое оскорбление. Как его остановить?..» Он сосредоточился и усилием воли заставил себя действовать. «Любой ценой нужно поддержать инициативу Кондо, иначе мы пропали!»

— Мы должны отрубить им головы,— сказал он Кондо.— И чем скорее, тем лучше. Курита знал, что от этого зависит его авторитет. Страх проник в его сердце и подгонял, когда он выкрикивал приказы капитану «Мусаси».

Люди бросились к своим постам, даже не заметив, что тревога оказалась ложной. Курита распорядился, чтобы всех пленников доставили в воздушный шлюз. Их подняли с колен и повели. Одни молились, другие оказывали сопротивление, кое-кто непроизвольно мочился. Адмирал разыскал Фукуду Икку. Мэцукэ, как пьяный, опирался о стену. Тело его корчилось в странных судорогах, глаза закатились, обнажив желтоватые белки, на

перекошенных губах выступила пена. Курита рассматривал его с глубоким отвращением. «Должно быть, это болезнь пустоты. Такое случается иногда с астронавтами дзэн, которые выходят из транса после трудного перелета»,— подумал он.

Оценив ситуацию, адмирал распорядился начать казнь. Он схватил мэцукэ и тряс его до тех пор, пока бессмысленные глаза жреца снова не взглянули на мир живых.

— Пойдемте к шлюзу! Сюда! Вы должны казнить их своей рукой! — Адмирал взял пальцы жреца и с усилием прижал их к рукоятке, отпиравшей предохранительные болты на выходном люке. Отворилась внутренняя дверь, и над ними вспыхнула предупредительная оранжевая лампочка. Замки поддались с глухим звуком, лязгнули газовые клапаны, и стрелки индикаторов поднялись до максимума.

Ровный, безликий голос компьютера назойливо повторял предупреждения: «Пожалуйста, будьте осторожны. Давление в шлюзовой камере очень высокое. Доложите командиру. Пожалуйста, будьте осторожны...» Курита прижал ладонь жреца к рукоятке и открыл внешний люк. Стальные кресты и обезглавленные трупы в набедренных повязках медленно зашевелились, как будто оживая. Все это взмыло в потоке воздуха и двинулось к открытому люку. Кондо увидел, как извивающиеся тела уносились в космос, а следом за ними, словно футбольные мячи, летели отрубленные головы.

Кондо пристально посмотрел в мутные, безжизненные глаза мэцукэ и понял, что адмирал отлично исполнил свой долг. Фукуда Икку, владевший их волей еще несколько минут назад, превратился теперь в жалкую слюнявую куклу. «Какой силой духа нужно обладать, чтобы укротить это чудовище в такой момент!» — подумал Кондо.

— Прикажите капитану «Мусаси» лично наблюдать за шлюзовой камерой,— проговорил Курита. Голос его выдавал усталость.

— Слушаюсь, адмирал-сама,— ответил Кондо.

— И... благодарю вас, Ицуми-кан.

— Хонё, заберите Фукуду Икку вниз и заприте его в каюте. Пускай его успокоит врач.

— Хай!

Кондо почувствовал, что вспышка его радости погасла. Он понял — Курита нажил себе непримиримого врага.

— Что мы наделали...— с безнадежной тоской вымолвил Курита.— Мы поймали ками за хвост, Ицуми-кан.

Обращение «кан», менее официальное, чем «сан», обычно употреблялось на борту межпланетных кораблей после выхода из критической ситуации. Оно стирало различия рангов и отмечало то сближение, которое происходило в этом случае между членами экипажа.

— Да.

— Я не знаю, что нам теперь с ним делать.

— Вы заперли его в каюте? — спросил Кондо.

— Да. Но я не могу вечно держать его в заключении.

— Придется, Курита-сама, по крайней мере, пока мы не доберемся до Садо.

Курита вытер лоб и грустно посмотрел на Кондо.

— Да, делать ничего. Ну а что потом? По прибытии в Ниигату я должен буду освободить его.

Кондо тяжело вздохнул. Он понимал, что мэцукэ не успокоится, пока не отомстит за свое унижение. Кондо похолодел при мысли, что тот предъявит им обвинение в государственной измене, когда вернется в Отечественные Миры. Он оглянулся. Члены экипажа были заняты повседневной работой. Происшедшее потрясло их.

— Вы видели его глаза, Ицуми-сан?

— Да, его взгляд показался мне безумным.

— Он сумасшедший. Вы тоже заметили?

— Да.

— Знаете, что нам нужно сделать? — повысил голос адмирал.

Ужасная догадка потрясла Кондо и легла тяжестью на его плечи. Он побледнел.

— Вы... вы этого не сделаете. Если не...

— О чем вы подумали?

— Я не отваживаюсь сказать...

— Я приказываю: скажите мне, о чем вы думаете!

Кондо в отчаянии молитвенно сжал ладони.

— Я спросил себя: что, если нам... раз мы открыли, что Фукуда Икку — одержимый?..

Курита уставился на него, не веря своим ушам.

— Дальше...

— Если бы нам удалось доказать, что его душой овладел злой ками?

— Это опасные мысли, Кондо-кан.

Кондо схватил адмирала за руку.

— Да, но это помогло бы многое объяснить и оправдать.

Глаза Куриты расширились, когда он понял, на что намекает Кондо Ицуми.

— Подумайте, адмирал. Если главного инспектора кэмпэя обуял злой дух...

— Ай-йеее! Это затрагивает такие вещи, о которых обычно не говорят. Представьте себе на минуту, какой поднимется шум, если всем станет известно, что столь высокопоставленный чиновник императора одержим злым духом?

— Да, я отдаю себе в этом отчет.

— И вы думаете, что я предам это гласности?

— Нет. Это, несомненно, погубит вас.— Лицо Кондо тревожно вытянулось, но он не хотел отказываться от своего плана.

— Но мы можем использовать это как рычаг давления на Фукуду Икку после посадки на Садо. Скажите ему, что, если он не оставит попытки отомстить, то будет разоблачен. Я поддержу вас и прослежу за тем, чтобы свидетельские показания остальных совпадали. Мы можем легко манипулировать корабельным журналом. Это единственный способ укротить мэцукэ.

Курита закрыл глаза и задумался.

— Хорошо,— наконец проговорил адмирал.— Я согласен с вашим планом. Фукуду действительно нужно держать в страхе. Эта угроза, возможно, отвлечет мэцукэ и спасет нас, но лишь на какое-то время. Потом он найдет другой способ утолить свою жажду крови и при первом же удобном случае... Да помогут боги всем жителям Садо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Место действия: Садо

Мити увидела обрядовые ворота шлюза и стиснула руку отца. Она ехала верхом на белом коне. Поскользнувшись в седле на гладком шелковом кимоно, она чуть не выронила солнечный зонтик.

Мити знала, что тяжелые красные столбы, тории храма Никко, стоят здесь уже пятьдесят лет. Две массивные подпорки уходили основанием в намытой приливами ил, а поперечная балка, изогнутая в форме кривого самурайского меча, устремлялась в небо. Черепица на крыше храма имела цвет морской травы. Начавшийся отлив обнажил густой ил, но в узкой бухте Великого Озера еще оставалась вода в несколько дюймов высотой; в ней дрожало отражение Никко. Храм, посвященный древней богине Ама-но Ицумэ, возвели вскоре после преобразования климата, которое позволило освоить планету и включить ее в систему Ямато.

Храм стоял со времен Баси — жреца синто, прибывшего на Садо с первыми колонистами более полувека назад. Жрец посвятил всю свою жизнь строительству Никко. Святыня была сложена из массивных брусьев полированного кедра и возвышалась над илом, который дважды в день заливала вода, кишащая червячками, лягушками, мелкими рыбешками и крошечными пресноводными раками.

Черепица, блестевшая на солнце, слепила глаза, дым благовоний, непрерывно поднимавшийся к небу, сильно закоптил стропила. Вечером здесь зажгутся тысячи фонариков, они будут подпрыгивать и танцевать на ветру,

разбивая на множество осколков отражение Кровавой Луны.

Но сейчас солнце стояло высоко над головой, и храм был прохладным убежищем от палящих лучей. Поблизости росли деревья, увитые вьюнами, их цветы наполняли воздух благоуханием.

— Никко построили по образцу цветочных садов Древней Японии,— рассказывал Мити отец.— В таких садах люди сотни лет подряд собирали украшения для своих обрядов. Вам нравится здесь?

— Да.— Мити взглянула на отца. Он вел ее коня под уздцы и высматривал среди цветочных зарослей кого-нибудь из жрецов. Каждый раз, когда Хасэгава появлялся здесь, его поражала красота храма. Полуденное солнце высушило ил, и он покрылся потрескавшейся коркой. Лягушки и раки попрятались в норы. Мити скрывалась от солнца под бумажным зонтиком, который Хасэгава Кэни с изяществом нес над ее головой. Вдали зеленели квадратные рисовые поля, протянувшиеся к предгорьям Кантосанти. За ними возвышались поросшие соснами скалы. Среди мшистых холмов пенились водопады, сбегавшие в долину тонкими голубыми лентами. Мити подумала, что этот пейзаж как нельзя лучше подходит для предстоящей церемонии. Конечно, отец был прав, настаивая на скромном обряде в этом храме, вопреки желаниям матери. Какую силу и выдержку он проявил, защищая свое смелое решение! Он сумел убедить мать в том, что это единственно верный выход.

Кэни почувствовал на себе взгляд Мити и дружелюбно заговорил с дочерью:

— Вы, кажется, совершенно исполнились сознанием долга, Мити-сан.

— Благодаря вашим стараниям, отец.

— И предстоящее событие не печалит вас?

— О нет, нисколько. Это мой долг, отец.— Она вспомнила о сопротивлении брата, но тут же выбросила это из головы.

— Я надеюсь, что ваша мать напомнила вам о постоянстве. Уверен, она говорила об этом. Этот важнейший наказ она хранила в течение тридцати лет. Она услышала его из уст собственной матери после того, как обнаружилось, что красивый, но глупый молодой самурай Хасэгава нашел ее красоту неотразимой. С тех пор она чтит этот наказ, хотя человек, за которого она вышла замуж, никогда не заслуживал такой преданности.

Мити запротестовала, услышав, что отец столь скромного о себе мнения. Она вспомнила, как мать пришла к ней в спальню прошлой ночью, чтобы передать наказ о верности.

— Моя дорогая маленькая голубка,— проговорила мать дрожащим голосом, и слезы заблестели в ее в глазах.— Боги знают, что вы наша кровь и плоть. Мой долг — наставить вас, как прежде наставляла меня моя мать. А кто еще скажет вам, что надлежит делать и чего избегать? Вы не должны забывать о тех вещах, которым учил вас отец, потому что они очень мудрые и важные. Но есть такое, о чем вам не скажет никто кроме меня.

Во-первых, следите, чтобы ваши одежды были приличными и скромными. Не украшайте себя пышными туалетами, потому что это признак глупости. Помните, что куртизанку могут принять за госпожу, но госпожу невозможно перепутать с куртизанкой. Разговаривайте со слугами спокойно и неторопливо. Выходя из дому, не задирайте нос, ибо это признак дурного происхождения, и ваши люди сочтут, что вы не заботитесь о них как следует. Всегда выказывайте скромное сочувствие. Не стыдитесь, но и не делайте надменного лица. Не разрисовывайте себя, как девушка мэйко. Но чтобы муж не разлюбил вас, пользуйтесь украшениями, купайтесь и занимайтесь спортом два раза в день.

Она придвинулась поближе, обняв Мити.

— Послушайте, дочь моя. В этом мире следует жить осмотрительно и благоразумно. Всегда относитесь к мужу с уважением, и тогда он будет отвечать вам взаимностью. Не перечьте ему в делах, иначе он втайне возненавидит

вас, и придет день, когда вы обратитесь к нему с просьбой, а он оттолкнет вас. Берегитесь, не изменяйте ему! Не оказывайте благосклонности другому, ибо это приведет к несмываемому позору. Согласно нашим законам, вас выбросят на улицу, и даже крестьяне и рабы станут презирать вас. Черная тень падет на всю семью и на весь род. Ваша измена может остаться в тайне от людей, но помните, что ками всегда все видят. Вы станете калекой, или ослепнете, или ваше тело иссохнет, или вы впадете в крайнюю бедность в наказание за то, что осмелились оскорбить своего мужа.

Дочь моя! Молитесь о том, чтобы провести жизнь в покое и достатке. Постарайтесь не запятнать свою честь и не бросить тень позора на блеск и славу ваших предков. Я помню тот день, когда человек, который станет вашим мужем, появился здесь. И хотя я не желала тогда впустить его в наш дом, теперь я благословляю вас обоих. Да благоволят боги к вам и вашему браку!..

Конь миновал последниий изгиб дороги, и роща перед ними расступилась. Мити разволновалась, услышав пение монахов, становившееся громче по мере того, как они с отцом приближались к храму. «Что скажет даймё, когда узнает, что мы не спросили его согласия?» — с тревогой думала Мити. Позволения даймё традиция не требовала, хотя он наверняка дал бы его. Кацуми плохо отнесся к известию о предстоящем браке сестры. Он воспротивился, когда отец потребовал от него клятвы. Кэни сообщил свое окончательное решение после долгих раздумий и ожидал, что Кацуми воздаст ему сыновний долг, поклявшись обходиться с Дювалем, как с японцем.

— Но это плохо отразится на репутации нашей семьи, отец.

— Тем не менее это мой выбор. Клянитесь.

— Я не могу поклясться, что признаю его самураем, мне слишком стыдно за этот брак!

— Я ваш отец, и вы подчинитесь мне.

— По отношению к Нисиме-сама у меня более высокий долг.

— Вы сделаете так, как я приказываю! Клянитесь, что признаете его законным супругом Мити.

— Я не могу.

Так повторялось вновь и вновь. Оба знали, что дети самураев обязаны принимать выбор родителей. Как правило, браки заключались между детьми из равноправных семейств: самурай — самурай, первый ранг — первый ранг... Женщина отправлялась жить в дом мужниной семьи. Но предстоящий брак между Дювалем и Мити отличался от остальных. Она прекрасно понимала, что решение ее отца было исключительным, однако традиция соблюдалась далеко не всегда.

Иногда богатый человек из коммерческого сословия женил своего сына на девушке, принадлежащей к роду самураев. Дети от такого брака тоже становились самураями. Благородные семьи иногда соглашались на неравные браки ради денег. Несмотря на высокий социальный статус, самураи жили лишь доходами со своих поместий, зачастую обедневших. Нередко представители более низких сословий — инженеры, рабовладельцы, торговцы — оказывались богаче родовитых семейств. Неравные браки заключались только обедневшими самураями четвертого или третьего ранга. Неслыханно, чтобы такое происходило в семье зажиточного самурая второго ранга, каковым являлся Хасэгава Кэни.

Но даже в этом случае у Кацуми не было оснований возражать. Еще реже, чем неравные браки, происходило «усыновление» мужей, когда мужчина шел в семью своей жены. В таком случае имя человека вычеркивалось из списков его рода, как будто он никогда не существовал. Все его сыновьи обязанности, или гири, переносились в новую семью. Такое практиковалось в семьях, не имевших наследников, но преуспевших в воспитании дочерей. Усыновление Дюваля унизило Кацуми, и Мити знала об этом.

— Брак изменит его фамилию,— примирительно проговорил Кэни.— Он войдет в нашу семью. Поскольку имя его неблагозвучно, со дня свадьбы его будут называть Дзинан — второй сын.

— Но разве это уравняет его с нами? — ожесточенно спросил Кацуми.— Как будто вы верите, что каждый может стать кем захочет, изменить свой статус по желанию. Отец, это противоречит устоям нашего общества.

— Самый святой долг в нашем обществе — это обязанность сына подчиняться отцу! Таков закон!

Однако законность брака казалась сомнительной. Особого закона, запрещавшего брак с гайдзинами, не существовало, но Ямато оставался закрытым в течение нескольких поколений. Никто и не помышлял о браке с гайдзином, хотя юридически это представлялось возможным.

Мити понимала, что ее отец с честью вышел из сложной ситуации. Усыновление Дюваля связывало его на всю жизнь узами гири, которые были прочнее, чем любая другая связь. Отец исполнил свой долг перед даймё, содействуя появлению нового оружия, и в то же время он исполнил долг чести перед человеком, спасшим жизнь ему и его дочери. Хасэгава Кэни не нарушил никакого закона, но, возможно, найдутся люди, которые не одобрят его решения, и одним из них наверняка будет Нисима-сама.

Как и все даймё, он, конечно, был в ответе перед бакуфу в Киото за все, что происходило в его владениях. Нисиму могли сместить в любое время, поэтому ему следовало соблюдать осторожность. Кэни выполнил свой долг, не сообщив о готовящейся свадьбе. Если бы Кацуми принял план отца, он поклялся бы ему сохранить все в тайне, но Кацуми отказался дать клятву.

Небольшая кучка горничных и служанок, одетых в кимоно мягких тонов, собралась у дверей храма; за ними стояли рабочие. Когда Мити соскочила с коня, они упали на колени и склонили головы в поклоне. Все с восхищением разглядывали невесту в шелковом свадебном кимоно. Ей было очень жарко под тяжелым париком, сплетенном из настоящих человеческих волос и покрытом лаком. По традиции парик украшали длинные декоративные булавки. Отец ввел Мити за руку в храм, тускло

освещенный стоявшими на полированном полу лампадами с благовониями.

В храме было прохладно и чисто. Его строгость контрастировала с яркими цветами и красками солнечного дня. Мити увидела коленопреклоненную мать и отметила про себя, что Кацуми не было рядом. При виде массивного золоченого гохэя она успокоилась. Пройдя вперед, Мити встала перед жрецами, вдыхая запах благовоний и ощущая во рту соленый привкус морского воздуха.

Минуты бежали незаметно и нанизывались одна на другую, как жемчужины. Один из жрецов вышел вперед.

— В последний день второго месяца 23-го года Канэй, в святилище Никко, мы признаем Хасэгаву Мити, дочь Уравы-но Хасэгавы Кэни, и Дзинана, сына неизвестных родителей, вступившими в брак в соответствии с императорским брачным законом...

Мити произносила слова клятвы, торжественно повторяя каждый звук вслед за человеком, вошедшим в ее жизнь и завоевавшим ее. Он выбрал Путь, поэтому стал ее мужем. «Я уверена, что Дзинан действительно станет теперь одним из нас,— думала она во время молитвы.— Пусть боги покарают меня, если я лгу, или если он лжет. Я знаю, он любит меня, как мужчина может любить женщину. Когда мой отец пришел к нему с благодарностью за спасенную жизнь на огненной горе, он спросил его: «Чем я могу отблагодарить вас?» Я наблюдала, как он в шутку схватил любимого коня Кацуми, затем длинный меч. Я видела улыбку на его губах, когда он украдкой бросил взгляд на меня.

«Я прошу лишь позволения жениться на этой женщине». И мой отец, человек благородный, кивнул и выпрямился. «Одна жизнь в обмен на другую? Что ж, это честно и справедливо. Но согласна ли твоя избранница?» Тогда Дзинан посмотрел на меня и сказал: «Да, Кэни-сан, я в этом уверен». И он не ошибся. Кем бы ни был он в прошлом, теперь он больше не гайдзин. Он стал одним из нас. И я исполню свой долг по отношению к нему».

Жрецы велели новобрачным произнести обет, и в храме наступила полная тишина. Он поклялся защищать ее, а она — служить ему и сопровождать его в жизни и в смерти. Дзинан — муж Мити, Мити — жена Дзинана. Свидетели замолчали, но в этот момент послышался шум круживших в воздухе аэромобилей. Звуки все приближались, заглушая слова жреца, продолжившего церемонию.

— Кокони осувари кудэсай,— он вывел их вперед, и они опустились на колени. Жрец надевал золотое кольцо по очереди на каждый палец правой руки Мити, снимая его, пока наконец не оставил кольцо на среднем пальце.

— Я, Дзинан, отдаю мое тело тебе, Мити, как твой законный муж.

— Я принимаю его. Я, Мити, отдаю мое тело тебе, Дзинан.

— Я принимаю его.

Наступил самый торжественный момент. Жрец соединил их руки.

— Я объявляю вас мужем и женой именем императора и священных законов.

Она взглянула на него, будто впервые, и увидела, что взгляд его полон обожания. Откинув с головы покрывало, она приняла от него кольцо — вечный символ, соединяющий мужчину и женщину.

— Теперь вы — одно целое,— торжественно проговорил жрец.

Он поцеловал ее, его глаза сияли от счастья, а у нее захватило дыхание. Между тем шум возле храма все нарастал. Снаружи послышался рев двигателя, отрывистые команды и лязг амуниции. Они обернулись и увидели, как двери храма широко распахнулись и в прохладную полутьму ворвался яркий солнечный свет. Вошел Кацуми — гордый, в полном парадном облачении, во главе колонны вооруженных солдат.

Все повернулись в их сторону; жрец поднял руку. Новобрачные рука об руку неуверенно двинулись по направлению к свету. Свершившееся уже не в силах

был отменить никакой даймё. Хасэгава Кэни прикрыл глаза и поднялся с колен, оторвавшись от созерцания церемонии. Пятьдесят мечей, выхваченных из-за поясов, грозно заблестели в солнечных лучах. Солдаты положили их перед собой на землю и встали в два ряда на колени. Кацуми также преклонил колени. Процессия в сопровождении Кэни, его жены и слуг направилась к выходу. Они прошли вдоль строя солдат, которых привез Кацуми от даймё, чтобы приветствовать новобрачных.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дюваль предупредил Яо, что испытание требует большой осторожности и сосредоточенности. Он вспомнил тот ужасный день в первый год своей стажировки в лаборатории РИСКа в Лейк-сайде, когда барокамера неожиданно вышла из строя и полтонны раскаленного вещества выплеснулось на математика Смита, мгновенно убив его. Дюваль подготовил смотровую площадку, специально удалив ее от испытательной шахты, покрытой прозрачным плексом. Но некоторые люди осмеливались подходить вплотную к включенному реактору. Создаваемое им мощное статическое поле как магнитом притягивало их волосы и покалывало кожу. Поле вырывалось из шахты каждый раз, когда приоткрывались тяжелые двери; силовые линии возле них зловеще завивались в спираль.

— Почти готово,— удовлетворенно сообщил Дюваль собравшимся чиновникам.

Серьезные испытания всегда проходили одинаково. Заключительные этапы работы втискивались в минимальные сроки. На церемонию проверки приглашали авторитетных наблюдателей — военных экспертов, торговых представителей и крупных государственных чиновников. Это вошло в традицию, и Кэни настоял на том, чтобы соблюсти ее и на этот раз. Дюваль наслаждался редким моментом, когда не нужно отвлекаться на всякие технические мелочи.

Промышленные советники были одеты в униформу. Церемонию почтили своим присутствием гости из Ниигаты и Канадзавы. Прибыли также хатамото и другие офи-

циальные военные представители в блестящих парадных мундирах. Даже местный судья и его секретари воспользовались случаем посетить званый обед, который должен был состояться после испытаний. От таких почестей, как пребывание в обществе даймё, отказываться не принято. Сам Нисима стоял на высокой, покрытой плексом галерее, Кэни и Кацуми находились рядом. Они внимательно разглядывали тяжелые механизмы, простаивавшие пока без дела у закрытой шахты возле реактора.

Мити, очень гордая, сгорая от нетерпения, стояла рядом со знатными дамами — матерями и женами гостей. Женщин и детей разместили подальше от шума и опасности, которая, как ни крути, исходила от реактора. Мити увидела мать, беседующую с грозной Фумико-сан, та указывала в сторону даймё. Самураи подробно расспрашивали Дюваля об устройстве шахты, в которую поместили камеры модели с помощью мощного крана, нависавшего над сооружением.

— Мы поставили их вертикально,— рассказывал он,— на некотором расстоянии друг от друга. Самая верхняя камера представляет собой конец дула, а нижние части стоят на измельченном плексе. Мы их погрузили в охлаждаемые серебряные трубы, а после заполнили шахту гранулами плекса. В оставшемся пространстве поместили оборудование, в основном датчики и мониторы для наблюдения за поверхностью закрытой шахты.

Шестеро рабочих-техников все утро уплотняли гранулированный плекс. Дюваль присматривал за ними, регулярно увлажняя смесь обыкновенной водой и внимательно наблюдая за тем, чтобы она не просочилась в тщательно установленные камеры.

— Шахта наклонена вот так,— объяснял Дюваль, показывая рукой угол наклона.— Вершина должна быть ниже патрубка инжектора,— обратился он к сопровождающим даймё лицам,— чтобы в камеры не попало чрезмерное количество расплавленного серебра. Ускоритель должен воспламенить частицы-инициаторы, когда расстояние между ними начнет увеличиваться. Реляти-

вистские эффекты изменят частоту пульсации, когда скорость частиц приблизится к скорости света. Введение частиц происходит с помощью вакуумного насоса здесь и вдоль этих каналов по силовым линиям поля. Можно увидеть траекторию их отклонений. Каждый канал ведет в свою отдельную камеру.

— Что делает этот человек? — Даймё указал на техника на вершине установки. Тот тщательно проверял клапаны каналов с помощью разнообразных измерительных устройств.

— Ваше превосходительство, два часа назад мы разогрели каналы, чтобы создать вакуум. В задачу этого техника входит очистка каналов с помощью более горячих элементов в каждой секции, по которой пойдет поток. Он проводит контрольную чистку. Поток частиц обладает такой высокой энергией, что его столкновение на пути с молекулами газа вызовет каскады гамма-излучения. Если радиация превысит допустимую норму, поле будет значительно деформировано.

— А для чего служат вон те маленькие решетки, которые вы опустили в каждый канал?

— Ваше превосходительство, когда поток частиц начинает фокусироваться, решетки постепенно открываются, чтобы сделать силовые линии параллельными.

— Да, я понимаю.

— Ваше превосходительство, прошу извинить, но у нас все готово. Если вы не против, начнем испытания.

Дюваль вскарабкался по лестнице на реактор и направился к посту контроля. Он устал до предела. Последние сутки он провел на ногах, проверяя и создавая необходимые для испытания поля. Одержимый секретностью, он скрывал эти операции даже от Яо. Вначале возникла путаница из-за того, что Дюваль за время обучения и последующей работы привык к американской системе измерений. Он старательно изучил эквиваленты Ямато. Саку, или японский фут, был чуть меньше американского — 11,930542 дюйма; десять санов составляли саку, десять бу — один сан; рин был десятой частью бу.

— Параметры камеры чрезвычайно важны,— терпеливо объяснял он Яо, который силился вычислить их, используя японскую систему измерений. Он привык к китайской, отличавшейся от системы Ямато.

— Кроме того,— продолжал Дюваль,— мы должны вычислить межфокусное расстояние в камере концентрации.

Простодушие Яо выдало его намерения. Глаза китайца светились, губы были плотно сжаты. Дюваль предположил, что Кацуми поручил ему разузнать главные секреты. Но шпион из Яо получился неважный, потому что он был хорошим другом. Он помогал строить испытательный комплекс, а на свадебном пиру поднялся и произнес хвалебную речь о Дювале. После этого Стрейкер часто спрашивал себя: «Как я могу лгать этому человеку?» До сих пор он отвечал на вопросы Яо, ничего от него не скрывая. Но все эти технологические нюансы были уже хорошо известны военным инженерам Ямато, корейцам и даже наверняка китайцам.

Секрет барокамеры — совсем другое дело. Это уже касалось практического использования оружия и безопасности тех, кто его изготовлял и применял. Надежная работа барокамеры позволяла увеличивать точность и дальность стрельбы. Все это постоянно напоминало Дювалю о том, что вскоре он должен будет выдать противнику главный секрет. Но со временем Дюваль осознал свою ошибку. «Кто они, эти люди, которых я принимаю за врагов? — спрашивал он себя.— Разве мои подчиненные в комплексе враги мне? Нет. А моя новая семья? Как я могу считать врагами своих близких? Даже холодный Кацуми и надменный даймё действуют исключительно в интересах государства, все их поступки обусловлены обстоятельствами. Они выполняют свой долг. Да, они обязаны были посадить нас в тюрьму. Но разве они потом не проявили неслыханное милосердие к простому гайдзину?

Даймё был прав, говоря, что Джос Хавкен нарушил законы космоса. Именно он умышленно спровоцировал

Ямато на конфликт в Ниигате. Зона принадлежит японцам, и, по правде говоря, они имели право пользоваться ею как им заблагорассудится. Кто просил американцев вмешиваться?»

— Что случилось, Дзинан-сан? — нежно спросила Мити, когда в ночь перед началом испытаний они лежали на своих татами.— Наверное, вас разбудила жара?

— Нет,— тяжело вздохнул он.— На душе неспокойно.

— Может быть, я могу помочь?

— Да.

Он открылся ей, и она внимательно выслушала. Дюваль вспомнил о подозрительности и упрямстве Хорса. До сих пор не мог забыть его обвинения. «Что же за человек этот Хорс,— спрашивал он себя, — почему он держался так отчужденно, всегда отвергал руку дружбы? Глупый, самонадеянный эгоист! Так может вести себя только тот, кто лишен корней, не знает своего места в жизни. Да что он понимает, этот озлобленный изотопист?»

Только здесь, вдали от родины, у Дюваля открылись глаза. Он понял, что Американо охвачен безумием. Предоставленный самому себе, этот дух безумия спал, но иногда просыпался и, вырвавшись на свободу, обрушивался на другие государства, как это случилось в Хиросиме и Нагасаки на Древней Земле. Дух безумия вселялся в людей и слепо вел их за собой. Только вырвавшись из Американо и посмотрев на него со стороны, можно было понять это.

«Неудивительно, что Космос понял, кто такие американцы на самом деле,— размышлял Дюваль.— Американцы — это люди, одержимые желанием освободить человечество, убежденные в правоте своего крестового похода, преданные своим бредовым убеждениям. Они всегда говорят о правах, но никогда — об обязанностях». От таких мыслей мороз пошел по хоже. Все это пугало и выводило из себя. Он удивился, сколько мятежного духа свободы еще спит в нем.

Дюваль взглянул на жену. В темно-синей ночи блестели ее волосы, разметавшиеся по татами. Шелковистая кожа возбуждающе темнела на фоне белого покрывала, на котором они лежали.

— Вы знаете, что американцы считают шпионами всех японцев, которые живут или бывают в Американо? — ожесточенно спросил он Мити.

Она засмеялась в ответ:

— И много ли в Американо японцев? Фумико говорила мне, что все американцы безобразны — волосатые, с огромными носами, и пахнет от них плохо. Но вы, американец, кажетесь мне самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела.

— Я бывший американец. И вы смотрите на меня глазами жены. — Он поцеловал ее в лоб.— В Американо много странных людей. Там считается, что разнообразие — это хорошо.

— Вы тоже так думаете?

Он положил тяжелую ладонь ей на живот, нежно провел пальцами по шелковистой коже.

— С тех пор как мы поженились, я часто задавал себе один и тот же вопрос. Как бы повел себя японский ученый в плену у американцев? Не уверен, что, будь я пленным японцем где-нибудь на Техасе или Калифорнии, я делал бы то же самое.— Он взял ее руку, и голос его смягчился.— Мне было бы гораздо труднее привыкнуть к Американо.

Мити улыбнулась, обнажив белые зубы.

— Значит, разнообразие — это хорошо.

— Да. Может быть.— Он долго держал ее в объятиях, любуясь танцем светлячков хотару в ветвях жасмина за окном. Напоенный ароматом воздух казался дурманящим и душным. В саду пронзительно высоко пели сэми, прячась в кронах деревьев. Их тела переплелись, и они неторопливо занялись любовью. Огромный багряный диск Кровавой Луны поднялся над горами. Потом они лежали, обессиленные, растянувшись на татами. Когда их сердца перестали бешено колотить-

ся, он рассказал ей о том, что на самом деле волновало его.

— Вы не хотите, чтобы ваше оружие было уникальным, как требует даймё? — спросила она.

— Да.

— Тогда сделайте для Нисимы обыкновенные пушки вместо своих великолепных орудий.

— Мне трудно так поступить,— тяжело вздохнул Дюваль.— Я люблю свою профессию и горжусь мастерством. У меня есть долг перед наукой, и я не имею права работать вполсилы.

— Вы чувствуете, что не способны поступить иначе?

— Да. Но эти знания я получил от американцев. Тяжело предавать своих учителей. Раскрыть их секреты — значит нарушить присягу, которую я принял, когда впервые был допущен в РИСК. Я не могу на это пойти.

Она задумалась, а потом украдкой посмотрела на него.

— Я знаю, как нужно поступить.

Он откинулся на татами и недоверчиво улыбнулся.

— Если знаете, скажите.

— Свою науку вы изучили в прошлой жизни и там хранили ей верность. Но теперь у вас новая жизнь в новом мире. Вы должны быть верны и ему. Не говорите никому, как соорудить специальную камеру, но сделайте ее точно такой же, как в РИСКе. Прикажите изготовить побольше деталей, которые на самом деле не нужны. Постарайтесь схитрить, скройте свои действия. Позаботьтесь, чтобы установка вышла из строя, если кто-нибудь попытается забраться в нее и изучить. Таким образом вам удастся сделать ваше превосходное оружие и сохранить тайну.

Он успокоился и предался тщеславным размышлениям. Это оружие превзойдет все когда-либо созданное. Оно будет более надежным, дальнобойным и точным. Мощное поле увеличит концентрацию потока частиц. Вращающаяся плоскость быстро раздвинет пределы гравитации. Орудие будет компактнее и легче. Каналы для прохождения частиц-инициаторов следует развернуть под

другим углом. Наконец, необходимо сделать саморазрушающиеся ловушки в виде круглых щитов из плекса, обволакивающих каждую важную деталь. Они «съедят» себя в закрытом и неподвижном оружии, если кто-нибудь посягнет на его неприкосновенность. Пушки назовут его именем — Хасэгава Дзинан. И никто, кроме него, не будет знать, как они сделаны. А если начнут приставать с расспросами, он солжет...

«Да, я очень устал,— говорил он себе, стоя на посту контроля испытательной шахты.— Вымотался. Но не только от недосыпания и вращения этой сумасшедшей планеты. Я слишком долго ждал этого момента, пять лет о нем мечтал. Сколько всего случилось за эти годы!»

Дюваль застыл, предвкушая восторг зрителей. И вот установка готова. Она деловито гудела, температура внутри полностью стабилизировалась. Техники ждали, когда заработают трансформаторы. Включились световые барьеры, ограждавшие опасный участок испытательного стенда. Их мерцание заставило всех затаить дыхание.

Установка ожила. Из нее вырвался поток золотистого света. Раскаленный жидкий металл устремился по прозрачному главному каналу, делясь в каждом ответвлении на три, четыре, пять искрящихся потоков.

Дюваль шагнул к стенду и поднял уровень поля до 5,52 юкава у фильтров. На его глазах ровный поток света достиг испытательной шахты и исчез в пяти камерах. Прошло уже несколько лет, как он покинул РИСК. Там он никогда не проводил испытания в одиночку, а здесь фактически сам сконструировал и построил пушку. Интуиция не подвела его, как и уравнения, которыми он воспользовался. Они определяли точный момент ликвидации потока частиц и их концентрации с помощью пульсации поля. Установка производила дифференцированный отбор потока частиц во внутреннем поле камер модели. Затем цикл повторялся. Наконец, одна из камер специально пробивалась потоком частиц, чтобы зонды могли собрать информацию об искажении гравитационного поля...

Рабочие перекрыли поток энергии, и установка замерла, исчерпав свою жизнеспособность. Дюваль спустился вниз и увидел сотни лиц, зачарованно смотревших на испытательную шахту. Тогда он ловко взмахнул руками, как фокусник, закончивший представление, и непринужденно поклонился. В ответ раздались одобрительные аплодисменты. Шахту открыли и дегазировали. Увидев рабочих в оранжевых защитных костюмах, убирающих прокладку из шахты, публика стала выходить из укрытия. Гости направились в сад, где прислуга уже накрыла столы для торжественного банкета. Кацуми подошел к Дювалю.

— Его превосходительство беспокоится насчет сроков. Когда будет готово оружие?

— Трудно сказать. Есть еще недоделки. Но я думаю, ждать осталось недолго, Кацуми-сан.

— Даймё теряет терпение. Укрепления в Ниигате и Хитати вот-вот будут достроены. Конечно, у нас уже есть одна пушка и детали установок, уцелевших среди обломков американских кораблей. Но вы должны поторапливаться, потому что нам необходима большая батарея.

— Смею вас уверить, наши новые орудия скоро будут готовы.

Кацуми коротко кивнул.

— Хорошо. Даймё надеется вовремя разместить пушки в Ниигате, чтобы защитить Золотой флот, который вскоре прибудет.

— Защитить от кого?

Кацуми, казалось, удивился.

— От пиратов, конечно. От американских пиратов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Неделей позже Дюваль готовился к встрече с Кэни и даймё на испытательной площадке. Дюжина установок была уже собрана и поставлена в ряд у стены. Перед ними возвышался недавно привезенный из Ниигаты ствол особой пушки с «Томаса Дж.». На его черном матовом покрытии все еще сохранялись следы сбитых Дювалем ограничителей — он разворачивал пушку, чтобы проникнуть в кладовую. Пушка напомнила Стрейкеру события пятилетней давности — он с болью вспомнил о брате.

Дюваль коснулся кончиками пальцев гладкой поверхности. После долгой самостоятельной работы американская модель показалась ему беспомощной. Он резко отдернул руку назад, как будто его ударило током. В этот момент Дюваль явственно ощутил, что Эллис жив. Где он теперь? Мог ли он быть одним из скитающихся по космическим трассам пиратов, о которых говорил Кацуми? Дюваль пытался отделаться от болезненных ощущений, но понимал, что если Эллис выжил, он непременно вернется на Садо.

Тревожное возбуждение не оставляло его. Он вспомнил, что нечто подобное пришлось ему испытать, когда «Ричард М.» оторвался от взлетной полосы Ниигаты. Быть может, Дюваль предчувствовал возвращение Эллиса? Дюваль еще раз вдумался в слова Кацуми, предупредившего его о странствующих по космосу американских пиратах.

— Я сильно изменился с тех пор,— проговорил он вслух, испугавшись сожаления, которое испытал при мысли о возможной встрече с Эллисом.— Возвращайся

домой,— сказал он себе.— Твой брат давно умер и похоронен. Теперь у тебя новый дом. Ты — Дзинан, совсем другой человек. Ты возродился к новой жизни в новом мире с новым именем. От прежнего не осталось и следа.

Позади Дюваля в разных частях лаборатории возились техники с инструментами. Они возбужденно перешептывались, глядя на почти завершенную установку, и спорили об окончании работ. Пушки уже достигли той стадии, когда их можно было устанавливать и заряжать.

— Вэньюань, Дэву, Ватанабэ, вам нужно будет снять скобу и сломать печать, чтобы вынуть ядра,— объяснял Дюваль своим подчиненным на следующий день после сборки.— Затем, если все будет нормально, ваша группа пройдет вперед и займется устройством силового привода. Работать будете в группах по двое. Сборка самой большой пушки займет полтора дня.

— Значит, уже можно собирать стволы? — спросил Яо.

— Да. И будьте осторожны с использованной оболочкой. Она пригодится нам в будущем.— Дюваль тщательно осмотрел каждую пушку, проверяя, чтобы все детали были точно пригнаны во время сборки. Затем он установил плексовые приборы для резки металла. Точные инструменты проделали необходимые отверстия в стволе. На все это ушло почти двенадцать часов.

— Мы устраним некоторое количество металла, чтобы приспособить пушку к сопротивлению воздуха,— объяснял Дюваль, передвигая древний лазерный микрометр вдоль среза.— Отверстие должно быть точно в один плюс пи раз меньше диаметра прицела.

— Простите, а откуда вы взяли последнюю цифру? — спросил один из его помощников.

— Извините меня, Ватанабэ-сан, за то, что я не совсем ясно выражаюсь,— ответил Дюваль и пустился в долгие математические объяснения на демонстрационной доске.— Понятно? Как видите, все не так сложно, как может показаться на первый взгляд.

Они заулыбались и закивали головами, в действительности не улавливая логики его рассуждений. Он повто-

рил вычисления, затем продолжил объяснять. Дюваль вгляделся в символы хирагана, которые использовались в космической математике. Он делал вид, что проверяет вычисления и ищет ошибку. Но ошибки не было, он просто давал возможность помощникам вникнуть в значение формул.

Дюваль дотошно работал над оружием. Группы инженеров дублировали некоторые части его заданий. Они ревностно относились к своим обязанностям, понимая важность момента. Дюваль улыбался про себя, видя их старания. «Так и должно быть,— размышлял он.— Они поняли, что оценка мастера и его доверие выражаются в количестве той работы, которую им поручают выполнить». Его похвалы были очень важны для них. Затем он показал Мори-сан, как пробить отверстие, которое соединит желоб с камерой сгорания. Дюваль объяснил, что оно должно быть сделано под наклоном три пи радиана, так как это наиболее удобный угол для инъекции. К нему подошел чем-то расстроенный Яо.

— Мы, кажется, не успеваем к обещанному сроку.

— Не беспокойтесь, мы скоро закончим.

— Но мы еще должны испытать оружие, Дзинан-сан! — покачал головой Яо Вэньюань.

— Предоставьте это мне. Мы не можем опробовать незаконченную установку,— ответил Дюваль, полируя изящный черный ствол своей лучшей пушки.— Но мне кажется, что установка уже готова. Чего еще ей не хватает?

— Хасэгава-сама требует, чтобы мы были готовы до того, как даймё опять приедет сюда на кинъё в назначенный день. Господин говорит, что терпение Нисимы-сама на пределе.

— Мы уже завершаем работу, осталась лишь одна деталь.

— Незначительная? — спросил Яо, уже почти смирившийся с тем, что изготовление оружия будет длиться бесконечно.

— Нет. Самая важная.

В тот же день Дюваль завершил работу, с гордостью поставив на орудии личное клеймо мастера — лань — и собственное имя. После этого четыре из пяти больших пушек установили в ряд. В плексовом ангаре длиной в две мили гулко раздавались голоса рабочих и шум машин.

Каждый ствол, покрытый полированным хромом, весил около пятисот фунтов. Мощный подъемный кран перемещал их к испытательной площадке. Четвертое орудие, самое лучшее, было немного легче, так как его лучше сбалансировали. Заряженное и подготовленное, оно стояло позади пушки с «Томаса Дж.». Обе установки были связаны массивными силовыми кабелями.

Кэни встретил даймё в административном корпусе. Они направились в лабораторию в сопровождении гвардейских офицеров с каменными лицами. Кацуми, как обычно, командовал личной охраной Нисимы. Дюваль осторожно спросил, не желают ли они взглянуть на пушки, которые еще не собраны. Раздражение даймё вылилось через край.

— Сколько еще времени потребуется для того, чтобы оружие наконец начало стрелять? — перебил он Дюваля.

— Прошу меня извинить, ваше превосходительство, но всему свое время.

— Отвечайте четко на мой вопрос!

Дюваль почувствовал, что его разозлило грубое нетерпение Нисимы. «Да,— мрачно размышлял он,— чтобы изготовить сверхпушку, нам потребовалось намного больше времени, чем ты предполагал, когда привел меня сюда в первый раз. Намного больше. Но если ты не будешь торопить меня, я выполню свои обещания сполна».

— Приношу свои извинения, ваше превосходительство. Я могу разрядить пушки немедленно, если вы пожелаете.

Кэни пришел на помощь Дювалю.

— Нисима-сама, я могу объяснить...— он примирительно поднял руку, указывая на мишени, выставленные внизу в просторном ангаре в миле от них. Самая боль-

шая имела форму чурки шириной в ярд и длиной в сто ярдов.

— Вы собираетесь стрелять по этим мишеням? — прищурившись, спросил даймё. Дювалю показалось, что Нисима не верит в подобную дальнобойность орудий.

— Когда я приступил к проекту, меня попросили противопоставить мою лучшую пушку оружию с «Томаса Дж.» в открытом состязании. В те дни нашлись люди, полагавшие, что я не заслуживаю доверия, и у меня недостаточно мастерства для службы императору.

Во взгляде даймё мелькнуло снисхождение.

— Будем надеяться, что их сомнения оказались напрасны.

Кацуми с одобрением рассматривал установку.

— Первая пушка выглядит впечатляюще, ваше превосходительство.

— Да,— согласился Дюваль.

— Пожалуй, пора приступать,— повернулся Кэни к даймё.

— Да. Продемонстрируйте действие оружия. Покажите нам, что ваши слова не расходятся с делом, американец.

— Хай! — кивнул Дюваль, обиженный словами даймё. Услышав обращение «американец», он понял, что наместник чем-то озабочен. Это делало его опасным.

— Перед тем как я открою огонь, я должен попросить вас всех отойти в целях безопасности.

Лицо даймё вытянулось.

— В целях безопасности?

— Неблагоразумно стоять слишком близко к неопробованному оружию, ваше превосходительство.

— Неопробованному оружию? Я же приказал вам, чтобы оно было готово к сегодняшнему дню.

— Да, оно готово. Готово для испытания, ваше превосходительство. Как видите, оружие еще не стреляло. Я думал, что будет лучше...

— Вы ждали, пока я приеду? — голос даймё стал еще более резким.— Обычно в Американо покупатель

получает гарантию того, что устройство, которое он приобретает, будет исправно действовать.

— Гарантии подразумеваются.— Дюваль указал на галерею с плексовым покрытием в пятидесяти ярдах от них.— Могу я попросить, чтобы вы удалились на галерею?

Кацуми повел было своих офицеров назад, но остановился, когда увидел, что даймё не двинулся с места.

— Вы тоже пойдете с нами.

— Я не могу,— Дюваль развел руками.— Я изготовил это оружие, поэтому именно я должен произвести первый выстрел.

Даймё скрестил руки. Его подозрения усилились, и он пристально посмотрел на Дюваля.

— Тогда мы будем стоять рядом с вами.

Дюваль подавил вздох.

— Как вам угодно, ваше превосходительство.

Кацуми и его офицеры вновь неуверенно приблизились. Они бросали косые взгляды на своего господина, не доверяя ему.

— Вы, кажется, чувствуете себя неловко, американец,— проговорил наконец даймё.— Объясните мне настоящую причину, почему вы не хотите, чтобы мы были здесь? Почему вы настаиваете на том, чтобы стрелять самому?

Гордость Дюваля была задета, но он предусмотрительно подавил ее и холодно посмотрел на даймё.

— Я достаточно уверен в своем мастерстве и собираюсь убедить вас, что в боевых условиях эти пушки будут действовать безотказно.

— Тогда зачем вы предлагаете нам удалиться? Вы думаете, я боюсь? — даймё властно посмотрел на офицеров.

Дюваль опустил взгляд.

— Конечно, нет, ваше превосходительство.

— Признайтесь, ваше оружие с дефектом? Оно небезопасно?

— Просто это оружие, как и любое другое, несет в себе опасность. Для этого оно и производится. А сейчас мы сделаем первый выстрел.

Дюваль дерзко взглянул на даймё.

— Если бы не одно обстоятельство, я бы с радостью согласился, чтобы вы стояли рядом.

— Одно обстоятельство?

— Я сконструировал мощную пушку со множеством нововведений. Оружие заряжено до предела. Оно будет действовать с учетом этих новшеств на пределе возможностей. Если я что-то упустил, это проявится при первом испытании. Поэтому я должен стоять здесь. Я не хочу, чтобы кто-нибудь другой расплачивался за мои ошибки. В Американо принято, чтобы конструктор самолета пилотировал его в первый раз.

Даймё неуверенно оглянулся. Дюваль наслаждался моментом, легкая улыбка заиграла на его лице.

— Если мы останемся здесь и орудие выйдет из строя, мы все превратимся в хорошую отбивную, ваше превосходительство.

Решение Нисимы оказалось неожиданным для всех. Он резким голосом подозвал Кацуми, который подбежал к нему и встал по стойке «смирно».

— Я объяснил вам, что ваша задача — изготовить оружие для моих батарей,— сказал Нисима Дювалю.— Как вы осмеливаетесь без необходимости рисковать своей жизнью? Этот человек опробует оружие.

— Но, ваше превосходительство,— попытался возразить Дюваль,— мой долг...

— Молчать! Ваш долг выполнять мои приказы!

Дюваль махнул рукой, уступая. Кровь отлила от лица Кацуми. Он оглянулся и увидел, что группа рабочих смотрит на него безо всякого уважения.

— Кацуми-сан технически не...

— Оружие есть оружие! — яростно возразил Нисима.— Скажите ему, что нужно делать!

Дюваль уставился на даймё и медленно покачал головой.

— Я приношу извинения, ваше превосходительство, но я не могу позволить Кацуми-сан опробовать мое оружие.

Нисима рассвирепел. Он яростно сжал рукоятку катана.

— Делайте, как я говорю!

— Не буду, из уважения к вам, ваше превосходительство. Я должен быть уверен в том, что боги предначертали Ямато пользоваться моим оружием.

Нисима сдержал ярость. Он вдруг понял, что ничего не может противопоставить изворотливой американской логике Дюваля.

— Хорошо, мы отойдем.

Дюваль испытывал сладостное чувство победы, наблюдая, как они удалялись в галерею. Рабочие загудели от волнения, но он успокоил их, не обмолвившись о нововведениях в механизме нового оружия. Дюваль приказал рабочим отойти на безопасное расстояние.

Все, что он говорил Нисиме, было правдой. Все, кроме одного: ошибок быть не могло. Его жизнь являлась залогом этому, а знания и мастерство не могли подвести. Тогда зачем он лгал об усовершенствованиях? Зачем установил энергетический коэффициент на пятьдесят процентов выше безопасного предела? Этот поступок казался безрассудным и рискованным. Не хотелось ли ему в душе, чтобы даймё встал рядом, и дьявольская сила сбросила их вместе в ад? Нет. Хотя ему ничего не стоило сделать это, манипулируя достоинством даймё. Но почему он так разволновался, увидев, что Нисима уходит?

Дюваль вдруг понял, что созданное им оружие гораздо мощнее и совершеннее американского образца. Если испытания пройдут успешно, он откроет новую область исследований. Именно это обстоятельство определило его поведение. Несчастный случай или слава первооткрывателя! Он не лгал даймё, говоря о богах. Один массированный залп испытает орудие и решит судьбу военного конструктора.

Ворота полигона открылись. Заработали гравитационные трансформаторы, исказив пространство полигона наподобие рыбьего глаза. Дювалю показалось, что мир

отразился в капле ртути. Прозвучал сигнал готовности, и рабочие удалились на галерею. Дюваль остался в полном одиночестве и подошел к оружию. Он положил руку на спусковой рычаг, глубоко вздохнул. Его охватил какой-то безумный порыв, словно он смотрел вниз с крыши небоскреба. Было бы так легко направить дуло в сторону галереи, чтобы покончить со всем одним махом. Но он овладел собой и нажал на спусковой рычаг.

Последовал страшный толчок. Холодные серебряные трубы передали заряд, и мощный взрыв потряс пушку. Сработали пружины отдачи. Установка отскочила назад, швырнув Дюваля на пол. Все окутало облако густого дыма. Через несколько секунд сквозь пелену он увидел бежавших к нему рабочих. Он резко вскочил и закричал, как сумасшедший. Пушка была невредима.

Стая голубей, испуганная грохотом, поднялась в небо, улетая подальше от трансформаторных полей. Вдалеке, на рисовых плантациях рабы настороженно прислушивались к глухому шуму, доносившемуся с полигона. Он посмотрел в сторону даймё и увидел, что Кэни, стоящий рядом, машет ему рукой в знак поздравления. Оружие немедленно перезарядили. Рабочие принесли из холодильных установок новые серебряные трубы, хранившиеся при низкой температуре для защиты химически нестабильной смеси специальных изотопов. Затем команда вновь ушла в укрытие.

Из раскаленного дула выбивался легкий дымок. «Какого дьявола она дымится?» — подумал Дюваль, готовясь произвести второй выстрел. Пушка опять наполнилась гулом и тяжело содрогнулась. Клубы дыма заволокли установку и быстро рассеялись. На этот раз рабочие перезарядили еще быстрее. Третий снаряд молниеносно поразил мишень.

В голове у Дюваля звенело. Он был словно пьяный и потерял счет времени. Все окружающее стало вдруг нереальным и зыбким. Казалось, что уши его заложены ватой, но тело стало легким и четко повиновалось внутреннему голосу.

Дюваль бережно взял серебряные трубы, установил энергетические предохранители, проверил радиус действия и прицелился. Мощнейший залп потряс установку. Потоки света и едкого дыма вырвались из ствола. Дюваль отступил в сторону, чтобы проследить за распространением гравитации. Экраны мониторов показывали, что мишень поражена. Он приказал зарядить снова и отошел на десять ярдов назад, к пушке с «Томаса Дж.», проверив прицел еще раз. Весь механизм старого оружия остался невредимым, кроме перезаряжающего устройства для быстрой стрельбы. Пушку уже подготовили к действию. Дюваль повернул регуляторы подъема и прицелился. На этот раз экраны показали, что гравитация иссякла, не достигнув цели. Появился «дымовой камень» в виде огромного мяча. Он ударил с сокрушительной силой по мишени, но плексовая поверхность осталась невредимой, словно «мяч» был не железный, а из пенопласта.

Неистовое желание поразить все мишени овладело Дювалем. Нечто подобное он испытывал во время сражения в Ниигате. Он яростно набросился на своих помощников, заставляя их перезаряжать установки с каждым разом все быстрее и быстрее. Они никогда не видели его таким возбужденным, с безумно горящим взглядом. Рабочие перезаряжали каждую пушку уже за полминуты. Точными попаданиями они искромсали плекс на кусочки.

С ликованием Дюваль увидел, что его оружие намного превосходит американское. Он понял, что такой разрушительной силой не обладало еще ни одно устройство, когда-либо созданное военными конструкторами. Первая цель оказалась уничтоженной вплоть до основания, даже подставка была разрушена. Но Дюваль продолжал стрелять то из своей пушки, то из пушки с «Томаса Дж.».

После двух десятков залпов стволы раскалились так, что к ним невозможно было прикоснуться. Воздух весь пропитался гарью. Пот ручьями лил с помощников. Они со страхом смотрели на Дюваля, им казалось, что в него вселился злой дух ками. Страсть его не ослабевала, и он

не замечал течения времени. Еще совсем недавно несокрушимая на вид мишень превратилась теперь в груду черепков, но Дюваль приказывал перезаряжать снова и снова, пока не излил весь свой страх, всю печаль, весь гнев и ненависть.

Рабочие еле стояли на ногах. Один из них, подававший снаряды, упал на колени от изнеможения. Дюваль выхватил у него серебряные трубы и вновь бросился к установке.

— Достаточно! Достаточно! — к ним бежали офицеры охраны. Они увидели безумный взгляд Дюваля, обессиленных рабочих, перепачканных копотью, и раскаленные установки.

Даймё смотрел на оружие с благоговением. После первого же выстрела он был потрясен разрушительной силой, дальнобойностью и точностью стрельбы. Он взглянул в лицо американцу, и его утренние тревоги вновь напомнили о себе. Нисима предполагал, а в глубине души даже надеялся, что испытания пройдут неудачно. После многочисленных отсрочек трудно было ожидать положительных результатов. Но американец сдержал все свои обещания, и даже более того.

«К сожалению, этот подарок скоро у меня отнимут,— с горечью думал Нисима.— Дюваль действительно оказался на высоте. Как жаль, что изготовление оружия заняло столько времени. И сколь трагично сложились события в Канадзаве».

— Великолепно. Поздравляю тебя, американец.

Дюваль смотрел куда-то вдаль мутным взглядом, не замечая окружающих. Кэни взял его за руку, вытер грязный пот с его лица. Хасэгава тоже был возбужден.

— Дзинан! Дзинан, ты слышишь меня? Какое оружие! Кто теперь сможет соперничать с нами?

Даймё мрачно взглянул на восторженного Кэни. «Если бы у нас была сотня таких установок,— с досадой думал он,— полностью законченных, с автоматической сменой зарядов, мы покорили бы весь Освоенный Космос. Но есть ли у нас еще время? Есть ли еще время?..»

— Хасэгава-сан, начинайте производство оружия. Через год мы должны иметь в своем распоряжении сто таких установок. Дело не терпит отлагательств. Не жалейте затрат. Вы понимаете меня?

— Да, ваше превосходительство. Благодарю за доверие. Но я опасаюсь, что моя маленькая фабрика не сможет выпустить такое количество оружия за один год.

— Тогда постройте еще одну. Я оплачу все необходимые расходы. Начните завтра. Сегодня. Сейчас.

— Вы оказываете мне большую честь, ваше превосходительство.

Даймё отвел Хасэгаву в сторону.

— Нельзя ли наладить производство без участия американца?

Кэни, казалось, не понял вопроса.

— Я спрашиваю вас: может ли фабрика работать без американца? У вас найдутся достаточно квалифицированные специалисты?

— Я... я не знаю, ваше превосходительство.

— Тогда узнайте. У нас в запасе только год, чтобы изготовить эти пушки, Хасэгава-сан.

Но даймё обманывал себя, потому что оставалось слишком мало времени. Сегодня утром он узнал, что Фукуда Икку, императорский мэцукэ, главный инспектор кэмпэя, готовится к проверке планеты Садо. Свое дознание служба собиралась начать с допроса американских пленных, а имя Дюваля Стрейкера стояло во главе их списка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Место действия: Секретная база «Кабул». Нейтральная Зона

Конвой Ямато обнаружил их базу и уничтожил. Уюку стоял возле взорванного ангара и тупо смотрел на почерневшие руины в двухстах ярдах от него. Он вкусил горечь еще одного разочарования. Люди с волнением вглядывались в подлесок и напряженно прислушивались к порывам ветра в ожидании опасности.

— Эти сукины дети все-таки нас обнаружили,— проговорил Уюку.

— Нас предали! — воскликнула Пэлгар Розен, его помощница.

— Скорее всего, кто-нибудь из пленных на Окинаве раскололся перед казнью. Наверное, Рамирес или Эстерхази.

— А может, это просто невезение,— предположил Фрейн.

Второй помощник Охион с горечью посмотрел на Розен, которая дружила с Эстерхази.

— Я говорил, что у нас плохое пси, да меня никто не послушал!

— Заткнись, Фрейн! Капитан не любит этих разговоров.

Они разбрелись в разные стороны, исследуя окрестные скалы. Холодный ветер завывал на вершинах и гнал тяжелые облака на запад. Надвигалась непогода. Уюку укрылся от ветра, чтобы взглянуть на «Лексингтон» и на то место, где раньше располагалась его стоянка. Это был секретный опорный пункт под кодовым названием база «Кабул».

Низкое солнце освещало желтовато-серый пейзаж. Снег покрывал горы, бросавшие мрачные тени на свои подножья. Водопад, в котором Уюку умывался два года назад, сейчас замерз и напоминал россыпи хрусталя. Вход в подземный комплекс, точнее в то, что от него осталось, закрывала скала. Это место трудно было обнаружить, если не знать, что ищешь. Они с опаской приблизились к руинам, продираясь сквозь искореженный металл и завалы камней. Безрадостная картина вселяла страх и уныние.

База «Кабул» должна была стать отправной точкой их действий, тем удаленным от посторонних глаз безопасным местом, где они могли бы заправить корабли и оставить награбленное добро. Но сейчас все было разгромлено — остались только снег, обожженный металл и угроза засады. «База» Кабул стала бесполезной, потому что о ней узнали враги.

— Что будем делать, капитан? — хрипло спросил его рулевой.

«Иди к черту, Фрейн, вместе со своими вопросами»,— со злостью подумал Уюку. Он рассматривал содеянное врагами и размышлял, как бы отомстить им, а заодно возместить все потери за их счет. Ко всему прочему, его мучила глубокая рана в икре, постоянно напоминая о несчастье, приключившемся с ним на Окинаве. Три месяца прошло с тех пор, а нога по-прежнему не заживала. Он ненавидел болезнь, потому что его подчиненные считали теперь своего капитана калекой и видели в этом дурное предзнаменование.

— Прикажите десанту вернуться на борт. Плевать нам теперь на эту базу!

— Слушаюсь, сэр.

Они заняли свои места, когда уже начался снегопад. Снег залепил ветровое стекло, пока они ждали хромающего Уюку. С трудом превозмогая боль, он вскарабкался на борт. Рана горела, будто в нее вставили кусок раскаленной проволоки.

— Капитан, ваша нога совсем уже...— забеспокоился Фрейн.

— Позаботьтесь лучше о своих обязанностях! — перебил его Уюку.

Его хриплый голос задребезжал и сорвался. «Черт, какой позор, — говорил он себе.— Эта проклятая нога, что теперь с ней делать? Ладно, я прикажу хирургу отрезать ее, если она не заживет через три дня». Уюку шагнул вперед и тяжело опустился на сиденье. Као попытался помочь ему, но Джон досадливо отмахнулся. Он вгляделся в обеспокоенные лица товарищей. Никто не хотел смотреть ему в глаза. Уюку знал, что они потрясены случившимся, но больше всего его тревожила тлеющая озлобленность — он чувствовал, что они задумали измену.

«Рамирес и Эстерхази? Глупость! — размышлял Уюку.— Рамирес... Специалист по связи, мечтал стать героем, а кончил как синтетический робот. Снайпер снес ему полголовы, он не мог, не мог остаться в живых... О, черт, как ноет нога. Хорошо бы что-нибудь болеутоляющее... Нет! Страдай и улыбайся, сукин сын. Подумай о чем-нибудь другом, постарайся отвлечься. Но как эти японцы все-таки пронюхали, где находится база? А что, если им удалось схватить Эллиса Стрейкера, и он им все рассказал?

Нет, конечно, нет. Эллис не мог этого сделать. Тогда кто? Но Эллис единственный был посвящен в наши планы, только он знал расположение базы «Кабул». Нет и еще раз нет! Эллис скорее умрет, чем расколется. К тому же он не настолько наивен, чтобы хранить всю информацию в компьютере. Значит, кто-то из моей команды? Эстерхази?.. Будь он проклят! Мешок с дерьмом! Мне никогда не нравилось его крысиное личико. Хотя... они умеют допрашивать. Наверняка ему сначала отрезали яйца, а потом пригвоздили к кресту. Ладно, нужно повременить с обвинениями. Они могут еще пригодиться...»

Они достигли «Лексингтона», и шаттл неторопливо вполз в скрытый ангар. Сжав зубы, чтобы не вскрикнуть от боли, Уюку выбрался наружу. Он заметил, что

на него смотрели с озлоблением, но никто не выдерживал его пристального взгляда, и это ему совсем не нравилось. Взбешенный и совершенно больной, он добрался до своей каюты. Там он откупорил бутылку какой-то дряни и выхлестал в один присест, но это нисколько не помогло. Уюку не почувствовал облегчения. В другое время спиртное пробуждало его к жизни, просветляло мозги, согревало тело, вылечивало старые раны. А теперь... Теперь он не мог выбросить из головы эти кислые рожи, глаза, смотревшие на него с недоверием и затаенной злобой.

«Такой экипаж, чего доброго, может и взбунтоваться»,— подумал Уюку. Не так давно он обещал им горы золота.

— Слышали вы о «Мицуи»? Это их главная мегакорпорация — дзайбацу, как они говорят — секретная.— Он помахивал связкой каких-то железяк, напоминающих большие рыболовные крючки на крупного хищника.— Видите? Вот их символ — канъи. Эта компания — самый крупный поставщик золота в Ямато. У нее контракты с императором. За один рейс они перевозят больше золота, чем все остальные за год. Ну, кто желает стать членом корпорации? — спрашивал Уюку, хитро улыбаясь.

Но пока что они не видели ничего, кроме изнуряющей работы и жестокой борьбы за жизнь. Двадцать пять человек уже погибли в сражениях, еще пятеро — в результате несчастных случаев, двоих сожрали змеи. И за все это время — ни одного слитка, который оправдал бы их ожидания...

Сначала они хотели захватить много золота, чтобы выкупить людей, оставшихся на Садо. Затем следовало уплатить еще за тех, кого Джос Хавкен бросил на Кровавой Луне. Но что делать теперь? Этот американец, которого они сняли с японского корабля, заставил их изменить свои планы. Изотопист многое рассказал. Пленные распроданы поодиночке, и неизвестно, где их теперь разыскать. Однако обещание есть обещание, хотя золото Окинавы лучше потратить на Либерти, чем в Ниигате, что бы Эллис Стрейкер ни думал по этому поводу.

Уюку вспомнил, как они увидели сырье — тонны необработанного золота в слитках на складах в порту Окинавы. После Садо это была самая крупная база погрузки сверхтяжелых металлов в Освоенном Космосе. Укрепления слабые, хотя порт богатейший — золото, серебро и платина. К тому же еще там хранились экзотические нуклиды — долгоживущие радиоактивные сплавы, возникновение которых связывали со взрывом сверхновой звезды в Смолистой туманности, они давали важнейшую информацию для изучения пульсара и стоили не меньше любого драгоценного металла. Но где-то произошла осечка. Они вернулись ни с чем, едва избежав полного разгрома. Уюку обманул их ожидания.

На первый взгляд план был не таким уж сложным. Корабль собирался вылететь с заброшенной орбитальной станции, крутившейся неподалеку от черной дыры. В распоряжении капитана находились захваченные сигнальные коды идентификации. Они договорились приземлиться на рассвете короткого дня Окинавы. Но группа Джерри Дисона оказалась там раньше — в 6.30 по всеобщему времени, и это смешало все карты. Они приземлились в полной темноте, когда хорошо охраняемые склады были уже приведены в боевую готовность. Уюку и его люди попали под жестокий обстрел, едва только успели вылезти из своих летательных аппаратов. План неожиданной атаки рухнул. Их охватила паника. Сбитые с толку, они метались из стороны в сторону и орали, как сумасшедшие. Охрана осыпала их градом выстрелов, и они гибли один за другим, словно мухи. Страх и несогласованные действия могли погубить их всех.

Невероятно, но выстрелы вдруг стихли. Они оказались в небольшом городке Тайто, размером с Харрисбург, с населением в двадцать или двадцать пять тысяч человек, работающих в Золотом порту. Гнусное место. Кругом серая, как тальк, пыль, минеральные болота, зеленоватая пена морских водорослей и едкий отравленный воздух. Как и в Биаке, преобразования климата прошли здесь очень плохо. Город казался совсем вымер-

шим. Испуганные воздушной тревогой, местные жители в ужасе попрятались в свои норы. Но американцам удалось захватить трех пленных, которые и рассказали им о складах со сказочными сокровищами. Они толпой устремились по узким улочкам. Наконец-то удача, хоть и незаслуженная, улыбнулась им.

— Ты знаешь туда самую короткую дорогу? Давай, показывай!

Один из пленных, немного говорящий по-английски, понял приказание:

— Я приведу, но там заперто на замки.

— О'кей. Знаешь, что это? Это мезонный нож. Мы продырявим ваш долбаный купол! Слышишь? Теперь пошли!

Уюку горько улыбнулся, вспомнив об этом. Вот так чудо! Они случайно захватили этот нож с собой, а на складах оказались ионные замки. С помощью одного только пси, придававшего ему, капитану Джону Уюку, сверхъестественную уверенность, они оказались там, где было сосредоточено богатство всего Освоенного Космоса! Тонны серебра! Великое множество очищенных слитков самой высокой пробы, аккуратно сложенных в штабеля высотой шесть футов. Склад был доверху забит серебром. Оно зловеще засверкало, когда на него направили лучи фонариков.

Не может быть! Они стояли как зачарованные, не веря своим глазам. Это фантастическое зрелище, казалось, помутило их разум. Они вдруг засомневались. Неужели действительно серебро? А вдруг — свежеотлитый свинец или какой-нибудь новый сплав?

Уюку запретил им прикасаться к сокровищам. Интуиция подсказала ему, что поблизости есть еще одно хранилище, но на этот раз для золота. Так и оказалось! Неподалеку от взлетной полосы они обнаружили потайной склад «Мицуи», буквально ломившийся от золота. Их ликованию не было предела, они перестали отдавать себе отчет в том, что происходит. Розен, Фрейн, Заратини, Као, брат Уюку Фрэнк — словом, все хватали металл,

перебирали круглые слитки с голубоватым отливом, и уже даже не пытались вычислить, сколько это стоит. Золотые яйца, которые снесла для них волшебная курочка из корпорации «Мицуи», обеспечивали все их будущее. На такие деньги можно купить половину Освоенного Космоса!

Они повернули к Уюку лица, перекошенные от жадности. Капитан был на седьмом небе. Именно он привел их сюда. Невероятно, но его фантастические планы осуществлялись!

— Разве я не говорил вам, а? — орал Уюку.

Затем появился караул «Мицуи». Трусливый гарнизон решил вернуться, когда обнаружил всего четыре шаттла и понял, что испугался всего лишь кучки грабителей. Уюку стало ясно, что нужно удирать. Но как утащить столько сокровищ? Капитан призвал на помощь всю свою выдержку. Он был спокоен и непреклонен, в то время как его спутники беспомощно толпились возле груды слитков, сиявших голубоватым светом. Они были словно загипнотизированы, скованы мистическим страхом, как будто это богатство охранял чудовищный дракон.

— Не нравится мне все это!

— Они вернулись за нами, Джон!

— Нам надо выбираться отсюда!

— Эти сокровища нас погубят!

— Мы не унесем столько. Они поймают нас.

— Надо уносить ноги, капитан!

Он яростно обрушился на них. Его голос наполнился силой и страстью:

— Послушайте меня! Я привел вас к сокровищам всего Освоенного Космоса. Выполняйте мои приказы! Если вы останетесь ни с чем, вам некого будет винить, кроме самих себя!

Его гнев встряхнул их и отрезвил; страх исчез. Они быстро наладили работу подъемных кранов и начали грузить «золотые яйца» «Мицуи» на подвижные платформы, которые отгоняли к поджидавшим шаттлам. Они

вдруг поняли, что это их единственный шанс и больше такого не представится. К тому же если они не увезут это золото, император использует его для подготовки войны с Американо.

Вернувшийся гарнизон открыл огонь, но это нисколько не смутило Уюку.

— Вы хотите, чтобы они пришли в Американо грабить ваш народ, насиловать ваших жен, душить ваших детей? — неистово орал Джон. Он схватил тяжелый слиток.— Вот этим они платят своим самураям! Ну, давайте же, пошевеливайтесь!

Огонь усилился. Неожиданно раздался мощный взрыв. Уюку почувствовал резкую боль и отчаянно выругался. Подчиненные увидели, как кровь хлещет из его пробитой ноги. Пыл капитана моментально угас. Этого было достаточно, чтобы отказаться от остававшегося на складе золота. Капитана подняли, наложили на ногу тугую повязку и перенесли в шаттл. Не теряя ни минуты, корабли взмыли в воздух. Люди уверяли Джона, что капитан ценнее любого груза, что им не нужны никакие объедки с императорского стола, что придет время — и они возьмут свое.

«Сколько раз я учил их: берите золото и оставляйте человека. Если кому-то не повезло, такова уж его судьба,— горестно размышлял Уюку, испытывая досаду из-за столь некстати проявленной верности. — Они сами сдирают с себя шкуру, сукины дети! Наша задача — грабить и расхищать, и нечего размазывать сопли, если один болван случайно поцарапал себе ногу. Пропади они все пропадом! Что я теперь буду с ними делать?..» Уюку, хромая, подошел к зеркалу и удрученно уставился на свое отражение.

— Боже, ослепи меня! Почему я так ослаб? Почему моя рана не заживает? — Он вглядывался в зеркало и не узнавал себя. — Кто этот человек, такой жалкий и грязный?

Уюку с тревогой обнаружил, что сильно изменился за последнее время. Некогда блестящая черная кожа

теперь шелушилась. Глаза поблекли, а во взгляде затаилась усталость. Густая шевелюра превратилась в копну спутанных, грязных, давно не мытых и не чесаных волос. Шейный платок затвердел от пота и пыли, шея была густо усеяна нарывами, которые он все время расцарапывал, чтобы добраться до впившихся в кожу клещей. Он снял рубашку и осмотрел грудь, живот, руки, плечи. Пощупал мускулы, которые сильно затвердели, когда он работал вместе со своим экипажем над постройкой базы «Кабул». Сердце бешено колотилось, но каждый удар причинял ему боль. Рана в ноге невыносимо ныла. Трудно было пренебречь искушением и отказаться от помощи врача. Но тем не менее он придерживался своих принципов — никакой медицины, путь к выздоровлению или смерти должен быть естественным.

«Черт, в Нейтральной Зоне столько всякой заразы,— подумал Уюку.— Не хватало еще заполучить гангрену. Тогда...» Он прервал свои мысли, достав еще одну бутылку. Уюку грубо открыл ее и прямо из горлышка стал поглощать содержимое. Живительная влага принесла на этот раз некоторое облегчение. Он вновь взглянул в зеркало.

— Я не обманул их! — продолжал он беседовать со своим отражением.— Во мне одном они видят свое будущее. Я их движущая сила, но у меня ее осталось не так уж много. Приближается беда, и мы должны грудью встретить ее.

А я раскис, опустился. Меньше всего я сейчас похож на капитана...

Он сделал еще один глоток и вдруг задался вопросом: на какой планете в последний раз ударит его сердце и сколько еще ему осталось жить? Затем он устыдился этой мысли. Впервые в жизни он задал себе подобный вопрос. Он закупорил недопитую бутылку и поклялся больше никогда не думать об этом.

— Послушай! — обратился он к своему отражению.— Это я, Джон Уюку, нес весь груз надежд и страхов сотен

добровольцев в течение последних месяцев.— Он поставил бутылку в шкаф и закрыл дверцу.— Это я подавал им надежды и воодушевлял их, ничего не требуя взамен. И они с радостью и без сожаления следовали за мной, потому что я — их капитан. Не страх, не принуждение заставляли их рисковать собой, а некоторых даже умирать, а свобода выбора и вера! Будь достоин их, Джон, чертов ублюдок, слышишь?!

Когда в дверь постучали, он уже немного протрезвел и приводил себя в порядок. Пэлгар Розен, его высокая, неулыбчивая помощница, с удивлением смотрела на полуголого капитана. Уюку, закутанный в подмокшую простыню, брился. Волосы были уже коротко подстрижены и причесаны.

— Ну?

— Извините, сэр. Я думала...

— Что, Пэл?

— Рулевой хочет знать, готовы ли мы к вылету, сэр.

— Нужно найти новое место для стоянки,— ответил Уюку, добривая щеку.— Но я еще не решил, какое. А ты что думаешь по этому поводу, Пэл?

— Хорошо было бы найти базу где-нибудь в конце цепи Туамоту.

— Не дальше? Может, на Таити или на Райэтэ?

— Мне кажется, единственное, что нам осталось,— это охота за орбитальными кораблями. И если нам опять не повезет, мы крепко сядем на мель. Кончается горючее, продовольствие тоже на исходе. Нам действительно нужна новая база, капитан.

— Ну и где, по-твоему, она должна располагаться?

— Подальше от Ямато, чтобы нам не пришлось снова срываться и уносить ноги.

Уюку поднял взгляд на помощницу и потряс мокрой головой.

— Черта с два, Пэл! Нам здесь предстоит одна работенка, поэтому нельзя отпускать нашу жертву далеко от себя.

— Если вы так считаете...

— Да, я так считаю. В ноябре мы будем на Либерти. У меня назначено рандеву с одним человеком, которому мы много задолжали.

— Что вы говорите?...

— Да. Он будет ждать нас на одной маленькой планете между Уполу и Савайи.

Лицо Розен засветилось радостью, когда она поняла, кого имел в виду Джон Уюку.

— Мы встретимся с капитаном Стрейкером?

— Да.

— Вы расскажете ему об изотописте?

— Я должен это сделать, хотя это разобьет его сердце.

Уюку натянул свежую рубашку. Отглаженный чистый костюм уже лежал в гамаке. Капитан надевал его только в особо торжественных случаях.

— Помоги мне с ботинками, Пэл.

Розен взяла ботинки и стала неуклюже помогать капитану, как будто обувала лошадь. Правый наделся легко, а левый никак не натягивался. Уюку согнулся на краю гамака, тяжело пыхтя и морщась от боли. В конце концов им пришлось отказаться от этой затеи.

— Может, мне сходить за хирургом? — предложила Розен.— Он бы что-нибудь посоветовал.

Уюку задрал штанину и обнажил икру. Нога, пробитая стальным осколком на Окинаве, сильно распухла. Рана гноилась и отвратительно воняла.

— Хирург? Нет, к чертовой матери! — заорал Уюку.— Этот болван всегда рад вставить в тело какую-нибудь синтетическую хреновину. Меня выведет это из строя на целую неделю. Не хочу пластиковую ногу!

— К ней легко привыкнуть, капитан.

— Нет, пусть заживает естественным образом. Никогда не доверяйтесь корабельному хирургу. Этот сукин сын и так чуть не уморил меня, когда обрабатывал рану. Глазом не успеешь моргнуть, как он оттяпает полноги. А что я потом скажу Эллису, когда он спросит, почему у меня, у негра, такая белая левая икра?

Розен мрачно взглянула на Уюку.

— Сэр, но у хирурга есть и черные запасные части.

— Запасные части! — передразнил ее Джон.— Что я, аэромобиль, что ли, чтобы мне меняли запчасти?

— Простите, сэр. Я хотела сказать «запасные члены», — попыталась возразить Розен.

— Может, мне и между ног что-нибудь поменять, а, Пэл?!

— Капитан...

— Нет, дорогая моя, я не собираюсь возиться с этой царапиной. Все! Это мое окончательное решение.

— Прошу вас, возьмите у него хотя бы болеутоляющее...

— Что?! — Уюку мгновенно выпрямился.— Ты думаешь, мне больно?

— Нет, капитан.— Розен смущенно покачала головой.— Но все-таки медицина...

— Плевать я хотел на медицину. Есть одно хорошее средство. Мне как-то рассказывал о нем покойный Айртон Родриго. Открой-ка шкаф, Пэл. Там стоит банка...

Розен открыла дверцу и вытащила ром.

— Да не эта! — разозлился Уюку.— Там есть открытая, с йогуртом.

— С йогуртом?.. Но, сэр, он уже совсем...

— Тащи его сюда.

Розен не посмела возражать капитану и принесла банку. Йогурт был недельной давности. Он протух, и в нем копошились серые личинки. Уюку радостно запустил руку в банку, извлек оттуда личинок и стал их с интересом рассматривать.

— Как говаривал покойный Айртон Родриго, клин клином вышибают,— пояснил Уюку, размазывая вонючую жидкость по ноге.

Личинки заметно оживились, а некоторые заползли в гноящуюся рану. Розен, потеряв дар речи, с ужасом наблюдала за капитаном.

— Знаешь, Пэл, весь секрет в том, что нужно брать маленьких личинок, пока они еще голодные. Они сожрут

весь гной, и рана очистится. Я поправлюсь за день, вот увидишь. Да я уже чувствую, что мне стало лучше!

Он наложил повязку из своей холщовой рубахи, туго завязал ее и, довольный собой, натянул ботинок. Напевая старинную пиратскую жигу, он начал приплясывать на больной ноге. Розен позеленела, ее мутило, и она с трудом сдерживалась.

— Ничего, Пэл, все будет о'кей,— бодро проговорил Уюку, хлопнув свою помощницу по заднице.— А теперь — на капитанский мостик!

— Слушаюсь, сэр,— с натужной улыбкой ответила Розен. — Как прикажете...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Место действия: Система Аполимы. Нейтральная Зона

Перелет оказался скучным, хотя возвратиться на эту планету было приятно. Она обладала низкой гравитацией и принадлежала системе звезды типа G. По ночам в небесах разыгрывались невиданные бури. Они напоминали Эллису о брате и наводили на размышления о причине, по которой он прилетел на это свидание. Аполима, расположенная неподалеку от границы Ямато, была хорошо изученной, но незаселенной планетой. На ней не обнаружили никаких полезных ископаемых, зато она поражала своей первозданной красотой. Ночь выдалась спокойной. «Конституция» стояла на орбите вместе с «Лексингтоном» в условленном месте под названием «Провидение». Шаттлы приземлились у песчаного побережья. Именно здесь астронавты и собирались устроить пикник.

— Эллис!

— Джон! — Они пожали друг другу руки.

— Какие новости?

— Неважные. Давай-ка сначала перекусим.

Эллис взял кусок жареной птицы и присел рядом. Его очень интересовало то, что собирался сообщить ему Джон. В мае месяце по центральному американскому календарю «Лексингтон» под командованием Уюку покинул Либерти с семьюдесятью тремя астронавтами на борту. Они запаслись провизией на год и пересекли границу прежде, чем их удалось остановить и вернуть назад по приказу Совета Безопасности. В июне они достигли

Аполимы и после перезарядки отправились в системы, которые разведал Уюку в прошлом году. Джон ухмыльнулся, рассказывая, как они нанесли визит на Окинаву.

— Мы атаковали Тайто в июле. Там меня слегка поцарапали.— Он показал ногу. Луковичная мышца икры затянулась грубым шрамом и, казалось, уже совсем не беспокоила его.

— Говорят, тебя чуть не убили.

— Неправда,— прохрипел Као.

Эллис пристально посмотрел на него и удивился перемене, произошедшей с китайцем. Он говорил почти без акцента, а выглядел так, словно всю жизнь скитался по орбитам. Стрейкер вдруг вспомнил тот вечер, когда они втроем сидели в баре после известия о смерти Янки. Тогда этот человек проявил замечательные качества.

— Я вытащил его из кладовой «Мицуи»,— продолжил Као. Он все никак не мог налюбоваться на «золотые яйца».

— А, ерунда. Подумаешь, какой-то там осколок. Клянусь, не хватит и тонны железа, чтобы уложить меня наповал.

Эллис оторвал кусок белого мяса и отправил его в рот.

— Ты улетел с их золотом, Джон?

Уюку сокрушенно покачал головой. Яркий свет от костра мерцал на его лице. «Несмотря на все неудачи,— подумал Эллис,— у Джона счастливая судьба, за исключением, пожалуй, только одного...»

— Меня как будто околдовали. Перед нами лежали тонны золота! Черт, там было слишком много, чтобы увезти. К тому же нам не повезло, и мы не сумели расправиться с охраной. Ничего, в следующий раз этого не случится.

— В следующий раз?

— Конечно, я уже решил. Хоть я изрядно потрепан, но буду играть до конца. Ты только выдай мне на это кредиты.

— Жаль, что вам не удалось вывезти золото с Окинавы. Какая-то его часть могла бы пойти на выкуп пленных.

— Могла бы... Эллис! — взволновался Уюку.— Я должен тебе кое-что рассказать.

— Что?

— Знаешь...

Он замолчал, а затем поднялся и пошел босиком к линии прилива. Эллис взял свой планшет и направился вслед за ним, понимая, что они должны переговорить наедине. Волны мягко плескались. В темноте уже высыпали звезды, и удивительно яркая завеса Млечного Пути паутиной окутывала небеса. Крупная светло-голубая звезда поднялась у северного горизонта. Своим сиянием и величиной она затмила все остальные звезды. Эллис печально смотрел на ее колеблющееся отражение в воде.

— Сначала она пугала моих людей,— проговорил Стрейкер, — половина из них принимала ее за планету, хотя это невозможно.

— Признаюсь, эта сверхновая меня тоже все время угнетала. Интересно, из какой она системы?

— Когда-то ты принял ее за Нагою.

— Я посмотрел на нее сейчас и опять разволновался.

— Думаешь, плохой знак? — спросил Эллис.

— Да уж чего хорошего, если на твоих глазах появляется новая звезда, особенно когда система уже сформирована. Немыслимо.

— А я не верю, что это сверхновая.

— Может быть, ты и прав, Эллис. Она для этого слишком большая, к тому же возле нее нет остывших двойников.

— Вот видишь! Но тогда что это?

— Попробуй, проверь,— усмехнулся Уюку.— Сверхновой звездой классического типа является Таурус, в тысяче восьмистах сорока парсеках отсюда. Он достиг величины минус четыре. Показатель Нагои меньше — около минус четырнадцати.

— Значит, это маленькая сверхновая.

— Нет.

— Почему? — спросил Эллис.

— Потому что они появляются слишком редко. Новых загорается во всей галактике сорок или пятьдесят в год, а сверхновых еще меньше.

— А эта появилась в системе Ямато. Подозрительно.

— Посмотри, она находится там, куда никогда не проникал ни один американец.

— Ты прав, Джон. Она в сорока девяти световых годах отсюда. Чем бы там она ни была, но горит она по максимуму, примерно пять на десять в тридцать четвертой степени ватт радиации. Ни одна звезда, даже среди сверхновых, не может сохранять такую энергию больше года. Следовательно, она взорвалась меньше пятидесяти лет назад.

— Я думаю, что эти сукины дети на Центральной Земле вместе со своим долбаным Эдиктом специально держат нас подальше от Ямато, чтобы мы ничего не выведали о Нагое.

— Джон, я бы возлагал ответственность за это только на правительство императора.

— Ну и что дальше?

— Не знаю.

Эллис продолжал вглядываться в небо. Как и Уюку, он был взволнован. Инстинкт опытного астронавта подсказывал ему, что неизвестная сверхновая звезда, поражавшая своей яркостью и величиной, могла быть плохим предзнаменованием. Что представляла собой Нагоя? Еще совсем недавно ее не было. Но после последнего перелета они заметили, как она вспыхнула, удивительно ярко, подобно отмеченному на карте звездному карлику.

Это произошло в системе Аполимы. Эллис сразу же погрузился в компьютерные вычисления, пытаясь разрешить загадку. Он не хотел обсуждать происшедшее ни с кем из астронавтов, чтобы среди экипажа не началась преждевременная паника. Но на следующий день Анжело, его первый помощник, и Боуэн пришли к нему и потребовали, чтобы капитан высказал свои соображения по этому поводу.

Новые звезды не возникали в космосе неожиданно, и Эллис не знал, что ответить своим подчиненным. Наука

о звездах, как утверждал Ганеш Рамакришна, очень часто не могла объяснить некоторые явления. Звезды были разнообразны и изменчивы, как представители животного или растительного мира. Даже хорошо изученные звезды, проходя этапы тривиальной эволюции, зачастую преподносили сюрпризы. Эллис вспомнил, что древние люди верили в предначертание небес. Они полагали, что звезды определяют ход земных событий, и эти события — лишь отражение небесных перипетий. Как они были правы!

Он задумался о глубоких корнях своей религии. Две с половиной тысячи лет назад на небе тоже взошла новая звезда, которую заметили мудрые волхвы.

— Она не пугает тебя? — спросил обеспокоенный Уюку.

— Мои люди спрашивали, как я собираюсь о ней докладывать. Что мы скажем, вернувшись в Американо, как ты думаешь?

Эллис не мог оторвать взгляд от яркой звезды, глубоко потрясенный тайным смыслом ее появления. Вместо ответа Стрейкер процитировал Роренцо: «Спроси лучше, какое земное дело может оказаться столь значительным, чтобы его предвещало появление новой звезды».

— Ты о чем?

— Неважно.

— Но я надеюсь, ты не собираешься свалить все на меня, Эллис?

— Я? Нет. Думаю, нам нужно заставить оба экипажа поклясться, что они никому не расскажут о новой звезде.

Уюку в упор посмотрел на Стрейкера.

— Почему?

— Я еще не знаю.

Они пошли вдоль линии прибоя. Эллис рассказал о сенсационных новостях, которые он узнал, готовя «Конституцию» к вылету. Джос Хавкен сообщил ему, что Хальтон Хенри был казнен за государственную измену. Окубо с позором выслали из Американо после того, как тот организовал неудачную попытку застрелить нового

вице-президента. От Кассабиана, с Пекина, получили еще одно жуткое известие о кровавой резне. На празднике Стены вдова приказала убить корейского вождя и весь кабинет про-Ямато. Это вдохновило пекинскую толпу, накинувшуюся на беззащитных корейцев.

— Значит, гончие собаки набросились на своих соседей?

— Да. Они убивали всех подряд, независимо от ранга, десятки тысяч, пока Янцзы не почернела от крови. Кассабиан признался, что он не ожидал такого поворота событий, когда устраивал дипломатический брак. Он даже был вынужден укрепить посольство, чтобы обезопасить его от банд убийц, слонявшихся по всему городу. В конце концов резня превратилась в мятеж против засилия иностранцев. Он говорит, что едва спас свою жизнь. Эти события поставили Американо в еще более сомнительное положение.

Когда проклятия Уюку стихли, Эллис вынул из планшета твердый конверт с копией важного документа. Это были более приятные новости, но они нуждались в разъяснении. Они подошли к самой воде, хотя плеск волн не заглушал шума пирушки. От костров доносились смех, пьяное пение и звуки расстроенного банджо. Уюку рассматривал документ в мерцающем свете. Наконец оторвался и с недоумением посмотрел на Эллиса.

— Дерьмо все это!

— Это лучшее, на что мы могли рассчитывать.

В конверте, который Эллис передал Джону, находились копии паспортов и разрешений на полеты в Нейтральную Зону, подписанные секретарем Совета Безопасности. В конверте находился также один из экземпляров договора, который Эллису удалось заключить с правительством Алисы Кэн.

— Лучшее, ты говоришь? А знаешь, чем все это воняет? — озлобленно спросил Уюку.

— Ты не прав, Джон.— Эллис посерьезнел и понизил голос.— Теперь у нас сильные сторонники. Отис Ле Гран предоставил средства на наше путешествие, а без него я бы

просто не смог набрать экипаж. Капиталы поступили также от Кассабиана, и немного осталось еще от тех денег, которые я выманил у Окубо. Наша экспедиция, конечно, неофициальна, но за нами будут наблюдать в Линкольне.

Скомкав бумаги, Уюку запихнул их обратно в конверт и резко протянул его Эллису.

— Да ты с ума сошел! — заорал Джон.— Это долбаное благословение Президента слишком дорого нам обойдется! Попробуй, раздели пирог с таким количеством нахлебников. Если нам повезет, то, может, даже достанется по небольшому кусочку.

Эллис почувствовал, что его охватывает неудержимый гнев.

— Ты не видишь дальше своего носа, Джон. Здесь идет речь не только о деньгах и нашей личной выгоде.

— В самом деле?

— Конечно, неужели ты не видишь, что у нас нет выбора?

— Как это нет?! — Уюку злобно уставился на Стрейкера.— Мы могли бы пиратствовать! Тогда бы ни с кем не надо было делиться! По твоему договору нас обдерут как липку!

— Джон, это лучшее, на что мы могли рассчитывать. Мы находимся под личным покровительством Алисы Кэн. Подумай, кто еще мог бы получить разрешение президента на каперство в Нейтральной Зоне против Ямато? Не будь скрягой! Когда мы вернемся домой, то отдадим ей не больше половины!

— Все равно все это дерьмо! — Уюку смотрел с угрюмым недоверием.

— Нас финансируют частные лица, и мы не подотчетны Совету Безопасности. Это значит, что мы обошли Конроя Лаббэка, мы не подчиняемся вице-президенту! Мы имеем право вести локальную войну ради собственной выгоды, нам разрешается брать столько, сколько мы в состоянии увезти!

— А если мы попадем в плен?

— Президент будет отрицать всякую связь с нами.

Уюку сплюнул и со злой усмешкой посмотрел на Эллиса.

— Ты действительно неплохо все устроил, старик. Твои речи напоминают мне о Хавкене. Правительство ничем не рискует и получает половину. Зачем нам в таком случае союз с Алисой Кэн?

— Идиот! Мы сохраним наши задницы, когда вернемся домой. Нам гарантирована полная амнистия и защита Президента. Мы сможем свободно гулять по Линкольну и жить как обеспеченные люди! Черт, неужели ты и этого не можешь понять?

— Ха! Да, может, мне это вовсе и не нужно! У меня всегда есть возможность удрать на какую-нибудь очаровательную планету в конце цепи Европы. Да хоть на Швецию, например.

— На Швецию?

— А что? Чем плохо? Живи себе припеваючи и ни о чем не думай. Тебе не нравится?

— Ты с ума сошел? Значит, у тебя больше никогда не возникнет желания вернуться в Американо к собственной жене?

Уюку посмотрел на Эллиса вызывающе.

— За ней всегда можно послать. Если у меня будут деньги, я смогу доставить к себе не только жену, но и любого, кто захочет меня видеть.

— А как ты собираешься тратить свои кредиты на Швеции?

— Это мое дело.

— На что ты их там потратишь? Ну, приобретешь особняк, бристольский самолет или даже пару самолетов. Затем купишь себе несколько друзей. И все. Ты там никому не нужен. Ты подохнешь от скуки на этой счастливой Швеции. Джон, ты ведь не катаешься на лыжах и даже не умеешь говорить по-шведски!

Уюку недовольно заворчал, и Эллис увидел, что вспышка его гнева погасла. Раздражение исчезло с лица Джона. Они сели и опять начали обсуждать свой план, на этот раз более сдержанно и трезво.

— Мы в долгу перед Американо. Мы — лишь мотыльки, порхающие вокруг президентского огонька, а Совет Безопасности — это окно, через которое мы можем влететь внутрь. Подумай, мы имеем возможность пиратствовать, сохраняя при этом свое доброе имя — ведь мы удерживаем жадные руки императора, который замахивается на американские свободы. Об этом и возвещает нам новая звезда!

— Ты думаешь? — нерешительно спросил Уюку.

— Да! Мы подрываем экономику Ямато и обогащаем нашу страну!

— Но мы получим только половину,— не унимался Уюку.— А это ростовщический процент!

Эллис поднял с песка несколько белых ракушек.

— Не думай, что наше правительство руководствуется только жадностью.

— А чем еще?

— С каждого фунта золота, привезенного нами, часть пойдет на развитие флота в Харрисбурге,— он бросил ракушку,— еще часть — для подрыва влияния Ямато в Корее,— он бросил еще одну ракушку,— а остальное — на помощь восставшим на Хайнани.— Эллис выбросил все оставшиеся ракушки.— Ну, теперь ты понял?

— Ты хочешь сказать, что Алиса Кэн все это поведала тебе лично, так ведь?

— Да, я беседовал с ней.

— Как же тебе это удалось, если последние месяцы ты провел в Лагере Расплаты, где тебе едва не отморозили задницу?

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что они наверняка применили зонд или что-то в этом роде, чтобы заставить тебя подписать это соглашение.

— Нет, меня содержали не хуже, чем Хенри. Нормальные условия. У Хавкена большие связи.

— У Хавкена?! Но ведь ты только что говорил мне, что лично беседовал с самим президентом!

— Ты что, не веришь мне?

— Я не верю Хавкену. У меня есть собственные планы, в которые не входит то, чтобы из меня сосали кровь!

Уюку свирепо ткнул пальцем по направлению к зениту.

— Ты прилетел на «Конституции». Это корабль Хавкена, построенный по его личному проекту. Я думаю, что он просто использует тебя, Эллис.

— Хавкен неплохой конструктор, и этот корабль не хуже остальных. К тому же «Конституция» принадлежит лично мне. Я могу доказать это.

Уюку глубоко вздохнул.

— А может быть, ты докажешь, что Джос Хавкен больше не обращается с тобой, как с куклой?

Эллис выпятил грудь и с негодованием приблизился к Уюку.

— Ты видишь перед собой куклу?!

— Я не верю тебе, Эллис, потому что ты не все рассказал мне. Неужели мы больше не доверяем друг другу?

Наступила тяжелая пауза.

Наконец Эллис понял, что должен нарушить молчание.

— Я поклялся ничего не рассказывать об этом...

— Знаю. Но мы обещали друг другу, что будем откровенны до конца. Ты забыл?

— Хорошо. Я кое-что должен объяснить... И вообще, Джос Хавкен тут ни при чем. Если хочешь знать, здесь совсем другая причина... Я влюблен! — выпалил Эллис.

— Влюблен? Ты?!

Эллису показалось, что в голосе Уюку прозвучала насмешка. Он сжал кулаки и гневно посмотрел на Джона.

— Да! И к тому же я женат, но духовно.

— Как это, духовно?

— Ладно, слушай...

При свете костра лицо Эллиса приняло стальной оттенок. Слова хлынули из него потоком, когда он стал рассказывать о любви к дочери государственного секретаря, о том, как добился ее, разыграв при этом опасную партию под самым носом у Конроя Лаббэка. Он закон-

чил свои высокопарные речи и сел на песок, положив голову на руки. Уюку посмотрел на него с уважением.

— А ты парень не промах! Настоящий сукин сын!

— Она вышла замуж за Курта Райнера, наследника «Халида». Свадьба состоялась в Сан-Антонио, до того, как я покинул Либерти. На ней присутствовала Алиса Кэн и почти все самые богатые люди Американо. А Реба уже носила моего сына под сердцем...— Он поднял голову и страдальчески посмотрел на яркую точку, столь загадочно появившуюся на небосклоне.

— Не жалей ни о чем, Эллис...

— Видишь эту новую звезду? Она взошла для моего мальчика, это его звезда. Под ней он родится, и у него будет особая судьба. Сама Алиса Кэн будет ему крестной матерью.

Тяжелые волны с шумом накатывались на песок. Начался прилив. Некоторые костры уже догорели, и кое-кто, положив голову на руки, растянулся на земле рядом с ними. Другие рассказывали о фантастических приключениях из своей пиратской жизни, беззаботно смеясь и не думая о завтрашнем дне.

— Теперь я должен разыскать брата, Джон.

— Да, я тебя понимаю.

— Ты не хочешь помочь мне? Но с тобой или без тебя я все равно разыщу его!

Уюку тяжело вздохнул и отвел взгляд.

— Я боюсь, Эллис, тебе это не под силу...

— Нет такого человека, которого нельзя было бы выкупить у Ямато, особенно если назначить хорошую цену.

— Ты не сможешь этого сделать, Эллис.

— Почему?

— Я должен тебе кое-что рассказать.— Уюку положил руку на плечо Эллиса.

— Объясни, что ты имеешь в виду.

— У меня есть новости, которые тебя не очень обрадуют.— Уюку подозвал Фрейна, который тут же подошел по его приказу. Он привел с собой еще одного члена

экипажа. Несмотря на впалые щеки и изможденный вид, Эллис сразу же узнал его.

— О, Боже! Неужели...

— Я надеялся избавить тебя от этого, Эллис,— проговорил Уюку.— Но ты должен все знать.— Он повернулся к Хорсу.— Расскажи капитану Стрейкеру свою историю.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Хорс.

Эллис с тревогой слушал о том, как Хорс попал с Тиноцуки на Садо, как его заключил в тюрьму Нисима Юн. Затем Хорс рассказал о своей работе на заводах по очистке серебра. Но это было только прелюдией к ужасной истории о том, как Хорс попал в поместье Хасэгавы, как они поднялись к огненному вулкану Фудзи, и о его последующем бегстве с планеты. То, что произошло с Дювалем, потрясло Эллиса. Он почувствовал себя опустошенным. Уюку задал изотописту несколько вопросов, а затем отпустил его. Капитаны вновь остались одни.

— Мы подобрали Хорса, когда взяли торговый корабль на пути к Маркизовой цепи,— пояснил Уюку.— Он путешествовал, назвавшись немецким изотопистом, собирался пробраться в Американо через Европу. Два месяца назад он рассказал мне свою историю.

— Он лжет.

— Нет, Эллис.

— Он лжет, говорю тебе!

— Зачем ему лгать? С какой целью?

Мысли Эллиса смешались, он уже ничего не понимал. «Какой позор! — горестно думал он.— Неправда, только не Дюваль! Как могло случиться, что мой собственный брат создает секретное оружие для Ямато?! Любит какую-то японскую женщину? Нет и еще раз нет! Это выдумки Уюку! Это он заставил изотописта сплести для меня гнусную историю про моего брата, чтобы меня не тянуло на Садо. Проклятый Уюку!»

— Ты подставил мне Хорса, чтобы...

— Нет, Эллис.— Уюку с жалостью смотрел на Стрейкера.— Ты знаешь изотописта и помнишь, что он отпра-

вился на Садо четыре года назад. У него нет причин, чтобы лгать нам.

— Все равно я не верю этому.

— Конечно, я бы тоже не поверил на твоем месте, но он предоставил одно вещественное доказательство.— Уюку порылся в кармане и достал какой-то маленький блестящий предмет.

— Смотри, это кольцо, которое ты передал Чамберсу. Оно попало к Дювалю, а затем Хорс стащил его во время борьбы на вулкане. Взгляни правде в глаза. Твой брат одурачил тебя.

Эллис крутил кольцо, не веря своим глазам и сгорая от унижения. «Боже, как мог Дюваль совершить такое предательство? — с ужасом думал Эллис.— Хорс рассказывал, что они не мучили брата, относились к нему очень хорошо, и он добровольно отдал им свои бесценные конструкторские идеи».

— Нет, я не верю в это,— прошептал он, а затем вдруг громко выкрикнул слова, навязанные ему Уюку.— Он всех нас одурачил! — Этот вскрик вонзился в его сердце, словно кинжал.

— И будет дурачить,— ровным голосом проговорил Уюку.

На этот раз в его словах прозвучал упрек.

— Когда-нибудь Садо, Окинава, Додзэн и все остальные порты вдоль границы будут укреплены новым оружием. Вот тогда можно спокойно распрощаться с нашими налетами. Нам останется только грабить орбитальные корабли и обворовывать мелких торговцев, спасаясь бегством от дерьмовой гвардии Ямато.

— Хватит!

— Прости, Эллис, но ты должен был все это узнать.

Уюку повернулся и направился к своему костру. Эллис проводил его долгим взглядом. Планы его рушились, а душа горела адским пламенем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Место действия: Садо

В апартаментах даймё было темно. Нисима Юн лежал на мягких подушках, удовлетворенно размышляя о своей работе по укреплению обороны Садо. Время от времени его мыслям мешали сладострастные сексуальные фантазии.

Он собрал всю свою силу воли, чтобы отвлечься от воспоминаний о восхитительной любовной игре, которую он начал шесть дней назад. В памяти Нисимы всплыл образ очаровательной тайваньской девушки. Ее гибкое тело, упругая грудь, пухлые губы и черные глаза не давали ему покоя.

Ее темпераментное неистовое сопротивление еще больше распаляло. Он сломал его, овладел ею, вонзился в нее и насытился. Он угрожал ей, приказывая никому не говорить об этом, иначе пострадает вся ее семья. Он хотел ее снова и снова — дважды, трижды в неделю, каждый день! О, этот сводящий с ума терпкий запах ее густых шелковистых волос...

— Вэй,— медленно произносил он ее имя.— Вэй,— наслаждался он легким придыханием и движением губ. «А что, если она расскажет? — спросил себя внезапно обеспокоившийся Нисима.— Вдруг она уже беременна? Я бы мог гордиться этим, если бы не Фумико. Узнай она об этом, разразится страшный скандал. Нет, нужно быть осторожным, особенно в эти дни. Ох, как я должен быть осторожен! Прелюбодеяние с сангокуинкой — не тот поступок, который приличествует даймё. Это противоречит конфуцианскому идеалу. Все это может привести к по-

зору и смерти, особенно теперь, когда среди нас бродит призрак кэмпэя».

Нисима мысленно устремился к зданию кэмпэя. Он понял, что совершил серьезную тактическую ошибку и не простит ее себе. Никто не должен узнать о его слабости, ведь это разрушит всю его жизнь. Даймё услышал, как за стеной раздались шаги, но никакой реакции охраны не последовало. Двери распахнулись, и в комнату вошла Фумико, затем стража бесшумно затворила двери. Жена подошла к нему и сложила на груди руки. Она стояла так близко, что складки ее длинного платья касались его умащенных волос, связанных в пучок.

— Какая жара!

— Она разбудила вас, Фумико-сан? — его голос был холоден, как лед.

— Вы не намерены идти спать?

— Я не устал сегодня.

Она взглянула на зеленые ивовые ветки, изображенные на прекрасной фарфоровой вазе.

— Брачная постель — не только для сна, Юн-сан.

Она громко вздохнула и отошла от него, но не уходила, уставившись в открытое окно. «О, звук твоего голоса иссушает всякое желание»,— подумал Нисима.— «Вэй»,— с нежностью произнес он про себя имя любовницы».

— Закон повелевает мужчинам и женщинам...

— Я знаю закон.

— Тогда почему вы не подчиняетесь ему? — ее жалобный голос был лишен всякой надежды.

Нисима холодно улыбнулся.

— О чем может идти речь, когда вы бесплодны, Фумико-сан, и мы оба знаем об этом.

— Но я отправила еще одно прошение. Мне дали разрешение на операцию. Всего три ночи в медицинском центре в Киото, если только вы согласитесь. Мне пересадят новую матку и яичники. Боги благосклонны ко мне — донор происходит из самурайской семьи. Уверена, что все пройдет успешно. Пожалуйста, Юн-сан, пойдемте в спальню... Ради меня...

— Нет, только не сегодня.

Она зло взглянула на мужа.

— Вы несчастный человек. В вашем сердце нет места любви и долгу. Вы — не настоящий мужчина.

«Всегда одно и то же. Как надоели ее упреки,— подумал Нисима. — Если бы она знала. Если бы она только видела, как хлынуло сегодня мое семя на вздрагивающий разгоряченный живот тайваньской девушки! О, что это был за поток — словно из прорвавшейся плотины! Нет, в нынешний полдень я был особенно силен. Бедная усердная и беспомощная Фумико! Тебе не понять, что никакая трансплантация не сделает тебя желанной. Использовать яичники другой женщины — стать носителем чужой наследственности. Я никогда не пожелаю тебя и не дам тебе ребенка».

— Идите спать, Фумико-сан.

Но она уже и так выходила из комнаты. Он лег на спину и закрыл глаза. Даймё устал. И все же он не хотел отдаться сну прежде, чем разрешит стоящую перед ним проблему. «Еще раз с самого начала, чтобы все прояснилось»,— велел он себе.

Первый симптом надвигающейся беды был связан с приземлением Кин кайгуна. Новость о прибытии Фукуды распространилась в Канадзаве за две недели до его появления. Зловещие слухи разнеслись по всему континенту и поразили жителей планеты, как тяжкая эпидемия. К приезду мэцукэ сформировался комитет из достойнейших самураев. Нисима согласился встретиться с ними под предлогом подготовки к радушному приему Фукуды, но истинная цель встречи была другой.

Прибытия кэмпэя больше всего боялись землевладельцы, которые уже давно обосновались в Сфере Процветания. Самураи, первыми прибывшие на планету, недружелюбно относились к потеснившим их новым землевладельцам.

К тому же со времен заселения Садо кэмпэй ни разу их не побеспокоил. Все эти годы Киото сквозь пальцы смотрело на миры, находящиеся за официальной грани-

цей Ямато. Обычно люди, бывшие источником богатства императора, обходились без духовной помощи, столь необходимой внутри государства, где строго контролировались полукровки и тайные сангокуины.

В последнее время инспекторы кэмпэя оказывали сильное давление на правительство Муцухито. Они использовали свое сверхъестественное влияние на сёгуна, который являлся приближенным императора. И вот зловещая тень кэмпэя пересекла орбиты и достигла Садо. Нисима ясно понимал, что кэмпэй создает угрозу и его собственной временной власти. Он пытался придумать хитрый способ отвлечь внимание инспекторов, но комитет достойных самураев настоял на том, чтобы отдать в их распоряжение американцев, предполагая, что жрецы кэмпэя будут этим удовлетворены.

Фукуда потребовал большой дом на главной площади, поближе к святилищу. Он решил, что это самое удобное место для допросов американских контрабандистов, особенно тех, которые уже влились в фабричную жизнь Садо. Повсюду, зачитав приказы, уведомили жителей, что американцы подозреваются в нечистоте и должны прийти к мэцукэ, чтобы очиститься. Их разыскивали по всему Садо. Под угрозой конфискации имущества и ссылки никто не утаивал местонахождения гайдзинов.

Поначалу Нисима не предпринял никаких шагов, чтобы защитить американцев, сочтя, что благоразумие может оказаться самой эффективной политикой. Он послал Хасэгаву Кацуми поговорить с отцом о конструкторе оружия и успокоить старика. «Дюваль не только конструктор,— рассуждал даймё.— Он стал теперь усыновленным мужем, пройдя брачную церемонию и дав обеты. Его духовная чистота подтверждена тем, что его приняли в почетный клан Хасэгавы. Человек получил новое имя. Он усердно посвятил себя работе и безвыездно живет в отдаленном поместье. Если повезет,— думал Нисима,— пройдут годы, прежде чем кэмпэй придет в Тибу».

Но Дюваля предали, кто — неизвестно. Слуга ли, жрец, или кто-то из его соотечественников, прознавших, что он

конструирует новое оружие для японцев. Как бы то ни было, но кэмпэй узнал о нем, и Дюваля взяли под стражу. Тогда Нисима пустил в ход свои привилегии даймё. Как бакуфу, самый главный чиновник в колонии, он имел определенные права и мог предъявить свои требования. Но первая беседа с мэцукэ прошла не очень удачно.

— Это дело особой стратегической важности, Фукуда-сан. Я уверен, вы понимаете...— объяснял он виноватым тоном.

Мэцукэ сидел неподвижно и пристально смотрел куда-то в сторону. Казалось, он даже не слушал. Во время их второй встречи Фукуда решил прояснить свою позицию.

— Ваше высокопревосходительство выражает интересы правительства, но, пожалуйста, не забывайте, что наша служба — это главное орудие самого императора.

— Конечно, я согласен с тем, что все гайдзины должны быть выданы. Но этот человек — не гайдзин.

— В самом деле? — отозвался Фукуда, откинувшись назад и не проявляя даже намека на прежнее дружелюбие.— В этом вопросе наши мнения расходятся. Термин «гайдзин» включает в себя и так называемых принятых мужей, а также всех тех, кто не может доказать, что их предки жили в Древней Нихон.

— Пожалуйста, извините меня,— униженно проговорил даймё, пораженный непреклонностью Фукуды. Он снова подавил свою гордость. — Этот человек — принятый муж. Он полностью отказался от своего прошлого. Его прежняя жизнь кончилась, его прежнее «я» мертво. Он такой же надежный гражданин Ямато, как и даймё Садо.

— Неужели? — Фукуда сделал значительную паузу.— Я приветствую любую попытку помочь нашей службе, но вы не можете знать истинных убеждений этого гайдзина. Искусство допроса поможет нам выяснить его подлинную веру. И если боги будут благосклонны к нам, мы получим интересный результат.

Нисима содрогнулся, поняв, что ему не удастся переубедить мэцукэ, и Дюваля подвергнут самому жестокому

допросу. Но все-таки он попытался еще раз склонить Фукуду к пересмотру решения.

— Этот человек способен оказать его императорскому величеству неоценимую услугу. Для него можно было бы сделать исключение, в отличие от всех остальных американцев.

Мэцукэ молча положил перед Нисимой рукописный свиток.

— Император Муцухито желает, чтобы все названные здесь люди были взяты под стражу, отправлены в тюрьму в Канадзаве и подвергнуты допросу.

— А если он окажется чистым, Фукуда-сан?

— О, если он окажется чистым, нам придется освободить его. — Страшная улыбка мэцукэ поразила Нисиму.— Но кто среди живых действительно чист?

Даймё не нашелся, что ответить. Разговор был завершен, и ему пришлось откланяться. Взгляд Нисимы обратился к дому, плексовые пристройки которого стали тюрьмой для человека, имевшего ключ к военной победе.

«Ах, как плохо все получилось,— размышлял даймё, энергично почесывая мошонку.— Я сделал все, что мог. Хотя, в конце концов, жизнь американца уже не представляет той ценности, что раньше. Он выполнил свою задачу, а его тайное оружие почти изучено группой помощников. Я молю богов, чтобы это было именно так. Ставлю золотой слиток против бамбуковой шляпы, что он никогда не выберется из этого дома живым».

Нисима опять почувствовал назойливое покалывание и почесался. Затем поднес руку к свету и стал пристально рассматривать ногти. Внезапно лицо его вытянулось.

— Вэй! Ты просто грязная шлюха! Эта омерзительная маленькая сангокуинка наградила меня вшами!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Вы верите в божественность императора, Дюваль Стрейкер?

Главный инспектор — низкорослый, чуть сгорбленный седой человек в пурпурных одеждах — стоял на коленях на небольшом помосте. Справа от него сидел помощник — Хисикари, строгий, с густыми бровями человек лет пятидесяти в черном кимоно, украшенном серыми вышитыми спиралями галактик. Он молча уставился в свои бумаги.

Слева от него находился Вада — мужчина помоложе, в простой коричневой одежде. Он вел запись допроса, время от времени опуская кисточку в чернила. Возле стены в тени, сбоку от Вады, сидел крупный мужчина в свободных черных одеждах хаори. Еще один, его имя было Судзуки, скрывался за перламутровой ширмой. На низком столе, аккуратно покрытом белой шелковой скатертью, лежала миниатюрная копия гохэя, чернильные коробочки и кисточки, какие-то бумаги и наполовину обнаженный меч.

— Я спрашиваю вас снова: верите ли вы в божественность императора?

— Да.

— Свидетели говорят, что нет.

— Какие свидетели?

Сидевший справа от главного инспектора человек подал голос:

— Множество достойных людей предложили нам свои услуги. Но все это лишь простая формальность. Нам и самим известны ваши мысли.

— Кто донес на меня?

— Наше правило — никогда не называть имен.

— Скажите мне, кто уверяет вас, что я нечист?

— Мы не нарушим правила и будем придерживаться наших обычных методов.

— В чем заключается моя вина?

— У нас не принято сообщать об этом.

— Тогда как я могу защищаться?

— А вам и не нужно защищаться. От вас лишь требуется чистосердечно отвечать на вопросы. Вы верите в божественность императора?

Жажда Дюваля обострилась, кровь прилила к голове. Яркий свет, казалось, пронизывал насквозь. Его долго держали в абсолютной темноте. Он потерял счет времени. Дюваль не знал уже, сколько месяцев он находится в заключении — три, шесть, девять...

Кисточка, оставлявшая на бумаге витиеватые иероглифы, зачаровала пленника. Он смотрел на нее и не мог оторваться, хотя назойливые вопросы держали его в постоянном напряжении. Они повторялись бесконечно — одни и те же. Наконец он почувствовал страстное желание дать на них совершенно другие ответы. Резкий удар гонга вывел его из оцепенения. Дюваль взглянул на блестящий меч, предназначенный для сэппуку, и вздрогнул.

— Расскажите о себе.

— Мне нечего рассказывать.

— У каждого есть биография,— холодно произнес мэцукэ.

— А у некоторых и не одна,— поддержал его Хисикари Нобуро.

— Вы умеете читать по-японски?

— Да.

— Сколько каньи вы знаете?

— Не могу ответить точно — четыре, может быть, пять тысяч.

— Вы знаете, что это такое?

— Да. Это кисточка для письма.

— Возьмите ее.

— Зачем?

— Возьмите ее с собой в камеру. Вам принесут лампу, и вы напишете для нас полную исповедь вашей жизни. Вы должны описать каждую деталь такой, как она сохранилась в вашей памяти. Мы вызовем вас снова, как только вы закончите исповедь.

— А если я откажусь?

— Вы не откажетесь.

Вскоре Дюваль заболел. Он не мог назвать время суток, сказать, как долго писал он свою исповедь — неделю, две или же целый месяц. Он не мог определить это ни по регулярной выдаче воды и риса, ни по тому, как часто зажигали для него ослепительно яркую синюю лампу. Никакой другой свет не проникал в жаркую сырую камеру. Она казалась герметичной, но мухи, привлеченные зловонием из угла, все-таки нашли лазейку.

Его слух значительно обострился. Он уже различал приглушенные, едва слышные звуки за дверью. Стража, ходившая босиком, приказала не шуметь. Его били по пяткам, когда он нарушал запрет. Снаружи никто не разговаривал, и он не слышал ничего, кроме сдавленного кашля, стона или криков, раздававшихся во время пыток. Сколько пройдет времени, прежде чем они снова придут бить его?

Постоянный страх не давал покоя. Ему казалось, что его мозг стал тяжелым, словно золото. Мысли хаотично переплетались. «Я болен?» — спрашивал себя Дюваль, не в состоянии преодолеть тяжелую усталость, наполнившую все его тело. «Неужели они добавили в воду наркотики? Может быть, они заразили меня какой-нибудь болезнью?» Он лежал на спине на грязном татами, заменявшем ему постель. Липкие видения посещали его, он соскальзывал в дремоту, а затем падал в какую-то грязную яму. Внезапно он почувствовал резкий позыв облегчиться, но силы совсем оставили его, и он не смог подняться.

После того как его избили в третий раз, он написал исповедь, наполнив ее всеми деталями своего прошлого,

которые только сумел восстановить в памяти. Они пришли и забрали бумаги, но до сих пор еще не вызывали на допрос. Дюваль вновь почувствовал давление в мочевом пузыре. Не в силах подняться, он расслабил мышцы внизу живота и почувствовал, как теплая струя потекла между его ног, заполняя камеру едким запахом. Но он мог только безвольно уговаривать себя, что это все не важно, что ночной кошмар когда-нибудь кончится и он вернется к нормальной жизни.

Вскоре его вновь вызвал мэцукэ. Дюваль был ослеплен ярким светом, лучи которого резали глаза и впивались прямо в мозг. Служители кэмпэя сидели в том же порядке и, как и на первом допросе, назвали свои имена. Они приказали ему объяснить некоторые коаны дзэн и отгадать загадки. На некоторые вопросы он мог тут же дать ответ, но речь его была бессвязной. Ему дали воды, чтобы он изъяснялся, как человек, а не каркал, как ворон. Он подумал, что Элен ди Баррио и остальные пленные американцы не способны сказать о коанах дзэн ничего, кроме того, что это «мистическое дерьмо».

— Что мы слышим, когда хлопаем в ладоши?

— Звук ветра ниоткуда.

— Ниоткуда?

Дюваль ничего не ответил.

— Говори!

— Нигде — это место, куда уходит темнота, когда включают свет.

— Ты веришь в божественность императора?

— Да.

Дюваль не лгал, потому что в некотором смысле он считал Муцухито богом.

— Ай-йи! — Судзуки взорвался от гнева.— Ты лжешь, пытаясь спасти свою жизнь. Ты знаешь, что если будешь отвечать так, как ты действительно думаешь, то умрешь.

— Я хочу умереть.

— Чему тебя учили в детстве?

— Верить логике.

— И ничему больше?

— Верить в то, что существует много путей, и все они имеют силу. Меня учили верить в основные права человека.

— Сэ дэсу ка? Правда? Вас заставляли верить в эту ложь?

— В Американо никого не заставляют верить.

— Тогда как ты заразился этими идеями?

Дюваль сдержался, понимая, что его заманивают в ловушку самообвинения.

— У меня было неустроенное детство, без систематического обучения, и в этом не моя вина.

— Но, повзрослев, ты не исправил своих ошибок. Почему?

— Когда я жил в Американо, никто не допрашивал меня таким образом, как принято у вас.

— В Американо существует много заблуждений.

— Там никто не боится открыто высказывать свое мнение.

— Сэ дэсу иэ. Я согласен. Но кто заставляет американцев поступать согласно этим принципам?

— Это Путь Американо.

— Нечистый путь!

— Другой Путь! — возразил Дюваль.

— В Американо нет такого понятия!

— Там нет бусидо.

— Поэтому там не может быть и чести.

Наступило молчание.

— Ты и другие американцы сдались в плен во время боя. Именно поэтому ты теперь покорен и следуешь Пути. Ты мертв!

— Это не так! — он дрожал, его зубы стучали, как игральные кости.

— Объясни.

— Люди, сидевшие в тюрьме в Канадзаве, были свободно обмененными заложниками, согласно договору, который заключил наш командор с даймё. Те, кого привезли с Тиноцуки, высадились туда вынужденно. Я тоже не сдавался в плен. Меня схватили через несколько дней после боя, когда я пытался раздобыть еды.

— Значит, ты вор!

— Я только попытался стать вором.

— Закон Ямато рассматривает только преступление, его не интересуют мотивы.

— Тогда я не вор!

Фукуда разгневался. Он резко поправил складку на рукаве, так что раздался треск разошедшегося шва.

— Наша цель — изучить твою жизнь, чтобы составить представление о твоей чистоте. Ты, наверное, знаешь, что невозможно стать настоящим мастером го, если человек не научился играть до пятилетнего возраста и не продолжает регулярно совершенствовать свое умение.

— Я был не волен распоряжаться тем, где и когда мне родиться.

— Факт остается фактом. Ты провел четверть века в полном неведении о Пути.

— Это не совсем верно. В Американо есть несколько превосходных сочинений о бусидо. Книгу «Го рин но со» можно найти во многих библиотеках в английском переводе.

— Последним замечанием ты обнаружил свое полное неведение. Японский намного сложнее перевести на варварский язык, сохранив при этом самый важный смысл. Английский не способен передать древнюю классику, такую, как сочинение «Го рин но со».

— Я, как и многие другие в Американо, обучался японскому языку.

— Ты занимался им как своего рода интеллектуальным упражнением?

— Отчасти.

— Да или нет?

— Да.

— Следовательно, ты учил японский с этой целью, а вовсе не для того, чтобы уйти от тех, кто по своей воле оставался в неведении.

— Мы не считали себя заблудшими. Американцы полагают, что есть много путей, и все они имеют равные права на существование.

— Ты жил согласно этой философии?

— Я жил так же, как и все окружающие.

— Вакаримасита! Как овца!

— Как человек!

— Однако ты говоришь, что в Американо не принуждают верить.

— В Американо существует закон, который гарантирует всем мужчинам и женщинам основные права и свободы.

— Эта идея опасна и отвратительна. Все ваши законы есть попытка извратить естественный порядок, данный богами.

— В английском существует такая поговорка: «Человек — не остров». Это значит, что ни один из нас не изолирован от остальных, все мы вовлечены в единую жизнь.

— Значит, ты допускаешь, что не верил в собственную свободную волю?

— Я никогда не верил в свободную волю.

— Ты действовал вразрез с вашими культурными традициями.

Опять наступило молчание. После некоторой паузы допрос продолжил Хисикари.

— Ты когда-нибудь утверждал, что имеешь права, но не имеешь обязанностей?

— Не было такого.

— Обучали ли тебя Пути?

— Да, но неофициально, без церемоний.

— В английском есть слово «японец»?

— Да. Оно произносится «ямбо».

— Ты веришь в божественность императора?

— Да.

— Открой глаза и взгляни сюда.— Хисикари взял со стола бумаги и приблизил их к свету. — Я прочитал твою исповедь. Теперь я спрашиваю себя: где искать основание для недавних перемен, произошедших в твоих убеждениях?

Писец Вада Дзэнго пояснил мысли Хисикари:

— Мы считаем, как и древние, что душа человека — это глиняный сосуд, мягкий и податливый при первых движениях гончарного круга. Когда человек подрастает, сосуд обжигают, его форма затвердевает и не может больше изменяться.

— А когда на него оказывают давление,— серьезно добавил Хисикари,— сосуд разбивается.

— Однако, Дюваль Стрейкер, вы утверждаете, что изменились, — проговорил Фукуда,— и сосуд при этом не разбился.

— Мои представления изменились, так же как и мое имя. Меня зовут Хасэгава Дзинан.

— Маска! Изменение имени не имеет никакого значения.

— Все преступники имеют клички,— проговорил Вада.

— Я не преступник!

— Где же твое алиби?

— Я не преступник.

Хисикари хлопнул рукой по бумагам, исписанным исповедью Дюваля.

— Ты хочешь сказать, что это — твое алиби?

— Это правда, которую вы просили меня сообщить вам.

— Странно, что она не согласуется с признаниями некоторых других американцев.

— Что?

— Они осуждают тебя.

— Они лгут от страха.

— А ты разве никогда не испытывал страха?

На этот раз ответа не последовало. Фукуда продолжил допрос.

— Ты согласился стать принятым мужем Хасэгавы Мити только затем, чтобы сохранить себе жизнь?

Дюваль с ненавистью посмотрел на служителей кэмпэя. Его гнев пересилил страх, но упоминание имени жены повергло его в паническую дрожь.

— Если скажешь нам правду, тебе будет дарована свобода.

— Я сказал вам правду.

— Ты испытываешь вину за разрушение флота в Ниигате и оскорбления, нанесенные правительству императора?

— Клянусь богами, это не имеет ко мне никакого отношения.

— Почему ты не упомянул о своем японском происхождении?

— Что?

— Мы провели генетическое тестирование и обнаружили, что ты наполовину японец.

— Невозможно. Это, должно быть, ошибка.

— Я еще раз предупреждаю, чтобы ты говорил правду.

— Зондировать его! — потребовал Хисикари.

— Надо ли нам тебя зондировать?

В горле у Дюваля пересохло. Он с ужасом смотрел на Фукуду. Мэцукэ повторил вопрос. В его голосе звучало наигранное сожаление о том, что зондирование необходимо и неизбежно.

— Надо ли?

— Да! — выкрикнул Хисикари. — Если бы ты был искренен и сделал откровенное признание, нам не пришлось бы применять зондирование.

— Я все рассказал вам.

— О злой получеловек! Покажите ему, что с ним станет, если он не изменит своего поведения.

Служители кэмпэя набрали себе в подручные хини и корейцев, имевших стальные нервы и привыкших к ужасам. Среди них также оказались люди с садистскими наклонностями. Дюваля ввели в специальную комнату. На плексовом столе лежал красный раскаленный стержень, рядом — жидкие кристаллы и другие приспособления для имплантации. Раньше здесь администрация проводила опознание сбежавших рабов, теперь эту комнату использовали Фукуда и его свита, но в других целях.

Через открытое окно во дворике он увидел изуродованное тело Джеффа Смита, свисавшее вниз головой со специальной рамы. Кровь прилила к его лицу, и оно

было уже пунцового цвета. Обильные синяки и кровоподтеки на его коже свидетельствовали о том, что допрашивали его долго и с пристрастием. Трудно было сказать, находился ли он без сознания или уже умер.

Дюваля провели мимо боковой комнаты, где лежал обнаженный Кентвелл Харпер, привязанный к скамейке. Голова его была накрыта капюшоном, ноздри заткнуты ватой, горло перевязано, а в рот из воронки капала вода. Возле следующей двери он увидел ноги какой-то женщины, перебитые молотками. Дюваль с трудом узнал желтоватое обезображенное лицо Кай Боскович. Дюваля втащили в эту комнату и вылили ведро воды на лежащую без сознания Кай. Она пришла в чувство и с ужасом посмотрела на стальную конструкцию, забрызганную кровью, затем перевела взгляд на свои ноги и закричала. Жрец Синто встал рядом с Боскович, держа в руках гохэй.

— Помоги мне! Боже, помоги!

— Доси мосита?!

— Помоги мне, Господи!

— Ёрокондэ.

— Я сделаю все, что угодно! — закричала опять Боскович, порывисто втягивая воздух.— Все, что угодно!

— Нам нужна истина.

— Истина...

— Она опять потеряла сознание, Хисикари-сан.

— Здесь есть еще один. Особенный. Прозондируйте его.

— Слушаюсь, Хисикари-сан.

Дюваля заставили взглянуть на зонд, связали ему лодыжки и запястья, заткнули кляпом рот, не сняв зубные протезы. Кляп торчал, словно узда. Стрейкера крепко скрутили и надели на голову металлическое приспособление в виде садка для рыбы. Раздался щелчок включившегося механизма. «Где ты, Мити? — подумал Дюваль в последнюю секунду. — Вспоминаешь ли обо мне?» Ему показалось, что мозг начинает расплавляться, а затем его подвергли адским истязаниям.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мити не побоялась украсть фамильные драгоценности и аэромобиль. Она сбежала из-под стражи, которую установили ее родственники в Тибе, и тайно прилетела в Канадзаву, чтобы помочь своему мужу. Мити пришла в резиденцию даймё, но охранники не пропустили ее. Она не отважилась назвать свое имя из страха, что сыщики отца найдут и схватят ее. Она очень надеялась на Кацуми. Конечно, брат поможет ей, проведет к господину Нисиме.

Но когда она стала разыскивать брата, ей сказали, что даймё послал его в Ниигату. Мити почувствовала полное одиночество. Город казался ей теперь мрачным и неприветливым. Она пошла к знакомым, но двери домов зажиточных самураев закрывались перед ней. Те же, кто отваживался выслушать ее мольбы, ничем не могли помочь. Другие пользовались случаем, чтобы упрекнуть ее отца за одну только мысль выдать дочь замуж за варвара. Кое-кто пытался заманить ее в ловушку, чтобы отправить обратно в Тибу, но она убежала.

Мити продала за бесценок дорогой аэромобиль, внушающий подозрения к ней, и поселилась в дешевой гостинице в бедном квартале на окраине города. Тамошние обитатели разговаривали очень грубо, часто ссорились, а нередко затевали драки друг с другом. Окраина была застроена жалкими лачугами. Мити оделась в белый искусственный шелк вдовы из низшего класса, но речь, поведение, манеры часто выдавали ее. Здесь, на своей собственной территории, без надзора самураев бедняки становились безжалостными. Их слова обжигали ее, ча-

сто она слышала непристойный шепот за своей спиной, но вынуждена была сносить это.

Женщины-икки думали, что она сумасшедшая. Они без конца сплетничали о ее несчастьях и выдвигали самые фантастические предположения, каким обманом удалось ей получить самурайский статус. Она безропотно сносила издевательства детей, швырявших в нее камни и строивших рожи. Вонючие пьяницы, попадавшиеся ей навстречу, поражались ее красоте. Они делали ей непристойные предложения и пытались схватить, но она показывала им острый, как бритва, короткий меч, который прятала в одеждах. Поползли слухи. Сыщики отца все-таки обнаружили Мити. Юкико, ее горничная, и двое слуг матери приехали за ней, чтобы увезти.

Она уговаривала их не мешать ей, а даже помочь, но они только повторяли, что должны выполнить приказ Хасэгавы Кэни. Тогда она вытащила кинжал айкути и пригрозила, что прольет свою кровь, если они не отпустят ее. Наконец, в полном отчаянии она пришла к жилищу Ватару Хосино.

— Пожалуйста, Ватару-сан! Вы должны помочь мне!

— Входите, госпожа. Входите.

Он освободил для нее место на полу, предложил ей зеленого чаю и супа с лапшой, от которых она отказалась. Хосино принес извинения за небогатый прием. С беззубой улыбкой он сочувственно смотрел на нее, пока ее слезы не высохли. К нему подошла мохнатая рыжая собака. Ласково потрепав ее за ухо, он налил ей того самого бульона с лапшой, от которого отказалась Мити. Сквозь приоткрытую дверь была видна улица, где человек, с головы до ног покрытый татуировкой, срезал ножом изоляцию с гудящего кабеля напряжением 550 вольт, чтобы сделать нелегальную отводку.

— Вы знаете, что Дзинан-сан в тюрьме? — спросила Мити.

— Я слышал об этом, госпожа.

— Я должна спасти его.

Он погладил собаку и сложил руки на груди.

— Ваше сердце верит, что его можно выручить, но не знаю, смеем ли мы надеяться на это.

— Нет! — она побледнела, и на ее лице еще резче обозначились следы накопившейся усталости и бессонницы.

— Я верю! Я спасу его. Они собираются распять его, Ватару-сан, вы понимаете? Они собираются распять моего мужа!

— Тише, тише.

— Ватару Хосино, вы честный человек. Вы были когда-то солдатом. Помогите мне, или я пролью свою кровь.

— Успокойтесь, госпожа. Прислушайтесь к голосу разума, вы же дочь Хасэгавы Кэни. Я помогу вам. Наберитесь смелости и составьте план, как составил бы его ваш отец. Подумайте, как заставить мэцукэ изменить свое решение. Но будьте осторожны, берегите и свою собственную жизнь. Эти черные жрецы истолкуют вашу самоотверженность только как опасную заразу гайдзина.

Она согласно кивнула, поняв всю мудрость совета старика.

— Я должна найти способ увидеть Фукуду, объяснить ему, что Дзинан — верный подданный императора. Я расскажу ему о нашей свадьбе. Я уже пыталась встретиться с ним, но охранники, которых он выставил у дверей, не пускают меня.

Ватару поднял руки.

— Нет, госпожа. Вы не должны идти к Фукуде!

— Но если кто-либо и в состоянии отменить решение трибунала, то, конечно, только он.

Ватару помрачнел.

— Вы не заставите его сделать это. Вам нечего ему предложить.

Мити засунула руку в складки одежды и вытащила кожаный мешок. Она открыла его и высыпала кучку тяжелых самородков золота, серебра и платины.

— Посмотрите! Это выкуп.

— Я не думаю, что мэцукэ его примет, госпожа.

— Но мне рассказывали, что жадность Фукуды беспредельна,— произнесла она с лихорадочной надеждой.— Разве кэмпэй не обогащается за счет взяток? Это настоящие самородки самой высокой пробы, они стоят очень дорого!

— Тогда ради себя же самой, госпожа, не показывайте их Фукуде.

— Но...

Ватару покачал головой.

— Я знаю, как мэцукэ действовал раньше, а сейчас он стал еще более жестоким. Люди, прилетевшие с Кин кайгуном, рассказывали о его зверствах во время путешествия. Нет, госпожа, это настоящий фанатик, и вам не удастся сторговаться с ним. Если он увидит ваши самородки, то немедленно заберет их. Затем Фукуда будет вынужден заключить вас в тюрьму, чтобы скрыть свое воровство.

— Но что же делать?

— У нас мало союзников, госпожа.

— Даже Кацуми и тот в Ниигате.— Ее губы дрогнули. Она была готова заплакать.— Все, кого я считала своими друзьями, бросили меня. Не ожидала, что они окажутся такими трусами.

— Не вините их, госпожа. Они очень напуганы, потому что понимают, что кэмпэй найдет другую жертву, покончив с американцами.

Наступила тишина. Мити казалось, что она вот-вот задохнется.

— Значит, Дзинан-сан умрет?

Ватару чуть приподнялся с татами.

— Не теряйте надежды.

— Вы думаете, ему удастся сбежать?

— Тюрьма имеет плексовые стены и хорошо охраняется. Ему не сбежать. Но...

— Что?!

В ее глазах заблестели слезы. Вся ее судьба зависела от того, что скажет старик.

— Мне известно кое-что, госпожа. Ваш брат Кацуми находится не в Ниигате.

Старик сказал ей, что делать. Было уже темно, когда Мити пересекла городскую площадь. Высокая крыша резиденции даймё отчетливо выделялась на фоне звездного неба. На площади соорудили деревянный помост, предназначенный для предстоящей казни. Она с ужасом посмотрела на него и отвернулась. Стражник в воротах увидел ее одежды икки и не позволил ей войти.

— Прочь, женщина! Тебе нечего здесь делать.

Стражник был вооружен. Его лицо было обезображено следами оспы, а подбородок прикрывала клочковатая борода. Он явно не принадлежал к самурайскому сословию.

— Как ты смеешь обращаться со мной так грубо?

— Иди, женщина, пока мы не спустили на тебя собак!

Другой охранник, потщедушнее и позлее, ткнул факелом ей в лицо.

— Уходи!

Но она настаивала на своем.

— Я сестра Хасэгавы Кацуми. Мне нужно с ним поговорить.

Первый стражник внимательно посмотрел на нее. Его охватили сомнения, и он заговорил более вежливо:

— Человек, которого вы назвали, сейчас отсутствует. Его нет здесь.

— Не лги мне, солдат.

— Его нет здесь, я же сказал вам.

Она вытащила голубоватый слиток и поднесла его к свету факела, так что он ярко заблестел.

— Мне известно,— сказала Мити,— что Хасэгава Кацуми ужинает сегодня вечером с даймё.

Стражник, тот, что потщедушнее, взял слиток и начал его рассматривать. Он подул на него и потер рукавом, а затем взвесил металл на ладони — без сомнений, это было золото.

— Я доложу Хасэгаве-сан, госпожа.

— Быстрее.

Он исчез и появился через некоторое время с Кацуми, взбешенным оттого, что ему помешали. Кацуми грубо

схватил сестру и отвел подальше, чтобы стража не слышала их разговора.

— Мити-сан,— в ярости прошептал он,— вы сумасшедшая! Что вы делаете? Разве вы не знаете, что отец здесь, в Канадзаве? Он сбился с ног, разыскивая вас. Где вы были?

— Я хочу повидаться с даймё.

— Это невозможно.

— Кацуми-сан, я должна поговорить с ним!

Он затрясся от гнева.

— Неужели вы не понимаете, что нас всех едва не обвинили в государственной измене? Благодарю богов, что они помогли мне найти вас. Теперь я доставлю вас к отцу.

— Не вы нашли меня, а я вас! — ее голос зазвенел.— Вы должны помочь мне, Кацуми-сан! Я никогда так не нуждалась в помощи брата, как сейчас... Пожалуйста,— умоляла его Мити.

— Помочь вам? Зачем? Вы хотите вытащить американца из тюрьмы? Вы обесчестите всю нашу семью!

— Это ваш шурин, он член нашей семьи!

— Я с самого начала предостерегал, чтобы вы не заглядывались на него, Мити-сан! Но вы не послушали меня.

— Лицемер! Вы лжете! Вы первый привели его ко мне, а теперь отрицаете все от страха перед кэмпэем! Ведите меня к Нисиме, или я скажу мэцукэ, что вы почитаете христианского бога!

— Сестра, уймитесь!

Она с ненавистью посмотрела на Кацуми.

— Отведите меня к даймё, или я сдержу свое обещание!

Кацуми сдался. Он открыл дверь и повел ее по освещенным свечами коридорам, в самое сердце резиденции, в тихий, украшенный флагами четырехугольник сада, где меж поросших мхом камней журчал прохладный ручеек. Вдруг Кацуми остановился, молитвенно сложив руки у груди, и умоляюще взглянул на сестру.

— Подумайте, Мити-сан, прошу вас! Я уже разговаривал с даймё. Мне известно его мнение — он не поддержит вас. А если и согласится с вами, то все равно ничем не сможет помочь. Он не имеет власти над кэмпэем. Даже он бессилен спасти вашего мужа...

— Ведите! — пронзительно закричала она.

Звук ее голоса эхом раскатился по дому, словно возглас кацу в храме дзэн. Он зажал ей рот и повел дальше. Они подошли к резной деревянной двери, охраняемой двумя часовыми, которые вытянулись по стойке «смирно», завидев Кацуми. Не взглянув на Мити, они уставились прямо перед собой, пропуская старшего лейтенанта даймё. В приемной сидел Саёньи Хидэмаса, начальник охраны даймё.

— Нисима-сама у себя? — бесцеремонно спросил Кацуми.

Саёньи, мужчина лет сорока с черными лоснящимися волосами, оторвался от чтения и взглянул на них поверх очков, задержав оценивающий взгляд на нищенке позади лейтенанта.

— Да, Хасэгава-сан. Простите, но я не могу вас впустить, потому что у него сейчас мэцукэ. А кто это с вами?

— Благодарю вас.— Он с раздражением посмотрел на сестру. Но когда Кацуми собрался выйти во двор, Мити отказалась следовать за ним.

— Мити-сан...

— Мы подождем,— выпалила она.

— Как хотите,— пожал плечами Саёньи.— Извините,— процедил он сквозь зубы,— его превосходительство, вероятно, будет долго занят. Могу я поинтересоваться целью вашего визита?

— Мы по конфиденциальному делу,— отрезал Кацуми.

— Хорошо.

Хасэгава повернулся к секретарю спиной, чтобы скрыть замешательство. Лицо лейтенанта побагровело, он опасался, что Саёньи выскажет к нему неуважение. Но тот вновь нацепил очки на нос и равнодушно углубился в чтение. Мити стояла, опустив глаза. Сердце ее трепетало.

«Прав ли Ватару-сан? — напряженно спрашивала она себя. — Неужели мэцукэ действительно такой страшный человек? А если я брошусь ему в ноги и буду умолять, может быть, он пересмотрит решение? Даймё тоже замолвит слово, и Дзинан будет спасен».

Дверь неожиданно отворилась, и все присутствующие низко поклонились. Мити с удивлением заметила Фумико, стоявшую рядом с Нисимой. Даймё с благоговением смотрел на тощего человека в пурпурных одеждах.

Мити похолодела, не зная, на что решиться. Сейчас самый подходящий момент, чтобы броситься в ноги мэцукэ. Мити заметила, что даймё взглянул на нее с недовольством.

— Что она здесь делает? — в бешенстве прошептал он, тронув Кацуми за рукав и быстро отойдя к мэцукэ, с которым мирно беседовала Фумико. Они удалились, и эхо их голосов стихло в коридоре.

— Извините,— проговорил Саёньи,— я предупреждал вас, что даймё очень занят сегодня вечером. Не хотите ли подождать? Он скоро вернется.

— Благодарю вас, мы уже уходим. Кацуми схватил сестру за руку, но она оттолкнула его.

— Нет! Я не пойду!

В этот момент вернулся Нисима и приказал им немедленно войти в его кабинет.

— Объяснитесь, Хасэгава!

— Ваше превосходительство, извините, моя сестра...

Даймё гневно посмотрел на Мити.

— Что вы здесь делаете? Разве вы не знаете, что ваша семья разыскивает вас? Вам опасно показываться здесь.

— О... Мне необходимо было встретиться с вами, ваше превосходительство...— она запнулась, не решаясь сказать о самом главном.— Дело касается моего мужа.

— Вашего мужа? Он под арестом. Я ничем не могу ему помочь.

Вошла Фумико и окинула всех холодным взглядом.

— Пожалуйста, помогите спасти его! Ради себя самого, господин...

— Вы забываетесь, Мити-сан! — резко ответил даймё.

— Но вы даже не выслушали до конца, Юн-сан,— вмешалась вдруг Фумико.— Говори, дитя,— обратилась она к Мити.

— Это касается сверхоружия. Дзинан говорил мне, что сохранил в секрете пропорции камеры сгорания. Без этого фабрика не сможет выпускать другие пушки, и ваша работа не произведет впечатления на его императорское величество. Муцухито не позволит вам вернуться обратно в Ямато.

Глаза даймё сверкнули.

— Это правда, Кацуми-сан?

— Я не знаю, ваше превосходительство.— Хасэгава сделал беспокойный жест.— Возможно...

Фумико насмешливо наблюдала, как ее муж тяжело опустился на татами и стал нервно теребить усы. «Ты дурак, Юн-сан! — думала она с ненавистью.— Ты самурай первого ранга, и мог оказаться на месте Фукуды Икку. Но вместо этого тебя послали на Садо. Теперь мы оба угодили в ловушку на этой отвратительной планете. Нам никогда не выбраться отсюда, я никогда не увижу Киото. Никогда! О, как я ненавижу тебя, Юн-сан, ненавижу твою слабость и спесь, твою отвратительную манеру унижать меня.

Ты думаешь, я ничего не знаю о твоих похождениях?! У меня есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Я не такая дура, как тебе кажется. Богам известно, сколько дней и ночей я терплю твои грязные связи с омерзительными шлюхами-сангокуинками. Сколько это может продолжаться? Тебе наплевать на все, проклятый распутник! Тебя не волнует, что император ни за что не отправит нас обратно в Ямато, пока Сэкигахава, помогавший тебе в убийстве принца Кано, не умрет. Но Сэкигахаве нет и тридцати лет! Мы никогда не переживем его.

Ты знал, что сверхоружие было твоей единственной надеждой, однако ты позволил Фукуде арестовать американца. А сегодня вечером, вместо того чтобы спасти его, ты унижался, как последний гайдзин, перед этим воню-

чим, маленьким, дергающимся в судорогах жрецом. Тебя не тревожит, что мы обречены провести свои дни за чертой цивилизации!»

— Вы знаете, почему здесь был главный инспектор, Мити-сан? — пустился в объяснения Нисима. Он успокоился, в его голосе даже зазвучало сочувствие.— Сегодня вечером я просил мэцукэ освободить вашего мужа, но он только что отказал мне. И у меня нет законных способов, чтобы отменить его приказ.

— Тогда, пожалуйста, попытайтесь найти какой-нибудь другой способ. Я умоляю вас!

— Хасэгава-сан, отведите ее к отцу. Пусть она поймет, что ее мужу уже ничем нельзя помочь.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Подойдите сюда, Мити-сан!

Фумико неожиданно шагнула вперед и преградила дорогу Кацуми. Глаза ее вспыхнули.

— Будет лучше, если вы оставите ее мне. Я знаю, как успокоить ее. Она нуждается в женском участии, а не в грубых словах.

Мити вся дрожала. Она уже не владела собой и позволила увести себя из комнаты даймё. Женщины остались вдвоем.

— Скажите мне, дитя, откуда вам известно, что император не захочет отозвать своего даймё с Садо?

Мити взглянула на Фумико и поняла, что невольно обнаружила свою осведомленность о тайных причинах неудавшейся карьеры даймё. Это могло принести ей большие неприятности, но ее уже ничто не волновало.

— Я давно поняла, что назначение сюда Нисимы явилось, по существу, ссылкой. Он хотел создать сверхоружие для того, чтобы вернуть благосклонность императора.

— Вы это очень тонко подметили, Мити-сан.

— Мне известно, что император сослал его сюда, потому что он совершил страшное преступление, чтобы оказать услугу Муцухито.

— А вы знаете, что это было за преступление?

— Нет, Фумико-сан...

Мити, заплаканная, убитая горем, наивно взглянула на жену даймё, сердце которой вдруг учащенно забилось. «Я могла бы иметь такую дочь,— с горечью подумала Фумико,— если бы не вышла замуж за Нисиму. Этот подлец за двадцать лет нашего бесплодного брака не пожелал дать мне разрешение на трансплантацию. Он разрушил мою жизнь,— размышляла она, глядя в распухшие от слез глаза Мити.— Но я заставлю его заплатить мне за все. Кажется, пришло время!»

— Я скажу вам, в чем заключалось его преступление,— решительно проговорила Фумико.— И если хотите, воспользуйтесь этой тайной, заставьте его помочь вашему мужу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Место действия: Система Окинавы. Нейтральная Зона

Эллис стоял на корме «Конституции», глубоко погруженный в размышления. Было прохладное раннее утро. Прозрачная розоватая дымка окутывала заросли и опушку леса, на которую они приземлились. Плексовое покрытие корабля, отсыревшее от росы, еще не успело подсохнуть на солнце. Вглядевшись, Эллис обнаружил, что оно усеяно крупными зелеными мотыльками. Их бархатные крылышки вздрагивали. Казалось, они выбрали самое лучшее место на поляне, чтобы погреться в лучах восходящего солнца. Мотыльки вылетали из джунглей.

«Сколько их здесь, на этом континенте Окинавы,— подумал Эллис,— миллионы. Миллионы прекрасных приманок для лесных птиц. И никто не любуется ими в этом пустынном месте. Они высыпали здесь, словно незримые капли дождя над безлюдным океаном».

Эллис обогнул крыло корабля, и мысли его потекли по другому руслу. Взгляд его упал на новые экспериментальные антенны. Они легко вращались в разные стороны, присоединенные к странному, наподобие рога, передатчику, не похожему на все те, которые он видел раньше. Ими был оснащен «Ниндзя», торговый корабль Ямато, который они недавно захватили. Эллис дотронулся до одной из приемных антенн и задумался. Он давно хотел обновить маскирующую аппаратуру, но это требовало больших затрат, поэтому пока пришлось отказаться от такой идеи. Астронавты давно уже поняли, что камуф-

ляжные на корабле устройства иногда неоценимы во время путешествия.

Айртон Родриго научил Эллиса, как лучше всего добиваться маскировочных эффектов в различных условиях. Но то, что они обнаружили на захваченном «Ниндзя», превзошло все ожидания. Новые антенны были настоящим произведением конструкторского искусства. Они могли сделать корабль практически невидимым. Этими антеннами пользовались торговцы, чтобы избежать пиратских нападений. Но и сами пираты могли взять их на вооружение! Мысли об Айртоне Родриго навеяли воспоминания о брате.

Слова Хорса невыносимо жгли сердце Эллиса. Умирая от стыда, он представлял себе Дюваля с женой-японкой, или во время испытаний в лаборатории. «Я хотел вызволить его даже в Лагере Расплаты,— с горечью признавался себе Эллис,— а он оказался предателем. Какой позор!.. Его взяли в плен. Это я могу понять и даже простить. Но я никогда не прощу грязным жрецам, что они околдовали его душу, завладели его сознанием и волей. Клянусь Богом, они дорого заплатят за это!»

Постепенно его мысли обратились к Муцухито. Он обрушится на императора и получит должную компенсацию. Ямато отдаст ему миллионы кредитов за каждую унцию тела Дюваля. С новым экипажем ему ничего не страшно.

Эллис постоянно работал с экипажем «Конституции», формируя в сознании людей свои принципы. Он признался Томасу Броди и Ли Гласс, своим заместителям, что хотел бы научить их искусству лидерства. Оба они очень походили на Боуэна и были способны к этому. Лидерство само зарождается в личности, но его можно пробудить и хорошим примером. Это качество существенно необходимо в экстремальных ситуациях, чтобы сплотить людей и направить их действия в нужное русло.

«Добейтесь того, чтобы подчиненные уважали вас,— говорил им Стрейкер.— Если они вас не полюбят, при-

дется держать их в страхе, а это плохая замена. Но в любом случае они должны относиться к вам с уважением. Наказывая их, не проявляйте свой гнев. Они должны понять причину наказания и быть убеждены в его справедливости. Остерегайтесь слишком болтливых. Доверьте им какой-нибудь незначительный секрет и проверьте, сдержали ли они свое слово не рассказывать о нем никому. Это убережет вас от раскрытия настоящей тайны. Всегда помните, что в сражении пять добровольцев превзойдут десятерых бесстрашных бойцов и двадцать трусов».

За время полета его принципы вошли в кровь и плоть всего экипажа, вооружив его надежным щитом, лучше всякого плексового покрытия. Хотя экипаж насчитывал всего сто семнадцать человек, все они были уверены, что план их капитана осуществится во что бы то ни стало. Ожидалось, что Кин кайгун сформирует конвой для Окинавы через несколько месяцев. Тем временем экипаж «Конституции» успел уже похозяйничать на планете. Они захватили пять небольших кораблей и сняли с них оборудование, грузы, личное имущество — словом, все, что сочли нужным забрать. Подавляя небольшое сопротивление, они уничтожали приземлившиеся корабли, а людей отпускали. Они не проливали крови, а пользовались паникой и страхом, которые всегда были очень заразительны.

Их база располагалась в джунглях малонаселенного южного континента Окинавы. Неподалеку мощные установки добывали и очищали руду для концерна «Мицуи». Очистительные заводы имели усиленную охрану. Порт Тайто, который так удачно посетил Уюку, находился на экваторе. Страшная жара, испарения аммиака, злые насекомые превращали жизнь в этом месте в настоящее истязание. Корабли, покидавшие планету, были доверху нагружены сверхтяжелыми металлами. Они нуждались в гравитационной поддержке для выхода на орбиту. Планета отличалась неустойчивым климатом — местные жители насчитывали десятки тайфунов в год. Два мате-

рика планеты соединялись перешейком, по которому была проложена железная дорога, казавшаяся неуязвимой для нападения.

— Успеха, Као!

— Спасибо, капитан!

Уверенная улыбка Као сверкнула в ночной темноте. Он казался возбужденным, потому что шел на очень рискованное дело, да еще в одиночку. Все поражались его отваге. Они знали, что если власти Окинавы поймают диверсанта-сангокуина возле железной дороги, то сдерут с него живьем кожу. Незадолго до этого Пэл Розен посадила наполненный грузом шаттл на южном континенте. Она привезла все необходимое для выживания, а также подарки сбежавшим от властей Ямато рабам, о которых было известно, что они населяют самые глухие, не охраняемые полицией территории. Около крутого утеса американцы нашли удобную пещеру и спрятали там куски плекса, инструменты, оборудование, подготовленный шаттл, продовольствие и оружие, предназначенное для захвата кораблей Ямато.

Затем они направились на север, где им удалось взять в плен Рикахангу, астронавта Ямато, который рассказал много интересного. Прибытие Кин кайгуна в порт Тайто ожидалось с недели на неделю. Золотым флотом командовал адмирал Кихэй. Предполагалось, что ценный груз не будет дожидаться флота в Тайто. Боясь очередного налета, японцы решили доставить золото в последнюю минуту, перед отлетом Кин кайгуна. Его должны были привезти по узкоколейной железной дороге, соединяющей два континента. Астронавт сказал также, что нападение американских пиратов на порт заставило власти изменить обычный порядок отправки бесценного груза и что они знают о приземлении на планету двух пиратских американских кораблей.

— Как же мы нападем на Тайто после налета Уюку? — спросил Брофи Эллиса.

— Мы не будем нападать на Тайто, потому что сейчас оно напоминает осиное гнездо,— ответил Стрейкер.

— Что же нам делать в таком случае?

— Подождите, Брофи. Всему свое время.

— Ну что ж, поживем — увидим,— ответил тот, ничуть не обидевшись.

Спустя несколько дней они разбили лагерь на побережье, прямо в устье реки Кин, в самой узкой части перешейка, и стали ждать запланированной встречи с кораблем Уюку. В назначенное время прибыл Джон со своей командой. Плексовая обшивка дважды вспыхнула желтым светом, давая опознавательный сигнал: экипаж Уюку попал в беду.

— Двадцать восемь уже умерли,— проговорил Джон.— Вирус.

Эллис знал, что в некоторых мирах были специально выведены искусственные микробы, которые создавали настоящий барьер для непрошенных посетителей, не имевших прививок и специальных медикаментов. Микробы оказывались, как правило, либо очень простого, либо очень сложного строения, чтобы их не смогли задержать фильтры коллекторов атмосферы. Уюку казался очень озабоченным.

— Скорее всего, вирус разнесли клопы,— предположил Эллис.

Уюку отрицательно покачал головой.

— Эпидемия уже закончилась, но борьба с ней сказалась на настроении экипажа. Многие хотят домой. Они убеждены, что их ожидает участь погибших.

— Каково твое мнение на этот счет?

— Не знаю, Эллис. Но я могу их понять.

— Смотри, чтобы твои люди не устроили бунт.

— Нет, вряд ли.

— Вам очень не повезло, Джон.

Уюку почесал в затылке.

— Нас и так было немного, а теперь стало еще меньше. Следующий взрыв лихорадки может окончательно нас уничтожить.— Уюку с грустью посмотрел на Эллиса.— Умерли два моих брата — Дзен и Джозеф. Дзен — погиб в дурацкой атаке, на которую я бы никогда не

отважился, а Джозеф умер от этой проклятой лихорадки. Хирург, который замораживал его тело, не прожил после этого и четырех дней.

— Прими мои соболезнования, Джон.

— Спасибо.

— Я знал Джозефа. Он был действительно славным парнем.

— Да.

Эллис вгляделся в Уюку и понял, что Джон топил свое горе в вине. Стрейкер вспомнил его прямые резкие слова, когда Хорс рассказывал о Дювале.

— Теперь мы будем мстить Ямато уже за трех потерянных братьев. Приободри-ка свой экипаж, Джон.

— Хорошо, Эллис.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Через три дня Эллис получил сообщение, которого ждал с нетерпением. Связь по радио была небезопасной, поэтому о времени передачи условились заранее. После этого Эллису срочно понадобилось встретиться с Уюку. Стрейкер тайно пролетел вдоль побережья на гидросамолете, чтобы переговорить с Джоном.

— Ты прилетел на этой лоханке?! Да ты спятил! Спутники слежения могут различить и булавочную головку. Почему, по-твоему, мы держимся под деревьями?

— Успокойся,— ответил Эллис,— сегодня облачно.

— Это оптический обман.

— У них плохое разрешение в инфракрасном излучении. И, кроме того, мы не единственные живые существа на этом континенте, здесь много поселенцев и беженцев. Не открывать же огонь по каждому подозрительному самолету.

— И все-таки ты рисковал.

— Ничего, обошлось.

— Смотри, старина... Не хватает еще, чтобы и тебя укокошили эти паршивые ублюдки.

— На самом деле я мало чем рисковал. Утром я заметил вспышки лазера, когда один из спутников обследовал наш квадрат. После этого можно было спокойно лететь.

— Ну ладно. Наверно, ты прилетел ко мне не для того, чтобы вместе распить бутылочку винца?

— Конечно. Я получил сообщение.

— Ну и что дальше?

— Мы должны действовать!

— Это я и без тебя знаю. Мы не можем больше высиживать эти золотые яйца, а то мои люди сойдут с ума от тоски. Ностальгия поопасней самых страшных вирусов.

— Ты прав, Джон. За этим я и прилетел.

— Но надо действовать сообща, иначе нас ждет то же самое, что и в Тайто, если не хуже.

— Не хотелось бы.

— Мне тоже. Знаешь, Эллис, мои люди совсем скисли.

— Устроим им небольшое представление. Заодно расскажем о нашем плане и поднимем боевой дух.

— О'кей. Но сначала не мешает все детально обсудить...

В ту же ночь на открытой грузовой палубе «Конституции» капитаны изложили свой тщательно продуманный план обоим экипажам. Стояла невыносимая жара. Тяжелый влажный воздух едва насыщал легкие, но этого, казалось, никто не замечал. Все сосредоточенно слушали Уюку, водившего указкой по экрану, на котором высвечивалась подробная карта Окинавы.

— Дорога через материк идет с севера на юг. Вот здесь, возле семьдесят первого градуса, мы провели подробную разведку. А в этом месте,— он указал на экватор,— находится Тайто. Многие из вас, я уверен, никогда не забудут это место. Железная дорога начинается около реки Кин, где расположен очистительный завод № 1. Обе станции очень хорошо защищены — к ним не подступишься. Но чтобы доставить золото на орбиту, они должны провезти его через весь материка по узкоколейке.

Уюку нажал на кнопку и высветил на экране красную линию железной дороги, соединяющую два порта.

— Извините, капитан,— Ли Гласс подняла руку.— Но почему они используют узкоколейку для доставки очищенного золота? Понимаю, если бы это была необогащенная руда. Ведь в южных джунглях бродят беглые рабы, которые могут напасть на состав. Почему груз в Тайто не доставляют по воздуху?

— У них свои правила безопасности,— терпеливо разъяснил Уюку.— Власти распорядились построить железную дорогу после того, как один из экипажей поднял мятеж и попытался выйти на орбиту с грузом стоимостью сто миллионов кредитов. Они не хотят, чтобы это повторилось.

Астронавты переглянулись. Кто-то тихо присвистнул.

— А рабы? Неужели они не доставляют неприятностей своим бывшим хозяевам?

— У них нет оружия. А кроме того, зачем им золото в джунглях?

Эллис молча наблюдал за Уюку. Джон старался вовсю. Он изрядно вспотел и чуть не проткнул указкой экран. Стрейкер понял, что наступило время вмешаться, чтобы разыграть свою роль, как они заранее договорились... Он взглянул на лица. Люди по-разному реагировали на слова Уюку. Одни загорелись в предвкушении решительных действий, другие с сомнением качали головами и перешептывались. Эллис отмечал про себя и тех и других.

— Продолжайте, капитан Уюку,— подал Стрейкер первую реплику отрепетированного ими диалога.— Вы ставите перед своими людьми трудную задачу. Вы собираетесь отобрать двадцать человек и надеетесь победить тысячную охрану. Не уверен, что вы найдете добровольцев. Но я знаю, что в моем экипаже отыщутся смельчаки, способные пойти на такое дело!

— Так значит, ваши люди — смельчаки, а мои — нет? — спросил Уюку с насмешливым упреком.— Вы думаете, что ваш экипаж — орлы, а мой — кучка жалких крыс?

Эллис похлопал его по плечу.

— Любой из моего экипажа надерет вам задницу, если я прикажу, несмотря на то, что все они любят и уважают вас.

Сотни глаз с недоумением уставились на двух капитанов, не веря своим ушам.

— Мы прибыли сюда, чтобы сражаться против Ямато! — продолжал Эллис.— Золото Ямато — наша цель, а здесь его тонны!

Он вытащил из кармана увесистый слиток, покрутил его в руках, а затем подбросил и ловко поймал.

— Большой, голубой и чертовски тяжелый. Но он не единственный. Есть слитки и побольше, они находятся там же, откуда появился этот. Сферические слитки размером с грейпфрут, горящие электрическим светом, каждый стоимостью в миллион! Их хватит на то, чтобы каждого из вас сделать таким же богатым, как этот ублюдок даймё с «Мицуи». Но какие права имеет «Мицуи» на это золото?

Ответа не последовало.

— Зона объявлена независимой территорией. По единодушному соглашению, подписанному четыреста лет назад, ее назвали Нейтральной и закрепили за ней этот статус навечно! Японцы называют ее Сферой Процветания, но они самовольно захватили Зону силой, чтобы обеспечить свою промышленность сырьем и подготовить массированное вторжение в Американо!

Экипажи заволновались.

— До сих пор они провоцируют кризисы в Американо с целью подготовки мятежа. Они постоянно грозятся потопить нашу страну в крови, отдать ее на растерзание самураям! Но мы сорвем их планы. Они не отказались от мысли завоевать нас. Японская культура в течение пятисот лет вынашивала идею грандиозной войны! Они обращаются с низшим классом своего собственного народа, как с грязью. «Хини» переводится как «недочеловек». А самураи первого ранга почитаются у них, как боги. Они непоколебимо верят в то, что стоят выше всего остального человечества. Вы видели, как они относятся к рабам — как к свиньям. Вы видели, как их солдаты презирают смерть. Вы видели, как они одержимы стремлением выполнить свой долг. Но их можно разбить!

Нэйт Аллен, экспедитор Уюку, не сдержался и громко выкрикнул непристойное проклятие в адрес Ямато. Некоторые улыбнулись. Эллис продолжил свою патетическую речь.

— Мы не рабы! Мы — свободные люди, мы знаем свои обязанности и права. И не верим в то, что вселенная создана богами раз и навсегда и пребывает в неизменном состоянии. Мы не верим в предопределенность событий и в то, что не можем повлиять на их ход. И в этом — наша сила!

— Правильно!

— Верно, капитан!

— Мы свободные люди!

— Помните, что выигрывает не тот, кто нападает, а тот, кто атакует самое слабое место врага! Как мы можем потерпеть поражение, если правда и справедливость на нашей стороне?

Эллис увидел, как лица людей засветились верой. Некоторые восклицали, другие громко переговаривались, перебивали друг друга, спорили. В этой неразберихе Эллис и Уюку украдкой наблюдали за своими людьми, отмечая как храбрых, так и малодушных. Им предстояло отобрать участников самой опасной части дела. Те, кто потрусливее, будут обеспечивать прикрытие и быстрое бегство с планеты. Эллис посерьезнел, видя, что эмоции перехлестывают через край. Он огласил план действий.

— Нам не нужно много людей. Мы отберем двадцать человек. Да, только двадцать. Десять с «Конституции» и десять с «Лексингтона». Мы сделаем этот выбор. Помните, эта планета очень злая и полная опасностей, но мы не одни, с нами Бог!

— Правильно!

— Аминь!

— Да будет так! — воскликнул Эллис.— И у меня есть для вас небольшой сюрприз.

Все с недоумением посмотрели на Стрейкера. Он протиснулся между рядами к выходу, сложил ладони рупором и приказал всей охране оставить свои посты и подняться к ним на корабль. Люди наблюдали, как охранники рассаживаются по местам. Никто ничего не понимал. Затем Эллис вновь подошел к двери и прокри-

чал три раза в темноту. Наступила полная тишина. Через минуту все услышали легкий шорох. Уюку зашипел на одного из своих подчиненных, потянувшегося за оружием. Пальмовые ветви закачались, и из темноты вынырнул низкорослый человек в черной одежде. Когда он приблизился к свету, изумленный шепот прокатился по палубе. Никто не надеялся увидеть его в живых.

— Као!

За его спиной бесшумно вырастали другие фигуры. Их становилось все больше и больше — сильных и смелых воинов с монголоидными лицами. У одних в руках были кинжалы, другие вооружились копьями, луками и стрелами. Као представил воина, вышедшего вперед. Его звали Кува — Шелковица. Он был предводителем огромного отряда гурэнтаев, хини и беглых рабов-сангокуинов на Окинаве. Эти люди ненавидели самураев больше всех в Нейтральной Зоне.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На следующий день все уже было подготовлено для нападения. Двадцати добровольцам, отобранным Стрейкером и Уюку, а также их новым союзникам раздали оружие и защитные костюмы. Из-за спутников слежения и болотистой почвы, непригодной для посадки, им пришлось отказаться от шаттлов. Решено было сделать длинный переход. Гурэнтаи показывали дорогу и советовали, как лучше застать врага врасплох. Као без устали переводил их советы и замечания.

За три дня они совершили стремительный бросок на материк. Разведчики гурэнтаи шли впереди, находя тропинки и оставляя на них метки для ориентира. Они продирались сквозь джунгли, наполненные криками обезьян и экзотических птиц, карабкались по горам, простиравшимся на запад до самого перешейка, преодолевали болота и неглубокие речки.

В некоторых местах, где было наиболее вероятным появление японцев, шли крадучись. Эллис поклялся не делать остановки, пока они не преодолеют материк. На четвертый день, незадолго до полудня, Кува, указывая на густо поросший лесом холм, сказал, что он находится в двух милях от железной дороги. Эллис принял решение отдохнуть от груза, и Уюку объявил привал на один час. Приближалось самое жаркое время дня. Солнце давно сожгло утреннюю росу, но в тени под деревьями еще сохранялась прохлада. Уюку нетерпеливо подошел к Эллису, тело его блестело от пота.

— Кува сказал мне, что хочет показать нам что-то интересное. Пойдем?

Эллис с недовольством посмотрел на Джона. Они только что преодолели крутой подъем под палящими лучами солнца, и он хотел немного отдохнуть.

— О, Господи, Джон! Дай мне хотя бы отдышаться.— Стрейкер прополоскал водой рот.

— Но это стоит того, чтобы посмотреть.

— С меня достаточно рассказов Кувы о местной фауне и захватывающей охоте на обезьян.

— Это не охота,— не сдавался Уюку.

— Ладно, черт с тобой.— Эллис неохотно поднялся, с трудом расправляя плечи и потягиваясь.

— Ну вот и молодец.

— Иногда мне кажется, Джон, что у тебя в заднице спрятан вечный двигатель. Поражаюсь, откуда в тебе столько энергии? Из космоса, что ли?

— Не знаю откуда, но энергия побеждает все.

— О'кей,— проговорил Эллис, давая себе отчет в том, что Кува мог показать им действительно что-то интересное. Ободренный этой мыслью, он взял свой пистолет, дал инструкции Аллену и последовал за Уюку.

— А все-таки, что он хочет нам показать? Какое-нибудь поселение? — спросил Стрейкер.

— Нет, кое-что поинтереснее.

— Самое интересное сейчас — это кожаный гамак, натянутый в прохладной тени.

Они пошли вслед за двумя гурэнтаями, которые повели их вдоль уступа к гребню холма. Через несколько минут они остановились, и Уюку резко указал в сторону джунглей.

— Посмотри!

— Куда?

— Вон туда. Видишь, за деревьями?

— Джон, я ничего не вижу, кроме этих долбаных джунглей!

— Разуй глаза! Неужели не видишь?

— Что это?

Эллис внимательнее вгляделся в направлении, указанном Уюку. На фоне живой природы мерцала какая-то

полоса явно искусственного происхождения, но ее трудно было различить. Он взял бинокль и увидел сооружение из плекса, возвышающееся на расчищенной площадке. Строение было узкое, ровное и опиралось на массивные подпорки.

— Что это, дорога?

— Мост.

— Вот это да!

Эллис еще раз посмотрел в бинокль. Уюку похлопал Куву по плечу.

— О'кей! Ты вывел нас к хорошему месту!

— Хай! — серьезно ответил предводитель гурэнтаев.

— Мост, вот это здорово! — воскликнул Эллис.

— Ну что, подойдем поближе?

Они сняли защитные костюмы и стали карабкаться к более удобной наблюдательной позиции, находившейся на пятьдесят футов выше. Мелкие камешки скатывались из-под ног вниз. Подтягиваясь на руках и помогая друг другу, они вскоре преодолели подъем. С вершины перед ними открылся удивительный вид.

— Эллис, смотри! — воскликнул Уюку, первым вскарабкавшийся на гору. Джунгли с их жесткими лианами и громкими криками обезьян словно отошли на второй план. Внизу открывалась захватывающая панорама. На западе горы расступались, и капитаны увидели мерцание жемчужно-белого океана. На востоке, за хребтом,— еще один океан, голубой и бескрайний.

— Это не просто мост,— радостно сказал Уюку.— Он соединяет главные участки дороги, по которой перевозят золото в Тайто. В нескольких милях отсюда расположен Ёмитан — середина пути. Вот там-то Кува и расскажет нам самое главное!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Они повернули на север и шли целый день. Наконец джунгли поредели, их сменила высокая жесткая трава, в которой встречались полосы, выжженные огнем. Они приближались к Ёмитану, и Кува настоял на том, чтобы люди прекратили разговоры и соблюдали полную тишину. После короткого совещания Уюку велел отряду идти вдоль дороги, где их было труднее заметить со стороны. Железнодорожное полотно пролегало теперь так близко, что можно было оценить его размеры — оно оказалось гораздо уже, чем они предполагали. В скале был небольшой тоннель, диаметром всего в восемь футов.

— Напоминает путь для вагонетки в шахте,— прокомментировал Эллис.

— Это не лишено смысла. Кому придет в голову, что по такой дороге перевозят груз стоимостью в сотни миллионов кредитов? — пояснил Уюку.

Они шли вдоль полотна, пока вновь не показались джунгли. Тогда отряд свернул к высохшему руслу реки, уходившему на юго-восток. В этот момент позади раздался ритмичный шум. Все напряженно затаили дыхание.

Что это могло быть? Отряд на всякий случай укрылся в тени деревьев у плотины. Шум послышался снова, на этот раз более отчетливо. Он шел от плексовой дороги. Эллис поднял бинокль и увидел поезд, медленно выползающий из-за поворота. Стрейкер прикинул скорость — невысокая, сорок-пятьдесят миль в час. «Это, наверное, для того, чтобы улучшить наблюдение и снизить риск аварии»,— подумал Стрейкер.

— Теперь или никогда,— тихо произнес он. Расчет был не очень точен, и они крупно рисковали. Вдали послышался резкий гудок поезда. Настроив бинокль на максимальное увеличение, Эллис различил пять длинных вагонеток, сцепленных одна с другой и груженных контейнерами в одну-две тонны. Охрана ехала в специальных открытых вагонах. Солдаты сидели спина к спине, внимательно глядя по сторонам. На первом вагоне была установлена пушка, возле которой сидело трое. В следующем открытом вагоне ехал отряд солдат — человек двадцать, каждый из которых был вооружен лазерной винтовкой. В хвосте поезда виднелась еще одна пушка. Эллису послышался еще какой-то звук. Он перевел бинокль в сторону и с изумлением увидел, что еще один поезд, состоящий из семи вагонов и охраняемый еще большим количеством солдат, следовал за первым. Затем показался третий, из шести вагонов. Эллис прикинул, что составы перевозили около тридцати шести тонн слитков очищенного золота. Он выругался.

— Нужно заглушить их радиопередатчики, чтобы они не могли сообщить о нападении и запросить помощь,— проговорил Уюку сквозь зубы.

Эллис молил Бога, чтобы охранники не заметили их отряд, и чтобы нападение все-таки оказалось внезапным. У них было очень мало времени для подготовки атаки, поэтому действовать нужно было быстро и точно, если они не хотели упустить свой шанс. Поезда приближались. Уюку послал дюжину людей во главе с Као, и они стремглав бросились к повороту дороги наперерез составам. Еще дюжина нападающих рассредоточилась вдоль полотна, остальные ждали в резерве. Эллис взял шестерых гурэнтаев, Куву, Дженкинса, Аллена и Брофи для нападения на второй поезд. Он схватил Куву за руку и толкнул в тень бананового дерева.

— Прикажи своим людям не открывать огонь до полной остановки поезда.— Эллис сопровождал объяснения отчаянной жестикуляцией.— Ты понимаешь меня?

Кува согласно кивнул, повернулся и приказал гурэнтаям получше спрятаться, чтобы их не заметили раньше времени. Он вытащил винтовку. На этот раз это была не охота, а настоящее дело. Кува проверил оружие и положил рядом с собой. Сердце неистово колотилось в груди Эллиса. Он сделал глубокий вдох, чтобы унять волнение. Звук приближающегося поезда напомнил ему шум водопада. Эллис взял сук толщиной с ногу и положил его поперек полотна так, как будто он отломился и упал откуда-то с деревьев, затем неторопливо достал энергетические патроны и заполнил ими весь магазин. Сухие щелчки затвора успокоили его и прояснили сознание.

В двадцати ярдах от него Аллен мрачно разрезал мезоновым ножом кусок плексового рельса. Он тихо матерился, проклиная японцев за то, что они все делают так основательно. Наконец Аллен завершил свою работу и спрятался среди деревьев. Он вовремя разрезал полотно, потому что совсем близко раздался гудок подходящего к засаде поезда. Машинист заметил неполадку на дороге и сбросил скорость; состав начал тормозить и останавливаться. Охранники беззаботно переговаривались друг с другом, не подозревая о том, что их ждет. Поезд остановился как раз в пяти ярдах от Эллиса. Старший офицер охраны спрыгнул с платформы и сделал несколько шагов. В этот момент, словно из-под земли, перед ним выросла могучая фигура Эллиса с оружием в руках.

— Коннити ва! — приветствовал офицера Стрейкер, нагло посмотрев ему в глаза. Лицо японца исказилось. Громкий окрик застал его врасплох.

— Агх?

Но не успел офицер отдать приказ охране, как луч, ударивший из леса, перерезал ему горло, и он как подкошенный рухнул к ногам Эллиса. Через секунду все перемешалось, словно в аду кромешном. Эллис несколько раз нажал на спусковой крючок и уложил двух самураев. В тот же миг его поддержали лазерные винтовки, направлявшие свои смертоносные лучи из леса. Более тяжелое оружие рассеивало пехоту. На вагоны сыпались

срезанные выстрелами листья и ветки. Охранники падали один за другим. Испуганные внезапной атакой, они попытались бежать, но на дорогу выскочили налетчики и остановили их. Смертоносные лучи разрезали самураев на куски.

Двое охранников упали навзничь перед Эллисом, а третий продолжал сражаться в прожженной и тлеющей одежде, пока очередной залп не уложил его наповал. Защитники поезда не видели стрелявших из лесу, поэтому сначала отвечали наугад, но затем наладили рассеянный огонь, который представлял большую опасность для скопления людей.

Внезапно Эллис почувствовал два сильных толчка, как будто чья-то могучая рука похлопала его по плечу. Он взглянул на костюм и увидел прожженные выстрелами дыры.

— Почти что в цель. Так можно и на тот свет угодить! — сказал он вслух. К нему приближались три охранника с перекошенными от страха лицами. Стрейкер, выругавшись, разрядил в них последние патроны.

Из леса выбежали налетчики и набросились на самураев, кромсая их лучами новеньких винтовок. Началась рукопашная схватка. Эллис увидел, что несколько охранников неловко покатились с насыпи. Дженкинс, сражавшийся совсем близко, вонзил нож в горло нападавшего на него самурая и отбросил поверженного в зеленые заросли.

Стрейкер почувствовал, что кровь пропитывает его одежду, но думать об этом было некогда. Он подобрал чью-то винтовку с последним зарядом и направил дуло на одного из трех надвигавшихся на него людей. Эллис понимал, что секунда промедления может стоить ему жизни. Ружье дернулось, яркий луч пронзил нападавшего, и тот упал. Другой бросился на Стрейкера с мечом, но Эллис успел подставить приклад. Меч разрезал воздух, задев бедро, на котором выступило багровое пятно. Эллис ударил солдата кулаком по голове, так что защитный шлем отскочил в сторону. Солдат медленно опус-

тился на колени, и Стрейкер ударил его ногой в лицо, но в этот момент третий направил дуло в голову Эллиса.

Американец рухнул навзничь, спасаясь от выстрела, который все же успел опалить ему волосы. В последнюю секунду пальцы Эллиса нащупали ремень от шлема сраженного им самурая. На конце ремня была тяжелая металлическая пряжка. Эллис схватил ремень и отчаянно ударил им самурая по пальцам. Острая пряжка рассекла кожу, и ружье выпало из рук нападавшего. Этой секунды было достаточно, чтобы Стрейкер вскочил на ноги и выхватил из-за пояса нож. Он сгруппировался перед решающим броском, из горла вырвался дикий хрип, как у первобытного охотника, загоняющего зверя.

В этот миг в подсознании Эллиса всплыли советы инструктора по рукопашному бою. «Ребра человека напоминают жалюзи. Удар сверху упирается в ребра, а лезвие, направленное снизу, пронзает плоть». Беззащитный солдат завороженно смотрел на Эллиса. Он замер, скованный смертельным страхом, и только губы, поросшие юношеским пушком, чуть кривились, как у испуганного ребенка. Стрейкер со звериной яростью взглянул ему в лицо и вдруг увидел, что перед ним стоит беззащитный человек, совсем молодой, почти мальчик, не способный сейчас не только убить другого, но даже защитить собственную жизнь. Сердце глухо екнуло в груди Эллиса, и он почувствовал, что не может убить его.

— Щенок! — Облизав окровавленные губы, он схватил солдата и швырнул в заросли. Между тем рукопашная почти закончилась. Последние охранники бежали вдоль полотна, спасаясь от неминуемой гибели. Гурэнтаи стреляли им вдогонку. Эллис обратил внимание, как необычно они держат винтовки, прижимая их к животу.

В двухстах ярдах поодаль отряд Уюку тоже одержал полную победу, обратив противника в бегство. Волна безумной радости охватила Стрейкера — он понял, что сегодня они полностью разгромили врага. Одежда Эллиса пропиталась кровью и гарью, нога налилась свинцом, но он не обращал на это внимания. Ощущение восторга

притупляло все остальные чувства. В их руках фантастические сокровища, потрясающее богатство! Только что они захватили золотой поезд! Здесь, на плексовой дороге, среди девственных джунглей у них в руках оказалось больше золота, чем во всем Американо. Это не укладывалось в голове.

— Они могут скоро нагрянуть! — возбужденно проговорил подошедший Уюку. Он тоже был весь в грязи и копоти.

— Джон, мы все-таки отбили у них это золото!

— Да, но еще не совсем. Как только сбежавшие доберутся до Ёмитана, сюда вышлют гарнизон.

— Не дай Бог, прилетит воздушный патруль,— озабоченно сказал Эллис.— За пару часов они прочешут весь лес.

— Нам нужно поторапливаться!

— А где еще два поезда?

— Аллен не успел перерезать полотно с другой стороны. Эти суки удрали в обратном направлении, как только началась пальба. Но я думаю, нам и этого будет достаточно. Сколько здесь?

— Тридцать шесть тонн!

— Черт, как же мы утащим все это?

— Да, здесь больше, чем мы можем унести,— Эллис глубоко задумался. — Сколько убитых? — спросил он.

— Двое наших и семь человек у Кувы.

— Ранено?

— Не больше дюжины.

— Хорошо, но нам нужно срочно уносить ноги!

— Черт, каждый контейнер весит не меньше тонны,— озабоченно проговорил Уюку.

— Нам придется закопать то, что не сможем унести.

— Есть ли у нас время ковыряться в земле? К тому же они могут обнаружить свежие следы.

— У нас нет выбора.

— Куда мы его закопаем?

— У меня есть одно место на примете.

— Где? — спросил Уюку.

— А вон там! — Эллис показал рукой на заводь.

— В реке? Ты с ума сошел!

— Не в реке, а под руслом. Кое-что придется разбросать в другом месте, чтобы навести врагов на ложный след.

— О'кей.

Эллис потрогал засохшую кровь на затылке.

— Ну-ка покажи,— заинтересовался Уюку. Он осмотрел неглубокую рану от задевшего Стрейкера лазерного луча.

— Ничего страшного.

— Я тоже так думаю. Заживет как на собаке.

— Ладно, пора приступать к делу.

Они заработали мезоновыми ножами, вскрывая контейнеры и вытаскивая из них круглые голубоватые слитки размером с грейпфрут. Гурэнтаи смотрели на них с удивлением, предпочитая собирать одежду и оружие с мертвых солдат. Ни золото, ни серебро не имели для них никакого значения. Главную ценность представляло оружие. Гурэнтаи угрожали пленным, что отрежут им нос, уши и гениталии, если те окажут сопротивление.

Эллис объяснил Куве, что самый лучший способ навредить их прежним хозяевам — это помочь им унести и спрятать золото, которое имеет наибольшую ценность для японцев. Он пообещал вождю отдать им все мелкое вооружение с «Конституции». Кува немедленно отдал приказ, и гурэнтаи стали помогать американцам.

Пять долгих дней, груженные как верблюды, они карабкались по горам под проливным дождем, подгоняемые тайфуном. Отряд направлялся к Акари, где его должны были поджидать шаттлы. Но на них не было и намека. Вместо этого в небе летал корабль слежения Ямато. Эллис с тревогой посмотрел на него.

— Если они захватили наши шаттлы, мы погибли, капитан, — высказал Аллен самую страшную догадку.— Они будут пытать наших, и кто-нибудь выдаст, где спрятаны корабли! Кин кайгун, наверное, уже в полной боевой готовности.

— Брось, Аллен,— успокоил его Эллис.— Не время терять мужество. Попробуем добраться до кораблей.

Уюку выругался с досады.

— В крайнем случае, даже если они захватили шаттлы, у нас все-таки еще остались «Конституция» и «Лексингтон». Чтобы допросить, прозондировать, организовать засаду и прочее, требуется немало времени. У наших кораблей хорошая маскировка, так что японцам придется долго прочесывать джунгли. Но мы должны в любом случае опередить их! — решительно сказал Джон.

— Враг нас еще не обнаружил! — поддержал его Боуэн.

— И чтобы не облегчить ему задачу, нам нельзя выходить на радиосвязь, иначе нас тут же вычислят,— уточнил Эллис.— А что, если прилетевшие на шаттле заметили японский корабль и приземлились чуть дальше? — предположил он.— Или вы уже не верите в своих товарищей?

Посоветовавшись, они решили послать небольшой отряд во главе с Уюку на разведку. Пока он отсутствовал, Эллис успокаивал оставшихся, твердя им, что они сидят на несметных сокровищах. Он пообещал, что как только они окажутся на кораблях, немедленно покинут планету.

Через несколько часов Уюку привел к стоянке шаттлы, стоявшие, как и предполагал Эллис, немного в стороне от назначенного места. К вечеру следующего дня они наконец добрались до своих кораблей. Взволнованные экипажи в ожидании собрались на палубе. Все хотели знать, чем закончилось рискованное предприятие. Эллис вытащил тяжелый круглый слиток и покатил его по палубе. Все завороженно следили за блестящим шаром, пока он с грохотом не ударился об обшивку.

— Снесла курочка яичко,— раздался в тишине насмешливый голос Уюку.

Эта реплика произвела эффект разорвавшейся бомбы. Люди разразились хохотом и криками, поняв, что ранцы вернувшихся с дела товарищей полны золотой добычи.

Ночью они поделили золото, заплатив Куве, как и обещали, оружием и боеприпасами. Они дали ему столько энергетических патронов, что их хватило бы на несколько гарнизонов в Тайто.

Победу отпраздновали замечательной пирушкой. Кок приготовил местное мясо, которое, конечно, не шло ни в какое сравнение с синтетической пищей дуврских машин. Подобно древним пиратам, они накалывали дымящиеся куски на ножи и запивали их красным вином, а потом горланили дикие непристойные песни и громко топали ногами по палубе, танцуя джигу. Эллис и Уюку незаметно покинули пирушку, когда она была в самом разгаре, и уединились в капитанской каюте.

— Знаешь, Эллис, я решил вернуться домой. Моим людям нужен отдых, да и сам я не железный. Но напоследок мы устроим прощальный салют из нашего сверхоружия в небе Тайто.

— О'кей. А я остаюсь в Зоне. У меня тут есть еще кое-какие дела. Ты же понимаешь...

— Конечно.

— Что ж, желаю тебе попутного пси, Джон! Ты доставишь нашу долю домой?

— Да. И можешь не беспокоиться, я сохраню ее до вашего возвращения.

— По рукам! А теперь нам нужно убираться с этой планеты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Место действия: Садо

Их вывели на ослепительный солнечный свет под грохот военных барабанов и пронзительныей визг ритуальных труб. Толпа, наблюдавшая за ними сквозь бамбуковое ограждение, недоумевала, почему гайдзины, которые должны скоро умереть, выглядят так празднично.

Шагая в процессии, Дюваль сильно вспотел из-за железных цепей на запястьях и лодыжках. Совершенно изможденный и потерявший всякую надежду, он вяло переставлял ноги. Где находилась сейчас Мити, он не знал. Здесь ли она, среди толпы, или ее тоже заключили в тюрьму, и она испытывала ту же участь,— Дюваль не мог ответить. Он не отваживался спросить о ней даже у монахов-каннуси, которые приходили к нему в камеру, чтобы оказать духовную поддержку. Он никому не верил, опасаясь, что любой вопрос о Мити может ускорить ее арест.

Остаточная паранойя после зонда парализовала его мозг. Но монах-каннуси помог ему оправиться от ужаса пыток. Страх и ненависть понемногу улеглись. «Молись за мое возрождение, Мити,— мысленно повторял он.— Молись за меня, как я молюсь за тебя. Вот бы взглянуть на тебя хотя бы один раз, всего один раз... Нет, не нужно тебе видеть мои унижения. Я хочу, чтобы ты была подальше от этого ада. Я хочу, чтобы ты была свободна, ведь все равно душой мы вместе. Мысль о твоей свободе даст мне силы вести себя достойно семьи Хасэгава». Дюваль смотрел прямо перед собой на рыночную пло-

щадь. Она была посыпана песком и сильно изменилась с тех пор, как он видел ее в последний раз.

На площади Совершенной Гармонии теперь возвышался деревянный эшафот в сто футов длиной и тридцать футов шириной. На нем было воздвигнуто двенадцать крестов — по одному для каждого осужденного. Ужасный эшафот был обращен одной стороной к высоким городским валам Канадзавы, а другой — к резиденции даймё, веранда которой нависала над площадью. На площади стоял также помост, предназначенный для мэцукэ, к нему вели сорок ступенек. Напротив — прямоугольная площадка, где заключенные должны были находиться до того, как их распнут.

Вся площадь была загромождена ярусами для зрителей, которые уже заняли свои места согласно принятой в Ямато иерархии. Под ярусами собралась огромная толпа черни: бедные торговцы, рабочие, мелкие чиновники, крестьяне — словом, все низшие сословия, кроме сангокуинов и хини. Сооружение этого «театра» заняло несколько недель. В последние дни осужденных специально заключили в какое-то темное помещение, находившееся неподалеку от площади, чтобы они слышали все приготовления к казни. Визг пил, стук молотков, разговоры рабочих угнетали пленников и парализовывали их волю.

Дюваля возмущала жуткая помпезность ритуала, притупляющего разум и ожесточающего человеческие души. Ритуал лишь распалял низменные инстинкты толпы, наблюдающей за приближением смерти. Дюваль вспомнил, как их прекратили пытать и смягчили условия содержания. Тогда он подумал, что к ним проявили милосердие. Но милосердие было тут не при чем, им просто отвели время, чтобы подумать, предаться соблазнам и полностью отказаться от себя самого ради Пустоты. Монахи-каннуси бесконечно повторяли ему слова Святого Меча: «Дух Пустоты — небытие. Познавая то, что существует, мы познаем то, чего не существует. Люди мира живых не понимают этого. Они воображают, что

Пустота — это то, чего они не понимают. Но Пустота есть нечто другое...»

После прекращения допросов и зондирования монахи-каннуси ежедневно посещали Дюваля. Сначала они успокаивали его, а затем стали побуждать к медитациям, которые приблизили бы его к Пустоте. Они были терпеливы и глухи к его протестам, когда он пытался объяснить им, что является приемным сыном клана Хасэгава и что с ним нельзя так обращаться.

Они не походили на жрецов Черного Братства — это были монахи дзэн ордена Фукасу. Они носили темно-синие кимоно, перевязанные красными поясами, и высокие закрытые сандалии. У них всегда были с собой флейты, которыми они мастерски владели, используя в случае необходимости как оружие для обороны. Но самой странной частью их костюма казалась тэнгай — плетеная тростниковая корзина, которая покрывала голову каждого монаха, отличая его от мирян.

Монахи приносили Дювалю сырые овощи и рис. Каждый день они отводили его в глухой сад, окруженный высокими стенами, и предоставляли возможность подумать о Пустоте. Наконец ему разрешили присоединиться к остальным заключенным.

— Не верю своим глазам,— удивленно проговорила Элен ди Баррио, приветствуя его появление. Дюваль подошел к Джебу Вомаку и хотел обнять его, но тот отпрянул, подозрительно глядя на Стрейкера.

— Наверное, они уже вынесли приговор,— зловеще проговорила Джули Декстер.

— Это в их правилах,— сказал Дюваль.— Я знаю, что кэмпэй, перед тем как отправить своих жертв на крест, всегда приводит их в порядок, скрывая следы допросов и пыток.

— Конечно, не распинать же им калеку! — мрачно усмехнулся Торвен Джонс, которому выбили все зубы во время допросов, так что он заметно шепелявил.

— Да, эти ублюдки позаботились о том, чтобы не уморить нас до распятия.

— Законы Ямато не позволяют кэмпэю убивать нас,— пояснил Дюваль с грустной иронией.

— Разумеется! — фыркнул Дэвей Маркс.— Зато они устроят грандиозный ритуал, чтобы на нашем примере показать всем, сколь сильна их власть. Таковы правила игры.

— Единственное наше утешение — это то, что до казни мы находимся в безопасности, и никто больше не будет нас мучить, — проговорил Дюваль.

Монахи-каннуси объяснили Дювалю, что устав кэмпэя запрещает убивать заключенных. Они пытались втолковать Стрейкеру, что с ним поступили справедливо и по закону. Он задавал им вопросы, приходившие ему в голову во время ночных кошмаров. Он спрашивал монахов, почему его подвергали истязаниям методично, изо дня в день. Те искренне объяснили ему, что испытания не повторялись. Устав кэмпэя разрешает пытку лишь один раз. Он перенес только одно единственное мучение, которое растянулось во времени на много дней. Таков его Путь и степень его ответственности. Запрещена ампутация и, как следствие, трансплантация новых членов — никаких садистских приемов, в отличие от Китая. Применение технических приспособлений, кроме зонда, во время допроса тоже запрещено. Кэмпэй использует в основном психические испытания, а не физические.

— В Американо это называется насилием над личностью,— возразил Дюваль монаху.— У меня такое чувство, что мои мозги вывернуты наизнанку и стиснуты стальными клещами. После этих пыток мне кажется, что я последнее ничтожество, что кто-то подсмотрел мои интимные переживания и посмеялся над ними. Мне стыдно за себя.

— Я помогу вам вылечиться.

— У вас не получится.

— Я попытаюсь.

Монах провел с ним много времени в медитациях. Он помогал ему расслабиться и вселял в него уверен-

ность. Дюваль рассказал своим товарищам о том, что узнал о кэмпэе от монаха.

— Они не имеют права убить нас, потому что должны передать обвиняемого гражданским властям для наказания.

— Я вижу, ты неплохо разбираешься в их уставе, Стрейкер, — резко проговорил Мэтт Кайзер, ближайший друг Хорса. Он работал надсмотрщиком за рабами на золотых шахтах. Женившись на тайваньской рабыне и получив неплохое жалованье, Кайзер добился наилучшего положения, которое занимал когда-либо в жизни. Он процветал, пока не появился кэмпэй. Теперь его тонкие рыжие волосы значительно поредели, а лицо украшали синевато-багровые шрамы.

— Да, ты неплохо знаешь устав кэмпэя и, мне кажется, не собираешься разделить нашу участь!

Дюваль едва сдержал гнев.

— Что ты хочешь этим сказать, Мэтт?

— А то, что ты разделяешь их убеждения!

— Я уже говорил тебе, что кэмпэй обвиняет меня в преступлениях против человечества. Они пытаются смыть кровь со своих рук буквой закона. Я просто начал понимать их образ мыслей.

— Может быть, ты думаешь, что их мучает совесть синто, как тебя, например? — не унимался обозленный Кайзер.

— Ты что-нибудь имеешь против меня, Мэтт?

— Говорят, ты женился на дочери самурая, вошел в их семью и даже сменил имя и принял их религию!

— А ты брал у них деньги!

— Я зарабатывал их своим горбом изо дня в день, трудом и потом. А за что платили тебе?

Элен ди Баррио встала между ними, чтобы предотвратить возможную стычку.

— Эй, вы! Перестаньте! Нам нужно держаться сообща, а не нападать друг на друга, иначе мы никогда не спасемся!

— Да. Не следует доставлять удовольствие этим ублюдкам. Они постоянно шпионят за нами.— Единствен-

ный глаз Декстера указал в направлении стены.— А потом, вы женатые люди. Подумайте, что ваши семьи никогда больше не увидят вас, если вы перегрызете друг другу глотки.

— Да. Они все время наблюдают за нами,— подтвердил Джеб Вомак, тоже кивая на стену.

Хорнер бесшумно подошел к Дювалю.

— Разве до тебя не дошли слухи? — спросил он Стрейкера.

— Какие?

— Мы здесь благодаря твоему брату, Стрелок. Поэтому Кайзер и злится на тебя.

— Как это — благодаря моему брату?

— Неужели ты ничего не знал?

— Нет. Расскажи мне.

— Говорят, Эллис присоединился к Уюку, и они захватили невероятные трофеи. Они приземлились на Окинаве и отбили у японцев несколько тонн золота. Самураи ведут себя после этого, словно осы в разворошенном гнезде. Пираты подорвали финансы «Мицуи» и посеяли панику в Зоне. Поговаривают даже, что это нарушило стабильность экономики всей империи. Поверь мне, Стрелок, они сейчас злы на каждого американца, как черти.

Дюваль был поражен новостями.

— Так значит, вот почему из нас делают козлов отпущения?

— Некоторые так думают.

— А ты?

Хорнер пожал плечами.

— Что касается меня, то мне кажется, они сделали бы это в любом случае.

— Почему?

— Потому что кэмпэй творит, что захочет. А император уверен, будто солнце Ямато сияет из задницы мэцукэ. Он уже не замечает ничего вокруг себя, тем более деяний своего брата.

Дюваль опустился на корточки возле стены. Наступила тишина, которую неожиданно прервала Дэйл Сибак.

Звонким, как ирландская флейта, голосом она затянула старую, всем известную мелодию:

Нас император крепко схватил!

Тут же хор голосов подхватил припев:

Бегите, люди, бегите!
Нас император крепко схватил!
Да здравствует победитель!
Нас император крепко схватил!
Но в кулаке не много сил,
И мы сквозь пальцы проскользнем...
Да здравствует победитель!

Дюваль видел, как давно знакомая песня с остроумно измененными словами, подходящими к их теперешнему положению, развеселила всех, даже самых мрачных. Окно в стене внезапно отворилось, и оттуда высунулись бритые головы. Самураи с удивлением рассматривали сумасшедших гайдзинов, веселившихся перед казнью. Они не понимали, конечно, что старая песня напомнила им о родине. Гайдзины снова превратились в американцев. Но несмотря на смех, все узники понимали, что никто из них не ускользнет из кулака императора. Тех, кого признают чистыми, проведут с позором по улицам и сошлют в вечное рабство в какую-нибудь глухую колонию; тех же, кого сочтут нечистыми, пригвоздят к крестам.

Дюваль догадывался о том, каков будет его приговор. Месяц назад каннуси рассказал ему, что издан указ, извещающий всех на Садо о предстоящем суде над гайдзинами на площади Совершенной Гармонии. Указ обязывал всех жителей отложить свои занятия в этот день и явиться на площадь. Уклонившиеся рискуют быть жестоко наказанными.

Последнюю ночь перед судом они провели без сна. Солдаты, построив их во дворе тюрьмы, без конца повторяли, как им следует вести себя во время церемонии: в каком порядке идти, где остановиться, как стоять. Вада Дзэнго, прибывший во главе отряда, привез им одежду — карательные ошейники, белые головные повязки хатима-

ки и грубые пижамы, похожие на кимоно дзюдоистов, но окаймленные широкими красными полосами, символом преступления. Все было тщательно выстирано и выглажено.

Хисикари лично раздал головные повязки заключенным. С большим почтением он объяснил, что хатимаки вывесят после суда на стене храма великого бойца дзэн в Камакуре как вечное напоминание об их исправлении. На каждой повязке было изображение красного солнца Ямато и древние черные идеограммы, читавшиеся по-китайски: «Земля, Огонь, Ветер, Вода, Пустота». Карательные ошейники, выкрашенные в красный цвет, предназначались для того, чтобы сломить гордость, унизить тех, кто их надевал.

На рассвете они позавтракали рисом, сырой рыбой, чашечкой вина. Ненадолго разразившийся ливень увлажнил сухую землю. Спустя два часа началась великая процессия. Они шли не меньше мили по улицам, переполненным людьми. Вооруженные солдаты во главе процессии несли длинные церемониальные бамбуковые пики и флаги различных ханов Садо, развевающиеся на ветру. За солдатами следовали представители Черного Братства в темных кимоно с белыми поясами. За монахами шли пажи со знаменем кэмпэя, на котором была изображена галактика, и со знаменем Тысячи Тыкв, символом Ямато. Процессию охраняли стражники в серых одеждах.

Дюваль двигался торжественной поступью, как и предписывала церемония. Он увидел, как Нисима Юн занял свое место в процессии. Даймё был одет в парадное ярко-синее кимоно, украшенное трилистником, символом его клана. Вдали, на площади Совершенной Гармонии, Стрейкер заметил знатных дам в великолепных кимоно персикового цвета. Они с любопытством разглядывали эшафот, стоя на балконах и у открытых окон домов. Их разноцветные веера блестели на солнце и издалека казались похожими на экзотических птиц.

Этот день объявили всенародным праздником. Но веселье толпы было искусственным, на лицах людей

проницательный Дюваль прочитал глубоко затаенный страх. Каждый из зрителей, независимо от ранга, понимал, что сегодня он наблюдает за процессией со стороны, а завтра сам может стать ее участником. Стрейкеру казалось, что все это происходит во сне. Он шел в сопровождении двух монахов с корзинами на голове. Один из них все время молился, заунывно повторяя бессвязные слова, звучащие как жужжание пчелы.

Самое жуткое впечатление оставляли человеческие фигуры из рисовой соломы, выполненные в натуральную величину. Они изображали всех американцев, погибших во время битвы в Ниигате и на Тиноцуки, среди них было также изображение Хорса. Рисовые куклы были одеты так же, как и узники. Между куклами медленно проплывали красные лакированные гробы с останками тех, кто упорствовал во время допросов в кэмпэе. Официально было объявлено, что они умерли от лихорадки.

Каждый из американцев шагал в сопровождении двух монахов, готовивших его к смерти. Обвиняемых сковали общей цепью, которую прикрепили к красным ошейникам. Непокорной Джули Декстер надели наручники и заткнули рот кляпом, чтобы она не выкрикивала крамольные слова. Рядом с нею шел Мэтт Кайзер, монотонно произносивший молитвы. Глаза его были красны и неподвижны. В большинстве своем осужденные вели себя очень благопристойно, надеясь, что хорошее поведение смягчит приговор. Репортаж о казни транслировался по местному телевидению, а позже должен был передаваться по секторным программам Ямато.

Дюваль задумался о своей участи. Он вдруг засомневался в благополучном исходе суда, сочтя все свои надежды призрачными. «Мои знания и талант снова спасут меня»,— утешал он себя раньше. Но теперь и другие мысли пришли ему в голову. «Конечно, Мити-сан рассказала отцу, что я сохранил секрет сверхоружия. Конечно, Кэни-сан передаст это даймё. Конечно, даймё заключит сделку с Фукудой Икку... Должен заключить. Да, он не из тех, кто легко отказывается от своей выгоды. Но что,

если он этого не сделал? Что, если кэмпэй захочет отомстить за пиратство моего брата на Окинаве? Тогда я в западне,— с ужасом подумал Дюваль, оглянувшись вокруг.— Это конец». Страх заполнил его душу, он судорожно искал путь к спасению, но не находил.

За каждым узником бдительно следили, а всю процессию охраняли самураи и вооруженные всадники. Вдоль дороги шеренгой стояли полицейские, сдерживая напор разгоряченной толпы,— сбежать невозможно. Крыши, балконы, окна, стены, деревья буквально облеплены людьми. В адрес Дюваля раздавались оскорбительные выкрики. «Это брат того самого пирата,— звучало в толпе,— который устроил налет на Окинаву». На площади показались американцы, и толпа угрожающе заревела.

Дюваль увидел качающиеся черные гребни на шлемах воинов, рога, знаки отличия и родовые гербы офицеров, которые выстроились в два ряда, создавая в толпе коридор для процессии. Тысяча солнц блистала на обнаженных самурайских мечах. Дюваль вдруг почувствовал запах гари — от костра, который развел продавец жареных каштанов, тянуло дымком. У него перехватило дыхание. Он вспомнил корабль-камикадзе, врезавшийся в «Томаса Дж.». Он окаменел, объятый ужасом надвигающейся смерти. Лицо умолявшего о спасении Ивакуры вдруг снова возникло перед мысленным взором Дюваля. Он вспомнил жуткие распятия на планете-заповеднике. Эти видения, сохранившиеся в глубине подсознания, преследовали Стрейкера в самые страшные минуты жизни. Он исповедался об этом мэцукэ, и его показания записали.

Он поведал кэмпэю о смерти своей матери и о том, как брат помог ему получить достойное образование. Его мать считали странной женщиной — прекрасной, но загадочной. Отец всегда с ней плохо обращался и исчез вскоре после ее смерти. Мать распяли на планете-заповеднике, когда Дюваль был еще слишком мал, чтобы осознавать происходящее. В те времена Американо еще плясал под дудку Ямато; этот инцидент поспешно замяли и старались о нем не упоминать. Но позже, когда Алиса Кэн

пролила свет на ужасы правления своей предшественницы, казнь показали по телевизору, и он увидел свою мать на кресте.

Приказ кэмпэя исповедаться заставил Дюваля глубоко погрузиться в воспоминания. Он признался, что верит результатам генетического теста. Мэцукэ сказал ему, что, согласно генетическому коду, он наполовину японец по отцовской линии. В этом не было ничего удивительного, хотя он не мог быть точно уверен в том, что мать изменяла мужу. Несомненно, что между отцом — отцом Эллиса — и его матерью всегда было какое-то отчуждение. Трудно сказать, произошло ли что-то во время официального визита императора в сопровождении большой свиты или при каких-нибудь других обстоятельствах...

Когда он подписывал протокол допроса, японцы радовались охватившему его ужасу. Теперь он — заблудший странник, не имеющий фундамента, на котором мог бы построить свою жизнь. Задумавшись, Дюваль споткнулся и упал, но каннуси взял его за локти и помог подняться.

Заключенных подвели к деревянному помосту. Их заставили медленно преодолеть сорок ступеней и занять свои места. Дюваль мысленно взглянул на себя со стороны и понял, насколько он непривлекательно выглядит: голова раболепно склонилась, спина сгорблена. Его поддерживают под локти, потому что ужас сковал его члены, и он совсем потерял способность самостоятельно двигаться. Невыносимая боль пронзила его сердце, Стрейкер собрал в кулак всю свою волю. «Встань прямо! Не уподобляйся животному! — решительно приказал он себе.— Посмотри, как самсотверженно ведет себя Джули Декстер. Она сражается с ними за каждый шаг своего пути. Получает синяки от ударов палками, но при этом не сдается и разжигает толпу своим неповиновением. Что это? Смелость или безрассудство? Эллис часто говорил, что человек, совершающий отчаянный поступок, не рассуждает.. Но самое главное — это неповиновение!»

Дюваль ясно слышал голос брата: «Покажи миру свое неповиновение, и он отшатнется от тебя, как испуганная

собака. Будь до конца смелым! Поступай, как считаешь нужным. Иди вперед с высоко поднятой головой, не теряй достоинства!» Он почувствовал, как кулак, схвативший его одежду, ослаб. Дюваль оттолкнул руку помощи и самостоятельно стал подниматься по ступенькам. Он расправил плечи, гордо поднял голову и взошел на помост. Смелость наполнила его душу, а от ужаса не осталось и следа.

Он уверенно занял свое место на скамье подсудимых. Раздался громкий удар гонга, раскатившийся эхом по площади и соседним улицам. Толпа постепенно затихла. Огромное сверкающее полотнище с символом кэмпэя, величиной с корму корабля, взвилось на флагштоке и затрепетало на ветру. На шелковом треугольнике светилось золотистое изображение о-гохэя.

Затем худой человек в пурпурном одеянии поднялся на помост и встал под пляшущим флагом. Тревожный гул прошел по толпе, люди мгновенно замолчали и присмирели. Все поклонились, встали на колени, матери успокоили детей, чтобы те не мешали внимать звенящим словам мэцукэ. «Властью императора, императорской службы кэмпэй и Совета верховного бакуфу в Киото, согласно предписаниям, содержащимся в уставе Никко, я сим объявляю данный суд свершившимся!»

Фукуда стал зачитывать приговоры. Сначала он перечислил тех, кто умер или сбежал, оглашая их преступления. Дюваль увидел, как постепенно менялось настроение толпы. Люди заволновались. Вихри ярости проносились по площади, словно ветер по рисовому полю. Он почувствовал, что возмущение перерастает в ненависть. Ритуальные ответы собравшихся звучали все громче и громче. Жрец выкрикивал имена умерших осужденных. Исковерканные чужим языком, они звучали смешно и непривычно. Толпа разражалась каждый раз злорадным смехом, когда очередную рисовую фигуру заключали в клетку. Там же оказались три лакированных красных гроба погибших во время допросов кэмпэя американцев.

Наконец стражники открыли ворота у скамьи подсудимых, схватили Дина Ярвиса, начальника оружейной части на «Томасе Дж.», и поволокли его вниз по ступенькам.

— Стрелок, ты понимаешь, что происходит? — удивленно прошептала ди Баррио.— Что говорит мэцукэ?

— Это очень старая форма японского. Он говорит, что Ярвис тайно мочился на могилы самураев и что огохэй плачет от этого кровавыми слезами, стыдясь за гайдзина.

— Дьяволы! — прошипела ди Баррио, сдвинув густые брови.— Они истязали нас, требуя признаний, а теперь обвиняют черт знает в чем.

— В двадцать втором году я попал на Ранэй,— прошептал Джекоб.— Там кэмпэй по доносу воров и шлюх арестовал моего приятеля. А еще через год к ним в лапы попал капитан Леннок — и только за то, что заблудился и нарушил границы Ямато. Эти сволочи осуждают всех без разбора.

— Я слышала,— мрачно подтвердила ди Баррио,— что они держали капитана в крепости. Они зондировали его так же, как и нас. Жрецы ободрали его душу, как липку.

— Они просто сумасшедшие,— испуганно пробормотал молодой кадет Филлипс.

— Нет, кадет. Они схватили его, чтобы отобрать у него нагруженный корабль и два миллиона кредитов. Благодаря таким грабежам Фукуда Икку стал одним из самых богатых людей в Ямато.

— И после этого они называют нас пиратами! — возмутился Чамберс.

Хорнер расстроенно почесал в затылке.

— О, Господи, что же будет с моими сбережениями? — горестно воскликнул бывший друг Хорса.

Марио Агасси усмехнулся, бравируя.

— Стрелок, твой брат за все с ними расквитается! На орбитах они нас боятся и удирают при появлении американского корабля. От вида свободных людей у них кровь в жилах стынет!

— Боюсь, что никто не в силах спасти нас,— обреченно вымолвил Джеб Вомак.— Нас запрут в клетки и будут держать в них, пока мы не умрем.

— Стрелок, как ты думаешь, что нас ожидает? — спросил Джекоб, стараясь не думать о самом худшем.— Неужели мы так никогда и не снимем эти гнусные ожерелья, а?

— Мы скоро обо всем узнаем,— спокойно ответил Дюваль. Он сохранял достоинство и хладнокровие, поддерживая товарищей — некоторых охватила паника.

— Посмотрите! — Хорнер указал на кресты, установленные на площади для казни. Дорога к ним вела через арку, над которой возвышалась сторожевая башня северного крыла резиденции даймё. Башня примыкала к кухням и теперь служила хранилищем для риса. В Ямато предпочитали по возможности использовать натуральные продукты, несмотря на преимущества дуврской технологии. Казалось немыслимым готовить блюда традиционной кухни из синтетических продуктов. Именно поэтому в каждом зажиточном доме имелись склады зерна и овощей, наподобие того, который располагался в сторожевой башне. Во время ритуала возле арки стояли солдаты из личной охраны даймё.

— Посмотрите на этих ублюдков в коричневых кимоно! — воскликнул Хорнер.— Они готовы растерзать нас на куски.

— Да, они не пощадят нас,— поддержал его Джеб Вомак.

— Самураи боятся, что любой из нас может повторить подвиги Эллиса Стрейкера,— мрачно проговорил Хорнер.— Мэцукэ хочет преподать урок всем американцам!

Филлипс вздрогнул и обреченно посмотрел на кресты. Он начинал терять самообладание.

— Что они с ним сделали, ди Баррио? — спросил Филлипс.

— С кем, кадет?

— С капитаном Ленноком.

— Не волнуйся, он сбежал и благополучно добрался до дома. Говорят, его даже показывали по телевидению. Не переживай, тебя тоже покажут по ящику, когда ты вернешься на Либерти.

— Вы думаете, я вернусь?

— Конечно.

— Если бы Леннок не сбежал, нас бы не пригвоздили сейчас! — злобно прошипел Кайзер.

— За что ты так ненавидишь его? — спросил Вомак.

— Капитан Леннок был моим кумиром в детстве. Как-то мальчиком я увидел его на улице и с тех пор решил стать астронавтом. Вот что из этого получилось!

Молодой Филлипс судорожно сглотнул и со страхом уставился на разъяренную толпу. Элен ди Баррио наклонилась к нему, стараясь успокоить.

— Они не распнут тебя, сынок,— проговорила она мягким голосом.— Тебе еще предстоит много работать. А вот от таких старых дев, как я, они действительно хотят избавиться. Выше голову, кадет!

— Слушаюсь, капитан!

На площади Совершенной Гармонии наступила гробовая тишина. Мэцукэ зачитал приговор Дину Ярвису. Ему причитались три сотни плетей, а затем ссылка в отдаленное поместье в вечное рабство, если выживет. Стражники увели «счастливца», и он пропал из виду. Следующей схватили Джули Декстер. Она сопротивлялась, как дикарка. Рот ее по-прежнему затыкал грубый кляп, ноздри раздувались, а единственный глаз гневно сверкал. Головная повязка снова развязалась. Несмотря на то, что руки ее были привязаны к ярму на шее, она умудрилась сбить зазевавшегося охранника, но вовремя подоспевшие самураи быстро подавили сопротивление.

— Что он говорит, Стрелок? — спросила ди Баррио.

— Распятие.

— Боже, помоги ей!

— Аминь! — хором ответили заключенные.

Следующим вывели кадета Филлипса. Его приговорили к заточению в монастыре дзэн-буддистов до конца

жизни. Дюваль напряженно следил за тем, куда его повели. Кадет скрылся из виду за помостом, а затем вновь ненадолго появился. Охранники посадили его на осла. Они проехали под аркой и повернули не налево, к помосту для наказаний, а направо, по направлению к тюрьме кэмпэя. Часть толпы в предвкушении зрелища уже отделилась от основной массы зрителей и попыталась просочиться сквозь узкий проход, откуда лучше всего были видны кресты. Солдаты грубо отпихивали назад самых любопытных. Вдали на площади, за резиденцией даймё, виднелись распятия. Их было слишком много, чтобы у пленников в ожидании приговора осталась хоть какая-нибудь надежда. Стражники подводили заключенных к мэцукэ в строгом порядке. На помосте оставалось все меньше и меньше узников. При виде вакантных мест Дюваля замутило. Уже увели Матиаса, Робера, Шамира. Наконец стражники подошли к Элен ди Баррио. Она повернулась к Дювалю и протянула ему руку.

— Да поможет вам Бог, Элен!

— Прощай, Стрелок!

Ворота отворились, и Элен ди Баррио вышла на площадь, чтобы услышать смертный приговор.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ватару Хосино вскарабкался на повозку, запряженную быками, чтобы лучше видеть происходящее на площади Совершенной Гармонии. Открывшееся перед ним зрелище потрясло его до глубины души и сильно опечалило. «Такого не случалось со времен последнего императора,— с горечью подумал он.— В наши времена все было иначе. Эта планета являлась поистине новым миром, и только самураи становились здесь героями — настоящие мужчины, бесстрашные воины, первопроходцы, которые знали Путь. Они не походили на тех, кто пришел следом за ними — выскочки-бюрократы, полоумные администраторы, безжалостные голодные монстры вроде Фукуды, извратившего нашу древнюю культуру, чтобы приспособить ее к своим гнусным потребностям».

— Слезай, старик! — услышал он вдруг грубый голос.

Хосино в гневе обернулся и замахнулся на неуклюжего крестьянина с плоским лицом.

— Попридержи-ка язык, икки!

— Эй, старик, не груби! Если ты самурай, то почему не завязываешь волосы в пучок?

— Оставь его,— успокоила крестьянина жена.— Он не самурай, а псих.

— Я ничего не вижу из-за этого старика и его дурацкой повозки! — не унимался крестьянин.

— Замолчи! — приказал ему Хосино.— Я сейчас уеду.

Старик в ярости прогнал двух ребятишек, успевших запрыгнуть на повозку, пока он ругался с наглым икки. Ватару хлестнул быков, повозка вздрогнула и

медленно двинулась с места. Люди расступались перед тяжелой упряжкой, шарахаясь от быков и оберегая ноги от скрипящих, медленно поворачивающихся колес. Зеваки вытягивали шеи, чтобы не пропустить последние приговоры. Они шикали на старика, телега катилась прямо на них. Другие пытались утихомирить возмущенных.

— Куда едешь? — строго спросил сержант с каменным лицом, преграждая дорогу. Ватару охватило волнение. «Что, если он остановит меня или задержит? — с беспокойством думал он.— Вовремя ли я выехал?» — тревожно спрашивал себя Хосино. Он раболепно склонил голову.

— Мне приказали подъехать к помосту, сержант-сан. Я везу ритуальное сакэ для преступников.

— По этой дороге ездить запрещено!

— А как же еще мне попасть туда? — он с ужасом посмотрел на сержанта.— У меня строгий приказ от господина.

— Я сказал, что здесь проезжать запрещено!

— Но как же я выполню приказ господина?

— Какой приказ? Кто тебе велел?

— Могущественный капитан.

— Какой капитан?

Ватару огляделся и махнул рукой.

— Вон тот, в прекрасном шлеме и дорогих доспехах. Видишь? Он из семьи Хасэгава. Капитан сказал, что если у меня возникнут трудности...

— Все в порядке, старый змей. Поехали за мной.

Сержант схватил кольцо, болтавшееся в носу одного из быков, и сильно дернул. Повозка медленно тронулась с места по направлению к помосту, возле которого прозвучал приговор уже пятидесяти заключенным. Раздался очередной рев толпы, на этот раз громче всех предыдущих. Эхо отозвалось под сводами пустой сторожевой башни на углу площади Совершенной Гармонии и в одной из ее небольших комнат, где пряталась Мити. В комнате было темно, лишь несколько солнечных лучей пробива-

лись сквозь щели в черепичной крыше. Возбужденные крики людей еще сильнее разволновали Мити.

— Боги должны помочь мне... Молю вас, семейные боги клана Хасэгава, помогите мне. О Семь Богов Случая, помогите! Невидимые ками, вмешайтесь и спасите его! Она пыталась унять дрожь в пальцах, когда привязывала потертый кусок веревки к потолочной балке невысокой темной комнаты. Затем Мити завязала узелки на веревке на расстоянии двух футов друг от друга. Но все ее старания окажутся бесполезными, если она не сможет сдвинуть тяжелые мешки с рисом, закрывающие люк. Она опустилась на корточки, уперлась спиной в стену и толкнула мешки, но те даже не пошевелились.

— О боги! Дайте мне силу!

Толпа встречала диким воем каждый приговор мэцукэ. Затем осужденного с позором сажали на осла и везли под арку, над которой располагалась та самая комната, где находилась Мити. Очередной возглас толпы подрывал ее надежды на успешное осуществление плана. Она знала, что все сорвется, если она не отодвинет эти ужасные мешки с люка. Мешки с очищенным рисом и мукой были слишком тяжелы для нее, а трусливый кухонный рабочий, который привел ее сюда, сбежал, взяв с нее золотой слиток. Он отказался помогать ей дальше, как она его ни уговаривала. Прямо над ее головой находился блок для подъема мешков. Старинный стальной механизм казался несложным на вид, но она не умела им пользоваться, и уже не было времени разобраться.

При очередном вопле Мити в отчаянии пнула мешок. На этот раз голос мэцукэ звучал особенно высоко и визгливо. Фукуда подробно рассказывал о грабеже на Окинаве, о мародерствующих пиратах, которыми кишела Зона Процветания.

— Как мы поступим с этим дьяволом? — вопрошал он разъяренную толпу.— Скажите мне?!

— Распять его!

— Распять!

«Сейчас они вынесут приговор, и все погибло!» — с ужасом думала Мити. Она заметалась по комнате, споткнулась, в спешке пробираясь к окну.

— Распять его!

— Распять!

Возбуждение толпы нарастало. Мити в ужасе вцепилась руками в опущенные деревянные жалюзи. Она надавила на одну из пластин — полированная дощечка затрещала и чуть приподнялась. Сквозь образовавшуюся щель она взглянула на площадь. Там на большом помосте, гордо выпрямившись и высоко подняв голову в красном тяжелом ошейнике стоял ее муж. У Мити совсем не оставалось времени. Он будет под аркой через несколько минут! Фукуда поднял руку, и толпа притихла.

— Император, даймё, все жители Садо обходились с преступником со всей учтивостью. Но как он отплатил нам? Даже в эту минуту его злой брат пиратствует и уничтожает всех, кто попадается ему на пути в Сфере Процветания! Как мы поступим с этим гайдзином?

— Распять его!

Мити в отчаянии вцепилась в жалюзи. Не помня себя, она так надавила на сломанную планку, что та опять затрещала и впилась ей в ладонь. Мити инстинктивно отдернула руку, громко вскрикнув от боли. Острая щепка упала на пол. Мити вновь приникла к окну. Там внизу осел вез очередного гайдзина. Мити даже рассмотрела его лицо: скуластое, желтоватое, превратившееся в безжизненную маску.

Следом за ним появились быки Ватару, которых вел сержант охраны. «Слишком поздно! — в панике подумала она.— Мы погибли!» Она заметила, как Ватару скользнул взглядом по маленькому, закрытому жалюзи окну и быстро отвернулся. Повозка с грохотом покатилась под арку. С высоты двадцати футов Мити разглядела ее содержимое: в сене лежали два гигантских глиняных сосуда, достаточно больших, чтобы в каждом из них мог поместиться человек. Между ними торчал небольшой

ручной серп. Его остро отточенное лезвие блеснуло на солнце, когда повозка въезжала под арку. Мити отпрянула от окна. Вдруг ее взгляд упал на острый обломок жалюзи. Спасительная мысль пронзила ее, словно молния. Она схватила обломок, произнесла благодарственную молитву Икари, богине рисовых посевов, которая, несомненно, нашептала ей эту идею, и, до боли закусив губу, начала раздирать щепкой мешки.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Дюваль наблюдал за бушующей толпой. Вдруг все стихло. В десяти ярдах от него стоял Фукуда Икку — бритый череп блестел на солнце, лицо обращено к небу, а руки молитвенно сложены.

— Выслушай приговор, ты, грязный гайдзин! Твои преступления столь тяжелы и злы, что о них нельзя говорить вслух! Слуги императора и все собравшиеся здесь требуют, чтобы ты проявил покорность перед судом! Хисикари приблизился к Дювалю, поднялся на цыпочки и отвратительно зашепелявил: «Поклонись перед телевизионными камерами. Тебя помилуют...»

— Выполни его просьбу! — умолял каннуси.— Ради себя самого!

Страх снова стал подбираться к Дювалю, но он решительно покачал головой. Он ни за что не подчинится мэцукэ и не поклонится на глазах всего Ямато. Никогда!

— Ты можешь избавиться от страданий,— уговаривал его Хисикари.

— Подумай о наказании, Дюваль Стрейкер! — визжал Фукуда. — Подумай о гвоздях, пробивающих твою плоть! Подумай о неизбежной боли, когда ты будешь медленно умирать на кресте! Продемонстрируй народу свою покорность, свое согласие с решением суда. Мы лишим тебя мучений, и палач быстро задушит тебя!

— Поклонись, как самурай, или ты возродишься навозной мухой! — закричал Хисикари.

Дюваль гордо поднял голову. Когда он заговорил, ему показалось, что он слышит свой уверенный холодный голос как будто со стороны.

— Мэцукэ во всем прав! Я не самурай! Я — американец! Гайдзин! Американец не будет кланяться никому!

Они стащили его с помоста и усадили на осла. Руки его были крепко связаны у запястьев, а носки касались земли. Животное затрусило рысцой по навозу, оставленному другими ослами, его предшественниками. Пальцы Дюваля непроизвольно вцепились в гриву, он чувствовал под собой твердый хребет животного. Он ничего не видел, в голове не промелькнуло ни единой мысли, но, подъехав к помосту, он ощутил приближение смерти. Разбушевавшаяся толпа кидала в него грязью, ее отвратительный запах очень досаждал Дювалю. Люди так неистовствовали, что забрызгали даже темно-синее кимоно каннуси, который сопровождал осужденного в его последний путь.

Внезапно острая мысль пронзила его, словно пробудив ото сна. Дюваль понял с удивительной ясностью, что это его последние минуты. Все вдруг стало реальным, действительность обрела яркие краски. «Я должен подготовиться к смерти»,— сказал он себе, впервые по-настоящему испугавшись ее неизбежности. Дюваль взглянул на толпу, но увидел теперь перед собой не бурлящую серую массу, а различных людей; он услышал в отдельности каждый голос, отчетливо рассмотрел каждое неповторимое лицо: вот самурай, вот нищий икки, вот молодая сангокуинка. Он почувствовал, как живут и трепещут их души — мрачные и светлые, истеричные и безгрешные... Дюваль читал в из глазах ненависть, злобу, ужас, сострадание, любопытство. В эти последние минуты словно завеса упала с его души, и он почувствовал неистовую пульсацию жизни, ее скрытые токи и невидимые силы.

Толпа редела по мере того, как они приближались к помосту. Солдаты выстроились в ряд и стояли плечом к плечу — живая изгородь, препятствующая появлению постороннего в сакральном месте возле распятий. Но некоторые оставили свои посты и устремились к сторожевой башне. Когда ее холодная тень упала на него,

Дюваль понял, что заставило солдат оставить свои посты. В ярком квадрате света он увидел бычью повозку, которая перегородила узкий проход под аркой. Охранники пытались оттащить повозку и расчистить дорогу, но один из быков тяжело улегся на землю и не желал подниматься. Он угрожающе фыркал и мотал головой, отпугивая солдат массивными рогами.

Дюваль заметил липкие красные сгустки на сухожилиях его задних ног. Кто-то только что перерезал их. Раздались беспорядочные приказы.

— Расчистить дорогу!

— Уберите повозку!

Солдаты возбужденно толпились около повозки, не зная, как устранить неожиданное препятствие на пути к распятию. Один из них схватил поверженное животное за рога, а другой попытался отвязать ярмо, чтобы выпрячь повозку. Вдруг второй бык замычал и резко дернулся, ударив хвостом одного из солдат. Повозка угрожающе наклонилась, и гигантский глиняный кувшин медленно выкатился из нее. Он с грохотом упал на землю и разлетелся на черепки. Несколько галлонов ароматного сакэ разлилось мутной лужей. Затем упал второй кувшин, тоже выплеснув содержимое на землю.

— Смотрите за узником! — раздался приказ.

— Оттащите старика от повозки!

Несчастный старик собирал черепки и горестно оплакивал утрату драгоценного напитка.

— О, господин не пощадит меня! Что мне делать?! — восклицал несчастный возница.

Дюваль увидел лицо старика — это был Ватару Хосино. «Не может быть! — думал Стрейкер в смятении.— Этого не может быть!» Он хотел выкрикнуть имя своего друга, но, столкнувшись с ним взглядом, тут же сдержался. Подбежавший охранник схватил Ватару за локоть.

— Убирайся отсюда! — заорал старик прямо в лицо Дювалю, а затем повернулся к солдату.— О, мое сакэ! Мое сакэ! Что я теперь скажу господину?!

Хосино извивался в цепких руках охранника, как только что пойманная рыба. Он поднял страшный шум и суматоху, отвлекая внимание стражников.

— Держите его!

— Уберите старика! — кричали столпившиеся солдаты.

В этот момент Дюваль вдруг услышал, как над его головой что-то скрипнуло. Он посмотрел вверх, в направлении странного звука, и тут же отвел взгляд, опасаясь, что охранники могут это заметить и посмотреть в ту же сторону. Прямо над его головой открылся люк и оттуда внезапно посыпались белые зерна. «Что за чудо? — с трепетом спрашивал себя Стрейкер.— Или это сон? Что это падает? Боже, это рис!» Тут же на него упала веревка. Дюваль действовал мгновенно, не раздумывая. Сложив ладони вместе, он резким и почти неуловимым движением ударил ими в кадык охранника. Тот осел на землю, не издав ни единого звука. Дюваль крепко сжал веревку между связанными запястьями и взглянул вверх.

— Дзинан-сан!

Он увидел ее лицо и волосы сквозь потоки риса.

— Мити!

— Скорее, Дзинан! Скорее!

Он обмотал веревку вокруг рук, и она сильно натянулась, больно врезавшись ему в запястья. Дюваль отчаянно карабкался над головами людей, словно выбираясь из ада. Рис сыпался градом на растерявшихся солдат. Его обескровленные руки совсем ослабли. Он поднялся до следующего узелка, сжал ногами веревку и подтянулся. В это время охранники пришли в себя. Цепкая рука сжала его лодыжку, но он изо всех сил ударил по ней свободной ногой и стряхнул с себя. Дюваль подтянулся вверх еще на один узелок.

— Берегись! — Мити вытолкнула из люка надорванный мешок, тот упал на землю и взорвался облаком рисовой муки. Это позволило им выиграть еще несколько секунд. Опомнившийся сержант бросился за Дювалем,

но дотянулся кончиком лезвия лишь до его голени. Беглец преодолел уже полпути, руки его ослабевали.

— Дзинан! Еще чуть-чуть! — кричала Мити, сбрасывая разодранные мешки с рисовой мукой на солдат, тянувшихся к Дювалю. Ее рука нащупала руку мужа, но в этот момент его ступня соскользнула с узелка, и он едва не рухнул вниз. Он задыхался, кашлял, терся лицом о плечо. Сыпавшаяся сверху мука забивала рот, ноздри, попадала за шиворот, застилала глаза. Он болтался на веревке, а силы оставляли его. Пальцы сами начали разжиматься, все закружилось перед его глазами в этой адской пурге.

— Помоги мне! — прохрипел Дюваль в последнюю секунду.

— Поднимайтесь за ним!

— Он падает! — послышались выкрики снизу.

Дюваль вдруг почувствовал, что веревка крепко натянулась под тяжестью чужого тела. Этого оказалось достаточно, чтобы он нашел ногами узелок, оперся о него и совершил отчаянный рывок. Мити впилась в его предплечье с нечеловеческой силой. Она сильно ударилась головой о край откинутого внутрь люка, когда Дюваль, хрипя, перекатился в комнату. На мгновение он онемел.

— Веревка! Обрежь веревку! — прохрипел он, немного придя в себя.

Мити оглянулась в поисках щепы, но ее нигде не было. Вероятно, ее погребли под собой груды рассыпанного зерна и муки, а может, она упала вниз. Времени на поиски не оставалось, да и вряд ли щепкой можно было разрезать толстую веревку. Раздался скрип, и в отверстии люка показался шлем. Дюваль вскочил на ноги и надавил всем корпусом на тяжелую крышку люка, которая держалась на заржавевших петлях. Она нехотя покачнулась и с грохотом захлопнулась, оглушив солдата. Тело его шлепнулось на землю с высоты двадцати футов. Они стремглав бросились из комнаты и побежали по лабиринту коридоров резиденции даймё.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Место действия: Система Дайто. Нейтральная Зона

Корабль Эллиса Стрейкера следовал по цепи орбит в сторону Ямато. Они вышли из миров двадцатого градуса. Долгота последовательно уменьшалась, а широта оставалась почти неизменной, максимально приближаясь к уровню экватора. Эта система находилась на расстоянии двенадцати астрономических единиц от самой большой планеты класса «А» — белого сверхгиганта под названием Дайто, известного древним землянам как Гамма Щита. К несчастью, астероиды, вращавшиеся вокруг Дайто, так и не превратились в планеты, и огромное сатурновое кольцо окружало ее редким по красоте поясом звездных обломков. Выбираться из него было не самым приятным занятием. Миновав пояс, астронавты собирались направиться по дуге цепной траектории наверх, к орбите Йот-4-6.

Южный участок галактики они преодолели с посадкой в порту Бакабо. «Конституция», появившись здесь неделю назад, привела жителей системы в замешательство. Корабль продолжал путешествие, не замечая свирепой ярости врагов. Двигатели скрипели, а стабилизаторы резко вздрагивали, наводя Эллиса на мысль о необходимости срочно завершить текущий ремонт. На капитанском мостике сверкали ярко-фиолетовым светом мезоновые ножи, распространяя характерный аромат марципана. Роботы накладывали на шов плексовое покрытие и заменяли переборки. Они отчаянно пыхтели и издавали какие-то нечленораздельные звуки, наподобие блеяния.

Наверху, над сводами капитанского мостика, был натянут свинцовый, светонепроницаемый щит. Он защищал корабль от непрерывного метеоритного потока, который всем уже изрядно надоел.

Экипаж в этот день отдыхал. Решили сделать короткую передышку, чтобы потом с новыми силами приняться за работу. Эллис сидел в капитанском кресле, разложив перед собой таблицы и графики. Информация была исключительно точной, Эллис в этом нисколько не сомневался. Несмотря на то, что Стрейкер сам загрузил данные в компьютер, он больше доверял собственным вычислениям, чем механическим операциям бездушной машины. Сейчас он рассчитывал последний отрезок пути в этой экспедиции, но спертый воздух мешал ему сосредоточиться.

Эллис опять мысленно перенесся в уютное поместье на Садо, где его брат, вероятно, наслаждался радостями семейной жизни, полученными столь сомнительным способом. Эта идиллическая картина мучила его и и не давала покоя. Наступил полдень. Из громкоговорителя раздался сигнал, возвещающий о начале обеда. Стрейкер вспомнил о том, что запасы у них уже на исходе. Он заказал сок, проглотил его и послал стюарда вниз за одним из маленьких сладких апельсинов, которые Эллис выращивал у себя в каюте.

Он закрыл глаза и увидел яркий ландшафт Либерти: свежий снег в зимнем лесу, реку, покрытую льдом. Ему почудился трескучий мороз, от которого краснеют щеки и коченеет кончик носа. «Зима в Линкольне...— вспоминал Эллис.— Ветер пронизывает насквозь, деревья клонятся к земле, пруды затянуты льдом... А этот удивительный серый цвет, да в нем больше оттенков, чем во всей радуге любого самого яркого мира! Как давно я не видел родных созвездий высоко в небе. Дюваль много потерял, лишившись всего этого...»

Оживший громкоговоритель заставил Эллиса открыть глаза. Он взглянул на перстень с черным камнем, блестевший на его пальце. Изображение орла напомнило ему,

что, согласно первоначальным границам, принятым Центральной Землей, территория Американо простиралась от полюса до полюса по галактической долготе между тридцатым и шестидесятым градусами в направлении созвездия Aquila, что в переводе с латинского означает «орел».

Появился стюард с апельсином. Эллис взял цитрус, поблагодарил и начал его чистить. Именно так Айртон Родриго впервые представил астрографию Освоенного Космоса: он сравнил его с апельсином поперечником в двести парсеков, с Солнцем и Старой Землей в центре. А неосвоенный космос — там, за кожурой. Эллис положил оранжевый плод на стол и внимательно посмотрел на него. Согласно последним релятивистским исследованиям, секторы Освоенного Космоса постоянно расширяются со скоростью, близкой к скорости света. Теоретические границы секторов жестко определялись указом Центральной Земли, хотя указ этот много раз нарушался и границы пересматривались.

Эллис представил, что держит в руке Освоенный Космос — гигантский апельсин, состоящий из двенадцати долек-секторов, в шестьсот пятьдесят световых лет от края до края. Он отломил одну дольку. Стрейкер съел Ямато, разжевав его сочную мякоть, и сплюнул косточку в руку. Эллис не мог забыть Дюваля, несмотря на то, что тот давно отрекся. Он по-прежнему хотел видеть брата, хотя бы затем, чтобы задать несколько вопросов, глядя ему в глаза. Эллис бросил косточку в робота, и она со звоном отскочила от гладкой поверхности.

Шел четвертый день с тех пор, как они покинули очередную орбиту. Астрографическая коллекция значительно пополнилась новыми данными, добытыми в последних трех системах. Это были инструкции для пилотов-роботов, их извлекли из компьютеров захваченных кораблей. Инструкции описывали малоизученные области звездного пояса и представляли собой настоящее сокровище, которое необходимо было доставить в Американо. Эллис просматривал материалы с удовольствием, к

которому все же примешивалось легкое беспокойство. Совсем недавно перед ним возник ряд проблем, решение которых сулило значительный успех. Месяц за месяцем «Конституция» бороздила девственные системы южной части галактики, обдирая как липку Пандору и Ротум. В июне они внезапно приземлились на Пайе, около миров десятого градуса, захватив кое-какую мелочь — два транзитных и один торговый корабль. Затем они высветили на борту «Конституции» антияпонские лозунги, чтобы терроризировать и дразнить строптивых японцев так же, как это делал Уюку.

В октябре они захватили богатый корабль в одной из корейских цепей. Его грузовые отсеки ломились от подарков, посланных вдовой из Китая императору. Там он обнаружил ларец с превосходными изумрудами, принадлежавший капитану. Капитан направил пистолет прямо в грудь Эллису, но выстрелить у него не хватило духу, или пистолет не сработал. Без сомнения, счастливое пси предотвратило выстрел. Эллис приказал раздеть самурая и нагишом пустил его бегать по кораблю под пьяный хохот американцев. Затем он «купил» изумруды за бутылку сакэ и соломенную шляпу каннуси. Он оставил капитана в его же собственном шаттле в пятидесяти астрономических единицах от ближайшей населенной планеты — достаточно близко, чтобы тот остался в живых, и достаточно далеко, чтобы помучился от жажды и голода.

— Передай своим соотечественникам, что эти маленькие зеленые безделушки — подарок для моего Президента,— сказал Эллис на прощание.— Можешь не сомневаться, ей плевать на Ямато. Счастливого пути, сукин сын!

За последний год Эллис добрался на «Конституции» до всех главных систем, которые враг захватил в Нейтральной Зоне. Он обнаружил, что ни один крупный корабль не может справиться с ним благодаря его маневренности. Равные ему по скорости оказывались слишком легкими, чтобы угрожать всерьез. Стрейкер

твердо знал, что, пока он держит команду в хорошей форме, сам черт ему не страшен. Он не боялся ни засады, ни преследования. Благодаря общению с Рамакришной и еще больше развившейся пси-интуиции Эллис всегда опережал противника. В декабре прошлого года они разорили системы Явы и Нукуману, временно базируясь в Чайсеуле.

Весной «Конституция» нагрянула в Хониару и захватила там сторожевой фрегат, облегчив его на четыреста фунтов серебра. Уверенность Эллиса росла с каждой победой, он обнаружил, что слава о нем распространилась уже по всем орбитам Нейтральной Зоны. Эта слава вселяла панику, парализовывала, так что немногие оказывали достойное сопротивление. Ни один капитан Ямато изо всех систем Зоны не мог объяснить удивительный дар Стрейкера к обнаружению и захвату вражеских кораблей. Даже его собственный экипаж недоумевал, откуда Эллису известно, на какие корабли следует нападать, а какие пропустить мимо. Он не раскрыл своего секрета ни Уюку, ни кому-либо из членов своей команды, в том числе ближайшим помощникам.

Фельдман Сарк, седобородый, осторожный человек, подозревал, что здесь не обошлось без дьявола, но не придумал ничего лучшего, как задавать глупые вопросы. Самыми любопытными оказались Брофи и Боуэн. Боковым зрением Эллис не раз замечал, как они украдкой наблюдали за ним. Они пытались выведать, чем он занимался, когда, запираясь в «каюте астронавта», пользовался сокровищем Рамакришны. Они зашли так далеко, что установили скрытую микрокамеру, чтобы наблюдать за ним. После этого он безжалостно рассеял их мистические иллюзии.

— В этом нет никакой тайны,— уверил Эллис Боуэна, когда его лучший офицер в сотый раз спросил его о колдовском средстве. — Хорошее управление кораблем, хороший экипаж и ничего более.

— Конечно,— ответил Боуэн, озадаченно почесывая голову.— Но откуда вы узнаете, что корабль стоит брать,

когда он еще не больше точки на самом крупном экране?

— О, это всего лишь интуиция.

— Но зачем вы идете каждый раз в «каюту астронавта»? Ни один капитан не делает этого, ни один из тех, кого я когда-либо знал!

— Там тихо, а я люблю подумать в тишине, прежде чем мы настигнем врага. Ну что, будете еще загонять меня в угол?

— Капитан, а что за маленькую коробочку вы достаете и что за камень вы целуете и кладете себе на лоб каждый раз, когда видите корабль?

— А что за заклинания вы шепчете? — наседал на него Брофи.

Эллис резко поднялся, пораженный вторжением в его тайну. Лицо его приняло серьезное выражение.

— Вы шпионили за мной?

Они посмотрели на него, словно нашкодившие дети.

— Мы очень хотели узнать...

— Хорошо, я скажу вам, раз вы так любопытны.

— Что это, капитан?!

— Это черная магия!

— О, Господи!..

— Вы не откроете нам вашу тайну? — печально спросил у него Боуэн.

— Нет,— отрезал Эллис.

Боуэн и Брофи ушли разочарованные. Но Стрейкер знал, что они непременно вернутся к тем же вопросам через неделю или две, когда будет захвачен новый корабль и ловкий трюк повторится. Улыбнувшись своим мыслям, Эллис поудобнее уселся в глубоком кресле. Он наблюдал за Боуэном, которого тревожила и манила нераскрытая тайна. Секрет захвата кораблей заключался действительно не в колдовстве, а совсем в другом. Прежде всего — дисциплина, умелое управление кораблем и экипажем. А главное — особая тактика. Она состояла в том, что они никогда понапрасну не убивали своих жертв. Захватывая корабль, они обещали врагу, что обойдутся с

ним милостиво, но с первой каплей американской крови пощады не будет. Эллис всегда строго придерживался этого правила, оставляя пленников вблизи населенных мест. Поэтому о нем ходили не только дурные слухи. В свою очередь, он узнавал новости о происходящем в Зоне, добывал разведданные. Наконец Стрейкер осознал, насколько велик его авторитет, в каком напряжении он держит врага и сколь существенный урон может ему причинить.

Эллис с досадой посмотрел на свинцовый купол. Он угнетал его, словно пси-шторм, но сейчас был необходим. Астероидные потоки истрепали щиты, и их нужно было предохранить от разрушения. Корабль все-таки продолжит слепой полет, хотя потеряет при этом еще одни сутки. Их можно было бы потратить на корректировку карты южного участка сектора, малоизученного из-за своих переменных гравитационных полей и неисчислимого количества звездных осколков. «Капитан, пользующийся обычной картой и не имея нашей информации долго бы отсюда выбирался, даже если бы он сам загрузил данные в компьютер, а тот вычислил ему траекторию»,— с усмешкой подумал Эллис. До сих пор хорошее пси и колоссальный опыт Стрейкера наряду с его интуицией, развитой Рамакришной, позволяли им избегать крупных неприятностей в Зоне.

В той области, где они находились сейчас, было достаточное количество тусклых сверхкарликов и их систем, чтобы разместить тысячу баз и сотни тысяч беглых рабов, способных освоить аннексированные Ямато миры. Между делом они посетили несколько планет, где экипаж приятно провел время, общаясь с местными жителями. Эллис прекрасно знал, что длительное воздержание уродует психику, как мужскую, так и женскую.

Именно поэтому он по возможности позволял своим людям немного расслабиться и отвлечься от пиратских забот. Боуэн одарил детьми по крайней мере трех женщин в трех разных системах. Но каждой он, конечно, клялся, что она у него единственная. Почти все мужчи-

ны из его экипажа вели себя так же, что мало тревожило Эллиса, потому что он и сам был иногда не прочь поразвлечься. Хоть и редко, но его пси также подчинялось голосу плоти. Что касается женской части экипажа, то они ни в чем не уступали мужчинам, а многие даже и превзошли их, проявляя завидный сексуальный энтузиазм. Хорошо известен тот факт, что мужчина достигает пика сексуальной активности к двадцати годам, а женщина — к тридцати. Большинству женщин из его экипажа было около тридцати.

«Счастливый экипаж — счастливый капитан!» — часто говорил Эллис своим подчиненным. Но иногда, оставаясь в одиночестве в полной тишине, он понимал, что его душа требует больше, чем могут дать пиратские приключения и забавы с доступными женщинами.

В последние дни он часто вспоминал о странной сверхновой звезде, открытой им в Нагое. Отсюда она была еще не видна. Пройдет лет пятьдесят, прежде чем ее лучи достигнут этого неба, и еще больше времени, прежде чем о ней узнают американцы. Они с Уюку поступили правильно, запретив разглашать тайну об открытии этой звезды. «Политика быстро меняется,— думал Эллис,— и когда-нибудь эта информация может мне очень пригодиться».

Постепенно он забывал лицо Ребы, тембр ее голоса, улыбку. «Как там она? Как воспитывает малыша? Каково ей быть женой Курта Райнера? Жива ли она еще?» — эти риторические вопросы он задавал себе в одиночестве. Он стал все чаще задумываться о подлинной цели своих трудов. Эллис хотел вернуться домой достаточно обеспеченным человеком, чтобы забрать то, что по праву ему принадлежало. Но никакие богатства Ямато не могли окупить потерю брата, и мысли о нем не давали ему покоя.

Сезон за сезоном, год за годом Эллис видел, как у экипажа растет ощущение безнаказанности. Это наводило его на серьезные размышления. Он чувствовал, что тратит все больше сил, чтобы держать людей в повино-

вении. Аппетиты росли с каждым месяцем, их уже не прельщали небольшие корабли, представлявшие когда-то главную добычу. Теперь только крупная дичь становилась объектом их охоты. Каждая последующая добыча превосходила предыдущую. Постепенно Эллис начал понимать, что пора возвращаться домой. Капитана, который не мог вовремя остановиться, как правило, ждала печальная участь. Рано или поздно корабль нарывался на хорошо подготовленную засаду, попадал в ловушку и погибал. Этого нужно было избежать любой ценой, потому что члены его экипажа — уже не орбитальные крысы, которым нечего терять. Все они имели солидное состояние, накопленное за годы пиратства, и теперь хотели вернуться домой, чтобы употребить его с пользой для себя.

Первое время после налета на Окинаве ему легко удавалось гасить их пыл и склонять к продолжению экспедиции. Затем пришлось применять угрозы и хитрить. Но смута росла, как раковая опухоль. Он сказал Бобу Бутчеру, роботехнику, известному своей болтливостью, что Уюку поклялся разделить золото не раньше, чем «Конституция» вернется на Либерти. Этот слух остудил самые горячие головы. И тем не менее через два месяца к нему пришли официальные представители экипажа и прямо спросили, когда он намерен возвращаться домой. Эллис напомнил им об их клятве при прощании с Уюку, когда Стрейкер предоставил им свободный выбор, за каким капитаном следовать.

— Вы предаете меня и наше дело! Вы дали слово! Вы поклялись мне!

— Капитан, нам осточертело скитаться по Зоне,— ответил Стаббс, их предводитель.— Мы на пределе. «Конституция» должна отправиться домой.

— Мы договаривались, что только я могу решать, когда нам вернуться!

— Капитан, мы очень устали!

Он закричал на них, придя в бешенство от такого заявления:

— Нет, черт вас побери! Если вы забыли о своем долге по отношению к Американо, я вам напомню!

После этого они немного присмирели. Чтобы окончательно подавить их неповиновение, он отвел корабль на Кирибати — холодную космическую глыбу — и тайком спрятал наиболее ценные трофеи. Затем он приказал модернизировать грузовой трюм так, чтобы его стенки стали прозрачными. Все увидели полупустое пространство.

— Ну, что вы скажете мне теперь? — обратился он к экипажу.

Все подавленно молчали.

— Сама Президент напутствовала наш корабль и просила сделать все возможное, дабы причинить Ямато наибольший ущерб! Еще раз повторяю вам, что мы не вернемся домой, пока я не выполню все, что мною задумано. Но если вы поднимете бунт, то останетесь ни с чем.— После этого произошла неприятность, когда они вернулись на Окинаву, чтобы забрать спрятанное там после налета на «золотой поезд». Гурэнтаи сообщили им, что власти обнаружили большую часть добычи, так как один из тайфунов разворотил землю и вскрыл тайники, обнажив золотые слитки. Им пришлось утешиться налетом на Ёмитан, хотя там оказались сущие пустяки по сравнению с тем, что они заполучили в прошлый раз. Кроме того, он увидел, что и Тайто, и Кин ощетинились новыми лазерными установками, так что соваться туда было бы самоубийством.

После этого у них не осталось выбора: нужно было захватить очень богатый корабль, чтобы не возвращаться домой полупустыми. Первый такой корабль улизнул от них под прикрытием радиозащиты, сделавшей его корпус невидимым. Второй долго удирал на безопасную орбиту и все-таки удрал, а третий преподнес сюрприз. Они гоняли его на протяжении сорока астрономических единиц по орбитам Свиного Хлева, но судно оказалось очень маневренным, и они чуть не заблудились в лабиринте маленьких систем. Когда корабль наконец попался в абордажные поля «Конституции», то стер знаки отличия Ямато и высветил на своем черном корпусе белый череп и кости.

Эллис пришел в бешенство от такой насмешки. Боуэн первым догадался, кого они поймали в сети.

— Это трюк Ким Вон Чуна. Идиот, он морочил нам голову трое суток!

— Но что он здесь делает без моего ведома, черт подери?! — вскипел Стрейкер.

— Вы говорите как лесник, поймавший браконьера,— ухмыльнулся Боуэн.

— Может быть... Но что нам теперь с ним делать? — задумался Эллис.

— Может, предъявить ему устрашающий ультиматум, чтобы он не путался у нас под ногами и не перехватывал нашу добычу? — предложил Брофи.

— Нет. Во-первых, никому не испугать сумасшедшего Кима, а во-вторых, мы лишимся союзника. И, наконец, он может рассказать нам много интересных новостей.

Ким поднялся на борт «Конституции», и Эллис устроил в его честь пышный обед. В тот же вечер кореец поведал им новости, обеспокоившие весь экипаж.

— Если хочешь знать, почему мы здесь оказались, то я должен сообщить тебе дрянные вещи. Мы улетели из Американо, потому что твой Президент отвернулась от нас, чтобы умиротворить императора Ямато.

Эллис боялся этого больше всего. Такой поворот в американской политике мог поставить их вне закона. Он тут же обеспокоился судьбой Уюку.

— Расскажи-ка мне все поподробней, дружище. Я давно не был дома,— попросил он Кима.

— Президент запретила корейскому флоту привозить свои товары в Американо. Разве так поступают с союзниками? Что нам было делать после этого? Мы направились в Зону. А ты помнишь о наших планах отвоевать Пусан у Ямато?

— Да, конечно,— кивнул Эллис.— Когда-то вы собирались захватить эту планету, создать на ней базу и поддерживать ее из Американо.

— Я не отказался от этой затеи,— продолжил Ким.— Но теперь нам приходится опираться только на соб-

ственные силы. Мы захватили и удерживаем Пусан, а через месяц возьмем и Тэгу.

— Отчаяние рождает хороших бойцов,— мрачно проговорил Эллис.

Сейчас его тревожила не проблема Пусана, а совсем другое. «Насколько я могу доверять Киму? — размышлял Стрейкер.— Если хотя бы половина из того, что он рассказал, окажется правдой, я не берусь судить, как нас примут на Либерти и как встретили там Уюку. Черт, вероятно, Конрой Лаббэк вновь уговорил Алису восстановить отношения с Ямато и стать посредником в переговорах о мирном урегулировании между Ямато и Кореей. Это означает, что наши с Уюку головы могут принести на блюде в качестве первого подарка императору Муцухито».

— Значит, Корея вонзила нож в спину японцам? — спросил Эллис.

— О, шу! Это очень правда! — согласно кивнул помощник Чуна, который плохо говорил по-английски.

— Мы здорово потрепали их,— продолжил рассказ Ким.— Когда барон Харуми пришел со своими самураями, ему дали достойный отпор. При атаке Кангуна он потерял двести тысяч человек. Мы послали много гидросамолетов на помощь нашим войскам. Многие из них не вернулись. — Кореец тяжело вздохнул, пережевывая цыпленка. Глаза его вдруг вспыхнули.— Но Харуми не смог захватить нас, и император отозвал его домой, как плохую собаку во время охоты. А может, он побоялся, что мы его сожрем. Вместо Харуми он прислал барона Макино. Мы блокировали цепь орбит, и японцы начали голодать. Макино погиб. Японцы после этого озверели. Они жгут и уничтожают все подряд. Вонсан полностью в руинах, погибло сто тысяч жителей. Они захватили половину квадранта, но вторая половина осталась независимой. К сожалению, теперь слишком поздно исправлять старые ошибки. Муцухито в бешенстве, и это помогает ему сплотить всех против Кореи!

— Ты сказал, что барон Макино мертв?

Ким набил рот цыпленком, запил пивом и удовлетворенно вздохнул.

— Да. Его прикончил наемный убийца в прошлом году.

— Кто его наследник?

— А как ты думаешь?

— Не знаю.

— Представь себе, принц Сэкигахава.

— Да, интересные новости,— задумчиво проговорил Эллис.— А каковы твои планы на будущее?

Ким с грустью посмотрел на Стрейкера.

— Я покинул Корею, потому что не хочу больше участвовать в политической борьбе.

— Я понимаю тебя.

— Я рад. Как видишь, болтаюсь в Зоне. Во всяком случае, здесь иногда предоставляется возможность получить долг с японцев. Вот набьем карманы потуже, тогда подумаю, куда нам податься...

Эллис сжал губы. «Принц Сэкигахава — военный диктатор в Корее! Неужели это правда? Половина корейской территории захвачена, вторая половина сохранила независимость и президентское правление. Но если это так, политика Лаббэка торжествовала! Интересно было бы узнать, сколько корейских фракций объединились против тирании Ямато, насколько рассеяна оккупационная армия и какие свободы там сохранились? Нет, что-то здесь не так. Скорее всего, Ким оказался в Зоне совсем по другой причине. Держу пари, что американские торговцы выгнали тебя не просто так, тем более что у тебя среди них много врагов. Ты беззастенчиво обирал их во время блокады, к тому же из тебя плохой дипломат. Но что, если в твоих словах есть хоть доля правды? Что, если принц Сэкигахава собирается захватить весь корейский квадрант? В таком случае Муцухито хочет полностью подчинить себе Корею. Этот ублюдок принц может собрать колоссальные силы. Кассабиан недаром предупреждал еще несколько лет назад, что личные амбиции Сэкигахавы представляют главную опасность для

Американо! Сэкигахава уверен, что Ямато никогда не удержит свою власть в Корее, пока Америка не превратится в вассала Муцухито».

— Судя по твоему кораблю, тебе сопутствует удача,— обратился Эллис к Киму, сменив тему разговора.

— Иногда. А ты не первый американец, которого мы встречаем. За десятым градусом много твоих соотечественников. Они рассказали, что несут большие потери. За последние три года погибло кораблей больше, чем за все предыдущие годы.

— Император приказал наместникам укрепить гарнизоны и усилить охрану орбитальных границ?

— Нет, Эллис, они гибнут не по этой причине.

— Тогда почему?

Во взгляде Кима мелькнул страх.

— Я не знаю. Будь осторожен. Какое-то чудовище завелось в Зоне, оно пожирает людей, корабли, грузы — все, что попадается. Говорят, у Ямато появилось новое оружие. Европейцы жалуются на то, что очень много кораблей исчезло в Палаване, они тоже думают, что какой-то монстр блуждает в космосе. Знаешь, я верю в это. Именно поэтому я взял ионовый щит и сменил опознавательные знаки. Я хожу под флагом Ямато.

— И под моим тоже.

— Я всего лишь хотел пошутить.

— Ты украл мой флаг, Ким!

Кореец выронил кость, и она со звоном упала в тарелку, разбрызгав соус.

— Ямато ненавидят тебя и боятся, поэтому я и воспользовался им.

Эллис ухмыльнулся. Он никогда не показывал своего «Веселого Роджера» кораблям противника, пока не был уверен, что судно находится в его руках.

— Не люблю волков в овечьей шкуре,— жестко проговорил Эллис.— Убери «Веселого Роджера» со своего корпуса.

— Хорошо, Эллис, если хочешь.

— Хочу.

Вскоре они распрощались. Стрейкер пожелал Киму удачи и подарил ему трофейную антенну. Корабли отделились друг от друга, доверясь своим собственным пси. Эллис знал, что, как только корейцы скроются из вида, они тут же высветят на своем борту череп и кости.

Эта встреча произошла месяц назад. Вновь раздался обеденный сигнал. Эллис прервал свои размышления. Он спустился вниз и выхлебал тарелку супа, затем сбросил ботинки, улегся в кожаный гамак и задремал за книгой. Его разбудила какая-то суета на палубе. Стюард принес ботинки.

— Экраны засекли спектр корабля, капитан,— взволнованно сообщил стюард.

— Спасибо, Дан. Принесите мой пояс.

— А плексовый костюм?

— Нет, пока не надо.

— Слушаюсь, сэр.— Стюард удалился.

Эллис отказался от защитного костюма; он никогда не надевал его раньше времени. Стрейкер снял с шеи ионовый ключ, открыл сейф и высыпал его содержимое на пол. В задней стенке сейфа находился тайник. Эллис открыл тайник и вынул оттуда маленькую коробочку. Затем он вышел из своей каюты, спрятав коробочку под мышкой. Эллис спустился на нижнюю палубу. Он подозвал к себе Брофи и загрузил его работой, а затем вошел в «каюту астронавта». Стрейкер приложил камень ко лбу. То, что ему привиделось, поразило его и взволновало. «Господи, наконец-то!» — воскликнул он. Камень Рамакришны позволял ему уловить волны пси, излучаемые кораблем. Эллис погрузился в трепещущую радугу цветов и оттенков. Он почувствовал, что они засекли очень крупный корабль, возможно четырехдвигательный. Судно держалось самоуверенно и не беспокоилось за свою судьбу. «Корабль весом в пять тысяч тонн,— подумал Стрейкер с дьявольской улыбкой.— Скорость пятьдесят. Какой красавец! Долго же мы тебя дожидались!»

— Боуэн! Держите курс на обнаруженный корабль! Объявить тревогу номер один! — закричал Эллис в мегафон.

С помощью «третьего глаза» он увидел медленный маневр корабля. Если пси-инстинкт его не подводил, судно полно груза. Спустя несколько минут корабль стал удирать с орбиты. Эллис встретил Брофи на капитанском мостике и сообщил ему свое резюме:

— Орбитальный корабль Ямато. Он заметил нас.

Как обычно, Брофи выглядел ошеломленным после таких сообщений.

— Вам еще что-нибудь известно о нем, капитан?

— Да. Корабль с Серама. Направляется, вероятно, на Долак. Мне кажется, что он попытается спрятаться на Танимбаре или Ару. Корабль нужно захватить.

— Как прикажете, сэр.

— Следуй за ним,— обратился Стрейкер к рулевому.— Постарайся догнать побыстрее.

Через несколько секунд изображение неизвестного корабля значительно увеличилось, оправдав предсказание Эллиса. «Конституция» набирала скорость. Поток астероидов усиливался. Стоящие у экранов видели, как жертва попыталась спастись в скоплении звездных обломков, она нырнула в них, как крыса в нору. «Это их единственный шанс избавиться от нас,— думал Эллис, наблюдая за маневром.— В обычных условиях мы настигли бы их через несколько минут. Ничего, при такой массе они не могут глубоко погрузиться в астероидный поток, звездные обломки просто разнесут их корпус к чертовой матери».

В районе астероидного кольца существовали мощные гравитационные поля. Объект замедлял в них скорость, увязая, словно муха в сметане. Увеличение внутренней энергии вело к сильному перегреву, который мог вызвать мгновенную вспышку. Избежать этого можно было только одним способом — быстрым отражательным маневром, но в условиях астероидного потока такой маневр казался неосуществимым. «Капитан корабля — отчаян-

ный человек,— размышлял Эллис.— Похоже, он отлично знает эту систему, и у него превосходный пилот-компьютер.

Трюмы корабля полны. Быть может, это наша последняя добыча и паспорт домой. Мы преодолеем астероидное кольцо за пять часов, но с хорошим пси нам удастся схватить его раньше. Вот тогда и посмотрим, что у него в грузовых трюмах».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Приближение пиратского корабля заставило капитана Ариму Ёсисабуру вспотеть от волнения. Складки на его жирной шее лоснились, рубашка вся промокла. Корабль, которым командовал Арима, принадлежал богатой торговой корпорации с Сикоку, трюмы ломились от золота, а в пассажирских отсеках на корме путешествовало двадцать пять пассажиров: от высокопоставленного брата даймё с Осимы, взошедшего на корабль в первый день второго месяца двадцать девятого года эры Канэй, вплоть до ронина и его беременной жены, которые поднялись на борт на Титидзиме три дня назад.

— Почему боги так часто тревожат меня? — горестно вопрошал Арима, глядя на экраны.

— Через шесть минут мы достигнем кольца, капитан-сан! — раздался крик рулевого.

«Мне не следовало брать эту женщину на корабль»,— крики роженицы, доносившиеся из пассажирского отсека, беспокоили экипаж. Люди бормотали что-то о плохом пси, которое принесла на корабль беременная. «Мне сразу в них что-то не понравилось,— думал Арима, наблюдая, как ронин с тревожным, озабоченным лицом стоит возле капитанского мостика.— И все-таки я позволил им взойти на борт. Я не придал значения тому, что женщина слишком красива и изысканна, чтобы быть женой самурая низшего ранга. Судя по ее виду, она принадлежит к самураям самого высокого ранга. Она вела со мной все переговоры, а ронин произнес только несколько слов. Он даже не умеет носить мечи, которые торчат у него из-за пояса, как хвост у обезьяны. Насто-

ящий самурай никогда бы так их не носил. Все пошло наперекосяк с тех пор, как они сели на корабль. Золотой слиток соблазнил меня. Он был слишком тяжел, чтобы я смог отказаться. Если слиток украден, то это не удастся доказать уже никому. Я объяснил ей, что путешествие длится пять недель, но она упросила меня, несмотря на то, что была на последнем месяце беременности».

— На борту моего корабля нет подходящих условий для родов, — добродушно проговорил Арима, рассматривая тяжелый блестящий слиток.

— Не беспокойтесь, капитан-сан. Мне достаточно свободной каюты и чистого белья.

— Что заставляет вас столь поспешно покидать Титидзиму, несмотря на ваше положение?

Она сердито отобрала слиток.

— Мой муж — ронин, и кэмпэй проклял нас, как будто не нашлось здесь более грешных людей. Затем она объяснила, что владелец поместья, где ее муж работал управляющим, внезапно умер. Муж не мог найти работы из-за преследований кэмпэя. Теперь они хотят уехать. Быть может, им больше повезет в другом месте. Она спросила, куда направляется корабль, потому что это не безразлично для нее и ее будущего ребенка. Капитан ответил, что они следуют в Домашние миры. Пожав плечами, он позволил ей взойти на борт даже после того, как увидел ее мужа. Арима заметил, что ронин говорит с акцентом, но капитан не смог определить, какой области он принадлежит.

Ронин с интересом профессионала рассматривал лазерное оружие, и это тоже не ускользнуло от капитана. Ронин расхаживал по палубе и наблюдал за командой. Порою Ариме начинало казаться, что ронин хочет дать совет его людям, но сдерживается. Неопытные матросы, вероятно, раздражали его, и он наверняка знал толк в кораблях. А ошибки экипажа сразу бросались в глаза, потому что он был набран совсем недавно и состоял из болванов и тупиц со всей Зоны. «Этот ронин не такой уж дурак,— размышлял Арима, видя, как лицо путешественника прояснялось каждый раз, когда кто-либо из

неопытной команды правильно манипулировал оружейными установками и навигационными приборами.— Нет, он вовсе не дурак и, кажется, вовсе не ронин».

Арима молча наблюдал за пиратским кораблем на экране. Беспокойство не покидало капитана. Он доверил управление надежному пилоту-компьютеру, который должен был вывести его корабль, «Кавабату Ясунари», из трудной ситуации, но капитан не был уверен до конца, что пилот его не подведет. Арима надеялся на то, что быстроходный пиратский корабль, который мог бы догнать их за час, сбавит скорость в звездном поясе, где без специальных навигационных приборов и точных данных невозможно проложить себе путь. В то же время его беспокоили мысли о высокопоставленном брате даймё, самурае первого ранга. Если пираты захватят его в плен и потребуют выкуп, карьера Аримы, а возможно, и его жизнь, завершится.

Капитан утешал себя мыслями, что его корабль, оснащенный надежными щитами и мощными лазерными установками, все же сумеет дать достойный отпор врагу, если тот его настигнет. Но как поведет себя неопытная команда? Арима видел, что пираты — первоклассные астронавты, они превосходно знают свое дело, ведь это их хлеб насущный. Опыт подсказывал ему, что такие разбойники обычно не уничтожают свою жертву за попытку к бегству, а ограничиваются богатыми трофеями, да иногда глумятся над самураями высших рангов.

Когда экраны «Кавабаты Ясунари» засекли пиратское судно, Арима оказался перед выбором. Он мог попытаться пробить корпус мародеров мощными пушками своего судна и отправить гайдзинов в ледяной ад. Либо «Кавабате» следовало уйти в кольцо астероидов, «растопить» там одну из космических глыб своими лазерными лучами и спрятаться в ее пыли. Арима выбрал второй, по его мнению — более безопасный и надежный путь. Он спустился с мостика и быстро двинулся вдоль правого борта, пройдя мимо прозрачных синтетических углублений, в которых стояли лазерные установки.

Любопытный ронин внимательно рассматривал оружие. Арима сделал вид, что не заметил его, а затем резко повернулся и внимательно на него посмотрел. Капитан приказал выдать ронину оружейный ключ. Тот непроизвольно схватил его. Пальцы, привыкшие манипулировать подобными предметами, сомкнулись на рукоятке ионового механизма. Ронин похолодел, поняв свою ошибку, и склонил бритую голову.

— Ронин, оказывается, вы умеете обращаться с лазерным оружием и корабельными пушками?

— Извините, капитан-сан. Я не умею этого делать.

— Не лгите мне, или я прикажу вас заморозить.

Дюваль Стрейкер выдержал взгляд капитана, отчаянно проклиная свою глупость. Пиратский корабль явно американского происхождения настигнет их через час. А это значит, что они либо примут сражение, либо откажутся от него.

Судя по тому, что говорили члены экипажа о содержимом грузовых отсеков, Арима прикажет открыть огонь. Это больше всего беспокоило Дюваля. До него доносились крики Мити из их каюты. Стрейкер с ужасом представлял себе, как лазерный луч разрезает обшивку и сжигает корабль. Поэтому он не мог признаться Ариме в том, что умеет обращаться с пушками. Ему вдруг захотелось разбить капитану лицо в ответ на грубое обращение, но он сдержал себя и смиренно склонил голову.

— Пожалуйста, капитан-сан, позвольте мне пройти к моей жене, у нее начинаются роды.

— Что вы здесь делали, ронин?

— Я только пришел узнать, далеко ли от нас пиратский корабль.

— Лжец, вы не самурай!

— Я ронин, лишенный права владения ханом!

— Я не верю вам.

— Это правда, клянусь моими предками!

Дюваль не лгал. Последние два года он жил как ронин. Спасение с Садо было поистине чудесным. Это

случилось во многом благодаря тому, что большинство охранников сосредоточилось возле помоста, где сидел мэцукэ, и рядом с площадкой для наказаний. После того, как он через люк проник в темную комнату в сторожевой башне, Мити провела его по коридорам резиденции даймё и вывела на дальний двор, где их ждал аэромобиль. Они беспрепятственно улетели, следуя по совершенно пустынным авиалиниям, пока не оказались на юге, в глухой провинции. Позже Мити предложила отправиться в Тибу, где у них была назначена встреча с Кацуми, но Дюваль отказался. Побег его слишком легко удался, их до сих пор никто не преследовал, поэтому заранее запланированная встреча с Кацуми вызывала у него подозрение.

— Вы сообщили Нисиме, что я не раскрыл до конца секрет сверхоружия? — спросил он Мити.

— Да.

— Тогда нам нужно лететь на восток, а не в Тибу.

— Но Кацуми-сан ждет нас.

— Да, он ждет с отрядом солдат и зондом. Неужели вы не понимаете? Они вытянут из меня секрет и отошлют обратно к Фукуде Икку.

Мити согласилась со своим мужем. Позже она попросила его изменить внешность.

— Вы должны выбрить макушку.

— Что?

— Побрейте голову и смените одежду. Если вы будете походить на самурая, нам удастся выбраться с Садо.

Спустя месяц они прилетели в Ниигату, где им удалось попасть на корабль, следующий на Титидзиму. Приземлившись на этой планете, Дюваль и Мити скрылись в маленьком городе, куда еще не добрался кэмпэй. Стрейкер жил как ронин, что позволяло им держать в тайне свои настоящие имена. Дюваль выполнял поденную работу. Так продолжалось два года, пока на планету не упал смертоносный взгляд кэмпэя. Дюваля узнал солдат на рынке, где «ронин» продавал кур. Им при-

шлось бросить все и срочно бежать с планеты, несмотря на беременность Мити. Их взял на свой корабль капитан Арима. Теперь Дюваль, вновь выдав себя, стоял перед ним, низко опустив голову.

— Предупреждаю вас, глупый человек, не испытывайте моего терпения! — кричал Арима.— Выбирайте: если вы стрелок, сражайтесь против пиратов, а если вы ронин, я брошу вас в трюм!

— Прошу вас, капитан-сан, позвольте мне пойти к жене! — воскликнул Дюваль, внутри у него все сжалось.

— Капитан-сан! — раздался крик с мостика.— Гайдзины догоняют нас!

Арима задохнулся от ярости. Астероидный поток сгущался, но теперь уже было ясно, что пираты не отстанут.

— Уведите его прочь! — приказал капитан.

Два человека схватили его и потащили вниз. Раздался глухой удар, и оранжевое облако окутало корабль. Первый, пробный выстрел лазерного оружия достиг щитов. Арима резко повернулся и бросился к капитанскому мостику, забыв о ронине. У капитана было еще время принять какое-нибудь решение, хотя пираты подошли уже на расстояние выстрела. Впереди астероидный пояс угрожающе сгущался, увеличивалось количество обломков, которые могли изуродовать корпус, пробив щиты. Арима понял, что у них нет шансов пройти сквозь пояс. Но и от преследователей им тоже не оторваться. Оставался единственный выход — вооруженное сопротивление.

Капитан приказал резко изменить траекторию. Он надеялся, что отчаянный рывок по крутой параболе даст им возможность выбраться из астероидного кольца. Быть может, в открытом космосе они улучат несколько минут, чтобы подготовить орудия к бою. Пиратский корабль разгадал этот маневр и угрожающе затаился. Арима понял, что упустил последнюю возможность вступить в бой. Он приказал убрать пушки с носовой части и сбавить скорость. Слова его звучали тихо и горько.

Арима услышал голос, коверкавший японские фразы:

— Ответьте нам! Ответьте нам! Мы американцы, поэтому не причиним вам вреда, если вы не окажете сопротивления. Но первая капля пролитой крови обречет вас на смерть!

Складки на шее Аримы заколыхались. Он метнул взгляд на старшего офицера.

— Скажи им, что мы сдадимся без боя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда Дюваля тащили по затхлым темным коридорам нижнего отсека, до него доносились крики его рожавшей жены. Обычай запрещал ему присутствовать при родах. Если бы Стрейкер действительно был самураем, он имел бы свое поместье со всеми условиями — специально отведенной комнатой, врачами, медикаментами. Вместо этого Мити оказалась практически без помощи. Возле нее находилась только испуганная неопытная горничная.

— Пожалуйста, отпустите меня к жене! — умолял Дюваль.

— Приказ капитана,— деревянным голосом ответил матрос, но затем смягчился.— Ладно, у меня самого есть дети, я знаю, что женщине в это время нужна помощь. Идите в свою каюту.

— Обещаю вам никуда не выходить оттуда,— с благодарностью в голосе произнес Дюваль.

— Смотрите, не передумайте, иначе капитан накажет меня.

В одной из кают рабочего отсека, совершенно не приспособленной для родов, стояла широкая кровать, втиснутая между горячими стабилизаторами правого борта, как раз под газовыми трубами. Кругом были экраны и датчики. Плексовые прокладки, отделявшие каюту от палубы, находившейся прямо над ней, располагались в двух футах над головой Мити. Она опиралась на них во время схваток. Испуганная горничная суетилась рядом, утирая пот платком.

— Не входите! — прохрипела Мити, боковым зрением увидев появившегося мужа.

— Не бойтесь, Мити, я буду рядом.

В каюте стояла невыносимая жара, по лицу роженицы ручьями лился пот. Мити посмотрела на Дюваля. Ее измученный взгляд заставил дрогнуть его сердце. «Господи, чем я могу помочь ей?» — с волнением спрашивал себя Стрейкер. Он схватил ее ладонь и отчаянно сжал ее, словно пытаясь передать жене свою силу. Боль внезапно отхлынула, Мити тяжело задышала в ожидании следующей волны схваток. Выстрел из лазерного оружия потряс корпус корабля. Горничная в ужасе вскрикнула. Но Мити не замечала ничего вокруг. Весь мир за пределами каюты, кажется, просто не существовал для нее. Глаза ее глубоко закатились, пот снова заструился по лицу. Она приготовилась к новому приступу боли.

Дюваль взглянул на один из экранов, сканирующих движение пиратского корабля. Сквозь мерцающий туман пылевых частиц было видно, как соединились силовые поля двух кораблей. К японскому кораблю приближался шаттл, наверняка набитый вооруженными людьми. По его внешнему виду Дюваль понял, что он американский. «Это не самое худшее,— подумал он,— по крайней мере, я смогу с ними договориться». Стрейкер вспомнил о своей самурайской прическе и засомневался. Он не знал, действительно ли слухи о зверствах американских пиратов являются только пропагандой. Трудно было предсказать реакцию грабителей. «Если повезет, они заберут добычу и отпустят нас. Бог не допустит сражения».

Мити крепко сжала руку Дюваля и застонала. Горничная стояла на коленях, с благоговением глядя на вздрагивающий живот Мити.

— Напрягайтесь, напрягайтесь! Я уже вижу голову ребенка! — закричала горничная.

Дюваль завороженно смотрел на свою жену, когда над их головой на верхней палубе раздались тяжелые шаги и шум. Затем он услышал брань и проклятия пиратов, тщательно обыскивавших судно. Но все эти звуки словно растворились, когда он увидел появившуюся голову младенца со сморщенным личиком, запачканным кро-

вью. Казалось, что оно изо всех сил сжалось, защищаясь от враждебного внешнего мира. Затем появилось плечико, блестящее под покровом слизи, а за ним — крошечная ручка. Дюваль осторожно сжал ребенка и потянул. Младенец освободился из чрева. Стрейкер тут же обрезал мечом окровавленную пуповину. Мити в изнеможении едва приподняла голову, чтобы взглянуть на ребенка, которого Дюваль держал в руках.

— Это мальчик, Мити. Сын!

Дюваль вытер личико младенца и увидел беззубые десны в приоткрывшемся рту. Инстинкт подсказал ему прочистить рот ребенка от слизи, чтобы позволить тому сделать первый вдох. Раздался обиженный вой, напоминающий крик маленького животного. Мити взяла ребенка и убаюкала его. На ее лице светились нежность и благоговение. На корабле стояла звенящая тишина. Дюваль понял, что пираты уже опустошили содержимое трюмов и возвращаются на своем шаттле назад. Неожиданно послышались радостные крики с верхней палубы. Стрейкер посмотрел на экран монитора. В зону видимости приборов вошел крупный корабль с опознавательными знаками Ямато.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стоя на капитанском мостике, Эллис наблюдал за тем, как шаттл готовится отстыковаться от японского корабля. На экране появилось радостное лицо Боуэна.

— Капитан, мы обнаружили четыре контейнера золота! — возбужденно сообщил он Эллису.

— Никаких диверсий! Не теряйте времени! Возьмите только то, что нашли в грузовых трюмах. Не трогайте пушки. Этот корабль не станет нас преследовать!

— Так точно, капитан! — Сверхоружие, направленное на «Кавабату», исключало малейшую попытку сопротивления. Эллис заметил странное возбуждение на палубах японского судна. Это встревожило его. Обычно в таких ситуациях капитан и команда ограбленного корабля испытывали жгучее унижение, которое сковывало их, погружало в оцепенение. Но «Кавабата» почему-то явился исключением из правила.

— Капитан, японцы уходят! — воскликнул Брофи.

Эллис вновь взглянул на экран. Невероятно, но «Кавабата», разорвав силовое поле, медленно двинулся прочь. Щиты корабля засветились от легких ударов пылевых частиц.

— Капитан, они подняли щиты! — вновь закричал Брофи.

Тревожное предчувствие охватило Эллиса. Никогда его жертвы не вели себя так. При стыковке кораблей пираты всегда приказывали опустить щиты, так как за счет них возникали силы отталкивания. Никто из капитанов захваченных кораблей не осмеливался поднимать щиты рань-

ше времени. Эллис с удивлением заметил, как ожили пушки на «Кавабате». «Не понимаю. Неужели они не видят, что мы можем разнести их на куски? Вдвойне непонятно, потому что они уже лишились своего груза».

— Следуйте за кораблем, Фельдман! — приказал Стрейкер своему рулевому.

— Слушаюсь, сэр.

Тревога Эллиса нарастала. «Черт их знает, этих самураев. Они совершенно непредсказуемы. Может быть, мы слишком много забрали? Капитан не вынес унижения и решился на отчаянный шаг, пытаясь уничтожить оба корабля. Но этим маневром он просто вспарывает себе живот». Эллис достал камень, висевший у него под рубашкой, прикоснулся к нему губами. Затем, приставив камень ко лбу, он сосредоточился на «Кавабате». Эллис увидел, как двое солдат возятся с пушками на верхней палубе, направляя их в сторону шаттла, который пытался преодолеть мощное силовое поле японского судна. Затем последовал выстрел, проделавший небольшое отверстие в незащищенной обшивке шаттла. «Они хотят не уничтожить его, а задержать, чтобы вернуть награбленное»,— подумал Эллис.

— Включить буксировку! Приблизиться к «Кавабате»! — резко отдал приказ Стрейкер.

— Капитан! Неизвестный корабль! Азимут: три-восемь-ноль!

Догадка молнией пронзила Эллиса. Теперь он понял, что приборы «Кавабаты» раньше засекли приближение второго японского корабля. Это вдохновило ограбленного капитана на сопротивление. Он попытался захватить силовым полем шаттл и вернуть его. Но приближавшийся корабль был торговым и слабовооруженным, так что не мог представлять серьезной опасности для «Конституции».

— Направить лазеры правого борта на второй корабль! — распорядился Эллис.

— Развернуть пушки, снять предохранители! — раздалась команда начальника оружейного отсека.— Мы

преподнесем им урок, который они никогда не забудут, если останутся в живых! — вскричал Ноувел.

Силовое поле «Кавабаты» захватило шаттл, не позволяя ему приблизиться к «Конституции». Американский корабль тоже включил силовые поля, чтобы «перетянуть» шаттл на свою сторону, но он значительно уступал японскому кораблю в массе, поэтому не мог составить здесь конкуренции.

— Тяни! Тяни! — раздавались тревожные крики Боуэна.

Американцам все же удалось на милю приблизить к себе шаттл, но в этом «перетягивании каната» они не могли победить.

— «Кавабата» вне досягаемости сверхоружия! Они утащат наш шаттл! — раздался крик с нижней палубы.

— Огонь! — скомандовал Эллис.

Спустя мгновение щиты «Кавабаты» осветились огненными брызгами. В это время второй японский корабль стремительно приближался к «Конституции». Эллиса охватило нехорошее предчувствие. Он понял, что через несколько секунд второй корабль будет на расстоянии выстрела. Выхватив камень, Эллис вновь приставил его ко лбу. Корабль несся к ним на полной скорости, как будто специально подставляя свой корпус под огонь, но на его капитанском мостике никого не было. «Никого — ни живых, ни мертвых! Но не могут же они владеть защитой от камня Рамакришны!» — Эллис продолжал обследовать стремительно приближающийся корабль. Он направил острый взгляд своего «третьего глаза» на изящный корпус и уловил какое-то движение в нижних задних отсеках. «Неужели их капитан-идиот не понимает, что мы уничтожим этот корабль за несколько секунд? Может быть, он хочет взять нас в «вилку», зажав между бортами? Но торговые корабли с плохим вооружением не способны на такой маневр»,— тревожно размышлял Эллис.

Неожиданно приближающийся корабль развернулся боком, предоставив возможность осмотреть главную па-

лубу и капитанский мостик. Они были абсолютно пусты. «Не может быть! Ни единого человека! Куда подевался экипаж этого «Летучего голландца»? Что за чертовщина?!» — Стрейкер в ярости протер блестящие грани камня и направил его на барахтающийся шаттл, который попрежнему находился в плену силового поля «Кавабаты». «Нет, камень не врет. Но что тогда? — Неприятная догадка мелькнула у него в голове: — А что, если оружие и экипаж прячутся за маскирующими экранами, и я наталкиваюсь на декорации?» Нечеловеческим усилием воли Эллис проник сквозь экраны. «О, Боже! Что за оружие они наводят на нас, прикрываясь пустыми изображениями?»

В этот момент три лазерных луча, направленных с «Кавабаты», достигли корпуса «Конституции». Первый ударился о щит, окутав корабль густым красноватым облаком, второй подавлял внутреннее поле, увеличивая давление внутри корпуса, а третий пытался «обрезать» силовые линии, удерживавшие шаттл. Мощный толчок потряс «Конституцию». Палуба накренилась, перевернув мезоновый нож, который под воздействием возросшего давления выплеснул фонтан ярко-голубого пламени. Прежде чем подоспевший робот успел схватить нож, пламя проделало в плексовой обшивке корабля длинную щель шириной в десять дюймов. Нарушение герметичности корпуса грозило бедой. Воздух стремительным потоком хлынул с корабля в щель, туда же, словно сильным магнитом, стало затягивать плохо укрепленные предметы.

— Капитан, вы ранены! — закричал подбежавший Брофи.

— Отправляйтесь на свой пост! — приказал Эллис, морщась от острой боли.

Он хватился своего камня, но его нигде не было. Эллис бросился к прозрачному куполу, где нож проделал отверстие. Там скопилось множество предметов, притянутых стремительным потоком. Взглянув вверх, Стрейкер застыл от ужаса. В беспорядочной куче какой-то рухляди, обломков мебели, тяжелых запасных частей,

инструментов он увидел тело Шерл Марини. Бесстрастный робот методично заделывал отверстие, отрывая от него все притянутые предметы. Он аккуратно разрезал их, если они не поддавались, и заклеивал освобожденное пространство вязкой розоватой массой с приторным запахом марципана. Глаза Шерл выкатились из орбит, когда холодные щупальца робота коснулись ее туловища. Тело конвульсивно дернулось и залило купол багровым выплеском крови. К приторному аромату марципана примешался едкий запах обожженной плоти. Жизнь Шерл оборвалась за секунду. Никто не в силах был ей помочь. Свидетели ее смерти с ужасом подумали, что могли оказаться на ее месте. Бортовое орудие «Конституции» наполнило воздух озоном, выстрелив в щит «Кавабаты».

— Стреляйте в другой корабль! — закричал Эллис.— Включить двигатели!

— Слушаюсь, сэр! — отозвался Брофи. — Послать две команды к правому борту! Они захотели сражения — так пусть получат!

Разноцветные яркие сполохи сияли у корпуса «Конституции». Весь ее экипаж пришел в движение, словно хорошо отлаженный механизм. Эллис посмотрел на орудийные расчеты, готовившие пушки к бою. Он глубоко вздохнул — легкие его наполнились свежим воздухом, сознание прояснилось, от тревоги не осталось и следа.

— Парни! Это наше последнее сражение в Зоне. Тряхнем стариной и с чистой совестью отправимся по домам! Покажите напоследок вашу боевую мощь! — подбадривал он своих людей.

Эллис вдруг вспомнил сражение в Ниигате, и сердце его переполнилось ненавистью к вероломному врагу.

— Покажем Муцухито, как сражаются свободные американцы!

Боуэн, находившийся на борту шаттла, прищурился, увидев вспышки оживших двигателей «Конституции». Расстояние, отделявшее шаттл от родного корабля, медленно росло — на полмили, милю, две. Пираты с ужасом смотрели на «Кавабату». Небольшое промедление, и япон-

цы перетянут их к себе, отберут не только добычу, но и жизни. Двигатели шаттла работали во всю мощь, но несмотря на это «Конституция» была вне досягаемости. Тогда Боуэн решил испытать последнее средство.

— Мы пропали! — закричал Шпинский.

— Тяни, сукин сын! — отозвался Боуэн. Он увидел на экране лицо Эллиса.

— Вы собираетесь отдать им шаттл? — спросил Стрейкер.

— Нет. Я сымитирую аварию. Может, они ослабят поле.

— Не надо, мы сами вас вытянем!

— А вы сможете вытянуть четыре контейнера?

— Сейчас попробуем.

Люди Боуэна бросились к выходному люку, поспешно открыли его и вытолкнули четыре контейнера, груженные золотом. Те попали в силовое поле «Конституции» и устремились к американскому кораблю. Боуэн увидел, как облаченное в зеленый герметичный скафандр тело Шпинского выпорхнуло в том же направлении и последовало за контейнерами. Боуэн подбежал к пульту управления и повернул рычаг, включавший механизм саморазрушения, затем установил на панели промежуток времени, после которого механизм должен был сработать, вновь вернулся к выходному люку и покинул шаттл.

Его тело подхватил стремительный поток. Вращаясь, как акробат, Боуэн приблизился к «Конституции», крепко ударившись задом об ее грузовой отсек, но прочный скафандр смягчил силу удара. Мгновенно открылся люк, и дюжина крепких рук подхватила его, втащив на борт. Затем люк закрылся, восстановив герметичность корабля. Боуэн с облегчением откинул шлем скафандра.

Тем временем новый залп из оружейного отсека Ноувела потряс щиты «торгового» корабля, подкравшегося к «Конституции». Эллис прекрасно понимал, что обнаруженные им пушки, спрятанные на борту «торговца» за маскирующими экранами, уничтожат «Конституцию», если подпустить врага на близкое расстояние. Он благо-

дарил пси, что вовремя сумел раскрыть очередную хитрость японцев. Промедли он хоть минуту — и участь американского корабля была бы решена.

— Это тот самый дракон, о котором нам рассказывал Ким, — проговорил Эллис, обращаясь к Брофи.

— Да. Держу пари, что он показывал этот фокус уже не раз.

— Хорошо, что мы вовремя его разгадали.

— Да, капитан. Они могли разнести нас в щепки!

— Ничего, у нас тоже есть фокус — со сверхоружием.

— Надеюсь, после этого они уже никому не смогут морочить голову, потому что мы отправим их к чертовой матери.

— Не сомневайтесь, Брофи. Войти в зону действия сверхоружия!

— Слушаюсь, сэр.

— Приготовиться открыть огонь!

Пушки Ноувела пробили щиты и разрезали обшивку вражеского корабля. Гравитационные лучи попали в купол возле капитанского мостика, разрушая оборудование и выводя из строя приборы управления.

— Скоро этот «торговый» корабль развалится на куски! — воскликнул Брофи.

— Да, у них уже нарушена балансировка,— спокойно заметил Эллис, внимательно глядя на экран.

Японский корабль потерял управление, и капитан был вынужден выключить двигатели. Щиты перестали действовать, корпус замерцал прозрачным светом. Увидев это, американцы разразились радостными криками. Артиллерист Смит стащил с Ноувела его шлем и высоко подбросил. Огонь сверхоружия проник сквозь прозрачную обшивку, уничтожая все, что было на его пути. Эллис отвернулся от экрана, чтобы взглянуть на монитор с изображением «Кавабаты». Ограбленный корабль набирал скорость, спасаясь бегством в лабиринте астероидного пояса.

— Капитан, вы дадите им уйти? — спросил Брофи.

— Черт с ними. Они не дотянут до Ямато.

Грузовой отсек «Кавабаты» был разодран в клочья взрывом шаттла. Эллис знал, что в таком состоянии корабль долго не протянет. Он бы не удивился, если бы обнаружил его заходящим на орбиту одного из ближайших миров, например Тититдзимы.

— Пусть возвращаются туда, откуда прилетели,— холодно произнес Стрейкер.

В эту ночь пираты праздновали победу. Они уже изрядно накачались, когда явился абсолютно трезвый Эллис и сказал, что он остался вполне доволен содержимым четырех контейнеров, доставленных Боуэном на «Конституцию».

— Наша экспедиция заканчивается. Мы возвращаемся домой! — объявил Стрейкер своей команде. Они издали радостный вопль и выпили за его здоровье. Затем Эллис уточнил, что по дороге домой они заглянут на тот астероид, где он спрятал остальные сокровища. Он уверил команду, что после этого грузовой отсек «Конституции» до отказа наполнится золотом, так что каждый из них вернется в Американо богачом. Наступила полная тишина, которую неожиданно прервал пьяный голос Ноувела:

— Капитан, мы действительно возвращаемся домой?

— Да.

— Что я там забыл? Я... я не хочу домой.

— И я! — раздался еще чей-то пьяный возглас.

— Вы, кажется, сегодня немного перебрали,— ответил Эллис.

Он молча направился к себе в каюту, размышляя по дороге о непредсказуемости своих подчиненных.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Место действия: Либерти

Над Потомаком навис болотный туман. Мощный гидросамолет разрезал серые волны реки, направляясь к Линкольну. На его борту находился личный гость Президента. Лучи тусклого оранжевого диска Либерти едва пробивались сквозь морозную дымку, стоявшую над водой.

Этот день короткого зимнего солнцестояния был двухтысячным с тех пор, как Эллис покинул Американо. Стальные лопасти винта оставляли пену на бархатной воде, звук мотора нарушал тишину уснувшей реки. Американский флаг, поднятый над кормой гидросамолета, трепетал на ветру.

В центре, между кормой и носом, находилось сиденье, прикрытое навесом, на котором важно восседал Эллис Стрейкер. Старая униформа плотно облегала его мускулистое тело. На коленях он держал ларец с превосходными изумрудами, привезенными из Зоны. Гидросамолет сбросил обороты двигателей и пришвартовался к пирсу.

Полицейские отгоняли любопытных, теснившихся у набережной. Несмотря на ранний час, был выстроен почетный караул. Раздался орудийный залп в честь вступления Эллиса на берег Линкольна.

— Рад видеть вас, Эллис!

— Добрый день, мистер Кассабиан!

— Вы не забыли еще Отиса?

— Как поживаете, сэр? — Эллис кивнул и сжал руку Ле Грана.

Напряжение политической жизни сказалось на цвете лица Отиса — оно приняло желтоватый оттенок,— но насмешливое выражение глаз не изменилось.

— Я вижу, вы успели забыть мои уроки этикета,— проговорил Ле Гран.

— Господин Стрейкер не имел возможности проявить уважение к кому бы то ни было последние пять лет,— уверенно произнес Кассабиан.

Эллис почувствовал, что эти слова полоснули его по сердцу, как лезвие бритвы. Он успел позабыть об остроумных двусмысленностях, которыми обычно обмениваются политики. Эллис смутился и почувствовал себя неловко. Он знал, что сильно отстал от политической жизни, поэтому избрал осторожную, выжидательную тактику. Стрейкер пытался заранее предвидеть, что его ждет по возвращении домой. На всякий случай он придумал несколько путей для отступления, если обстановка окажется неблагоприятной.

— Я редко виделся с американцами, а все остальные не дожидались, когда я проявлю к ним уважение.

— Да, я кое-что слышал об этом.

— А как вы поживаете, мистер Кассабиан? Я слышал, что вы стали государственным секретарем, сменив на этом посту Конроя Лаббэка.

— Фарис усмиряет нашу непокорную администрацию,— пустился в объяснения Ле Гран.

— Скажите, мистер Кассабиан, вы конгрессмен или сенатор? — спросил Эллис.

Профессиональный разведчик избежал прямого ответа:

— Я не придаю значения званиям, вам это известно, Эллис.

— Боже мой! — воскликнул Ле Гран, сделав отнюдь не дипломатичный жест.— Алиса назначает на должности в зависимости от заслуг и личных качеств. Не беспокойтесь, Эллис, звезда Фариса только восходит.

— Он этого заслуживает,— проговорил Стрейкер.

— Благодарю вас, капитан. Но нехорошо хвалить мост, по которому еще не перешел. Впереди еще много нерешенных проблем,— отозвался Кассабиан.

— События не всегда развиваются по вашему сценарию? — спросил Эллис.

— К сожалению, не ко всякому событию я могу написать сценарий.

Эллис оглянулся. Он ожидал увидеть среди встречающих Хавкена, но того нигде не было видно. Это насторожило Стрейкера.

— Скажите, мистер Кассабиан, а как приняли Джона Уюку после его возвращения из Нейтральной Зоны?

Наступила неловкая пауза.

— Видите ли, Эллис,— Кассабиан начал уклончиво объяснять, крутя пуговицу на пиджаке,— должен признаться, что возвращение Уюку было несколько несвоевременным.

— Неужели?

— Нам кое-что удалось сделать для него.

Эллиса охватило недоброе предчувствие.

— Где он сейчас?

— А вы надеялись, что он придет вас встречать сегодня?

— Да.

— Он отсутствует. Прошу вас, не беспокойтесь. Ваши кредиты в безопасности. Позже я вам все детально расскажу.

Эллис нахмурился — все это ему совсем не нравилось.

— Черт с ними, с кредитами, Фарис. Как Джон? С ним все в порядке?

— Он жив,— осторожно заметил Ле Гран.— Сейчас не принято громко упоминать его имя. В официальной обстановке.

— А что говорят о нем в неофициальной обстановке?

— Если вы спросите о нем в Норфолке или в Харрисбурге, вам ответят, что он торгует в Европе, если вы

спросите свободных корейских торговцев, они скажут, что он в экспедиции на Чункво.

— Но вам наверняка это известно лучше всех,— возразил Эллис; его беспокойство усилилось.

— А если я скажу вам, что основные путешествия совершаются сейчас из одного района Линкольна в другой? — сказал Кассабиан.

— Клянусь, Фарис, если вы сейчас же не объяснитесь...

— Не кипятитесь, Эллис,— с улыбкой прошептал Кассабиан,— он в ашраме Наслаждений, вниз по реке.

— Ага, теперь понимаю,— облегченно вздохнул Эллис и дружески похлопал Кассабиана по плечу. Он знал, что если Уюку находится в ашраме Рамакришны, значит, готовится какая-то грандиозная правительственная экспедиция. Куда? В Зону? В Славию, Ислам, Африку?

— Говорят, что каждый год из самых отдаленных секторов в Американо поступают богатства. Признайтесь, это ваших рук дело, мистер Кассабиан?

— Отчасти.

— Путешествия организуются на кредиты Кассабиана,— уточнил Ле Гран.— Секретарь Белков — главный инвестор.

— О, Белков очень богат. Вероятно, сейчас он владеет самым крупным состоянием в Американо,— сказал Эллис.

— Я тоже кое-что вкладываю в это дело, как и мой племянник, — уточнил Отис.

Эллис задумался и вспомнил астрономические карты в ашраме Рамакришны. Он представил себе волнующие встречи людей дерзких и наделенных богатой фантазией. «Что они задумали, а что еще предстоит задумать? — спрашивал себя Эллис.— Рамакришна мечтает о расширении границ Освоенного Космоса, пытается найти способы сверхбыстрого перемещения в пространстве. Кассабиан и Ле Гран — более приземленные люди, их больше всего волнует, как ослабить Ямато. Ах, Ямато...» — Эллис тяжело вздохнул.

Никому и в голову не мог бы прийти столь безрассудный план: границы Ямато за Нейтральной Зоной совершенно не укреплены. Авторитет империи не позволял кому-либо напасть на нее. Торговые корабли, полные груза, проходили вблизи границ без сопровождения, не опасаясь за свою безопасность. Но хваленый авторитет японцев не удержал бы ни Эллиса, ни Уюку от того, чтобы проделать в будущем с этими кораблями то же, что они проделывали с ними в Нейтральной Зоне. Только такой отчаянный человек, как Джон, может поддержать Эллиса в этом безрассудном предприятии.

Стрейкер не знал, удастся ли им осуществить задуманное. Все это только планы на будущее. А сейчас — сейчас он шел по Линкольну в сопровождении государственного секретаря и советника Президента. В его руках был ларец с изумрудами. За пять лет отсутствия он отвык от столицы, но это не тревожило его, потому что он думал о другом: как встретит его Алиса Кэн. Он с неохотой отвлекся от своих планов — нужно было срочно выяснить обстановку в Белом доме. За его долгое отсутствие многое могло измениться, а он не знал об этих переменах.

Эллис осторожно расспросил Ле Грана, предусмотрительно ничего не рассказав ему о своей встрече с Ким Вон Чуном. Эллис узнал, что Кассабиан стал государственным секретарем с Рождества двадцать шестого года. Лаббэк по-прежнему оказывает значительное влияние на Алису. Он противодействует Ле Грану и Кассабиану, которые пытаются уговорить Президента применить военную силу для освобождения половины корейского квадранта. Алиса Кэн поддерживает свободную Корею, посылая туда значительные кредиты и военных советников.

После того как Ле Гран закончил свой рассказ, Кассабиан уточнил некоторые детали, а затем осторожно предупредил Эллиса, что тот должен многое понять, прежде чем встретится с Лаббэком. Пока что Стрейкер не понимал, что за паутину ткали министры Президента, хотя

загадка явно была не так сложна, как казалось на первый взгляд. Беспорядки в Корее являлись хорошим гарантом американской безопасности. Изгнание свободных корейских торговцев из Американо было задумано Кассабианом. Он «пересадил» эту идею в сознание Лаббэка, где она пустила корни и зацвела.

Кассабиан украдкой наблюдал за Эллисом, когда они пересекали Национальный парк. Годы изменили Стрейкера. Он огрубел и обрел уверенность в себе. «Да, этот человек может взять самый неприступный бастион»,— подумал Фарис.

Он видел, что Эллис преуспел в своем «крестовом походе», и тревожное беспокойство за пленного брата, одолевавшее его раньше, отошло на второй план. Это радовало государственного секретаря, потому что Стрейкер был очень нужен ему для осуществления его новых планов. Кассабиан вспомнил тот день, когда эта идея впервые пришла ему в голову.

— Ты хочешь убедить Президента выгнать корейских торговцев? — спросил Тимо Фаррен, находившийся уже на смертном одре.

Тем же вечером Урсула вопросительно посмотрела на него.

— Ты испытываешь доверие Президента, Фарис. Будь осторожен. Твоя политика может потерпеть крах, и ты исчезнешь так же незаметно, как и появился.

— Не думай, что это станет для меня трагедией. Я просто вздохну с облегчением.

Он успокоил ее. Деятельность Кассабиана во многом зависела от той информации, которую доставляли ему шпионы и платные осведомители из других секторов. Это требовало больших расходов. Большая их часть покрывалась деньгами, завещанными отцом Урсулы в качестве приданого. Эти средства, конечно же, небеспредельные, удовлетворяли честолюбивые амбиции ее мужа.

— Самая большая награда ожидает нас в конце пути,— пытался утешить жену Кассабиан.

— Фарис, ты повторяешь это в течение долгих лет. Иногда мне кажется, что твои политические игры никогда не кончатся.

Ночью в постели он поделился с ней планами:

— В этом году я стану государственным секретарем, и у тебя будет прекрасный дом в Линкольне на берегу реки.

— Ты добьешься этого, принеся в жертву невинных честных торговцев из Кореи? — с презрительной улыбкой спросила Урсула.

— Да.

— Скорее ты станешь императором Ямато, чем Президент согласится на это.

— Ну-ну, продолжай.

— Не буду.

— Видишь ли, Лаббэк хочет добиться соглашения с Ямато о торговле в Нейтральной Зоне. Он пытается договориться с Харуми через Торговую комиссию. Лаббэк считает, что это станет хорошим началом для установления крепких связей с Ямато. Но в таком случае Свободная Корея будет отдана японцам. Позже Президент действительно распорядилась выгнать корейских торговцев из Калифорнии, как этого и хотел Муцухито. Правда, теперь они уже не были теми жалкими беженцами, какими прибыли в Американо десять лет назад. Как и Ким Вон Чун, они умножили свои силы за счет убийств в Нейтральной Зоне.

Теперь, идя по Линкольну рядом с Эллисом Стрейкером, Кассабиан вновь мысленно вернулся к корейскому вопросу:

— Изгнанные корейцы были столь хорошо вооружены и столь агрессивно вели себя в Нейтральной Зоне, что Муцухито не раз пожалел о том, что мы их выдворили.

— Вы думаете, что Лаббэк понимал истинные цели вашего замысла? — спросил Эллис.

Кассабиан улыбнулся.

— Конрой полагал, что Муцухито и Харуми будут весьма признательны Американо за оказанную услугу.

Кассабиан рассказал Эллису, как решение Президента вытолкнуло корабли Кун Ван Пая в Нейтральную Зону.

— Лаббэк послал Хавкена выполнять самую грязную работу. Джос быстро выдворил корейцев за границу Американо. Они прямиком направились в Зону и через неделю взяли Пусан.

Эллис понимающе улыбнулся.

— Вы спровоцировали эти события, чтобы осуществить ваши планы?

— Мы с Кьюном поняли, что Пусан — идеальное место для начала,— пояснил Кассабиан.— Небольшая система, хороший порт с маленьким гарнизоном. Местные жители встретили корейцев как освободителей. Мы обеспечили поддержку оружием и оборудованием. Я вспоминаю, что нашлось несколько корейских американцев, которые добровольно приняли участие в этом деле. Призыв записываться в добровольцы был оглашен на всех американских военных базах.

— Корейские американцы или американские корейцы? — спросил Эллис.

— Какая разница. Должно быть, они в некотором роде корейцы, потому что легко ориентировались в квадранте. Они приземлились на Вонсане и Самчхоке и захватили обе эти планеты.

Эллис улыбался. Он отлично понимал тактику Кассабиана.

— Произошло счастливое совпадение,— невинно продолжал Кассабиан.— Брат Куна с двадцатью кораблями срочно высадился на Чеджудо, а генерал Кван с тридцатью кораблями — на Тайване.

— Трезубец! — воскликнул Эллис. — А Муцухито называет это несчастным совпадением.

Кассабиан знал, что этого было достаточно, чтобы удержать Харуми от нападения на Америку. Атака стала лучшим способом защиты, но нищий Кван застрял на границе, и Лаббэк задыхался от затрат. Он оказал давление на Президента. Та ослабила поддержку, и в резуль-

тате напряженность между Свободной Кореей и Ямато постоянно сохранялась.

— Лаббэк был убежден,— продолжал Кассабиан,— что стоит уничтожить Харуми — и свободные корейцы отвоюют вторую половину своего квадранта. В этом случае политика Ямато будет направлена против Америки.

— Не может быть победы без решительного удара! — возразил Эллис.

— О, если бы мне только удалось выдать Алису замуж за сына вдовствующей императрицы. Но...— Кассабиан пожал плечами с сожалением.— Тогда бы мы смогли объединенными усилиями уничтожить Харуми.

Однако Президент отвергла это предложение. Она начала оказывать сопротивление политике, которая выселила бы Харуми из Кореи. Резня на Пекине изменила все. После смерти корейского лидера Кван возвратился в свои родные системы. Кассабиан вспомнил, как Президент почти достигла желаемого баланса между Ямато и Кореей с помощью терпеливой дипломатии Лаббэка.

— Ямато ответил нам жестом дружелюбия,— пояснял ситуацию Кассабиан.— Они сняли барона Харуми и заменили его менее воинственным бароном Макино. Но в марте прошлого года тот был отравлен. Совет бакуфу Муцухито выбрал ему на смену принца Сэкигахаву. Это решение дорого обошлось корейцам.

Эллис кивнул, как будто впервые слышал об этом.

— У него репутация хищника,— продолжал он.— К тому же японские солдаты подняли мятеж и ограбили Вонсан, что совсем не понравилось свободным корейцам. Они потребовали, чтобы самураи убирались из квадранта.

Эллис скептически слушал объяснения Кассабиана.

— Вы думаете, что Свободной Корее удастся избавиться от господства Ямато и сохранить независимость?

— Нет, Ямато никогда этого не допустит.

Кассабиан взглянул на часы. У них оставалось мало времени.

— В отличие от Лаббэка, я уверен, что любое равновесие неустойчиво. Оно требует постоянной заботы. Конрой неглупый человек, но бюрократ до мозга костей. Он полагает, что внешняя политика должна латать дыры и сохранять достигнутое ранее. В его скучных схемах нет места для решительных людей. Лаббэку недостает воображения, поэтому он думает, что его метод применим ко всем возможным ситуациям. Признаюсь тебе, Эллис, это — большое заблуждение. Сэкигахава никогда не уступит Свободной Кореи.

Лаббэк знал о далеко идущих планах принца Сэкигахавы. Разведка доносила ему, что принц налаживал контакты со всеми американцами прояпонских взглядов, жившими за пределами Американо. Чаще всего это были ренегаты, сбежавшие от законного суда, такие, как архипредатель генерал Уотерс. Сэкигахава хотел собрать войска и направить их в Америку. Он хвастал, что женится на Алисе Кэн и заставит ее сделать сэппуку, так как будет иметь на это право.

— Эллис, вам известно, как будут потрачены кредиты, которые доставила на Либерти «Конституция»?

— Догадываюсь. Вероятно, на помощь Свободной Корее.

— Мы будем финансировать Куна — пошлем значительное количество вооружения и техники. Это позволит нам заставить свободных корейцев сделать брата Куна своим лидером и прогнать отряды Сэкигахавы к орбитам нулевого градуса.

— Мы идем к Президенту? — спросил Эллис.

— Нет, к Лаббэку. У него есть новости, которые вас не обрадуют. В ваше отсутствие вас перехитрил один непревзойденный бизнесмен. Но Лаббэк, без сомнения, сам об этом расскажет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вот ваш контракт, капитан. Вы помните договор лучше меня. Половина привезенного вами принадлежит Америке, и именно в том виде, в каком груз сняли с кораблей Ямато. Еще четверть груза должна быть разделена между следующими инвесторами...— Лаббэк перечислил имена двадцати пяти самых богатых и влиятельных людей в секторе. Имени Лаббэка среди них не было.— Они получат свою долю согласно вложенному проценту. Все остальное достанется вам, капитан.

Эллис старался казаться любезным, но вице-президент понимал, что за этой маской скрываются совершенно другие мысли.

— Я бы хотел уточнить несколько деталей, мистер Лаббэк. Свою часть я разделю с членами экипажа, они это заслужили. Кроме того, я хочу сделать Президенту рождественский подарок — несколько изумрудов. Так что мне остается десять процентов.

— А вы бы хотели получить больше? — спросил Лаббэк.

— Если бы хотел, то получил бы,— пожал плечами Эллис.

— Жаль, что вы этого не сделали,— глаза Лаббэка сузились. Он поднялся с места и поднес руки к пламени камина, согревая их.— Дело в том, что инвесторы продали свои доли мне, когда два года назад распространился слух о вашей смерти.

— Я благодарю вас за то, что до конца верили в меня,— проговорил Эллис, сдерживая гнев.— Надеюсь, что

эта финансовая операция обошлась вам не слишком дорого.

— Цена была невысокой. Половина того, что я заплатил за вашу отправку, и еще немного — за распространение слухов. Я собираюсь построить дом в Нортропе, потому что мой особняк в Линкольне требует слишком много капиталовложений. Однако я в состоянии поделиться частью своей доли с вами и вашем экипажем. Этого будет достаточно, чтобы все ваши люди разбогатели, а вы стали крупнейшим магнатом на Либерти. Вам хватит кредитов, чтобы купить полдюжины кораблей.

— В самом деле? — удивился Эллис.— Для меня это большая неожиданность.

— Да. Я могу сделать из вас богача.

— Правда?

— Я не обманываю вас.

— Мне трудно в это поверить,— Эллис понизил голос и пристально посмотрел в глаза вице-президенту.— Я думал, что вы считаете богачами обладателей акций корпорации «Халид».

Лаббэк, казалось, не заметил насмешки.

— Вне зависимости от того, куда богачи вкладывают свои кредиты, их средства должны служить благосостоянию и безопасности сектора.

— Не все средства этому служат.

— Многое зависит от того, какую государственную должность занимает человек. И здесь кое-что в моей власти...

Лаббэку не нравилось, в каком русле проходит их беседа, и он решил переменить тему разговора.

— Давайте подумаем...— начал он.

— Давайте подумаем о том, что дает человеку самоуважение, — перебил его Эллис.

— О чем вы?

— Вы прекрасно знаете, мистер Лаббэк.

Лаббэк вздохнул и поднял руки вверх.

— Моя дочь — замужняя женщина.

— Формально.

— Фактически, сэр!

— Это не соответствует моим понятиям о браке.

— Подите к черту вместе с вашими понятиями! Вы забываетесь!

— Я ничего не забыл, господин вице-президент. Все эти пять лет я думал о Ребе и о сыне. Я увижу ее, и вы не помешаете мне в этом!

Лаббэка бесила грубость этого непокорного человека, привыкшего командовать. Он сжал губы и отвернулся. Затем начал расхаживать по кабинету. «Ты можешь обмануть кого угодно, но только не самого себя, Конрой,— мысленно говорил себе Лаббэк.— Последние пять лет были невыносимы для Ребы».

Сразу же после отбытия Эллиса в Нейтральную Зону Райнер обратился к Президенту с прошением покинуть Американо — он хотел пожить в Европе. Президент отказала Курту. Она часто приглашала Райнера на вечеринки в Белый дом. Алисе нравились его манеры, его буйный нрав и умение хорошо танцевать. Райнер был уверен, что запрет покидать Американо обеспечил ему Лаббэк. Конрой действительно приложил к этому руку, честно высказав Президенту свое мнение на этот счет.

«Капризный мальчишка расшибет себе голову. Мне известно, что по пути в Европу он собирается посетить Нейтральную Зону. Его богатый корабль станет хорошей приманкой для пиратов. Они либо сразу убьют его, либо потребуют за него выкуп. Никому не известно, как поведет себя Курт, встретившись с японскими кораблями. Он достаточно безрассудный человек, чтобы спровоцировать вооруженный конфликт»,— сказал Лаббэк Алисе Кэн. Эти доводы убедили Президента. Райнер поклялся отомстить Ребе. «Она у меня еще поплачет»,— говорил он себе. Лаббэк унизился до просьбы:

— Знаешь, Курт, сама Алиса Кэн не хочет отпускать тебя за границу на своем корабле. Неужели ты не подчинишься Президенту?

— Подчиниться? Я не обязан выполнять чьи-либо приказы! Если она не разрешит мне, я улечу в Корею сражаться добровольцем и там завоюю себе славу!

И он улетел без разрешения Президента. Реба, ненавидевшая даже звук его шагов, вздохнула с облегчением. «Хоть бы его убили! — услышал Курт ее мольбы однажды ночью.— Господи, забери его от меня и от моего ребенка!»

Реба рассердилась, когда узнала, что ее отец противодействует отъезду Райнера. Лаббэк с большим опозданием понял свою ошибку. «Как права была Вара, возражая против брака дочери с Райнером»,— сетовал он. Несмотря на все обстоятельства, Конрой пустил слух о смерти Эллиса.

Он перекупил один за другим паи его экспедиции в обмен на паи Уюку. Вскоре тот вернулся с добычей и фантастическими историями. Над Лаббэком посмеивались, потому что всем казалось, будто он продал акции победителя и купил акции мертвеца.

Конрой перехитрил всех, но сейчас не испытывал ни радости, ни удовлетворения, а только холодный страх перед возвращением Эллиса. Почему? Реба вышла замуж и дала обеты перед алтарем, перед Богом и, что самое главное, перед Президентом! Лаббэк очень боялся за свою дочь, боялся непредсказуемых последствий ее встречи с Эллисом. Его пугали возможные сплетни, скандалы, широкая огласка, испорченная репутация, наконец.

Райнер все-таки отправился в Корею. После сражения повстанческих войск с армией принца Сэкигахавы Лаббэк заполучил его домой через торговцев, которые были рады от него избавиться. Понюхав пороху, Курт отрекся от войны, как от грязного и мерзкого занятия. Его мечты о боевой славе развеялись, как дым. Он больше не искал приключений. Его внимание не привлекли даже потрясающие новости о событиях на Окинаве и сказочный прием, который был оказан вернувшемуся Уюку. Удивительно, какой резонанс получили эти собы-

тия среди молодежи Либерти: каждый второй горел желанием отправиться в Зону. Но Райнер с презрением смотрел на них и говорил, что «эти недоноски никогда не видели крови и смерти».

В конце концов он вновь стал разыгрывать свою юношескую роль гениального поэта. Так было удобнее, потому что не существовало абсолютных критериев гениальности. Многое зависело от мнения критики, которую всегда можно настроить в свою пользу.

Лаббэк съеживался всякий раз, когда Райнер предлагал его вниманию тяжеловесные гекзаметры. Вице-президента раздражали поэтическая трескотня и богемная распущенность зятя. По Линкольну поползли дурные сплетни о Курте. Лаббэк срочно отправил Райнера в тур по Европе, выдав ему полтора миллиона кредитов. Он посетил Париж, Милан и Лондон и вскоре вернулся на новеньком бристольском аэромобиле. Высший свет Линкольна был поражен его модными туалетами и свежими сплетнями о европейской жизни. В довершение всего Райнер подарил Президенту писанную маслом картину на фрейдистские темы, которую он купил в одной из антикварных лавок Милана.

Но все это не интересовало Ребу. У нее уже появилась стойкая аллергия на мужа. Она уединилась в своем особняке в Санаду и не подпускала мужа ближе, чем на десять миль. Между тем престиж Райнера заметно упал. Кассабиан уже не скрывал своего презрения к нему, а Ле Гран чуть ли не в глаза издевался над своим племянником.

— На что он похож? — спрашивал он Симона Белкова, когда Райнер стоял неподалеку и мог все слышать.— Шляпа — как устрица, костюм — мешком...

Именно Симон Белков, сын Николая Белкова, подхватил сказанное Ле Граном, зло высмеял Курта прямо в глаза и затеял шумную ссору, которая едва не закончилась дуэлью.

Лаббэк взглянул в каменное лицо Эллиса. Тот закалился в настоящей войне, познал подлинную славу, про-

шел через море крови, пережил истинные несчастья. Перед вице-президентом стоял человек, знавший себе цену, и то, чего хочет добиться. Конрой прекрасно сознавал, что Стрейкер сейчас способен сломить любое противодействие. Неудивительно, что Реба предпочла его манерному, малодушному и эгоистичному Райнеру.

Но Лаббэку все еще казалось, что он сумеет совладать с Эллисом: государственная власть пока что находилась в его руках.

— Вы клялись никогда не упоминать имени моей дочери.

— Меня вынудили дать эту клятву, когда я находился в заключении. Теперь я беру свои слова назад.— Эллис вспомнил день, когда его арестовали в ашраме Рамакришны.

— Ты бессовестный сукин сын! — воскликнул вице-президент.

— Нет, Конрой! Это вы бессовестный. Разве не вы изуродовали жизнь своей старшей дочери, когда заставили ее вступить в брак с ничтожным, не любимым ею человеком — и только ради собственных амбиций? Разве не вы лишили всех прав своего внука? Вы же не станете это отрицать, правда?

— Я предупреждаю вас...

— Нет! Это я хочу вас предупредить: ни один из слитков, которые я привез из Зоны, не станет вашим до тех пор, пока вы будете приказывать мне!

Реакция Лаббэка показалась Эллису странной — на лице вице-президента промелькнула коварная улыбка.

— Вы поступаете опрометчиво, Стрейкер. Ваш корабль, прибывший в Харрисбург, находится под вооруженной охраной. На этот раз вам не удастся выкрутиться. Стража!

В кабинет вбежали шестеро солдат, вооруженных до зубов. Эллис невозмутимо рассматривал свои ладони, как будто обнаружил на них что-то необычайно интересное. Он охотно принял игру, предложенную ему Лаббэком.

— А я и не намерен никуда убегать, господин вице-президент, потому что завтра все жители Либерти захотят меня увидеть.

— О вашем приезде пока что никто не знает.

— Вы прекрасно понимаете, что такое событие невозможно скрыть.

Лаббэк усилием воли взял себя в руки. Трезвость мысли и рассудительность вновь вернулись к нему.

— Вы правы, капитан. Люди действительно захотят увидеть вас по телевидению, а их желание для меня закон. Но выслушайте меня внимательно, капитан. Если вы и дальше намерены вести себя в том же духе, то я несомненно найду способ забрать героя у народа и заключить его в Лагерь Расплаты.

— Вы, кажется, повторяетесь, господин вице-президент. Мне уже довелось однажды посетить это незабываемое место по вашей любезной протекции.

— Да вы смеетесь надо мной?!

— Нисколько. Меня лишь забавляет ваша манера вести дела. Уверен, что вы собираетесь обратиться ко мне с новым предложением, господин вице-президент.

Лаббэку вновь пришлось сдержать свои чувства.

— Хорошо, раз вы такой догадливый, то я не буду скрывать. Дайте мне слово, что вы оставите Ребу в покое, и я распоряжусь назначить вас губернатором на Итаке. Что вы на это скажете?

Эллис вспомнил рассказ Ле Грана о том, как «восторженно» приняли Уюку в Линкольне.

— Нетрудно догадаться: нечто подобное вы уже предложили и моему другу Джону.

— Вы не ошиблись. Согласно решению конгресса, мистер Уюку теперь депутат в системе Небраска.

— Это очень мило с вашей стороны,— саркастически ухмыльнулся Эллис.— И что же, он с радостью согласился?

— Не то, чтобы с радостью,— уклончиво ответил Лаббэк.— но, во всяком случае, он не отказался занять это весьма престижное место.

— Не представляю себе Джона, который следит за выполнением законов о самогоноварении и регулирует количество разрешенных к отстрелу североамериканских медведей. Знаете, Джон любит охоту, но только не на медведей. Вот так, значит, Американо отблагодарил своего героя...— в голосе Эллиса послышалась горечь. Он вспомнил, как Уюку признался ему после Окинавы, что не сможет теперь прожить без космоса и трех месяцев.

«Что ж,— размышлял Стрейкер,— Лаббэк вновь пытается наладить отношения с Ямато, поэтому Джон просто мозолил бы ему глаза в Зоне. Самое лучшее — это избавиться от него, послав в такую глушь. Представляю, как он запил и каких дел натворил уже в этой Небраске». — Эллис улыбнулся и спокойно посмотрел на оружие, которое наставили на него солдаты. Увидев, что запугивание не удалось, Лаббэк сделал нетерпеливый знак убрать оружие.

— Но мы, кажется, отклонились от темы нашего разговора. Итак, я сделал вам предложение стать губернатором на Итаке. Что вы на это скажете? — вновь спросил Лаббэк.

— Конечно же, нет.

— Это не самое худшее, что я могу вам предложить.

Эллис представил себе отдаленную планету. «Я не смогу выбраться оттуда ни в Зону, ни к Ребе»,— подумал он.

— Итака? Вы хотите, чтобы я сгинул в этой глуши? Нет, это невозможно.

— Придет время, и вы с благодарностью вспомните мое предложение, уверяю вас.

— Нет.

Лаббэк со злостью схватил контракт и разорвал его.

— В таком случае ваш корабль вместе со всем его содержимым конфискуется. Вы арестованы, капитан Стрейкер!

— Какой позор для национального героя! — наигранно воскликнул Эллис, нагло ухмыльнувшись прямо в лицо Лаббэку.

— Вскоре вы убедитесь, что это достаточно серьезно! И перестаньте ухмыляться, сукин вы сын!

— Не раньше, чем вы перестанете устраивать здесь балаган! Хотя, если присмотреться, вы подходите в нем для одной роли...

— Уведите его! — заорал Лаббэк.

Громкий безудержный хохот раздавался по коридору, когда Дзиро Ито тащил Эллиса прочь от кабинета вице-президента.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Шел густой снег. Крупные хлопья ложились на хрустящий наст мягким, пушистым покрывалом. Восточный ветер раскачивал заиндевевшие верхушки сосен. Они натужно скрипели, словно просыпаясь в канун Рождества.

Эллис вылез из аэромобиля отнюдь не в праздничном настроении. Напряжение его возросло до предела, когда он приблизился к уединенному особняку в Санаду.

Дом, окруженный лесом, предстал перед ним спокойным и сонным. Его белые стены на фоне свежего снега казались кремовыми.

Эллис увидел на лужайке снежную бабу: глаза из гальки, вместо носа — веточка, рот, растянутый в добродушной улыбке. В руках у снежной бабы торчала перевернутая метла, которая напомнила Эллису катана. От одной этой мысли его бросило в дрожь.

Он с усилием глотнул морозного воздуха и почувствовал, что в горле у него пересохло. За спиной, тихо урча, остывали двигатели аэромобиля. Он почему-то вспомнил свой последний разговор с Лаббэком.

После того как вице-президент вновь арестовал его, Эллис беззаботно задремал на пару часов. Проснувшись, он стал расхаживать по камере, прикидывая в уме, сколько времени потребуется, чтобы Лаббэк обнаружил сюрприз, который Эллис приготовил ему в Харрисбурге. Через двадцать минут явился Дзиро Ито и отвел Стрейкера обратно к Лаббэку.

— Куда вы спрятали привезенное из Зоны? — кричал Лаббэк, потрясая от гнева кулаками.

— Туда, где вам никогда не найти.

— Я подвергну вас зондированию.

— И ничего не узнаете.

— Я допрошу всех членов вашего экипажа.

— И опять напрасно, потому что я им об этом не сообщил.

— Я все равно узнаю.

— А вы не подумали, как отреагирует Президент на ваши действия? — спросил Эллис, скептически улыбаясь.— Не уверен, что настроение Алисы улучшится, если она будет вынуждена внести коррективы в свою внешнюю политику из-за недостатка финансов.

— Вы забываете, что Американо отнюдь не бедная страна.

— В самом деле? И у нее даже хватит средств на то, чтобы восстановить флот?

Эллис благодарил пси, что вовремя вспомнил о слухах, сопровождавших их возвращение с Хавкеном несколько лет назад. Тогда поговаривали, что они зарыли сокровища где-то на границе, чтобы избежать таможенного контроля. Не зная точно, что его ждет на Либерти, Стрейкер решил не отдавать богатство, пока не выяснит обстановку. Все, что произошло после приземления, подтвердило, что он поступил очень предусмотрительно.

— Я зарыл золото в Калифорнии.

— В Калифорнии?!

— На одном необитаемом астероиде, в яме на глубине пятисот футов. Вы никогда его не найдете, до тех пор пока не выполните мои требования.

На самом деле он погрузил всю добычу на старый японский корабль, захваченный в одной из Алеутских систем, и доставил его в Норфолк. Все сокровище лежало в нескольких милях от города, упакованное в контейнеры и охраняемое Боуэном, который прихватил на всякий случай сверхоружие...

Эллис приблизился к особняку, отворил калитку и вошел внутрь, за ограду. Снег хрустел под ногами, когда он шагал по расчищенной тропинке к крыльцу. На него

нахлынул безудержный поток воспоминаний. Эллису стало жарко — он стянул перчатки, расстегнул куртку, тяжело дыша.

Маленькая птичка вспорхнула с ветки, осыпав его блестящими снежинками. Он вспомнил, что в детстве они с отцом любили наблюдать в лесу за птицами.

За окном дрогнула занавеска и промелькнули чьи-то светлые волосы, до него донеслись голоса. Эллис собрался с духом и поднял тяжелое дверное кольцо, оно заскрипело. Тут же за дверью залаяли собаки, заставив его остановиться на пороге.

— Здравствуйте,— раздался голос служанки, пытавшейся удержать собак.— Госпожа не велела никого впускать.

— Я капитан Эллис Стрейкер, Я бы хотел видеть миссис... миссис Ребу. Доложите обо мне.

— Госпожа не принимает посетителей.

Раздался детский голосок. Белокурый мальчик, который выглядывал из окна, галопом вбежал в прихожую. Он вдруг остановился как вкопанный, когда увидел, что Эллис внимательно смотрит на него.

Казалось, ребенок стушевался, но затем набрался смелости, потрепал собаку по спине и приказал ей замолчать.

— Это единственный ребенок миссис Ребы?

— Да, сэр,— ответила служанка.— Но госпожа распорядилась...

— Сколько ему лет?

— Пять.

Эллис наклонился к мальчику.

— Как тебя зовут, сынок?

— Хайден,— застенчиво ответил ребенок.

— Хайден,— нежно повторил Эллис, взяв мальчика за руки и присев перед ним на корточках. Затем он вытащил из куртки коричневого плюшевого медвежонка.

— Это тебе Санта-Клаус передал, держи.

В этот момент Эллис увидел, что на пороге показалась Реба...

ЛИБЕРТИ

ЯМАТО. Книга IV

29-й год Канэй (2430 г. н.э.)

Высокой травой
Сны о войне поросли.

Мацуо Басё (1644—1694)

Фрагменты рукописи «Летопись Космоса», извлеченные А. Хаккером. Найдены в хранилище «Озма». Авторские права синтетической корпорации «Воспитатель», Оренбург. С разрешения Центральной Власти Древней Земли, 2401 г. н. э.

Освоенный Космос

«Некогда сфера межзвездного пространства имела в центре Солнце и составляла приблизительно триста световых лет в диаметре. Вслед за открытием Великой Теории Единства был найден путь к новым межзвездным исследованиям. К двадцать второму веку нашей эры наладился контроль над гравитационным взаимодействием. К 2100 году н. э. он стал сравним с управлением электромагнитными силами. Это достижение позволило наладить в Космосе сеть нексус-связей, с помощью которых осуществились сверхбыстрые межзвездные путешествия...

(Фрагмент утрачен.)

...корабли, сделаные по образцу машины Ньюмана, перемещаются со скоростью, близкой к скорости света (небесный эквивалент). Это происходит за счет попадания в точку нексус-связи, в которой смещенная гра-

витация изменяет пространственно-временные характеристики. Набирая скорость около 0,9 небесного эквивалента, корабль отправляется в следующую точку нексус-связи...

(Фрагмент утрачен.)

...опорные точки нексус-связи созданы наподобие космических звездных туманностей. Они изменяют гравитацию и придают необходимое ускорение, которое набирает корабль, если на его борту находится пси-астронавт. Нестабильная природа нексус-связей обнаруживается в непредсказуемых пси-штормах. К опорным точкам необходимо приближаться на скорости от 0,5 до 0,9 небесного эквивалента, находя правильный угол и положение корабля. Выбор этих параметров больше зависит от интуиции, чем от логики, он осуществляется пси-талантом, который прокладывает путь по нексус-связям смоделированного пространства-времени...

(Фрагмент утрачен.)

...тственность за перенаселенность Земли. Эдикт оговаривал также, что каждый сектор имеет право развиваться своим путем и жить согласно своим законам. Это должно было возродить культурное разнообразие Классической Зем...

(Фрагмент утрачен.)

...Эдикт установил границы Исламского сектора, Китая, Англо-Саксо-Скандинавского Союза, Африки, Бразилии, Славии, Латиноамери...

(Фрагмент утрачен.)

...Израиль, одно из наиболее высокоразвитых государств, занимает часть Американо-Европейского пространства вдоль плоскости шестидесятого градуса. Двенадцатый сектор — Нейтральная Зона. Он расположен вдоль галактического центра. На протяжении веков границы многократно изменялись, что стало источником межсекторных конфликтов. Некоторые секторы начали расширять свои территории за счет присоеди-

нения участков неосвоенного космоса, используя нексус-связи. Эдикт, предусматривающий...

(Фрагмент утрачен.)

...поселившиеся там, произвели террапреобразования. В настоящее время геоцентрический глобус расширился на расстояние до шестисот световых лет в диаметре. Объем Освоенного Космоса составляет сто пятнадцать световых кубических лет. Плотность скопления звезд в Спиральной Ветви — приблизительно двадцать пять звезд на каждые десять тысяч кубических световых лет. Таким образом, Освоенный Космос насчитывает около четверти миллиона планет, большинство из которых непригодны для обитания. Только половина из них подверглась террапреобразованиям. Несмотря на то, что обитаемых систем насчитывается более пятнадцати тысяч шестисот, все они связаны между собой нексус-связями...

(Фрагмент утрачен.)

...в евклидовом пространстве расстояния между планетными системами огромны. Даже с использованием нексус-технологии перелет от одной звездной системы до другой занимает несколько дней. Корабли должны приближаться к опорной точке с определенным минимумом кинетической энергии, необходимым для ускорения, близкого к небесному эквиваленту...

(Фрагмент утрачен.)

...путешествовать с одного конца Освоенного Космоса на другой трудно и дорого. Для этого необходимо более ста нексус-перелетов, что занимает около двух лет. Опорные точки значительно искажают радиоволны, поэтому практически нереально создание радио- и телекоммуникаций, которые бы связывали секторы».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Место действия: Сеул

Для Чой Ки Вона известие о смерти президента было как нож в спину. Он спешился, вытер пот с лица и широкой ладонью нежно погладил шею кобылы.

— Хоть мы и очень спешим, но лошади надо пить. Видишь, как я забочусь о тебе?

Низкое утреннее солнце отразилось в мутной воде корыта. Когда лошадь напилась, он вновь забрался в седло и внимательно взглянул на дорогу, по которой путешествовал сотни раз со своими почтовыми голубями.

Чой Ки Вон еще никогда в жизни так не торопился, он проклинал запрет на использование технических средств и современного транспорта за пределами Сеула. За час он преодолел половину пути. Выехав из Сеула, Чой отправился в Пангоджин, деревню близ Куньяна, откуда поползли слухи. У него теплилась надежда, что история эта не выдумана, поэтому нужно было самостоятельно все проверить. Он пришпорил кобылу, пустив ее легким галопом по направлению к деревне, где, по рассказам рыбака, находился «корабль-призрак» — разбитый и почерневший.

Чой Ки Вон всегда первым узнавал самые интересные новости. Слух о корабле пустил ловец сардин. Чой старался поддерживать хорошие отношения с людьми, которые жили между Куньяном и мысом Пангоджин. Эти связи были очень важны для него. Неслучайно он так разбогател, смотря во все глаза и навострив уши, на планете, практически лишенной телевидения и транспор-

та. Зона с низким уровнем развития технологии занимала почти половину единственного континента планеты Сеул, остальную часть составляли неглубокий океан и пустынный материк на полюсе.

«Какой бизнес может сравниться с продажей информации? — размышлял Чой Ки Вон.— У вас есть товар. Вы сохраняете его, а затем продаете. Что может быть лучше? В отличие от вина, информация редко повышалась в цене по мере выдержки, а та информация, с которой имел дело Чой, была летучей и, поскольку президент Кун умер, чрезвычайно опасной. Он еще раз пришпорил лошадь и потрепал ее по холке.

Чой Ки Вон, имевший пятерых взрослых сыновей, прославился своим добрым нравом; торговцы и крестьяне любили его. Его семья сколотила неплохое состояние, покупая у иностранных торговцев редкую на Сеуле технику и переправляя ее дальше в горы. Чой не раз выручал попавших в беду американских путешественников, выменивая у них оружие на продовольствие. Он слыл щедрым человеком, двери его дома были открыты для всех, показывая, что ему нечего прятать и некого бояться. Но наступали трудные времена, а в трудные времена человеку нужен посох, на который можно опереться.

— Да,— говорил он лошади,— всякий знает о щедрости Чой Ки Вона. Я провожу время, выслушивая местные сплетни, и тихо веду свои дела. Горожане, торговцы, капитан Ым вместе со своим гарнизоном и даже грязные прояпонские политики понимают, что я добрый человек, всем помогаю, и никому нет от меня вреда. И все же я уверен, что найдутся люди, которые завидуют тому, что я богаче их. Они опасны».

Он увидел корабль, когда ехал по пустой дороге, ведущей мимо белых рыбацких домиков деревни Пангоджин. Корабль лежал в океане в четверти мили от берега. Чой не раз видел попавшие в пси-шторм суда, которые из последних сил добирались до берега. Этот корабль был очень серьезно поврежден: плексовый корпус сильно разрушился и местами почернел, а оба люка грузовых

отсеков оторвало — должно быть, взрывом. Корпус, беспомощно покачивавшийся на волнах, едва держался на поверхности воды. Жалкие обломки радиолокационных антенн сильно оплавились при входе в атмосферу. Но корабль, видимо, до конца не терял управления и приземлился мягко. Восточные ветры могли гонять его по океану несколько недель или месяцев.

Чой сразу же понял, что нижняя часть корпуса села на рифы, хотя казалось, что корабль вот-вот потонет. В грузовых отсеках плескалась вода, а на борту не было признаков жизни. Настроение Чой Ки Вона поднялось — старый Тянь оказался прав. Это был действительно «корабль-призрак», который плыл прямо к нему в руки. Если удачно продать добычу, можно выручить неплохие деньги. Упускать такую возможность просто глупо, но необходимо торопиться, так как уже вся деревня столпилась на берегу.

Люди почесывали затылки и гадали, откуда приплыл корабль и почему он оказался посреди бухты. Никого из посторонних в деревне еще не было — самый подходящий момент. Тянь Мен, молодой местный агент Чоя, помог ему спешиться и привязал кобылу за узду. Подошел дедушка Мена — Старый Тянь, седой, морщинистый старик.

— Не нравится мне все это,— проговорил Старый Тянь, сверкнув глазами из-под изогнутых бровей.— Не припомню, чтобы такое случалось здесь раньше. Это все потому, что умер президент...

Юношу смутили слова Старого Тяня.

— Простите моего деда, господин Чой, он простой рыбак...

— Ну и что? — возмутился старик.— Наша семья живет здесь больше ста лет. Я происхожу из древнего рода рыбаков и горжусь этим.

— О да, ваш род знаменит,— успокоил Старого Тяня Чой, который знал, что прадед старика был китайским беженцем, очутившимся на планете Сеул после несчастья в Шэньяне. Весь их род соблюдал китайские традиции и

не смешивался с корейцами, несмотря на то, что они жили на Сеуле больше ста лет. Только молодой Тянь Мен оказался «паршивой овцой».

— Мне известно, что ваш род происходит от самой Доуму — богини морей,— польстил старику Чой.

— Конечно,— подхватил тот,— и от небесной императрицы Тяньхо!

— Значит, я в хорошей компании,— улыбнулся Чой.

Молодой Тянь с недоверием слушал этот диалог. Наконец он решил переменить тему разговора.

— Этот корабль сулит нам хорошие деньги,— сказал Мен.

— Что ты! — возразил старик.— Это «корабль-призрак». Никто не сможет приблизиться к нему, потому что он заколдован.

— Это предрассудки.

— Когда он здесь появился? — спросил Чой.

Мен начал рассказывать, но старик перебил своего внука:

— Ночью на горизонте возникло странное мерцание, а утром прилив прибил его к берегу. Он был весь залит лунным сиянием! Я как раз ловил в заливе креветок, и видел это. Сначала я ничего не заметил, а потом он вырос в океане, словно из паутины, сотканный лунным лучом!

Тянь Мен стал раздраженно возражать деду, но Чой утихомирил обоих.

— Расскажите, что было дальше,— попросил он Старого Тяня.

— Ну, я погреб домой изо всех сил, да стар я стал, не такой проворный, как раньше. Я хотел уплыть подальше от корабля, потому что он исчадье Черных Небес и Ночной Воды. Что делает благочестивый и благонамеренный человек, когда встречает такое? Конечно же, он сообщает властям.

— Вы сообщили о корабле властям? — разочарованно спросил Чой.

Старик замотал головой, глядя на дорогую шелковую рубашку внука.

— Нет, нет, господин Чой! Я сразу же вспомнил о сыне моего сына. Яркие перья красят певчую птицу, а дорогие одежды — хорошего человека.

Молодой Тянь стал упрекать деда за такое прямодушие, но Чой прервал его:

— У нас мало времени. Новость, должно быть, уже достигла Холма. Скоро здесь будет полиция. Они осмотрят корабль, и нам ничего не достанется.

— Вы правы,— согласился Мен.

— Уважаемый Тянь,— обратился Чой к старику, осторожно касаясь ладонью его плеча,— могу я обратиться к вам с просьбой? Не одолжите ли вы мне ненадолго вашу рыбачью лодку?

— Я не поплыву туда ни за какие деньги!

— Дед!

— И не нужно,— успокоил его Чой.— Я уверен, что Мен поможет мне подгрести к этому призрачному кораблю.

Старик заколебался.

— Вы говорите, что за это можно получить деньги? — в его глазах вспыхнул интерес.— Золотые монеты?

Чой незаметно отвязал кошелек от пояса и запустил в него руку.

— Вот одна золотая монета. Это вам за лодку.

— Чья это монета? — подозрительно спросил старик.

— Американская.

— А она настоящая, не плексовая?

— Конечно, настоящая! — Чой сжал узловатые пальцы рыбака, и монета с квадратной дыркой посредине оказалась в его ладони.

— А если с моей лодкой что-нибудь случится?

— Вы можете пойти к моему сыну и обменять ее на двадцать пять иен.

— Я не привык к таким деньгам,— недоверчиво ответил старик.

— В старые времена китайцы относились к золоту с большим уважением.

Старик попробовал монету на зуб и сплюнул. Он пробормотал что-то на старокитайском языке, пожав плечами в знак согласия, а затем строго взглянул на внука.

— Будь осторожен с моей лодкой. Господин Чой — почтенный человек, а о тебе этого нельзя сказать.

Чой Ки Вон подошел к Старому Тяню и положил ему руки на плечи:

— Скажите другим рыбакам, чтобы они не подплывали к кораблю. Убедите их, что у меня самый лучший лакированный идол, освященный великим богом Цайшэнем.

— О, господин Чой, вы мудрый человек,— улыбнулся старик.

Мен с раздражением посмотрел вслед уходящему деду.

— Вы дали ему слишком много, господин Чой. Он просто обокрал вас. За такую дырявую лодку...

— Не беспокойся. Я окуплю все расходы. Где его лодка?

— Вон та — голубая с зеленой полосой.

Гравий захрустел у них под ногами, когда они спускались к берегу. На песке валялись высушенные солнцем крабы и рыбьи головы. От воды пахло морской солью и водорослями. Тянь оттолкнул лодку, Чой прошлепал по колено в воде и забрался в нее. Чой вглядывался в корабль, пока они гребли к нему. Не доходя тридцати ярдов, Чой приказал остановиться. Он сложил ладони рупором и громко закричал. Гулкое эхо зловеще прогудело на палубах призрачного корабля. Они подошли еще ближе, так что смогли разглядеть темно-зеленые водоросли, качающиеся на рифах под ватерлинией. Изуродованный плексовый остов торчал на тридцать футов из воды.

«Неужели судно покинуто?» — спросил себя Чой. Руки его задрожали от волнения. Он вспомнил захватывающие истории о космических кораблях, попавших в пси-шторм или в аварию на орбите. Если такой корабль приземлялся, экипаж обычно оставлял его. «А может

быть, это судно атаковали пираты? Они убили весь экипаж, а корабль приземлился на автопилоте? — терялся в догадках Чой.— Но это останется тайной, потому что никто не отвечает на наш зов».

— Ай-йи! — закричал Мен, но никто так и не отозвался.

Они исследовали пустые оружейные ниши. Чой украдкой взглянул на Мена. По лицу юноши было заметно, что его жадность не может побороть страх.

— Ай-йи! Есть здесь кто-нибудь?

— Может, оно действительно брошено? — спросил Мен.

— Если это так, оно наше. Ведь нашли его мы, а не кто-нибудь другой, правда?

Тянь утвердительно кивнул. В этот момент Чой пожалел, что с ним нет того лакированного идола, о котором он говорил старику.

— А можно нам взять с него то, что мы найдем? — спросил Тянь.

— Свободная Корея не подписала межсекторное соглашение. Согласно нашим законам, нам достаточно только ступить на его борт, чтобы объявить своей собственностью.

— А что, если вернуться за оружием? — забеспокоился вдруг Мен.

Чой Ки Вон повернулся к берегу. Неожиданно он увидел тяжелый вездеход и трех человек в красных мундирах.

— Береговая полиция! — воскликнул он.

— Нужно срочно возвращаться, пока они нас не заметили! — отозвался Мен.

— Ты сошел с ума! Упустить такую добычу?

Они заплыли внутрь пустого, отвечавшего гулким эхом грузового отсека, словно в подводную пещеру. Хватаясь за скользкий планшир, вскарабкались на подъемную платформу. Тянь Мен завороженно вглядывался в приоткрытый люк воздушного шлюза. Механизм подъемника работал безупречно. Воспользовавшись им, они

оказались на орудийной палубе. Никого! Поистине, экипаж корабля соблазнила сама Небесная Императрица Тяньхо!

Чой Ки Вон вспомнил китайскую легенду, согласно которой Небесная Императрица девочкой жила на планете Мэйсян. У нее было четыре брата-астронавта, которые путешествовали по космическим орбитам. Однажды она уснула и не просыпалась несколько дней. Ее никак не могли разбудить, пока кто-то не догадался влить ей в рот настой из целебных трав. Она проснулась и заплакала, говоря, что ее разбудили раньше времени. Во сне она видела, как ее братья потерпели аварию и она спасает их. Вскоре вернулись три ее брата. Они рассказали ей, что попали в пси-шторм, но затем увидели ее образ, который помог им выбраться из шторма. Но четвертый, младший брат, не успел спастись и погиб. Она начала чахнуть и вскоре умерла. С тех пор душа ее странствует по орбитам и помогает терпящим бедствие астронавтам.

Тянь с опаской огляделся, дошел до главной палубы и заглянул в один из отсеков. Его спутник в это время вглядывался в надписи, отлитые на плексовом покрытии. «Кажется, это корабль Ямато»,— разочарованно подумал он.

— Здесь никого нет! — прокричал из темноты Тянь.

Он помог Чой Ки Вону спуститься в темный отсек. Их по-прежнему не покидала надежда, что судно полно ценного груза. Они подошли к грузовому лифту, но тот не работал. Затем Чой отправился на корму, где стояла вонь, как будто от сои, забродившей на пивоварне.

Он решил начать с капитанской каюты, которая на многое могла пролить свет. «Нет, это определенно японский корабль»,— сказал себе Чой, взглянув на надписи, хирагану и катагану, которые вновь попались ему на глаза. Он ненавидел японский, хотя и знал его, потому что это был язык его матери. «Да, построен и эксплуатировался в Ямато». Он видел много кораблей и мог определить по внешнему виду, кому они принадлежали. Но с кораблями Ямато всегда возникали затруднения —

японцы редко бывали оригинальны, заимствуя детали у американцев, европейцев или китайцев.

Наконец на капитанском мостике Чой обнаружил металлическую табличку. Сомнений больше не оставалось: корабль был собран в 2416 году при дворе Ниссан специально для полетов в составе Кин кайгуна. «Неужели это правда, и этот монстр когда-то считался одним из «золотых» кораблей Ямато?» Чой Ки Вон воспрянул духом, но тут же взял себя в руки. Если этот корабль и имел на борту ценный груз, то вряд ли команда, покинувшая его, так просто отказалась от золота. Чой пробрался на корму, залитую неровным голубоватым светом. Запах брожения сменился тяжелым спертым воздухом. В глубине корабля слышалось приглушенное жужжание силовых двигателей, они обеспечивали работу насосов, которые все еще качали воздух и поддерживали микросреду в некоторых отсеках. Корпус корабля едва заметно вздымался на каждой волне прилива, словно грудная клетка лежащего в забытьи человека.

«Лучше бы корабль оказался китайским или американским. Насколько все было бы проще. Но боги послали сюда японский корабль. А это значит, что полиция начнет без конца допытываться, как он сюда попал, не проник ли кто-нибудь на борт. Если я в самом деле найду здесь что-нибудь и об этом станет известно, мне не миновать конфискации. Говорить о полной независимости Свободной Кореи от влияния Ямато пока не приходится.

О, если бы только покойный президент Кун обладал хоть какой-нибудь интуицией! Зачем он отправился на линию фронта, доверив свою жизнь ненадежному кораблю? Что за безумие, рисковать независимостью республики? Путешествие было дорогой и нелепой затеей. Без сомнения, эту идею внушил ему какой-нибудь советник, у которого в кармане зазвенело золото Ямато. Куна убили, и не оказалось ни одного достойного человека, способного сменить его на посту! Остался только вице-президент Пак, старый дядя Куна, за спиной которого стоит нена-

вистный Муцухито. Император, словно крокодил, выжидает только удобного момента, чтобы поглотить наш сектор, лишив независимости, добытой такими трудами! Он отлично знает, что Пак слабый человек и не посмеет состязаться с ним, отстаивая независимость Кореи. Из-за какого-то убийцы народного вождя все наше будущее погрузилось во мрак!» — горестно размышлял Чой Ки Вон, осматривая корабль.

Эти безрадостные мысли повергли Чоя в уныние. Японцы грозили превратить Свободную Корею в часть Нейтральной Зоны, установив в ней диктат своего военно-промышленного комплекса. Японский флот подтягивался и сосредоточивал свои ударные силы вдоль корейской границы. Муцухито мог теперь угрожать государству и неограниченно влиять на его внутреннюю и внешнюю политику, а Паку оставалось только подчиняться. Когда дряхлый Пак ослабеет окончательно, страну захлестнет террор, который закончится признанием господства Ямато.

Чой Ки Вон проклинал рыбаков, оставшихся на берегу. Они сообщили ему о «корабле-призраке», но они же распустили сплетни, дошедшие до полиции. Теперь официальные власти выполнят распоряжение Муцухито о том, что все японские корабли вместе с их содержимым в случае крушения или вынужденной посадки должны быть возвращены Ямато. Обругав в душе рыбаков, Чой Ки Вон проклинал теперь Муцухито, желая японскому императору провалиться в пучины ада.

«Эмбарго на американские корабли и товары, террор кэмпэя в Чосане, завоеванной части корейского квадранта, вмешательство Ямато в дела Свободной Кореи убавили мои доходы вполовину,— горестно размышлял Чой, обыскивая корабль.— Но, ради всех богов, они заплатят за это. Недаром говорят, что лошадь маршала топчет траву бедного торговца. Нет справедливости в Космосе! Восемь Бессмертных Богов взирают на наши страдания с иронией. Я знаю, они на стороне тех, кто может сам за себя постоять!»

Чой Ки Вон стиснул зубы, распаленный своими мыслями. Он ненавидел Ямато, ненавидел стремление империи завладеть Свободной Кореей. «Да, это японский корабль! Он мог отстать от ежегодного Кин кайгуна во время псишторма, такое часто случается. Возможно, пираты атаковали его и не успели обчистить. Или это одиночное торговое судно — дойная корова, которая тайно пересекла границу, пытаясь избежать дерьмовых таможенных пошлин Муцухито. Теперь-то справедливость восторжествует! Мельничное колесо сделало полный оборот.

Ай-йи! Если я потерплю убытки в этом году, мне останется винить только самого себя. Доходы от торговли совсем упали, зато возросла прибыль от продажи добытой мною информации. Факты о прибытии кораблей в корейские системы ценятся на вес золота, хотя плата, которую я получаю, сравнительно невелика. «Размышляй позитивно», как говорят американцы. Осмотри здесь все повнимательнее, действуй решительно! Этот «корабль-призрак» послан богами!»

Он толкнул дверь в каюту капитана и вошел туда, уверенный в себе. Уверенность покинула его, когда он внезапно почувствовал прикосновение холодного дула к своим лопаткам. Резко обернувшись, Чой увидел искаженное ненавистью лицо и два пистолета, направленных ему в живот. Вид у незнакомца был жуткий: пожелтевшая кожа, челюсти — сжаты, сузившиеся до точек зрачки сверлили его, точно иглы. Казалось, каждая клетка этого человека излучала угрозу. Он пошатывался, как в лихорадке.

— Подними руки, собака! — этот дьявол говорил по-японски срывающимся голосом.

Чой Ки Вон отступил назад и заложил руки за голову, подчинившись приказу. Он не поверил своим глазам, когда увидел, как глаза незнакомца закатились, один из пистолетов задрожал в его руке, едва не выпав, колени ослабли, и он стал медленно оседать на пол, хватаясь за стены каюты. Не меньше поразился Чой Ки Вон, услышав странный звук, в котором не сразу различил плач младенца.

Дюваль Стрейкер едва стоял на ногах от усталости и нервного напряжения. Он пытался сохранить сознание, цепляясь за звуки детского плача. Последним усилием воли он заставил себя выпрямиться и вновь направить пистолеты на человека, вошедшего в каюту; тот расплывался у него в глазах черным неясным пятном.

— Руки! Руки за голову! Встать в угол! — прохрипел Дюваль.

Чой Ки Вон с ужасом наблюдал за тем, как у изможденного человека, направившего на него два лазерных пистолета, начинается бред. Но даже в такой ситуации Чой старался не пропустить ни единого слова из тех, что тот произносил вслух.

— Это Ямато. Мы приземлились в Ямато! Господи, разве ты не видишь? Господи, как ты мог предать меня? Арима еще жив. Бог мой, я обещал тебе, что вновь уверую, если ты задушишь этот гнусный мешок дерьма до того, как мы достигнем Ямато. Капитан собирается выдать нас кэмпэю — меня, Мити и нашего ребенка. Победили подонки! Но кто тебе дороже, Господи: Арима, который лежит, зарывшись лицом в свою черную блевотину, или невинный младенец? Убить ли мне Ариму ради нашего спасения? Может, рассечь ему горло его же собственным мечом, пока он здесь корчится? Разве не будет милостью к нему прекратить его страдания? Боже, ответь мне! Ну же, отвечай! Почему ты опять молчишь?

Дюваль затих. В этот момент вновь раздался детский плач. Глаза Дюваля широко раскрылись. Плач собственного ребенка, казалось, вернул его к реальности.

— Слышишь, как плачет твой ребенок, Дюваль! — говорил он себе вслух.— Ты должен превозмочь слабость и перехватить инициативу.

Шатаясь, Дюваль оперся о стену, перед глазами у него прояснилось. Вдруг он совершенно отчетливо увидел человека с поднятыми руками, стоявшего в углу. На мужчине были добротные одежда и обувь, талия перетянута широким поясом, шею прикрывал странный клинообразный воротник. Ему было лет сорок. Дюваль разгля-

дел его загорелое, орехового цвета лицо, высокий лоб, небольшую бородку с проседью и глаза, полные удивления. Стрейкер не мог понять, почему у незнакомца не выбрит затылок и почему тот не затянул волосы в пучок, как это делают самураи.

— Почему ты не бросаешься на меня? Почему ты неподвижен, не пытаешься убить меня моим же оружием? Неужели ты не видишь, что я беспомощен?

— Пожалуйста, не беспо...

— Убирайся к черту! — закричал Дюваль, борясь с головокружением, грозившим опрокинуть его на пол.— Только подойди, и я выстрелю!

— Не стреляйте, я не причиню вам вреда. Я даже не вооружен.

Дюваль услышал, что японский этого человека звучал со странным акцентом.

— Подними руки! Выше! Выше!

— Вы капитан? Чей это корабль? Я всего лишь хочу помочь вам.

— Отойди в угол. Дальше!

Мужчина пятился к стене, а Дюваль держал его все время под прицелом, пока тот не отошел на безопасное расстояние, чтобы не смог выбить оружие из рук Стрейкера. В этот момент застонал капитан Арима. Волна воспоминаний нахлынула на Стрейкера. Он вспомнил, как Арима хотел запереть его во время родов Мити, как капитан клялся выдать своего подозрительного пассажира кэмпэю, лишь только они достигнут Ямато. Но противоборство с пиратами стоило слишком больших жертв. Арима потерял столько членов экипажа и оборудования, что едва справился с управлением корабля. После взрыва в грузовом отсеке многие системы жизнеобеспечения вышли из строя, в том числе и дуврские машины, синтезирующие пищу. Но, к счастью, «нервный центр» корабля, где находилась Мити с ребенком, уцелел... Приборы показывали, что корабль находится в тяжелом аварийном состоянии. Несколько дней спустя начался голод.

Дюваль вынужден был нападать на пассажиров и членов экипажа и отбирать у них пищу, чтобы спасти жизнь Мити и их ребенку. В этой борьбе команда стала использовать мезоновое оружие. Тогда Дюваль выкачал воздух из отсеков, где находилась часть экипажа. Оставшиеся в живых продолжили смертельную схватку со Стрейкером. Тогда он нашел способ дистанционного выключения энергии мезоновых ножей. Уцелевшие пытались штурмом взять каюту Дюваля, но он сумел обмануть их, завладеть мезоновыми ножами и сжечь врагов их же собственным оружием.

После этого ему удалось добраться до Аримы. Дюваль не стал убивать его, а только тяжело ранил, потому что понимал: ему необходим еще один живой астронавт, чтобы сохранить нексус-связи. Стрейкер раздобыл аварийные медикаменты и привел капитана в чувство, после чего тот обещал не выдавать его кэмпэю. Арима прошел с Дювалем три нексус-точки. И все же Стрейкер понимал, что прагматичный капитан не сдержит слово, как только ситуация изменится в его пользу.

«Страх перед кэмпэем заставит его выдать нас. Он должен ненавидеть меня за то, что я сделал с ним и его кораблем. Он проклянет нас с Мити и отречется от своего обещания за несколько иен. Нас арестуют, будут зондировать, а потом распнут. Мне следовало бы сжечь мозги Аримы этой ночью. Но я не смог сделать этого и не могу сейчас, хотя жизни Мити и моего сына зависят от него. Но, возможно, он еще умрет. Возможно. Возможно...»

Дюваль вздрогнул и вновь вернулся в реальность.

— Ты будешь моим заложником,— мрачно сказал он незнакомцу, направляя на него пистолеты.— Это справедливая сделка. Богатый торговец вроде тебя — в обмен на перелет в Американо. Больше мне ничего не нужно. Я хочу только увезти свою жену и сына с этой планеты. Сделка такая же, как в Ниигате. Но на этот раз мы не совершим старых ошибок!

— Сколько вас? — спросил незнакомец.

Несмотря на приказ держать руки за головой, он зажал рукавом нос и наклонился к Ариме.

— Этот человек близок к смерти,— проговорил он.

— Вчера в живых оставалось десять человек, не знаю, сколько сейчас. Все умершие лежат в носовом отсеке. Жажда...

— Пожалуйста, уберите оружие. Я хочу только помочь вам.

— Заткнись!

Дюваль почувствовал, как по его телу прокатилась волна лихорадочной дрожи. Усталость и голод до предела ослабили его. Ему было все труднее и труднее контролировать свои мысли в последние дни. Но он все же вылезал из кожаного гамака и карабкался по палубам в поисках пищи. Сейчас у Стрейкера еще хватило бы сил спустить курок. Он взглянул на Ариму, лежащего без сознания.

— Умри, собака! — прошипел Дюваль, глядя на капитана.— Умри и унеси с собой нашу тайну!

— Вы должны помочь мне. Где умирающие? — спросил Чой.

В этот момент Арима открыл глаза. Это был настоящий боец, он не мог так легко расстаться с жизнью, несмотря на то, что привел себя самого и свой экипаж к воротам ада. Арима до самого последнего мгновения пытался доставить корабль домой. После того как пираты искалечили «Кавабату», он направил судно на Титидзиму, но индекс гравитации оказался низким, и непредсказуемая сила нексус-связи отбросила их к боковой цепи орбит, где они попали во власть враждебного пси. Они боролись почти двое суток, но мощнейший пси-шторм погрузил Ариму в бессознательное состояние. Корабль беспомощно дрейфовал, пока они не поняли, что идут прямо в объятия смерти и, чтобы избежать ее, должны повернуть назад — туда, откуда вылетели.

Арима послал радиосообщение с просьбой о помощи. Он надеялся, что оно достигнет Титидзимы или хотя бы одной из систем двадцатого градуса. Но никто не отве-

тил им. В течение нескольких недель они скитались в пустой системе Дельта Скути, в шести с половиной парсеках от Дайто, вдали от основных космических путей и нексус-связей. Они в отчаянии пытались преодолеть захватившие их пси-силы, бились, словно муха о стекло, но все безрезультатно. Наконец Арима понял, что, если он не совершит решающий рывок и не выберется из этой системы, они погибнут. Так разваливающийся корабль очутился на Сеуле.

— Вы слышите меня? Мое имя Чой Ки Вон. Где остальные?

— Я слышу вас,— раздался слабый голос Аримы.— Я капитан этого корабля. Мой экипаж мертв или умирает, как я.

— Заткнись, гнусный самурай! — закричал Дюваль.

Глаза Чой Ки Вона сузились, он с интересом взглянул на Стрейкера.

— Значит, вы не самурай? Тогда кто же вы?

Дюваль с тревогой посмотрел на незнакомца. В глазах его вновь мелькнуло безумие, он поднял пистолеты.

— Я американец. Я хочу есть и пить, мне нужна одежда. Мне нужен корабль, чтобы добраться до Либерти,— голос его сорвался.— Я требую...

— Вы не в том положении, чтобы обращаться ко мне с требованиями, — осторожно заметил Чой.

— Я застрелю тебя раньше, чем ты отдашь меня в руки властей Ямато, слышишь?

Ответ незнакомца, произнесенный высоким тенором, поверг Дюваля в изумление.

— Не в Ямато? А где же я?

— Это Сеул. Вы в Свободной Корее.

Дюваль понял, что его угрозы оказались напрасными. Ему не нужно было скрываться, если корабль приземлился в системе Свободной Кореи.

«Если это действительно Сеул, мы спасены»,— промелькнуло у него в голове. Но тут сильные руки Тяня, подкравшегося сзади, схватили Дюваля, и он выронил оружие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дюваль услышал звонкий смех Мити, находившейся в соседней комнате с женой Чой Ки Вона. Обед из тунца показался ему изысканным, а после прекрасного вина, не уступавшего по вкусу терпкому французскому бордо, силы окончательно вернулись к нему, и он почувствовал себя отдохнувшим. За окнами слышался мерный шум волн, плескавшихся о берег сеульской гавани. Тысячи звезд мерцали в ночном небе. Их отражения колебались в водах Восточного океана, который омывал континент, протянувшийся на двадцать тысяч миль.

— Кэнити, посмотри, какие джонки. Видишь, на них загораются красные огни? — Дюваль нежно погладил по головке своего двухлетнего сынишку, но ему не удалось завладеть его вниманием.

Кэнити заплакал. Чой Ки Вон подхватил ребенка и поставил его на подоконник, совершенно не заботясь о том, что тот может упасть.

— Слушайся отца, Кэнити,— назидательно проговорил Чой. Он указал рукой на ночное небо.— Ты родился далеко-далеко, в космосе. Когда-нибудь ты полетишь к звездам, как твой отец, и завоюешь славу для Свободной Кореи.

Вид моря и ночного неба успокоил ребенка. Дюваль тоже почувствовал влечение к небу. Воспоминания о прошлых бедах больше не мучили его, а жизнь вошла в спокойное русло. Как отличался этот уютный теплый дом от жуткого корабля «Кавабата Ясунари», который чуть было не стал могилой для Дюваля, Мити и их новорожденного ребенка. Теперь все изменилось. Сколь-

ко радушия, доброты и гостеприимства проявил его новый друг, хозяин дома Чой Ки Вон.

— Знаете,— задумчиво проговорил Дюваль, обращаясь к Чою,— когда я путешествовал на американском корабле в Нейтральную Зону, мои товарищи называли меня в шутку Ямбо, потому что я напоминал им японца. Я, конечно, не придавал этому значения. Но когда я попал в лапы кэмпэя, провели генетическое тестирование и выяснили, что я наполовину японец. Теперь я живу в Корее. Мне трудно понять, кто же я на самом деле.

— Будьте как дома — вы живете на Сеуле! Как говорит местная иммиграционная служба,— улыбаясь, сказал Чой.

Дюваль опять вспомнил официальное подтверждение гражданства Свободной Кореи, которое ему выдали два дня назад. Это послужило причиной праздничного ужина, который они сегодня устроили.

— Благодарю вас, Чой, вы оказали нам такой теплый прием. Мы действительно чувствуем себя как дома.

— Но что-то подсказывает мне, что вы тоскуете по родине.

— Боюсь, что у меня нет больше родины,— возразил Дюваль, тяжело вздохнув.— Когда-то я был американцем по прозвищу Ямбо, затем стал бесправным рабом, после — принятым мужем в семье самураев второго ранга. Кроме того, мне открыли, что мой генотип не происходит от людей, которых я считал своими родителями. Сейчас я живу в Корее, но как официально принятый иностранец. По правде говоря, я уже не знаю, кто я.

— Вы могли бы отправиться в Американо, когда придет следующий конвой. Сюда прилетает много американских кораблей, как вы знаете. А я дружу с несколькими капитанами с Либерти.

Дюваль мрачно покачал головой в знак отказа.

— А что станет с Мити? В Американо плохо относятся к японцам. Ей будет там очень сложно приспособиться. А если начнется война, я не ручаюсь за ее безопасность.

— Здесь вы чувствуете себя в большей безопасности?

— Благодаря вам,— улыбнулся Дюваль.— У меня есть и друзья, и деньги. Моя семья не испытывает трудностей.

— Но долго ли это продлится? Мой друг, я бы все-таки советовал вам вернуться в Американо.

— Почему?

Чой Ки Вон понизил голос, в его словах послышалась горечь:

— Мир рушится. Хоть Пак и президент Свободной Кореи, Муцухито оказывает на него большое давление. Муцухито заключил династический брак, связывающий его кровным родством с древним корейским императором Ы. Согласно старым обычаям, его родственные притязания не могут быть отвергнуты. Более того, он собирает войска на нашей границе. С каждой неделей в открытые порты прибывает все больше и больше японских кораблей. На их бортах находятся ударные отряды, которые начнут войну, как только все будет подготовлено.

Чой Ки Вон замолчал, пытаясь сдержать свою ненависть к Ямато. Но он не мог не признать удивительной быстроты и слаженности их действий, особенно когда японские представители убедили власти Сеула отправить береговую полицию для осмотра «Кавабаты» буквально через несколько часов после обнаружения судна. Энергичными дипломатическими действиями они обеспечили возвращение корабля в Ямато, отобрав у Чой Ки Вона неожиданную находку. Но он не все им отдал.

Через полтора часа после того, как Тянь Мен схватил Дюваля, береговая полиция увидела, что кто-то машет им с капитанского мостика «Кавабаты». Трое полицейских во главе с капитаном Ымом отправились к судну на рыбацкой джонке. Чой Ки Вон хорошо знал этого человека — высокомерного и вспыльчивого. «Пусть я превращусь в деревянное весло, если мне не удастся обвести тебя вокруг пальца»,— сказал себе хитрый Чой.

До того как Мен позвал береговую полицию с капитанского мостика, Чой приказал ему незаметно сплавать

за ветхой джонкой для ловли креветок — она теперь покачивалась на волнах, привязанная к борту корабля. Ну а лодка, на которой Чой и Тянь подплыли в первый раз, была уже спрятана ими на борту. Береговая полиция подплыла через несколько минут. Чой махал руками и взволнованно кричал им из воздушного шлюза:

— Капитан Ым, капитан Ым, сюда, сюда! Слава Богам! Наконец-то вы приплыли!

— Что вы здесь делаете? — спросил Ым Чоя.

— Бездельник Тянь потерял весло, и нашу джонку отнесло течением на рифы, прямо к этому страшному кораблю. Не знаю, что бы мы делали, не окажись вас рядом.— Чой зажал рукавом нос и отвернулся.

— Почему вы зажимаете нос? — с подозрением спросил Ым.

— Невозможно терпеть эту вонь, капитан.

— Какую вонь? Что там такое? — подозрительность Ыма увеличивалась.

— Да этот корабль полон трупов. Некоторые люди еще живы, но покрыты красными язвами.

— Красными язвами?

— Да.

— А сколько таких людей, покрытых язвами?

— Человек десять-двенадцать. Не знаю точно, капитан. У них жуткий вид — в жизни не встречал ничего подобного. Капитан, помогите нам выбраться с этого гнусного корабля! Довезите нас до берега.

— Убирайся к дьяволу! — капитан отвязал пустую джонку, оттолкнул ее подальше от корабля, а сам приказал полицейским, чтобы их шлюпка возвращалась на берег.

— Но куда же вы, капитан? — тревожно закричал Чой. — На корабле опасная болезнь!

Полицейские тревожно переглянулись.

— Прошу вас, капитан Ым! — не сдавался Чой.— Не оставляйте нас, вызволите нас отсюда!

— Гребите к берегу! — повторил приказ Ым.— На корабле эпидемия чумы.

— Но капитан Ым! — бесполезная мольба гулким эхом отозвалась на пустом корабле. Чой в панике бегал по воздушному шлюзу, в душе наслаждаясь игрой и радуясь удавшемуся обману. — Оставайтесь на корабле и задрайте люки! — кричал капитан Ым с удалявшейся шлюпки.

— Мы объявляем карантин на сорок дней! Вы слышите меня?

— Сорок дней?! Но на борту нет продовольствия! Мы умрем с голода! Эти бедные люди нуждаются...

— Мы будем подвозить продовольствие.

— Но им необходим медицинский уход!

— Делайте для них все, что сможете.

— Нет! Капитан Ым! Я умоляю вас! Возвращайтесь!

Шлюпка быстро удалялась от корабля.

Под прикрытием темноты Чой и Мен вытащили спрятанную джонку Старого Тяня и доставили на берег американца вместе с его женой и грудным ребенком. Чой вспомнил жуткую картину в носовом отсеке: дюжина полуживых, истощенных от голода людей среди кучи воняющих трупов. Никто из оставшихся в живых не мог подняться, кроме Аримы, похожего на пожелтевший скелет. Он обладал стойкостью настоящего самурая, которая спасла его, в то время как другие умерли. Арима действительно выжил.

На следующий день официальные представители Ямато отважились причалить к кораблю. С большим опозданием они узнали о проделках неизвестного, помогавшего скрыться троим пассажирам, которыми бы очень заинтересовался кэмпэй. Но занятые срочным ремонтом судна и снятием его с карантина, они не стали никого разыскивать. Уже через пару недель весь корабль покрыли плексовой оболочкой и отбуксировали на орбиту, несомненно, для отправки на расследование в Киото.

— Вы думаете, корейцы будут сопротивляться, если Ямато нападет на Сеул? — спросил Дюваль, возвращая Чоя к реальности.

Чой Ки Вон задумчиво потер переносицу.

— Говорят, Муцухито назначил барона Харуми командующим армией вторжения. Если ему окажут сопротивление, отряды Ямато сомнут нашу жалкую армию за несколько дней, а затем устроят резню на Сеуле. Они потопят всю Свободную Корею в крови. Мы уже почти в их власти.

— Теперь я, кажется, понимаю...

— Я вам настоятельно советую — уезжайте отсюда, пока есть возможность.

Дюваль взглянул на своего друга. Чой Ки Вон знал, что он сбежал с креста кэмпэя. Дюваль не рассказывал Чою о своей профессии, тому было лишь известно, что Дюваль ученый, попавший в опалу на Садо.

— Вы мудрый человек, господин Чой,— с уважением проговорил Дюваль.

— Если хотите, я напишу своему сыну. Он найдет для вас место на американском корабле.

— Нет, спасибо.

— Представьте себе, что Арима выжил и рассказал о вас кэмпэю. Как только японцы завоюют Корею, вы окажетесь в смертельной опасности.

— Не беспокойтесь,— возразил Дюваль.— Я уже однажды сбежал от кэмпэя, сбегу и во второй раз. К тому же я надеюсь, что Арима умер, ничего не успев рассказать обо мне.

— Одумайтесь, прошу вас,— пытался вразумить его Чой.

— Я не хочу возвращаться в Американо.

Чой сжал ладони в мольбе:

— Умоляю вас, подумайте о жене и сыне.

В этот момент Кэнити снова заплакал, желая спуститься с подоконника. Дюваль взял его на руки и поставил на пол. «Чой действительно мудрый и предусмотрительный человек,— размышлял Дюваль, чувствуя убежденность своего друга.— Если Корею завоюет Ямато, кэмпэй сможет разыскать нас. Но пока что нет в космосе такого места, где бы мы чувствовали себя в большей безопасности, чем здесь. По крайней мере, на Сеуле мы среди друзей.

Эта жизнь напоминает мне поместье Хасэгавы. В Американо нас никто не ждет. Все старые связи потеряны — все-таки двенадцать лет отсутствия не могут пройти бесследно. А если начнется война Американо с Ямато, ни одному японцу, живущему там, не будет покоя. Тогда нам снова придется уезжать, но на этот раз уже неизвестно куда».

— И все-таки мы останемся здесь.

Чой Ки Вон вспыхнул, выйдя из терпения, что с ним случалось довольно редко.

— Поймите, что президент Пак стал просто марионеткой. Все может решиться в несколько дней. Но тогда вам уже не спастись — будет слишком поздно!

— Чой, я устал от скитаний по космосу. Мы попытаем счастья на Сеуле. К добру ли это будет или к худу, но мы останемся здесь.

— Это ваше окончательное решение?

Внизу прогромыхала телега, груженная корзинами с цыплятами, свежими овощами, потрошеной рыбой, тяжелыми кувшинами вина, бадьями с крабами и устрицами и копчеными окороками для завтрашней торговли на рынке. Дюваль вспомнил тот день, когда впервые попал в этот дом. Он умирал от голода и жажды, но знал, что пищевой шок опасен для него, словно глотание раскаленных углей. Первые дни Дюваль ограничивал себя в еде.

Он взглянул на Чой Ки Вона, и в его душе зародились сомнения. Дюваль тревожно размышлял, пытаясь распутать клубок проблем, возникших перед ним. «Конечно, Чой Ки Вон — богатый торговец. Любой другой на месте Чоя давно бы выдал нас властям. И все же он потратил немало времени и сил, чтобы помочь нам встать на ноги. Зачем он рисковал собой, когда увозил нас с «Кавабаты»? — спрашивал себя Дюваль.— Он не побоялся поссориться с властями. Как странно: все обошлось, и нас никто не преследует с тех пор. Я не понимаю, почему он так заботится о нас? Представляю, как бы реагировали братья Хавкены, если бы мы приземлились на полураз-

рушенном корабле Ямато где-нибудь на Либерти! И все же что-то заставило Чоя спасти нас. Почему он так ненавидит Ямато?»

— Почему вы так заботитесь обо мне? — прямо спросил Дюваль.

Чой Ки Вон улыбнулся и указал на американские флаги, развевающиеся на здании сеульского порта.

— Я уже говорил вам, что у меня много друзей среди американских капитанов и торговцев. Мы прошли вместе сквозь огонь и воду, это сблизило нас.

Дюваля не удовлетворил такой ответ.

— Вы рискуете жизнью, поддерживая меня. Неужели вы думаете, что я поверю, будто вас вдохновила на это дружба с американцами?

— Видите ли, для всех торговцев в мире риск — это образ жизни.

Дюваль вдруг почувствовал вину за то, что сомневался в своем друге. Он пристально посмотрел в глаза Чоя и понял, что перед ним честный человек.

— Я повторяю свой вопрос: это ваше окончательное решение?

— Я не покину Сеул по собственной воле.

Добродушное лицо Чоя помрачнело.

— Хорошо. Пойдемте в сад. Я хочу потоворить с вами наедине за домом. Если вы остаетесь на Сеуле, то должны знать правду.

Они спустились в сад, пройдя мимо зарослей тамариска и камней, по которым шныряли ночные ящерицы. Ночная прохлада уже коснулась остроконечных листьев и пурпурных цветов лилий. Когда Чой Ки Вон убедился, что они остались вдвоем и никто больше их не слышит, он рассказал Дювалю о том, что занимается не только торговлей технической аппаратурой, но и другой торговлей, не совсем обычной. Чой признался Стрейкеру, что он продает тайные сообщения, уточнив при этом, куда он их посылает.

Дюваль мгновенно протрезвел, несмотря на то что выпил за ужином много вина. Он решил полностью

положиться на своего друга и открыл ему, что он за ученый и чем занимался в поместье Хасэгавы. Чой сдержанно кивал, понимая, что ему доверяют настоящую тайну. В ответ Дюваль услышал от Чой Ки Вона рассказ о его молодости. Торговец оказался самураем. Он жил в Ямато с другой семьей четверть века назад. Но кэмпэй открыл «нечистоту» его происхождения, и Чой едва избежал смерти. Лишь теперь Дюваль понял, в чем причина жгучей ненависти Чоя к Ямато и чем занимается этот бывший самурай, живя в своем просторном доме на Сеуле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Место действия: Либерти

— Мистер Стрейкер, какой-то джентльмен хочет вас видеть.

Эллис недовольно оглянулся. Реба спокойно сидела на носу лодки, перелистывая книгу. Слуга запыхался и тяжело дышал. На его башмаки налип ил, пока он пробирался вдоль берега озера, пугая лягушек и рыбу. Это мешало рыбалке и могло испортить остаток дня.

— Мэтью, неужели вы не видите, что я ужу? — раздраженно отозвался Эллис, взяв еще одну плотву из ведра. Она была около четырех дюймов в длину. Жабры ее тревожно вздрогнули, когда он вонзил острый крючок ей в спину. Оказавшись в воде, плотва заходила кругами, пытаясь освободиться от крючка, но мешал тяжелый поплавок, который она не могла утянуть на дно. Эллис не подпускал живца близко к камышам, чтобы щука, на которую он охотился, получше различила приманку.

— Он сказал, что дело срочное, сэр.

— Черт бы тебя побрал, глупое создание. Что может быть важнее щуки в двадцать пять фунтов?

— Я не догадался спросить его об этом, сэр.

— Но, я надеюсь, ты хоть узнал его имя?

— Пытался, сэр, но он не захотел мне сказать. Однако это порядочный человек.

Эллис отвлекся от изучения камышей и с раздражением взглянул на синтетического робота.

— В таком случае скажи этому порядочному человеку, чтобы он убирался к чертовой матери из поместья.

Эллис вспомнил о неопуританах, появившихся в ближайшем городе. Они осуждали Стрейкера, который жил в Санаду с чужой женой. «Если один из них осмелится сюда прийти, чтобы...» В этот момент лодка сильно накренилась, потому что Реба отложила книгу и резко встала. Эллис уперся ногами в борта, чтобы лодка не перевернулась.

— Ты не слишком вежливо встречаешь гостей,— проговорила Реба.

— Если у него не хватает воспитанности назвать свое имя, пусть не ждет от меня вежливого обращения.

— Я бы хотела, чтобы любой посетитель нашего поместья был принят достойным образом. И, пожалуйста, не обращайся с Мэтью как с существом низшего сорта.

Эллис спокойно выслушал Ребу и признал справедливость ее упрека. «Действительно, не стоило грубить добродушному синтетику»,— подумал он. Реба сохраняла спокойствие, но в душе у нее возникло подозрение, не был ли этот незнакомец тем самым человеком, который, они оба это знали, должен явиться, чтобы помешать их спокойной совместной жизни. За те несколько лет, что они прожили вместе, Реба родила Эллису еще двух дочек — Кэт и Дэб. При этом у многих людей возникали любопытные вопросы, почему наследник «Халида» никогда не появляется в доме жены и каким образом капитан космического корабля, неожиданно поселившийся в поместье, занял его законное место.

Но Эллис не был больше капитаном. Ради семьи он отрекся от космических путешествий. За исключением деловых визитов в Линкольн и нескольких поездок в Харрисбург, он никуда не выезжал из поместья, говоря, что выполнил все обещания и реализовал все свои возможности. Небольшое уютное озеро заменяло ему космос, а двадцатипятифунтовая щука — всю пиратскую добычу. Ему казалось, что только вчера он впервые открыл ворота и вошел в сад, чтобы вернуть себе Ребу. Но с тех пор прошло уже семь лет.

Той весной после возвращения из последней экспедиции в Нейтральную Зону ему удалось через посредника перекупить Санаду и оформить имение на свое имя. Первое, что он сделал,— разрушил чайный домик в стиле Ямато, стоявший в глубине сада. Затем распорядился привезти из местной каменоломни материал и пристроил к дому два крыльца, так что в плане он стал напоминать букву «Э». Эллис не только хотел поставить собственную печать на это место, но и стереть следы прежнего владельца.

Спустя год Эллис решил возвести новый дом. Он отверг мягкие линии плексовых конструкций, чтобы они не напоминали ему космические корабли. Новый дом прочно стоял на земле Либерти — массивный каменный фундамент, толстые стены из красного дерева, крыша из хорошо обожженной глиняной черепицы. Строгие линии величественного здания выдавали неторопливость, основательность и хорошую обеспеченность нового владельца поместья Санаду. Постройка была выполнена в стиле возводившихся на века домов Древней Земли. Единственное, что он исключил,— это настоящий камин, с которым у него были связаны не очень приятные воспоминания. Предоставленный самому себе, Стрейкер занялся бизнесом, филантропией и хозяйством — вкладывал деньги в ценные бумаги, обустраивал поместье, оказывал благотворительную помощь малоимущим гражданам Либерти.

Семь лет играл он в эту игру, стараясь не вспоминать о своем космическом прошлом. Но времена менялись... Воинственный дух Ямато все чаще давал о себе знать. Завоевание Свободной Кореи не меняло давних планов Муцухито относительно Американо. Все это как будто уже не касалось Эллиса, но где-то в глубине души он сознавал, что придет день, и прошлое снова ворвется в его жизнь.

А пока что он боготворил Ребу. Все эти семь лет он не уставал восхищаться ее доброй, отзывчивой душой. Она очень хорошо уравновешивала его взрывной темпе-

рамент своей мягкостью и теплотой. Они часто ездили верхом, когда Эллису становилось тесно в ограниченном пространстве имения. Иногда она сидела с ним в лодке, наблюдая, как он подсекает и вытаскивает из воды очередную увесистую щуку, неистово сопротивляющуюся и в отчаянии бьющую хвостом по воде... И тем не менее оба понимали, хоть и не признавались друг другу, что эта идиллия не может длиться вечно.

— Погода портится,— с досадой проговорил Эллис, взглянув на склоненные под порывом ветра камыши.

— Да, кажется, скоро будет дождь,— Реба заложила страницу и закрыла книгу.

— Жаль, еще бы одну щуку подсечь...

— Ничего, в следующий раз.

— Ладно, сматываем удочки.

Над крышей дома нависла тяжелая туча, листья на осинах, росших вдоль дома, затрепетали. Эллис закрыл глаза. «Это не просто циклон межсезонья»,— с тревогой подумал он. Воздух наполнился ощущением грозы, и это воскресило в его памяти тот далекий двадцать пятый год...

За время неустойчивого мира с Ямато Американо успел укрепить оборону и экономику, наладить новые торговые связи с Германией и Объединенными Балтийскими Государствами, продавал сырье и патенты на технологии России, смело пробился на рынки Бразилии и Африки. Эллис довольно удачно вложил средства в «Корпорацию восточных земель», наладил рискованную торговлю в Индостане. Но захват императором Муцухито Свободной Кореи поставил под угрозу это предприятие. Завоевание Кореи придало Ямато достаточно сил, чтобы задушить любого, кто отважился бы противостоять империи.

Системы, расположенные вблизи границ Нейтральной Зоны, стали такими же опасными для американских кораблей, как когда-то системы двадцатого градуса для кораблей Ямато. Зона по-прежнему оставалась заповедником Ямато, его монополией. Несметные сокровища Окинавы и Садо текли непрерывным потоком в Киото,

увеличивая наступательную мощь и без того уже сильной и агрессивной империи. В Линкольне же дела обстояли не совсем благополучно. Ходили слухи о возможном государственном перевороте. Партия Президента распалась на несколько фракций, большинство из которых выступало против конфликта Американо с Ямато, не желая смотреть правде в глаза и верить в неизбежное.

Эллис неторопливо погреб к берегу, аккуратно работая веслами, чтобы не брызгать на Ребу.

— Жаль, что нужно сматываться. Сейчас самое подходящее время для рыбалки. Щука клюет к полудню.

— Не расстраивайся, Эллис,— Реба улыбнулась и посмотрела на него, как на капризного мальчика.— Никуда не уплывет от тебя твоя щука в двадцать пять фунтов.

Эллис вытащил лодку на берег и помог Ребе выбраться из нее.

— И все-таки кто это может быть? Что это за человек, не пожелавший назвать своего имени? — Эллис аккуратно сложил удочки и выплеснул воду из ведра, выпустив последнюю пленную плотвичку обратно в озеро. Она обрадовалась неожиданной свободе и тут же скрылась в камышах.

— Пойдем посмотрим,— спокойно ответила Реба.

— О'кей.

Они направились к дому. В лицо ударил порыв холодного ветра, первые капли дождя упали на пожелтевшие листья. Тяжелые техасские сапоги Эллиса, вымазанные в иле, скрипели на тропинке, увязая в песке. Розовощекий робот Мэтью плелся за ним из последних сил.

Стрейкер пришел в ярость, когда, завернув за угол, увидел бристольский самолет. Он пожалел, что в руках у него не было топора. «Я изобью Курта Райнера так, чтобы до него дошло, что ему не стоит больше сюда наведываться. Хотя... такое поведение недостойно респектабельного бизнесмена. Нет. Я окажу ему теплый прием, поговорю по душам с этим сукиным сыном, а

потом разобью ему голову пустой бутылкой. На том и порешим»,— успокоил он себя. Эллис подошел к крыльцу и увидел сквозь пелену дождя незнакомца, шагнувшего ему навстречу.

— Руки вверх, ленивый медведь!

— Джон!

— Прошу любить и жаловать. Не каждый день в твое имение наведывается сенатор Уюку!

Они пожали друг другу руки и крепко обнялись, чрезвычайно обрадовавшись встрече. Уюку широко улыбнулся, отчего глубокий шрам от кончика носа до глаза, доставшийся ему в очередной экспедиции в Зону, сильно сморщился. Шляпа Джона намокла, а в густой бороде, словно тысячи алмазов, блестели капли дождя.

— Дай-ка я получше тебя рассмотрю! — воскликнул Эллис. — Ну, парень, ты похож на дерьмового короля.

— А ты — на его министра.— Разве можно так обращаться с сенатором, Эллис?

— В моем имении можно. Но вам не откажут в гостеприимстве, господин сенатор. Какие новости, Джон?

— Подожди,— голос Уюку помрачнел.— Давай сначала хотя бы пройдем в дом.

— Да, конечно. Сигару хочешь?

— С удовольствием, а ты пока расскажи мне о своей отставке.

— О нет,— возразил Эллис.— Я не рассматриваю свою жизнь как жизнь капитана в отставке.

Они прошли бок о бок под аркой. Уюку вновь был жизнерадостным, подшучивал над уединенной жизнью Эллиса в поместье Санаду, и Эллиса это радовало. Их последняя встреча была мрачной и угнетающей, зато предпоследняя прошла великолепно — тогда Уюку с триумфом возвратился в Харрисбург из трехлетней экспедиции, груженный тридцатью тоннами японского золота. Ему был оказан неслыханный прием. Сама Президент подошла к грузовому отсеку его корабля «Аризона». Она отбросила все возражения и открыто продемонстрировала свой точеный профиль перед телекамерами на фоне

пиратского корабля, выказывая этим откровенное пренебрежение Ямато.

Выпивая после этого вместе с Эллисом, Уюку восхищенно говорил, что телепередача дойдет до экрана Муцухито и заставит сукина сына плеваться желчью. В тот вечер друзья поклялись возобновить экспедиции, как только у сектора возникнет необходимость. Это были поистине легендарные дни. Уюку проложил себе путь по недавно налаженным нексус-связям к сверхгигантам созвездий Голубого Маяка, Жертвенника и Скорпиона. Он бросил вызов Ямато и вдохновил Американо своими усилиями.

Последняя их встреча носила трагический оттенок. Год назад умерла Мари, жена Уюку. Он страшно горевал, а Эллис утешал своего друга, как тот когда-то утешал его. В тот раз они ни словом не обмолвились о возобновлении полетов в Нейтральную Зону. Но счастливое пси вновь вернулось к Джону. В результате нескольких обращений ему предоставили работу в Комиссии флота. Он поднялся от губернатора до сенатора. Кроме того, у него начался роман с наследницей Джорджа Паркера, секретаря юстиции, что не могло не сказаться на душевном состоянии новоиспеченного сенатора.

Эллис и Джон сидели в глубоких мягких креслах, окруженные моделями космических кораблей, среди которых были «Конституция» и «Лексингтон». Эллис рассказал о недавнем вложении своего капитала в международные торговые фирмы, а Уюку о новостях Комиссии флота. Они потягивали ароматные сигары, наполняя комнату густыми клубами дыма.

— Стало быть, ты проводишь все время в имении?

— Почти. А как твои дела в Комиссии флота?

Уюку с одобрением взглянул на стены из красного дерева.

— Так себе. С тех пор как Хавкена назначили там главным казначеем, мне стало не очень уютно. Ты же знаешь, какие у нас с ним всегда были отношения.

— Понятно.

— Я много думаю о той сверхновой звезде, Эллис.

— И что же ты о ней думаешь?

— Не столько о ней, сколько о тех людях, что ее видели. Их было девять человек. Двое благополучно умерли своей смертью, и царствие им небесное. Видишь ли, у меня оказались не очень хорошие транквилизаторы. На двоих они подействовали недостаточно, хотя многое стерли в памяти остальных.

— Кто эти двое?

— Корт и Кивер — оба на пенсии. С Кортом все в порядке, а вот Кивер пьет, как свинья, неделями не просыхает. Мне кажется, этот сукин сын хочет расколоться.

— Ну и что дальше?

— Не знаю, Эллис. Я думаю, мы первыми должны открыть тайну.

Уюку произнес последние слова столь беспечным тоном, что это сразу насторожило Эллиса. «Да, что-то здесь не так. Видно, дело не в сверхновой звезде»,— подумал он, но не стал высказывать вслух свои мысли.

— Нужно все очень хорошо обдумать, Джон,— спокойно проговорил Стрейкер.

— О'кей. Но скажу тебе больше... Я чувствую, что над Американо сгустились тучи.

— Иными словами, тебе кажется, что в Ямато изобрели какое-то дьявольское сверхновое оружие?

— Да, Эллис.

Их взгляды встретились. Наступила угнетающая тишина.

— Ты думаешь, они придумали способ, как дестабилизировать межзвездное пространство, и замахнулись на всю систему? — Стрейкер прервал наконец затянувшуюся паузу.

— А что, если это в самом деле так, Эллис?

— Действительно, это была не просто сверхновая звезда, ведь она зажглась в незаселенной системе. Эксперимент не удался? Вполне возможно. Но ужас и паника при известии о таком эксперименте могут достичь Американо. Я не представляю себе, что произойдет, если ста-

нет известно, что Ямато обладает оружием, способным разрушить всю систему одним ударом.

— Последствия будут непредсказуемыми,— мрачно согласился Уюку.

— Я вижу два варианта. Во-первых, мы можем тихо сидеть и помалкивать об этом. Мне думается, вряд ли кому-нибудь еще удалось приблизиться к границе нулевого градуса. Кроме того, Ямато наглухо закрыло Зону в последнее время. Теперь прикинь: какое расстояние преодолевает световой луч за год?

— Но прошло уже более десяти лет.

— Не уже, а всего лишь около десяти лет. У нас в запасе еще лет сорок. Лучи этого таинственного объекта будут видны в нашей системе не раньше этого срока. Во-вторых, то, о чем мы говорим, можно преподнести как природное явление.

— Но мы не можем доказать, что это природное явление, а не дело рук человека, направленное на уничтожение всей системы! — возбужденно возразил Уюку.

— Вот именно. Стоит только намекнуть на это, и вспыхнет такая паника, что ее не затушит и сотня пожарных команд. Итак, перед нами два варианта: либо эта штука — оружие, либо — нет. Но мы должны сохранить тайну в любом случае.

— Но если эта штука все-таки оружие? Что тогда?

— Тогда мы, как и весь Освоенный Космос, окажемся по уши в дерьме.

— Но сейчас еще не поздно создать подобное оружие. Мы дадим им отпор, если они начнут запугивать нас.

— Но пока что нам не угрожают никаким сверхновым оружием. Самое главное сейчас для Американо — это сильный флот. До тех пор, пока он у нас есть, мы в безопасности.

— Меня это тоже очень тревожит, Эллис. Флот...

— О, предоставим дела флота астронавтам,— отрезал Стрейкер.

Он почувствовал, что Уюку хочет втянуть его в какую-то новую авантюру, и попытался избежать этого,

потому что дал слово Ребе не принимать участие ни в чем подобном. Джон понял это и резко сменил тему разговора.

— Знаешь, когда президент Свободной Кореи Пак прибыл за помощью в Американо, я успел переговорить с ним.

— В самом деле? — поднял голову Эллис.

— Это произошло на обеде в Белом доме. Все вырядились, как черти, хотя больше походили на попугаев. Лаббэк взял какой-то овощ и сказал, что он напоминает ему мячик для пинг-понга. А Алиса говорит с другого конца стола: «Пинг-понг? Это не тот ли китайский принц, за которого Фарис хотел выдать меня замуж?» Представляешь себе?

— Забавно,— улыбнулся Эллис.

— Китайский посол сидел совсем рядом и не знал, куда деться. Позже Белков, у которого теперь денег куры не клюют, подходит к Ле Грану и говорит, что хочет назвать недавно открытый астероид Девой в честь Алисы. А Отис уже изрядно выпил и развязал язык: «Дева? Вы ошибаетесь. Мне об этом доподлинно известно».

— Ле Гран и Белков сами не свои, когда выпьют,— засмеялся Эллис.

— Они далеко пойдут.

— Главное, чтобы не очень далеко.

— Ты прав. Хотя временами Американо нуждается в отважных людях. Сейчас, например.

Они многозначительно помолчали.

— Стало быть, ты, Джон, живешь в столице? Я смотрю, ты приобрел вкус к сплетням, раньше в тебе этого не было.

— Нет, Эллис. Просто мой обычный способ играть в открытую не пригоден для Линкольна.

— Да. Сенатор, а особенно честолюбивый сенатор, всегда должен быть немного интриганом. Ну, а теперь я бы хотел услышать, что на самом деле заставило тебя бросить все дела и прилететь ко мне.

Улыбка слетела с лица Уюку, оно стало серьезным и напряженным.

— Я прилетел не просто так.

— Да? Но зачем тебе понадобился такой ленивый человек, как я, да еще и «в отставке»?

— Мне нужна твоя помощь, Эллис.

Кольца дыма неторопливо отрывались от кончика сигары Уюку. Он устремил напряженный взгляд на Эллиса.

— Что, прямо сейчас? — спросил Стрейкер.

— Да. Называй это честолюбием или интриганством, как хочешь. Но помнишь, как в тридцать четвертом году я планировал поднять флот и направить его в Корею? Президент тогда согласилась со мной, но потом изменила свое решение.

— Да, я помню это.

— Я хотел бы ей снова это предложить, если ты меня поддержишь.

— О, мои странствия закончились, Джон. Пока царит мир, в таких, как я, нет необходимости.

— Ты не прав! — Уюку наклонился вперед, глаза его вспыхнули с прежней страстью. Теперь он мало напоминал солидного сенатора.— С тех пор, как Ямато захватил Свободную Корею, все пришло в движение. Американо необходимо готовиться к войне, пока еще не поздно.

В этот момент в дверях появилась Реба с букетом цветов в руках. Лицо ее выражало озабоченность.

— Целью политики Ямато всегда было расширение границ,— проговорил Уюку.

— Но теперь Муцухито захватил Корею при помощи брака, а не в военном сражении,— включилась в разговор Реба.— Когда армии Ямато достигли Свободной Кореи, правительство на Сеуле признало Муцухито императором по линии рода его жены.

— Это правда, Реба. Но они изгнали президента Пака, провозгласившего демократические свободы и избранного корейским народом,— возразил Уюку.

— Мы должны благодарить судьбу, что он не нашел у нас поддержки. Вспомните, какое сокрушительное поражение потерпел он вместе с китайским флотом от барона Харуми под Чеджудо. Если бы в последний мо-

мент Алиса Кэн не изменила свое решение и наши корабли отправились вместе с ним, их постигла бы та же участь. Подумайте об этом, господин сенатор,— холодно проговорила Реба.

— Прошу прощения, Реба, но победа барона Харуми стала возможной благодаря искусному использованию лазерного оружия, а японцам здесь нет равных. Но неужели вы думаете, что такие капитаны, как Эллис и я, позволили бы барону разбить наш флот?

Эллис напряженно слушал Уюку. Слова Джона оказывали притягательное воздействие на Стрейкера и ранили Ребу.

— Давайте не будем говорить о политике,— попытался успокоить своего гостя Эллис.

— Нет, почему же? Пусть сенатор Уюку выскажется,— настояла Реба.

Уюку сжал кулаки.

— Мы должны бороться. Я знаю, о чем говорю, потому что видел своими глазами: пространство за границей Калифорнии — это заповедник Ямато. К своим владениям японцы присоединили тысячу систем с небольшим населением. Все остальное — гигантский концерн по добыче золота на Окинаве и на Садо. Теперь прибавилась еще и Корея с отличными нексус-базами. Но самая главная добыча — это Сеул. Ты слеп, если не веришь, что они готовятся захватить наш сектор, точнее, уничтожить одним массированным ударом. Не лги себе, что мы боремся за мир. Мир — это всего лишь короткая передышка перед войной!

Реба положила цветы на стол и вышла из комнаты. Эллис с трудом сдержал себя, чтобы не броситься за ней. Он даже не окликнул ее. Конечно, она думала о семье и детях, но Уюку был прав. После сражения в Хайнани Ямато уничтожил китайского соперника и обезопасил для себя границу тридцать третьего градуса. Завоевание Свободной Кореи явилось решающим шагом, определило всю дальнейшую политику,— колоссальное космическое пространство оказалось во власти Муцухито.

Когда японские корабли приземлились на Сеуле, Ямато завладел величайшей точкой нексус-связи в Освоенном Космосе — базой Йот-7-7-Сеул, что позволило ему осуществлять прямые перелеты на расстояние до двухсот световых лет. Незадолго до этого японские корабли разгромили корейский нексус-флот — дюжину крупных кораблей вместе с вооружением, включая доки, арсеналы и склады. Кроме того, Ямато обладал обширным торговым флотом, бороздившим просторы двадцатого градуса, Муцухито распоряжался им как ему заблагорассудится. Подчинив себе громадную территорию, император сосредоточил теперь все свои помыслы на Американо.

Голос Уюку, словно из-под земли, с трудом доходил до сознания Эллиса.

— Нужно срочно переговорить с Кассабианом. Эллис, ты поддержишь меня?

Стрейкер отвернулся и ничего не ответил.

— И даже не выслушаешь мой доклад о преступлениях Хавкена?

Эллис наблюдал в окно, как сильный дождь заливает лужайку. Тучи выплывали из-за леса и, цепляясь за острые гребни холмов, надвигались на его поместье. Это был его мир, его дом, его небеса. Двое его детей занимались с учителем в соседней комнате, приспособленной под библиотеку, третий спал наверху. В одной из комнат задней части дома Реба в волнении расхаживала из угла в угол, отлично понимая, что здесь происходит. Должен ли он пойти успокоить ее и приказать Мэтью приготовить аэромобиль?

Эллис тяжело склонил голову, запустив пальцы в шевелюру. Уюку, его лучший друг, доставил больше беспокойства, чем какое-нибудь хнычущее создание, посланное Куртом Райнером. В воздухе ощущалась перемена, и Эллис знал: то, что говорил ему Джон, было правдой. «Черт побери,— размышлял Эллис,— этот человек заполнил в моем сердце пустоту, которая появилась после потери Дюваля. Должен ли я бросить все ради него и следовать за ним? Нас связывает пролитая кровь, а кровь — не вода. Я должен дать ему один единственный ответ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ашрам Рамакришны, расположенный на берегу реки, давно уже пустовал и был опечатан по личному приказу Президента. Окружавший ашрам Сад Созерцания пришел в запустение и ломился от ненужных, отживших свой век вещей. Ниши для медитации были завалены мусором, трава сожжена. Возле высокой стены, украшенной многоцветными граффити, выросли дикая ежевика и малина. В центре возвышалось могучее ветвистое дерево с заплесневелым стволом. Злой осенний дождь хлестал по изувеченным статуям, смотрящимся в бассейн с зеленоватой водой. Когда-то в нем плавали карпы, а посвященные из школы астронавтов учились концентрировать внимание и развивать свои пси-таланты под руководством странного и угрюмого Учителя. Теперь это было самое подходящее место для разговора о государственной измене.

Кассабиан сдернул цепочку и толкнул дверь на скрипучих петлях. Выйдя из аэромобиля, Эллис натянул капюшон, укрываясь от ливня. Он направился вслед за Кассабианом и Уюку. Сопровождающие государственного секретаря остались у аэромобилей, переглядываясь с суеверным страхом — заброшенный ашрам, несомненно, произвел на них гнетущее впечатление. Эллис заметил это и обрадовался: из соображений секретности ему не нужны были лишние свидетели.

Стрейкер украдкой разглядывал Кассабиана. «Оцени его свежим взглядом, ведь мы долго не виделись,— сказал он себе.— Остроумный? Да. Амбициозный политикан? Опять да. Закулисный делец? И этого нельзя отри-

цать. О, это менее праведный человек, чем я когда-то думал. И не друг, потому что я знаю: он поддерживает меня только как союзника. Да, Фарис, тебе нельзя доверять до конца, потому что один раз ты уже подставил меня Конрою Лаббэку. И ты жесток — твой бизнес заключается в добыче секретной информации. Ты выискиваешь людские слабости, подкупаешь, играешь на чужих амбициях и жадности. За все это, господин секретарь, предать бы тебя вечной анафеме. Но ты обладаешь одним качеством, которое все окупает: ты не предатель, и поэтому тебе можно доверять».

— Скажите, Эллис, что вы надеетесь здесь найти?

— Всему свое время, господин секретарь.

Эллис уныло оглядел царившее запустение.

— Ашрам умер, когда Рамакришна отправился странствовать по Европе? — спросил он Кассабиана.

— Нет, раньше. Это место было разрушено пси-экспериментами. Дыхание земли прекратилось, и сад начал увядать, а за ним — и весь ашрам.

— Понимаю теперь, почему в большинстве адвентистских церквей Рамакришну провозгласили сатаной и черным магом и почему он все-таки уехал.

— Невозможно удержать такого человека,— проговорил Уюку.— Господин секретарь, а куда он направился?

— Рамакришна достаточно умный человек, чтобы предвидеть появление врагов. Я знаю, что в Праге три недели назад он сбежал от полиции, которая выдворила бы его за пределы Славии. Теперь он отправился в Париж, в школу Розенберга. Но это просчет.

— Просчет? — переспросил Эллис.

Кассабиан вытащил ионовые ключи.

— Да. Рамакришна убедил французов в своем величии. Их гостеприимство безгранично. Он собирается оставаться в Париже, пока не превратит всех пси-талантов Розенберга в астронавтов.

Уюку заворчал и взял ионовый ключ у Кассабиана.

— Но они не договорятся с Розенбергом, потому что тот — отъявленный материалист,— заметил Джон.

— Да, довольно сомнительная перспектива,— сухо проговорил Кассабиан.

Уюку отпер дверь. Войдя за ним, Эллис включил фонарь, и луч света скользнул по стенам. Все выглядело заплесневелым и сырым: дождь просочился сквозь щели в крыше. Птицы давно облюбовали это место — они загадили мебель и даже свили гнездо на камнях Будды. Увидев такое запустение, Эллис понял, насколько маловероятно найти здесь второй камень Рамакришны.

— Как здесь гнусно, словно в кроличьей норе,— с отвращением проговорил Уюку, глядя на Кассабиана.

— Напрасно вы позволили Рамакришне покинуть Американо, господин Кассабиан,— с сожалением сказал Эллис.— Зачем вы это сделали?

Кассабиан спокойно принял обвинение.

— Он все больше и больше вмешивался в политику и стал слишком близок к Президенту. Я был счастлив отправить его подальше, в путешествие по Европе.

— Это ошибка. Вряд ли найдется человек, подобный Рамакришне. Он мог оказать неоценимую услугу Американо. Я думал, что вы лучше, чем кто-либо другой это понимаете.— Эллис выдвинул из стола ящик, полный каких-то прогнивших бумаг, и начал в них копаться.

— Что вы ищете, Эллис? — с удивлением спросил Кассабиан.

Стрейкер вытряхнул содержимое ящика и задвинул его обратно в стол.

— Я ищу копию или схему.

— Чего?

— Волшебного камня. Это фантастическое устройство, которое могло бы избавить наших астронавтов от многих бед. Если бы мы сумели открыть секрет его изготовления...

— Вы привели меня сюда только за этим? — взорвался от нетерпения Кассабиан. Голос его стал жестким.— Мои люди все здесь очень внимательно осмотрели. Не тратьте время впустую, Эллис.

Стрейкер прекратил поиски и уставился на Кассабиана.

— Я привел вас сюда, чтобы поговорить. Нет места лучше для такого разговора. Нам здесь никто не помешает. Кроме того, вы можете быть уверены, что разговор не прослушивается.

Кассабиан успокоился. Уюку приставил к столу три стула, и они уселись, скрытые полумраком.

— Господин секретарь,— начал Эллис,— Американо неумолимо движется к войне, и, когда война действительно разразится, мы должны быть готовы к ней. Наш флот надежно стоит на страже рубежей, но в нем есть предатель. Вот этот предатель! — Эллис положил на стол несколько документов.

Кассабиан стал их перелистывать, одновременно слушая пояснения Уюку. Тот рассказал о том, что Хавкен получил баснословные прибыли от дел, которые вел с Окубо. Именно эти средства позволили ему достичь значительного положения и власти. Теперь он стал казначеем флота, унаследовав это место от своего тестя Бена де Зариона. Этот пост дал ему неограниченный контроль над строительством кораблей. Однако жадность Хавкена была беспредельна. Эллис захлебнулся от возмущения, когда услышал, какая коррупция поразила флот. Оказалось, что Хавкен наладил партнерские связи с корпорациями, производящими плекс и другие необходимые материалы. Они принадлежали его друзьям. Он подобрал инженеров-конструкторов, а теперь уже и изготовителей. Все это было направлено на то, чтобы строить собственные корабли в частных ангарах и заключать доходные контракты.

— В результате, начнись война, и наши корабли не смогут оказать достойного сопротивления японским, потому что окажутся слабее их. Оснащение тоже оставляет желать лучшего благодаря жадности Хавкена, который пользуется бесконтрольностью в ситуации кризиса. Необходимо срочно вмешаться и предотвратить катастрофу! — воскликнул Уюку.

Кассабиан внимательно взглянул на Джона. Они совершенно не походили друг на друга и никогда не пита-

ли взаимной симпатии. Именно поэтому Джон попросил Эллиса стать посредником в этом щекотливом деле.

— Предоставьте все это мне,— неторопливо проговорил Кассабиан.

— Необходимо действовать! — Уюку громыхнул кулаком по столу с такой силой, что стоящая на столе лампа погасла.— Обнародовать предательство! Завтра же! Сместить Хавкена! Убрать Конроя Лаббэка!

В наступившей тишине было слышно, как дождь барабанит по крыше. Кассабиан первый раз за их встречу улыбнулся:

— Не стоит. Существует другой способ. На нексустрассах ваш метод действия незаменим — там приходится отвечать огнем на огонь. Но на земле пожар легче потушить, плеснув воды из ведра.

Гнев Уюку остыл. Джон наморщил лоб и улыбнулся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вскоре они встретились вновь, но на этот раз в особняке у Кассабиана. Государственный секретарь озабоченно расхаживал по гостиной, не видя никакого выхода из создавшейся ситуации. Американо грозила гораздо большая опасность, чем могли предположить Уюку и Эллис.

Тайные ниндзя наводнили уже весь сектор. Они проникали в него под разными предлогами, но чаще всего под видом беженцев, к которым мягко относились власти, согласно американским либеральным законам. Но среди беженцев попадалось слишком много людей, которые состояли на службе разведки Ямато и прокладывали путь для массированного вторжения. Для нейтрализации этих людей требовалось много времени и денег.

Кассабиан усиленно размышлял в поисках решения. Допустим, он мог бы достичь здесь успеха. Разве не удалось ему проникнуть в гнездо предателей в Филадельфии? Разве не раскрыл он сеть агентов Ямато при помощи Дзиро Ито? Разве не арестовал он радикального лидера Али Акбара и не избавился от него? После применения зонда, когда кровь потекла из ушей Акбара, он рассказал о Монастыре Черной Орхидеи. Даже теперь этот монастырь посредничал между Киото и Сеулом, Гуамом и мирами десятого градуса. Именно в Черной Орхидее вынашивались планы убийства президента. Более того, Кассабиану стало известно о тесных связях монастыря с кэмпэем. Все это наводило на самые серьезные размышления.

События развивались стремительно. Совсем недавно власти Центральной Земли приняли депутацию мятеж-

ных американцев, пытаясь накануне вторжения сплотить всех колеблющихся, трусов, перебежчиков, предателей разных мастей и поборников «мирного урегулирования». Между тем после убийства Куна и завоевания Свободной Кореи шпионы Кассабиана сообщили ему, что барон Харуми, главный полководец Ямато, хочет собрать войско на Вонсане и Гуаме, а затем переправить его на двухстах кораблях в Калифорнию. Американский флот, конечно, не позволил бы ему это осуществить, но возвратившийся с победой из сражения с китайцами Харуми пылал уверенностью в своих силах.

Между тем Муцухито собирался начать массированное вторжение. Японский флот должен был вылететь с Сеула. Кассабиан содрогнулся, представив себе пятьсот кораблей. Сто пятьдесят из них — гигантские супертяжелые военные корабли, построенные специально с этой целью, вмещающие на свои борта до тридцати тысяч человек. Вся армия насчитывала три миллиона. Несомненно, если такая армада двинется на Американо — никакая защита не поможет. Величайшая сила из всех, когда-либо собранных под одни знамена, сокрушит все на своем пути!

На этот раз не будет дорогих, но обособленных восстаний вроде мятежа на Дакоте, который был подавлен, не успев начаться. Нет, теперь вся мощь обрушится на Американо сразу. Японцы сфокусируют свои силы, словно увеличительным стеклом, и направят его лучи на сухую американскую солому. А Конрой Лаббэк с его фантастическим упрямством до сих пор воображает, что войны можно избежать!

Колоссальный груз ответственности давил на Кассабиана, когда он думал об ужасающих новостях, полученных им недавно. На допросе после применения зонда двуличный Мильтон Клинкер признался в своем соучастии в заговоре посла Ямато в Американо Камакуры и находящейся в ссылке Люсии Хенри. Кассабиану удалось направить Камакуру тем же путем, по которому прошел когда-то Окубо. Но что было теперь делать с архизаговорщицей, с Люсией Хенри?

Необходимо заставить Президента подписать смертный приговор — тогда, возможно, гроза минует. Кассабиан закрыл глаза, чувствуя на себе нетерпеливые взгляды Уюку и Эллиса. Капельки пота заблестели у него на лбу, он вытер его накрахмаленным платком. Шпионы Кассабиана собрали тысячи доказательств того, что самые мрачные дни двадцать четвертого года были лишь бледной тенью угрозы, нависшей сейчас над Американо.

Страну осаждали со всех сторон. Ямато стал втрое богаче прежнего, его флот значительно увеличил свою мощь. Нейтральная Зона и Корейский сектор находились под властью Муцухито. Недавно император собрал в Киото всех своих даймё. Они маршировали под грохот военных барабанов, несли знамена и древнее оружие. Это действо пронизывал дух завоевания всего Освоенного Космоса. Империя собирала силы для решающего удара.

Теперь же сообщения Уюку и Эллиса сотрясали основание того единственного столпа, на котором покоилась безопасность Американо. Хавкен оказался человеком Конроя Лаббэка. Кассабиан подумал о том, что Стрейкер был, несомненно, прав. Сейчас как никогда Американо нуждался в способных и смелых защитниках. Пограничные системы, расположенные близко к Зоне, укрепляли свою оборону, но это проводилось с болезненной медлительностью. Созданная недавно под руководством скупого Конроя Лаббэка и его заместителей планетарная защита при более детальном рассмотрении оказывалась уязвимой для мощных кораблей Харуми. Единственной надеждой Американо на спасение был флот.

Кассабиан заговорил с посетителями, и Эллис тут же начал излагать ему свои планы.

— Нам нужны новые корабли для охраны границы — скоростные корабли, превосходящие в маневренности японские тяжеловесы и предназначенные не только для обороны. Они должны быть сконструированы по типу «Айовы» и иметь на борту сверхоружие, которое поражало бы японцев на близком расстоянии. Вот в чем зак-

лючается наша стратегия. В противном случае нам не избежать полного разгрома.

Уюку согласно кивал головой.

— Но для этого мы должны уничтожить паразитов на флоте, которые высасывают из нас последние жизненные соки,— гневно проговорил Джон.

— Но размер нашего флота...— попытался успокоить своих собеседников Кассабиан.

— Если бы основная проблема заключалась в количестве,— тяжело вздохнул Эллис.— Качество — вот ключ к успеху! Две дюжины кораблей — все, что я у вас прошу, но я имею в виду новые корабли класса «Айова».

Эллис выложил на стол перед государственным секретарем свои чертежи новых кораблей. Он замыслил их еще в Лагере Расплаты под влиянием идей Рамакришны и математических выкладок Тимо Фаррена. За годы тщательной проработки своих схем он многое усовершенствовал, прислушиваясь к советам опытного Уюку и других астронавтов. Именно эти корабли должны были стать ядром американского флота.

— Пока Конрой держит Хавкена главным казначеем флота, мне не добиться того, чтобы эти проекты утвердили как основные. Несмотря на то, что от этого зависит судьба нашего сектора.

Кассабиан стал объяснять, что он хотел бы представить чертежи новых кораблей в Совет, но никогда не осмелится доложить Президенту о таких колоссальных расходах. Государственный секретарь сетовал на то, что Американо находится в очень тяжелом финансовом положении. Он вспомнил, как в день смерти Куна Президент сказала ему, что и в войне, и в мире успех политики зависит только от трех вещей: кредиты, кредиты и еще раз кредиты. Он, запинаясь, объяснял Стрейкеру и Уюку все это, обдумывая выход из создавшейся ситуации. Но когда он исчерпал все свои доводы, то с удивлением обнаружил, что ни Эллис, ни Джон не выглядят удрученными.

— То, что я предлагаю вам, господин секретарь,— неторопливо произнес Эллис,— это не затраты, а экономия.

— Экономия? — недоверчиво переспросил Кассабиан. Он знал, что сокращение затрат всегда было главным аргументом для Алисы Кэн.

— Что вы имеете в виду?

Эллис тяжело оперся локтями о стол.

— Осуществление этого плана сократит расходы флота не меньше чем вдвое.

— Каким же образом?

— Вместо пяти дорогих кораблей я предлагаю строить один очень дорогой. В конечном итоге это дешевле.

Кассабиан с интересом взглянул на Эллиса.

— Есть еще один довод,— поддержал его Уюку.— Новые корабли позволяют сократить численность экипажа.

— На сколько? — спросил Кассабиан.

— С трехсот двадцати человек до двухсот сорока — ровно на двадцать пять процентов!

— Да, это весьма ощутимая экономия,— согласился Кассабиан.

— Но при этом не стоит сокращать жалованье членам экипажа,— уточнил Эллис.

— И даже наоборот! — воскликнул Уюку.— Заплатите людям побольше — и они лучше начнут понимать, за что сражаются и терпят лишения.

— Повторяю, что все это даст значительную экономию и увеличит наши шансы избежать разгрома,— наседал Эллис.

Кассабиан опять вытер пот со лба и в изнеможении откинулся в глубоком кресле. Он почувствовал удивительную способность этих двух людей убеждать кого угодно.

— Хорошо,— проговорил Кассабиан.— Мы пойдем к Конрою Лаббэку. Если нам не удастся уговорить его, я отправлюсь к самому Президенту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Конрой Лаббэк принял их в своем офисе, расположенном на Пенсильвания-авеню. Он был вежлив и задумчив. Конрой выслушал Кассабиана, не произнеся ни слова, затем поднял голову и снял очки.

— Позвольте мне оставить эти материалы у себя. Обещаю вам, что обязательно займусь этой проблемой. И благодарю вас за беспокойство, джентльмены.

— Я бы хотел, чтобы вы выдали ордер на арест Джоса Хавкена,— резко проговорил Кассабиан.

Лаббэк пристально взглянул на него.

— Я должен все как следует обдумать.

— Если вы не решитесь к завтрашнему полудню, мы вынуждены будем обратиться прямо к Президенту.

— Президент сейчас очень занята, она просила ее не беспокоить.

— Я бы хотел встретиться с ней. Это мое право.

— Никто его не оспаривает.

— Когда я это сделаю, Джос Хавкен ответит за все, что он натворил.

Лаббэк вздохнул и подумал о значительной экономии — результате его кропотливой работы. Все эти годы расходы неизменно сокращались, несмотря на те займы, которые давали Корее. Хотя мятежники проглатывали огромные суммы, все внешние долги, и даже оставшиеся от Люсии Хенри, были уплачены. Последние двадцать пять лет Американо процветал. За четверть века его осторожного и дальновидного руководства был накоплен значительный капитал, который эти импульсивные люди могли моментально растратить в ненужной войне. Лаб-

бэк подсчитал, что за эти годы богатство Американо утроилось, но только благодаря его усердному, самозабвенному труду. Золото, которое Эллис, Уюку и другие капитаны добывали в Нейтральной Зоне, составляло ничтожную долю в американском бюджете.

Он улыбнулся. Да, он проводил очень мудрую политику. У него хватило стойкости, чтобы удерживать высокие налоги, которые, несмотря на инфляцию, позволяли неторопливо латать старые прорехи. Его политика приносила значительные дивиденды и в других областях.

Низкие процентные ставки и пошлины стимулировали промышленность и коммерцию, а это был ключ к успеху. Впервые за всю историю сектора все необходимое для нормальной жизни производилось руками американцев на американских заводах и хранилось на американских складах. Сектор больше не зависел от дорогого импорта. Американо больше не нужен Сеул!

Основной поток экспорта идет через Европу. Процветает торговля с Россией и Славией. Недавно к ним присоединилась и Бразилия. Даже далекий Ислам попал в число новых покупателей американских товаров. «О Фарис,— размышлял Лаббэк.— Кажется, ты не понимаешь главных стратегических тонкостей. В военном искусстве половина успеха заключается в том, чтобы скрыть свои слабости от врага, а вторая половина — чтобы скрыть свою силу».

— Хавкен должен ответить за свои преступления. Обещайте, что это произойдет, Конрой,— нетерпеливо потребовал Кассабиан.

Лаббэк обвел всех предостерегающим взглядом.

— Я предупреждаю вас: будет лучше, если вы предоставите это дело мне.

— Я сомневаюсь, что так будет лучше, Конрой. Наш сектор затягивают в войну, а вы закрываете на это глаза,— настаивал Кассабиан.

— Мне кажется, что некоторые люди подталкивают Американо к войне,— спокойно ответил Лаббэк.

— Хавкен — предатель! — взорвался Уюку.— А вы, Лаббэк, его защищаете!

— Вы, вероятно, сильно взволнованы, сенатор,— мягко сказал ему Лаббэк.— Это дело требует значительной выдержки, эмоции здесь — не самый лучший помощник.

«Воинственное настроение Кассабиана очень опасно,— размышлял вице-президент.— Фарису всегда недоставало гибкости. Как я оказался прав, когда подрезал ему крылья в тридцать первом году. Сколь мудрый ход я совершил, отправив его с дипломатической миссией на Пекин. Эта задача противоречила всей его натуре — он не миротворец. К тому же она заранее была обречена на неудачу. Я отправил его не на Пекин, а в политическую пустыню. Мне пришлось потратить на это целых три месяца, но я изолировал его от управления сектором в то очень неспокойное время. Этот выскочка мог наломать тогда дров. Именно поэтому я позволил ему тратить энергию на устройство китайского брака — я просто запутал его в дьявольском беспорядке. А после этого он очутился в тихой заводи, где и пребывает до сих пор.

Он отлично осознает свое положение, отчего у него портится характер. Убежден, что Кассабиан собирается повлиять на Алису Кэн и заставить ее изменить политику. В отчаянии он вмешивается в те дела, которые больше подходят для меня. Если бы не растущая угроза на границе и его источники информации, я просто отправил бы его к черту. Но у меня существуют свои собственные источники, о которых он ничего не знает. И я не настолько плохо информирован, как он думает».

Лаббэк приблизился к Эллису, который почти не принимал участия в разговоре. «Этот выдающийся человек доставляет мне множество хлопот — он мне как заноза в боку. Почему я терплю его? Потому что Реба его любит? Потому что пока он с ней, Райнер не посмеет к ней приблизиться? Потому что, сидя в Санаду, он не летает в Нейтральную Зону? Пожалуй, да. Но он может стать

орудием дьявола. Еще не пришло время по-настоящему использовать его, но настал момент сделать его управляемым. Стрейкер немного поторопился — он появился в Линкольне раньше, чем я ожидал, но это не имеет никакого значения. Эллис нанесет удар, который разрушит флот Муцухито...»

Лаббэк, улыбаясь, подошел к Стрейкеру.

— Капитан, верите ли вы в то, что я предатель?

Эллис напрягся.

— Сэр, я полагаю, вы заблуждаетесь, думая, что Ямато не собирается на нас нападать. К сожалению, война неизбежна, и доказательств этому более чем достаточно.

— Вы удивляете меня, капитан. Неужели вы допускаете, что вам известно о намерениях Муцухито больше, чем мне?

— Нет, конечно. Но Фарис Кассабиан осведомлен в этом вопросе лучше всех. Я убежден, что вас просто обманули.

— Кто?

— Джос Хавкен и все остальные.

— Стало быть, вы полагаете, что Джос Хавкен — предатель?

— А как еще можно назвать его действия? Есть неоспоримые свидетельства того, что он вел дела с агентами Ямато. Это больше чем глупость, больше чем жадность — это угроза безопасности Американо!

Конрой Лаббэк тяжело вздохнул, подошел к столу и вытащил из ящика запечатанный конверт.

— Это сообщение я получил совсем недавно. Вам будет интересно с ним ознакомиться, капитан. Оно продиктовано кадетом Филлипсом, который знал вашего брата на Садо. Кадет впоследствии вернулся в Американо.

Это известие сшеломило Эллиса. Он взял бумагу дрогнувшими руками и стал читать. Глаза его затуманились, выражение лица выдавало тревогу. В сообщении говорилось о том, как Дюваль находился в заключении, как кэмпэй вынес ему смертный приговор, а затем распял.

— Он изготовлял сверхоружие по личной просьбе даймё Садо. Единственная цель этого заказа — уничтожить американские корабли. Ваш брат делал пушки, которые могли поразить и «Конституцию»! Вы понимаете, что ваш брат — предатель? Он предал и вас и Американо!

Эллис до боли сжал зубы. Кровь отлила от его лица.

— Да,— с трудом выговорил он.

— И после этого вы еще обвиняете меня в укрывательстве предателя? Вы обвиняете меня в том, что я защищаю его и использую в своих интересах?

В наступившей тишине стали слышны отдаленные звуки живущего своей бурной жизнью столичного города — гудки, рокот моторов, голоса. Эллису показалось, что этот шум оглушил его.

— Я давно лишился своего брата, Конрой. Теперь я испытал некоторое облегчение, узнав, что он умер. Я бы убил его собственными руками, если бы мне представилась такая возможность!

— Вы клянетесь мне в этом? — неожиданно жестко спросил Лаббэк.

Его слова застали Эллиса врасплох.

— Да...— растерянно вымолвил он.

— Вы действительно клянетесь мне, что готовы убить своего брата-предателя?

— Да! Да, черт бы вас побрал! — взорвался Эллис.

— Хорошо, хорошо,— успокоил его Лаббэк.— Может статься, что я напомню вам об этом обещании.

Лаббэк взял из рук Эллиса сообщение, аккуратно сложил его, засунул в конверт и положил обратно в ящик. «Да,— подумал он,— орудие дьявола теперь в моих руках, готово к использованию». Он достал ручку и подписал какую-то бумагу.

— Капитан Уюку, вот повестка, предписывающая вам присутствовать на заседании Совета Безопасности через три недели. Там мы обсудим план обороны. Вероятно, вам в ближайшее время придется вылететь в Нейтральную Зону с эскадрой.

Вице-президент повернулся к Кассабиану.

— Дайте мне тридцать дней. Что касается меня, то я немедленно изложу предложения капитана Стрейкера в Комиссии флота и буду лично настаивать на их обсуждении. Я даже потребую, чтобы некоторые из них были приняты.

— А что будет через тридцать дней? Как насчет Хавкена? — спросил Кассабиан.

— По истечении тридцати дней вы сможете прийти в Лагерь Расплаты, поставить Джоса Хавкена к стенке и лично расстрелять его, если вам, конечно, захочется это сделать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Место действия: Сеул

Мити, как обычно, встретила мужа неподалеку от сеульского порта. Стояли сумерки. На темнеющем небе виднелись полосы, оставленные приземлившимися космическими кораблями. Императорский флот собирал свои силы для решающего удара. Тяжелые нексус-корабли выстроились елочкой в шесть рядов возле ремонтных стоянок. Еще больше кораблей находилось на взлетной площадке и в крытых ангарах — от мелких заправщиков и орбитальных шаттлов до громоздких трансгалактических авианосцев и военных флагманов.

Вдоль порта располагались склады, ангары, ремонтные мастерские и множество подсобных помещений. В них не покладая рук трудились рабочие, инженеры, техники. Они доводили императорский флот до полной боевой готовности. Люди не знали отдыха ни днем, ни ночью, изредка прерываясь лишь для того, чтобы опустошить миску с рисом да съесть кусок холодной вареной рыбы. Но раз в неделю каждый из них получал заслуженный день отдыха.

Мити взяла мужа за руку. Она почувствовала, как налились от усталости его мускулы. Но на этот раз ей показалось, что к усталости примешивалось нервное напряжение и беспокойство. «Что за тревога гложет твою душу?» — подумала она, но спросила совсем о другом:

— Вы не знаете, почему Чой Ки Вон улетел с Сеула?

— Нет,— пожал плечами Дюваль.— А вам вообще известно, чем он занимается?

— Да. Он рассказывал, что заключает торговые сделки, да еще добывает разные сведения.

— Вот видите, вы сами ответили на свой вопрос.

— Но, Дзинан-сан, на этот раз он взял с собой всех своих сыновей.

— Сыновей?

— Да, и еще все клетки с почтовыми голубями.

— Я не знаю, Мити, почему он это сделал. Но меня его отъезд нисколько не тревожит.

Дюваль ненадолго замолчал, а Мити не решалась нарушить тишину, видя, что муж не расположен к беседе и нервы его на пределе. Дюваль раскаивался в своем решении остаться на Сеуле. События развивались стремительно. Вторжение Ямато было неотвратимо. Крупнейший в Освоенном Космосе порт с каждым днем все больше и больше наводнялся японскими кораблями, из-за которых у техников прибавилось работы настолько, что некогда было даже вздохнуть. Мити прекрасно понимала состояние мужа. «Я вижу, ты чувствуешь себя беспомощным, так же как и Чой Ки Вон. Ты томишься в бездействии, но ничего не можешь изменить»,— размышляла про себя Мити.

Они молча шли по дороге вдоль порта. Она вся была уставлена разноцветными контейнерами, предназначенными для космических кораблей. Тяжелые автопогрузчики подвозили контейнеры к кораблям, которые напоминали тяжелобольных, окруженных врачами. Мити и Дюваль тайком запоминали все детали, связанные с подготовкой флота, чтобы подробно описать их Чой Ки Вону.

За последнюю неделю в порт Сеула прибывали крупные корабли. Их становилось все больше и больше. Возле них трудились сотни техников и инженеров. Они проверяли работу двигателей, систему заморозки, оружейные отсеки и надежность защитных полей. Члены экипажа и полицейские наблюдали за рабочими, следили за своевременной доставкой необходимых материалов и оборудования. Каждому кораблю отводилось свое место на гигантской площадке сеульского порта, размером пятнадцать на двадцать пять миль. Особо крупные корабли разме-

щались на отдельных стоянках. Между судами непрерывно курсировали аэромобили и автопогрузчики, наполнявшие воздух гулом и гарью.

Мити вновь украдкой взглянула на мужа. Он с тревогой следил за работой порта.

— Дзинан-сан, пожалуйста, скажите мне, что так тревожит вас? — нежно спросила Мити.

Дюваль, углубившись в свои мысли, не расслышал вопроса.

— Что? — вздрогнул он.

— Вы кажетесь мне сегодня очень озабоченным.

— Не больше, чем обычно. Я просто размышляю.

— Нет, я вижу, вы очень обеспокоены чем-то. Пожалуйста, Дзинан-сан, скажите мне...

Он быстро сжал ее руку, тяжело вздохнул и оглянулся в сторону порта, жужжащего, как растревоженный улей.

— Посмотрите, как много кораблей прибыло за последнюю неделю. Все это все неспроста.

— Вы думаете, что флот скоро покинет Сеул?

— Не знаю. Приготовления императора ошеломляют. Все это гораздо серьезнее, чем я предполагал.

Дювалю показалось, что Ямато готов поставить на карту все, чтобы осуществить свою давнюю мечту. В последние месяцы Сеул задыхался от людей. Корабли, прибывавшие в порт, были переполнены самураями всех рангов.

И тем не менее самый крупный в Освоенном Космосе флот не был еще до конца укомплектован. Разместившиеся на площадке корабли представляли все префектуры сектора: Хонсю, Хиду, Этидзэн, Исэ, Сунано, Хариму, Сикоку, Тосу, Юо, Аву, Сануки, Авайи, Ицуми, Кюсу, Хоккайдо и все остальные восемьдесят семь префектур. Вся эта армада потрясала своей величиной и мощью, но Чой Ки Вон утверждал, что это была только треть флота, который намечено было собрать.

Дюваль бросил взгляд на «Тоётоми Хидэёси», трансгалактический гигантский корабль, появившийся в порту несколько недель назад. Его массивный черный корпус неуклюже нависал над площадкой, под ним копошились

едва заметные фигурки людей. «Тоётоми» первоначально предназначался для продажи. Его изготовили испанцы по специальному заказу Китая. К несчастью, корабль приглянулся барону Харуми, который приказал захватить его, погрузить туда отряд самураев и доставить на Сеул. С корпуса корабля удалили опознавательные знаки, поменяли название и переоборудовали его под флагман эскадры Ямасиро. Дюваль и Мити приблизились к главной, наиболее секретной и тщательно охраняемой площадке порта. Черный, как бархат, плекс, из которого были сделаны стены и купол, казался непроницаемым и неуязвимым. У входа стояла дюжина солдат Ямато. Сюда можно было попасть только по специальному пропуску. На этой площадке располагался самый крупный склад боеприпасов и лазерного оружия.

С тех пор как Чой Ки Вон рассказал Дювалю о вооружении флота, Стрейкер не мог выбросить из головы то, что здесь хранятся пушки, предназначенные для уничтожения американских кораблей. У Дюваля зачесались руки, но проникнуть на площадку было просто физически невозможно. Они повернули назад по той же дороге, но в этот момент чей-то грубый голос заставил их вздрогнуть и остановиться.

— Эй, что вы тут делаете?

Они оглянулись и увидели свирепое и заспанное лицо охранника, направившего на них дуло ружья.

— А ну-ка, подойдите сюда! — выкрикнул солдат.

Сердце Дюваля дрогнуло, потому что у них были не очень надежные документы. Собирая информацию в порту, они постоянно рисковали, надеясь лишь на то, что у охраны не хватит сил проверить несколько десятков тысяч людей, которые ежедневно приходят сюда. До сих пор все шло гладко, но на этот раз один из солдат заметил их и заподозрил что-то неладное.

— Что вы здесь делаете?

— Я собираю статистические данные по приказу командования,— соврал Дюваль, не моргнув и глазом.

— Документы!

Дюваль достал из планшета карточку и молча протянул ее солдату. Документ был оформлен еще во времена Свободной Кореи и не содержал ни одного японского иероглифа. Охранник тупо уставился на карточку, а затем громко пукнул. Он, вероятно, как раз собирался посетить сортир, но появление Дюваля и Мити помешало его намерениям.

— Все в порядке? — спросил Стрейкер.

— Сейчас посмотрим.

Солдат вставил карточку в компьютер и стал медленно считывать информацию с дисплея.

— Вы корейский математик?

— Да. Специалист по аналитической статистике.

— Хорошо. Документы в порядке, но вы не должны здесь находиться.— Он неохотно вернул карточку.— Вы читаете по-японски?

— Да.

— Тогда вам следовало прочесть вон ту надпись,— солдат указал в сторону плексовой стены, на которой по-японски было написано: «Посторонним вход воспрещен».

— Простите, мы не заметили,— наивно проговорила Мити.

— А это кто? — грубо спросил солдат.

— Моя помощница.

— Тоже кореянка?

— Да.

— И тоже специалист по аналитической статистике?

— Конечно,— улыбнулась Мити.

— У вас неплохой вкус. Я бы не отказался от такой помощницы. Может, одолжите на пару часов?

— Нет, знаете, как-нибудь в другой раз,— отшутился Дюваль, вопреки огромному желанию разбить солдату нос. Однако он понимал, что их с Мити может погубить любой конфликт.

— Ладно, проваливайте, пока я добрый,— лениво проговорил заспанный охранник.

Они быстро повернулись и пошли по южной дороге в сторону города. Вдоль дороги сплошной стеной сто-

яли бесчисленные открытые киоски, передвижные лавочки, лотки, полные товара. Повсюду толпились бритоголовые самураи, рассматривая разнообразные вещи и торгуясь с продавцами. Дюваль и Мити быстро смешались с толпой.

Голубоватый дымок поднимался от жарившихся туш и витал над дорогой; от аппетитных запахов текли слюнки. На крючьях возле лотков гроздьями висели корейские сосиски, консервированные цыплята, копченые утиные шейки, нашпигованные чесноком и соленым миндалем. Рядом стояли открытые бочки с кишащими в них живыми раками. Продавцы лапши, торговцы дынями кричали на все лады, зазывая покупателей.

Дюваль вел Мити сквозь гудящую многоликую толпу, удивляясь такому небывалому оживлению торговли. Казалось, все самураи империи стремительным потоком прибыли в Сеул, чтобы с оружием в руках обрести славу в великом крестовом походе. Каждый день военные отряды пополнялись все новыми и новыми представителями различных префектур Ямато. Они устраивали шествия, маршируя по городу в парадной форме и с оружием в руках. Иногда процессии продолжались чуть не круглые сутки. Все гостиницы, даже самые захудалые и грязные, были переполнены, а на окраинах города солдаты возвели временные бивуаки под крупными агатовыми звездами Сеула.

Сейчас над ними сияла Нанки, ярчайший голубой гигант, который когда-то был виден со Старой Земли в созвездии Стрельца. Рядом с Нанки находились три террапреобразованные планеты и газовый карлик. Несколько лет назад прошел слух, что в этом районе обнаружили следы инородной жизни, но все это казалось выдумкой. Конечно, никакой другой жизни в галактике не существовало, кроме той, которая возникла на Земле и распространилась по Освоенному Космосу благодаря титаническим усилиям человека.

Безусловно, нельзя было полностью исключать возможность естественного зарождения новой жизни. В

Освоенном Космосе имелось множество систем с планетами, на первый взгляд пригодными для жизни — атмосфера на них содержала необходимое количество кислорода, а в океанах, омывавших материки, были найдены все необходимые вещества для синтеза РНК. Перед наукой возникла загадка: одни ли мы? И если да, то почему? Ответ на первый вопрос по-прежнему оставался неизменным. Пока что не удалось обнаружить и намека на какие-то другие формы жизни. Но объяснить, почему жизнь, зародившаяся на Земле, оказалась уникальной, наука до сих пор не смогла.

Все эти мысли промелькнули в голове Дюваля, когда он взглянул на вечернее небо, на котором уже зажглись первые звезды. «Бесплодная, пустая Вселенная! — размышлял он.— И никто не придет на помощь одинокому человеку. Сколько нужно сил, чтобы хоть немного расширить границы Освоенного Космоса. На колонизацию одного только Млечного Пути уйдет не менее пятидесяти тысяч лет. И вместо того чтобы объединить усилия, люди воюют друг с другом. До чего же глупо!..»

Он посмотрел на жену и почувствовал, что она беспокоится за него. «Ах, Мити, сколько трудностей нам еще предстоит одолеть! — мысленно говорил он ей.— Но борьба — это еще не все. Как сложно порой бывает различить добро в море зла, которое нас окружает. И сколько ненужных, бесполезных усилий совершают люди,— подумал он, рассматривая шумный порт.— Сколько средств понадобилось императору, чтобы создать и содержать такой флот. Месячное жалование самураям и техническому персоналу, пища, одежда, оборудование... Не удивлюсь, если узнаю, что император стал самым крупным должником в Освоенном Космосе».

Когда они добрались до противоположной стороны порта, последние лучи солнца исчезли с темнеющего небосклона. Вся почва вокруг была утрамбована проводившими здесь строевые учения отрядами самураев. Старшие офицеры, одетые в серую форму, внимательно наблюдали за марширующими колоннами. Неподалеку

расположились полевые кухни, возле которых солдаты при полном вооружении выстраивались в очереди. Они получали положенные им миски с лапшой, а затем отходили прочь, рассаживались группками прямо на земле и, громко разговаривая между собой, запивали лапшу дистиллированной водой.

Внезапно спокойную, размеренную обстановку нарушили выкрики каких-то приказов. Обеспокоенные сержанты засновали возле своих взводов, доводя до солдат срочное сообщение. Те повскакивали со своих мест, поднимая пыль и шум. Дювалю показалось, что ветер прошелся по рисовому полю и взволновал колосья. Солдаты в напряженном ожидании вытягивали шеи, как будто ждали появления над башнями Сеула какого-то прославленного святого. Мити схватила Дюваля за руку.

Смотрите, Дзинан-сан! — воскликнула она, указывая на небо.

Там, стремительно рассекая воздух, летел изящный аэромобиль с полосатым хвостом, загнутыми назад крыльями и открытым бортом. Это был ика, церемониальный шаттл, сочетавший в себе высокоразвитую технологию и традиционные формы. Оставляя за собой дымный след, шаттл пронесся над портом. Казалось, его острый нос вот-вот врежется в землю. Корабль резко пошел на посадку. Загремели барабаны, послышались приветственные выкрики императорской гвардии. Ика развернулся в воздухе, как скорпион, и «прицелился» к взлетно-посадочной полосе, уже подготовленной для торжественной встречи. Дюваль увидел, как на борту ики заблестели черные униформы служителей кэмпэя. В его памяти всплыло желтоватое лицо Фукуды. «А вдруг кто-нибудь из них узнает меня?» — с тревогой спрашивал себя Стрейкер, вглядываясь в лица людей на борту приближавшегося шаттла.

Но его опасения не оправдались. Это оказались вовсе не служители кэмпэя, а телохранители императорского двора. Барабаны забили громче, когда корабль легко коснулся земли, выпустив из-под шасси небольшое облако пыли. Он резко развернулся, и Дюваль увидел, как на

высокой корме, покрытой красными и желтыми полосами, засветилось изображение сороконожки. Это был личный герб барона Харуми — Верховного главнокомандующего Императорского флота. У Дюваля перехватило дыхание, сердце его учащенно забилось. Именно Харуми разрабатывал и осуществлял планы вторжения, именно Харуми убедил императора напасть на Либерти.

К кораблю подкатили трап, с обеих сторон выстроился почетный караул. Солдаты в черных шлемах высоко подняли многоцветные флаги сасимоно, затрепетавшие на ветру. «Если бы мне предоставилась хоть малейшая возможность, я бы убил Харуми не задумываясь. Тогда бы он унес с собой на тот свет все свои планы уничтожения Американо,— размышлял Дюваль.— Нет, это безумие. Если бы мне даже удалось это осуществить, кэмпэй распял бы не только меня, но и всю мою семью».

К прибытию барона у порта собралась многотысячная толпа зрителей. Люди хотели взглянуть на красочную церемонию. Волна благоговейного трепета прокатилась по толпе, когда знаменосцы барона Харуми спустились по трапу, а за ними — группа чиновников. Наконец показались высокие длиннолицые телохранители, а между ними — невысокая плотная фигура главнокомандующего в черной фуражке эбоси. На вид ему было около шестидесяти лет.

Седые усы свисали на морщинистые желтоватые щеки, но темные горящие глаза выдавали в нем волевого, энергичного человека. Дюваль стоял совсем рядом со взлетно-посадочной полосой и разглядел, что под желтым шелковым кимоно ноги барона до самых колен были закованы в доспехи. Шею прикрывала пара защитных пластинок с изображением фамильного герба. Совершенно неподвижное лицо напоминало безжизненную маску. Нет, совсем не таким представлял себе Дюваль Верховного главнокомандующего.

Когда барон показался на трапе, солдаты почетного караула троекратно прокричали приветствие и опустились на одно колено, склонив головы. Харуми спустился

по трапу, встал возле коленопреклоненных солдат и небрежно кивнул им в знак одобрения. Дюваль непроизвольно сжал руку Мити. Барон стоял всего лишь в тридцати шагах от него. «Будь у меня нож, я всадил бы его в яремную вену Харуми, и все было бы кончено!» — подумал он. В этот момент охрана заслонила барона, а Мити потянула Дюваля в сторону. Она начала пробираться сквозь толпу и изо всех сил потащила за собой мужа, стараясь побыстрее увести его от манящих огней шаттла. Дюваль сопротивлялся, не желая уходить. Он резко повернул ее к себе и увидел на лице Мити испуг.

— Что вас так напугало? — спросил он с легкой улыбкой.

— Неужели вы не заметили его? — прошептала она.

— Кого? Харуми?

— Нет, того, кто шел за ним.

— Да кого же, скажите мне наконец?!

— Кацуми...

— Что?

— Клянусь, я видела его! — воскликнула в испуге Мити.

— Не может быть,— вымолвил пораженный Дюваль. Спазм сжал его горло.— Вы уверены в этом?

— На его доспехах я разглядела фамильный герб Хасэгавы. Это был брат, я не могла ошибиться... И он так пристально посмотрел на меня, как будто узнал.

Дюваль невольно оглянулся, но они уже отошли на порядочное расстояние от шаттла, и в сверкающем море огней, конечно, никого уже нельзя было различить. Он с волнением прижал к себе Мити.

— Он видел вас?

— Я не знаю.

— Мити-сан, пожалуйста, подумайте: он узнал вас?

— Не знаю...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хасегава Кацуми осматривал крепость, почтительно следуя в нескольких шагах за Нисимой Юном. Его душила злость, в мыслях царила полная сумятица. Из Исэ пришли ошеломляющие известия. Чести всей Империи Ямато нанесено неслыханное оскорбление, требующее самого жестокого возмездия! Американский пират Уюку действительно отважился нарушить границу и осквернить священную землю отдаленных Домашних Миров Ямато. Вместе со своим сбродом он ограбил город Цу. Эти мерзавцы разорили Дзингу. Затем они «снялись с якоря» и направились в сторону корейской границы. «Гнусный Уюку, если бы ты только знал, какая армада кораблей подстерегает тебя в Корее! — в ярости думал Кацуми.— Барон Харуми сделает из тебя отбивную!»

По долгу службы Кацуми сопровождал Нисиму. Они направлялись к зубчатой башне, выстроенной в традиционном стиле, но из современного синтетического материала. Башня располагалась на самом гребне горы, нависавшей над портом. Отсюда Верховный главнокомандующий мог наблюдать за приготовлениями флота и делать необходимые распоряжения. Подъем к крепости, которой принадлежала башня, был крутым и долгим. Кацуми показалось, что он столь же мучителен, как и тот путь, на который они встали несколько лет назад. Хасэгава вспомнил жаркую, душную ночь в резиденции даймё в Канадзаве.

Тогда Нисима вызвал его к себе и пригласил в кабинет. Даймё пронизывал Кацуми взглядом, как будто сомневаясь в его преданности, перед тем как дать ему чрезвычайно важное задание.

— Брат императора умер,— сообщил Нисима потрясающее известие. При этом лицо его даже не дрогнуло.

— Не может быть! Принц Сэкигахава... Какое несчастье! — Кацуми опустился на колени и почтительно склонил голову, но вдруг почувствовал себя идиотом, услышав грубый смех начальника.

— Какая неподдельная скорбь по поводу безвременной кончины этого шантажиста и сифилитика!

Хасэгава не поверил своим ушам.

— Ваше превосходительство...

— Да встаньте же наконец с колен!

— Простите, ваше превосходительство, но я ничего не понимаю.— Он поднялся и тупо уставился на своего патрона.

— Каждый день и каждую ночь на протяжении десяти лет я молился о смерти принца Сэкигахавы. И вот теперь боги услышали меня! — воскликнул даймё, и глаза его радостно заблестели.

— Вероятно, это означает какие-то перемены в вашей судьбе? — осторожно спросил Кацуми.

Нисима повернулся к окну и взглянул на темнеющие очертания своих владений с нескрываемым отвращением.

— Да. Эта жалкая, кишащая паразитами планета уже предназначена для другого даймё.

Известие ошеломило Кацуми, но он быстро пришел в себя.

— Я могу сделать вывод о том, что император оценил вашу замечательную работу здесь, в Сфере Процветания. И теперь вы покидаете Садо,— голос Кацуми дрожал: он надеялся, что Нисиму ожидало вознаграждение, а не новая ссылка. «О Боги,— безмолвно молился он во влажной ночи Садо.— Пусть это будет милость императора! Но только не назначение на Энивэток, только не это! Я не выдержу там и месяца!»

Невыразительные, темные, словно перезревшие сливы, глаза Нисимы уставились на подчиненного. Щетина, выступившая на небритом подбородке, подчеркивала

загруженность делами и усталость бывшего даймё Садо, но голос его прозвучал неожиданно бодро и официально.

— Капитан Хасэгава, я хотел бы знать, последуете ли вы за мной в качестве старшего офицера охраны, куда бы меня не направили?

Кацуми колебался, и волнение выдало его. Нисима еще раз внимательно взглянул на своего старшего офицера.

— Последовать за вами? Но куда, ваше превосходительство?

— Ах, какая жестокая штука одиночество,— прошептал Нисима.— Я вижу, что даже вы не верите мне... Если я скажу, что это не Кваялэин и не Энивэток, вы последуете за мной?

— Куда? Нисима-сан, пожалуйста, скажите! Я бы почел за честь сопровождать вас, куда бы вы ни направились,— с заметным рвением проговорил Кацуми.

Выражение лица Нисимы прояснилось. «Неужели император доверия ему какие-то дела в Корее?» — спросил себя Хасэгава.

— Куда? — с нетерпением спросил Кацуми.

— О, как я ждал этого! — воскликнул Нисима, кажется, не замечая вопроса своего офицера.— Благодарю богов, что убийцы вовремя настигли принца Сэкигахаву...

— Куда, ваше превосходительство?

— О, это замечательное место — быть может, самое замечательное для нашей службы во всем Освоенном Космосе.

— Куда?!

Нисима холодно улыбнулся.

— Если я не ошибаюсь, Кацуми-сан, мы отправляемся на Тиёдакю.

— На Тиёдакю! — радостно воскликнул Кацуми.— Не может быть! Мне кажется, что все это сон!

Хасэгава ожидал чего угодно, но только не этого. В Чийода-Ку, предместье Киото, располагался императорский дворец, где была сосредоточена вся власть Ямато. Если Кацуми последует за Нисимой, он окажется в центре политических событий. Неожиданный поворот дел

открывал перед молодым офицером такие перспективы, о которых он не смел и мечтать. «Не может быть, не может быть...»,— в радостном исступлении повторял про себя Кацуми.

— Так вы последуете за мной? — с иронией спросил Нисима.

— Да! — воскликнул Кацуми и опустился на колени.— Клянусь, что отдам все силы для исполнения своего долга.

— Что ж, рад слышать это. Надеюсь, мы оправдаем доверие императора.

Прошел целый год, прежде чем император издал указ, предписывающий Нисиме покинуть Садо и передать управление планетой другому чиновнику. Но он вернулся в Киото вовремя. Сразу же после завоевания Кореи Нисиму назначили членом Военного совета, призванного помогать императору в подготовке вторжения в Американо. Таким образом Кацуми оказался на Сеуле. Но до этого он провел пять замечательных лет в столице, при дворе императора, в самом сердце «Хризантемы».

На самом деле дворцовый комплекс был похож по своей архитектуре не только на декоративный цветок. Это был величественный храм, стоявший на массивном фундаменте. Его окружали высокие, стального цвета сторожевые башни, а крыша напоминала традиционную пагоду.

Каждую стену прорезали узкие смотровые оконца, из которых был виден всякий, приближающийся ко дворцу. Тысячи комнат площадью в несколько миль занимала императорская казна. Во дворце располагались также конфуцианский монастырь и мавзолей. В самом центре находилась святая святых — павильон с бассейном, где жил и работал император, наблюдая за волшебным многоцветным карпом, который иногда выпрыгивал из воды, чтобы схватить муху, или прятался в тени, отбрасываемой колоннами павильона.

Говорили, что император собирался выстроить святилище Хэйан из красного камня в честь правителя Древней Японии Хирохито, чью память он почитал и чей прах находился в родовой гробнице Муцухито. Еще рас-

сказывали, что император обладал мощами другого святого — Дугурасу Мукаты. В тайнике, надежно спрятанном от посторонних глаз, лежал полуистлевший череп, увенчанный железной тиарой. В самые сложные моменты Муцухито доставал священный череп и делился с ним проблемами империи.

Владения Ямато росли с каждым годом. Барон Харуми, возглавлявший Военный совет, уже почти завершил завоевание независимых участков Корейского сектора. Его хитрая дипломатия привела к тому, что «корейские собаки» вновь вцепились друг другу в глотки. Харуми разобщил мятежников, и их последние оплоты пали — Кун был мертв, а Сеул захвачен. Император избрал действительно хорошую замену принцу Сэкигахаве. Барон Харуми, величайший полководец всех времен и народов, разгромил флот Чона, состоявший из шестидесяти кораблей.

После этого принц Пи Ву оказался в изоляции и подписал сепаратное соглашение с Ямато. Остался последний оплот нечистоты и непокорности. Последний и единственный! Какие могут быть сомнения в том, что они поставят на колени Президента и уничтожат Американо?

Барон Харуми в сопровождении своей свиты взбирался на смотровую башню сеульского порта. Он неожиданно остановился, и его офицеры почтительно вытянулись.

— Что мы будем делать с Уюку? — обратился он к ним.

— Согласно донесениям, он направляется в сторону корейской границы,— проговорил Нисима.

— Да, я знаю. Я спрашиваю, что нам предпринять?

— Капитан Хасэгава, когда он вылетел? — спросил Нисима.

— Два дня назад, ваше превосходительство,— почтительно ответил Кацуми.— Он движется вдоль цепи Хогани по направлению к станции, которую американцы называют Йот-2-2.

— Конечно, куда же еще ему лететь,— недовольно проворчал барон Харуми.

— В этом районе плохое пси. Очень плохое! — вставил Нисима Юн.

— Но тем не менее мы должны предпринять срочные меры.

— Срочные меры! — фыркнул Харуми и, наконец отдышавшись, вновь начал подниматься к башне.

«Никаких утешительных новостей за последнюю неделю»,— размышлял Кацуми, раздраженный грубым обращением барона. Флот пирата Уюку появился на японских орбитах из самых сложных по гравитационной неустойчивости нексус-станций системы Рюкю на ямато-китайской границе у нулевого градуса. Пиратам необычайно везло.

Обычно мощная гравитация выбрасывала корабли из системы, придавая им колоссальную кинетическую энергию. Но флот Уюку получил ускорение лишь в 0,5 небесного эквивалента. Злодей стремительно вышел на орбиту Нансэй и приземлился на планету, потребовав от местного даймё отдать ему все золото, приготовленное для отправки в Киото. В то же время мародеры грабили беззащитные межпланетные суда. Когда Уюку получил все, что требовал, он разрешил своим бандам обыскать город. Они осквернили храмы и распустили толпы рабов по всему континенту.

— Но как этот гнусный пират собирается от нас удирать? — спросил Киносита Хэйсукэ, один из самых опытных офицеров барона.

— У него очень быстрый и маневренный флот, исключительное пси, отважный двухтысячный экипаж и полная уверенность в том, что нашим кораблям не хватит скорости, чтобы догнать его,— сухо проговорил Харуми.

— Это неглупый человек. Он никогда не отважится вступить в подготовленное сражение с нашим флотом. И в этом он прав.

— Может быть, попробуем заманить его в ловушку? — предложил Нисима Юн.

— Нет, я не согласен,— возразил Аёки Дзэнго, высокий худой офицер, первый заместитель Харуми.— Именно этого и ждет от нас Черный Дракон. Он хочет отвлечь нас от цепи Сеула неподготовленными, с мечами, только

наполовину вынутыми из ножен. В этом случае Черный Дракон сможет проглотить нас!

— Хватит! — зарычал барон Харуми.— Терпеть не могу это прозвище.— Главнокомандующий с трудом перевел дыхание. Ему не хватало сил для крутого подъема. В сторону от дороги уходила тропа, ведущая к площадке для наказаний, где уже было приготовлено несколько виселиц. Поднимающиеся увидели прикованных самураев, которые ожидали плетей за нарушение субординации или казни за пренебрежение своими обязанностями. Тюремщик выкрикнул приказ, когда свита приблизилась к виселицам. Несчастные, гремя цепями, стали на колени и прижали лбы к земле.

— Встаньте! — закричал барон, побагровев.

Узники с трудом подчинились его приказу.

— До тех пор, пока на вашей макушке не сбрит пучок волос, вы самураи, а не животные! Помните об этом! — с достоинством проговорил Харуми, повернулся и продолжил свой путь.

— А я согласен с Нисимой-сан,— сказал другой генерал свиты, не обращая внимания на преступников.— Мы должны встретиться с Уюку лицом к лицу, чтобы отомстить ему за нанесенное оскорбление. Я мечтаю о дне, когда увижу его голову на одной из самурайских пик!

— Мы не можем прерывать наши приготовления только для того, чтобы сделать ему одолжение,— пожал костлявыми плечами Аёки.— К тому же он направляется прямо к Сеулу и сам попадет к нам в руки.

— Пират направляется не сюда! — проворчал барон Харуми, едва переводя дыхание.

— Не сюда? Я не понимаю,— растерянно проговорил Аеки.

— Сеул неприступен. С нашим новым гравитационным оружием и мощной орбитальной защитой нам нечего бояться, и он прекрасно знает об этом. Он движется к корейской границе, потому что хочет захватить Кин кайгун.

Наступила почтительная тишина, которую нарушил сам Харуми, чтобы продемонстрировать подчиненным свой стратегический талант.

— Очевидно, он будет охотиться за Кин кайгуном. Уюку действительно очень неглупый человек. Именно так я поступил бы, окажись на его месте. У него достаточно сил для перехвата. Я уже принял меры, чтобы предотвратить катастрофу, Нисима-сан.— Барон выпрямился, его взгляд блуждал по лицам сопровождавших его офицеров.— Американцы прекрасно знают обстановку. Если Уюку добьется успеха, это расстроит все наши планы. Его императорское величество будет задушен долгами, погашение которых зависит от доставки золота в Киото. Без этого золота мы все обанкротимся и превратимся в нищих сангокуинов!

— Значит, он мог бы остановить нас даже в том случае, если бы мы уже снялись с Сеула? — спросил побледневший Минаси Ёрюясу.

— Да, Минаси-сан. Мы не можем не учитывать такую возможность. Адмирал Курита и адмирал Кофуи — опытные военачальники. Они оба знают о возложенной на них ответственности. Им дан приказ идти в трудном направлении, насколько позволит гравитационная обстановка. Я верю в то, что недооценивать Уюку и ему подобных — это ошибка.

Пока процессия приближалась к башне, Кацуми пытался осмыслить услышанное. Его раздажало, что Верховный главнокомандующий проявляет такое внимание к грязному пирату. Хоть и утверждали, что барон связан с императорским родом кровными узами, Хасэгава с удивлением замечал иногда, что в Харуми проявляются тупость и плебейские замашки крестьянина.

«Некого винить кроме себя,— уже в который раз сокрушался Кацуми.— Себя и Мити! Нисима Юн до сих пор клянет меня за то, что я позволил сестре вырвать американца из его рук. Ах, какой я дурак, что поверил ей! Какая жалость, что секрет американского оружия безвозвратно утрачен. Если бы сейчас, когда император готовит флот для вторжения, Нисима владел им, он бы наверняка занял место Харуми...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Кэнити, иди поиграй в доме.

— Но папа, я хотел починить воздушного змея.

— Нет, нет. Иди домой.

Спиной Дюваль ощутил тепло сеульского солнца, но внутри у него все похолодело. Он посмотрел вслед уходящему сыну, а затем увидел, как дюжина почтовых голубей вспорхнула с земли и уселась на коническую черепичную крышу голубятни. Небо было высоким и невыразительно бледным. Он поискал глазами Чоя, не в силах избавиться от овладевшего им страха.

Час назад Дюваль рассказал Чою о своих подозрениях по поводу Кацуми. Он хорошо знал торговца и понимал, что они уединились в саду для важной беседы. Однако Чой медлил с разговором. Его неторопливость действовала Дювалю на нервы. Чой осторожно взял в руки птицу и внимательно рассматривал. Она зацепилась коготками за пальцы Чоя, перья ее переливались на солнце всеми цветами радуги.

— Это мой маленький птенчик. Разве он не красив, а, Дзинан-сан?

Дюваль еле сдерживался.

— Как вы можете сохранять спокойствие, когда над нами нависла угроза?

На лице Чоя появилась улыбка.

— Может быть, нам угрожают, а может быть, и нет. Но держу пари, что наши враги не такие проворные, как эти маленькие птички.

Дюваль взглянул на высокие стены дома, которые вдруг показались ему тюремными. Он привел сюда Мити

и Кэнити в поисках убежища, и они прятались в доме, молясь о скорейшем возвращении Чоя. За все это время он не проспал и двух часов, не находя себе места от беспокойства. Голова у него раскалывалась, руки дрожали. Дюваль отправил в контору письмо, сообщая, что уезжает по делам. Его товарищи по работе заслуживали доверия и способны были сами справиться с заданием. Но что, если его действительно опознали? Что, если кэмпэй нагрянул в его дом и рыщет уже по всему городу?

Горничная незаметно выскользнула из кухни и пересекла сад, неся корзинку с бельем. «А вдруг Кэнити украдут, пока я тут беседую с Чоем,— в страхе подумал Дюваль.— Что, если нас выследили и сейчас постучат в дверь?» Никто из слуг Чоя не был посвящен в секреты своего хозяина. Никто не знал о его прошлом и не догадывался, что друг их господина скрывается у него дома. Но жена Чоя сказала, что дом часто навещают друзья и клиенты мужа, поэтому у них мало надежды остаться здесь незамеченными. Дюваль подумал о Мити и о сыне и почувствовал, как карающий ошейник сжимается вокруг его шеи.

— А в Американо разве не разводят почтовых голубей?

— Что? — переспросил Дюваль, который глубоко задумался и не расслышал слов друга.

— Я спрашиваю, держат ли в Американо домашних птиц.

— Да, в основном певчих, канареек, например,— пожал плечами Дюваль, которого этот разговор уже начинал раздражать. Ему казалось, что сейчас существуют вещи и поважнее.

— И что же, их держат только ради их красоты и пения? —продолжал допытываться Чой.

Дюваль наконец потерял терпение и зло посмотрел на друга.

— Нет. У некоторых есть другое хобби. Они выращивают голубей, потому что любят пироги с голубятиной.

Он замолчал. Сегодня Чой Ки Вон вернулся на Сеул с удивительными новостями об атаке Джона Уюку в Цу

и Нансэй, а они до сих пор тратят время на пустую болтовню.

— Как вы думаете, Чой, не предпримет ли Уюку новую атаку? Может быть, он намерен приземлиться здесь?

— Где, на Сеуле?

— Да.

— Не знаю, но я в любом случае опасаюсь за будущее Сеула.— Чой Ки Вон поставил птицу на выступ в стене голубятни и, прикрыв рукой глаза от солнца, посмотрел на небо.

— Джон Уюку напугал Ямато. Он преподал японцам настоящий урок. Но я не думаю, что Уюку предпримет атаку на корейскую столицу. Сеул разрушат и без его участия. Не знаю, как долго будет продолжаться нашествие орд Харуми.

— Пока барон не приведет флот в полную боевую готовность.

— Может быть, боги вскоре избавят нас от него.— Чой рассыпал зерно, и голуби слетелись к нему.— Несчастный Сеул,— тяжело вздохнул он,— кварталы гудят от бойкой торговли, но все это как пир во время чумы. Такое скопление иностранных кораблей не приведет ни к чему хорошему. Цены растут, точно рис после полива. За день они иногда удваиваются! Бедняки голодают. Властям Ямато, конечно, на все это наплевать. Их рабам в поместьях достается больше, чем жителю Сеула.

Дюваль покачал головой.

— У них уже началась безработица. Они не могут занять всех людей. Содержание такого флота требует колоссальных расходов. Уже начались беспорядки, дезертирство. Не хватает самураев, и многие экипажи набираются из рядовых плохообученных солдат. Флот разлагается, постепенно превращаясь в бомбу замедленного действия. Скоро они покинут Сеул.

Чой Ки Вон опустился на корточки возле голубей, которые с шумом махали крыльями и клевали зерно. Он взял в руки одну из птиц.

— Армия вторжения слишком велика. Они не успеют подготовиться к вылету.

— Вы сообщили об этом в Американо?

— Это только мое мнение. В донесениях я ограничиваюсь фактами.

Дюваль вгляделся в лицо Чоя и заметил на нем скрытую тревогу, которая плохо сочеталась с его словами.

— Куда вы ездили на этой неделе? — спросил Дюваль.

— Я уже говорил вам: повидать моего брата в Вонсане.

— Не может быть.

Глаза Чоя сверкнули.

— Это правда. Там я вышел на связь.

— Тогда как вы узнали о налете Уюку?

Чой жестом указал на птиц.

— Из-за них я отправился в Вонсан. И благодаря им я подробно знаю о событиях в Сеуле и те новости, которые в него стекаются. Власти пытаются контролировать людей и держать их в неведении, объявляют запрет на использование технических средств. Но порой это приводит к обратным результатам, вроде этого,— Чой вновь кивнул в сторону птиц.

— Голуби? — озадаченно спросил Дюваль.— Но я не понимаю...

— У них замечательный инстинкт — они всегда возвращаются домой, и не имеет значения, куда вы их отвозите. Древние когда-то открыли это, а потом почтовые голуби были надолго забыты. А находить дорогу домой им нетрудно, потому что порт расположен в нескольких милях.

— Но как они приносят сообщения? Ведь это должно быть заметно. А если понадобится доставить его с другой планеты?

— Все предусмотрено.— Чой перевернул голубя и стал снимать накладную пластинку с его лапки.— Голуби — лучшие посланцы в этом мире, они гораздо надежнее связных кораблей Ямато. Никому не приходит в голову,

зачем на самом деле я привожу их на другие планеты, особенно если я предъявляю на таможне патент на разведение редких пород. Затем мои друзья доставляют их на Сеул. Если выпустить их из грузового отсека сразу после приземления корабля, они покружат пару минут и отправятся как раз в то место, где они вылупились из яйца. Никаких досмотров, никакого таможенного контроля, никаких сигналов связи, которые можно перехватить. Никто и не догадывается об этом!

— Невероятно! — воскликнул изумленный Дюваль.

— Действительно невероятно,— самодовольно улыбнулся Чой,— но это правда. Они приносят большую пользу. Конечно, голуби не летают ночью, иногда их останавливает дождь или ветер, на них нападают коршуны. И тем не менее голуби незаменимы. Это самая эффективная система связи. Вы понимаете, что я не могу назвать вам имена моих связных и планеты, на которых они живут, но они разбросаны по всему сектору. Я хорошо плачу им, и они всегда сообщают мне самые интересные новости, посылая моих голубей в Сеул. Именно таким образом я узнал об упавшем в море «Кавабате Ясунари» раньше властей. Старый Тянь сообщил мне, и я выехал. Точно так же мне стало известно и о Джоне Уюку.

— Кто сообщил вам о налете в Нансэ? — поинтересовался Дюваль.

— Один американец. На японском его имя звучит Ёсу Акэи. —Чой помолчал, а затем добавил: — Пожалуй, пришло время рассказать вам кое-что. Почти двадцать лет назад, когда я впервые прилетел в Корею, я поселился на Чеджудо. Тогда я работал в порту. Там я имел неосторожность помочь одному американскому кораблю. Корабль спешил назад в Зону, а я не знал, что у них случился конфликт с Ямато. Как и «Кавабата Ясунари», корабль находился в ужасном состоянии, экипаж голодал, и я предложил помощь. Любой нормальный человек, окажись он на моем месте, поступил бы точно так же.

— А что это был за корабль? — с тревогой спросил Дюваль.

— Вы спрашиваете, как он назывался?

— Да, и кто был его капитаном.

— Корабль назывался «Ричард М. Никсон», а капитана звали Джос Хавкен.

— Хавкен?! — Дюваль оцепенел. Он уставился на Чоя невидящим взглядом.

За одну секунду пронеслось много лет, и перед его глазами возникло то давнее сражение на Садо. Он вспомнил, как поднял окровавленное тело брата на борт «Ричарда М.».

— Помню, у Хавкена был сильный жар,— продолжал Чой.— Почти весь экипаж погиб. Они находились в ужасном состоянии и нуждались в помощи. Я помог им.

— Каким образом?

— Я достал для них запасы воды и еды, запчасти для ремонта. В общем, нам удалось привести корабль в божеский вид, и они вылетели домой. Но затем властям стало известно о моих действиях. Меня обвинили в нарушении таможенного режима и арестовали. Во время следствия проверили мой генотип, а когда узнали, что я японец, отпустили.

Чой осторожно поднял голубя и легко подбросил. Птица стремительно взмыла в небо, сделала несколько кругов над садом и опустилась на голубятню.

— Потом я сбежал на Сеул и наладил связь с Хавкеном через американское посольство, которое тогда еще было в столице.

— Значит, вы все время поддерживали с ним связь? — в оцепенении спросил Дюваль.

— Да. Он посылал мне кредиты в обмен на информацию.— Чой кивнул в сторону дома.— Все это я приобрел на его деньги.

— Джос Хавкен...— с волнением проговорил Дюваль.— Двадцать лет назад я отправился в Нейтральную Зону в составе его экспедиции.

Чой печально улыбнулся.

— Я знаю. Мне также известно, что ваше настоящее имя Дюваль Стрейкер и что у вас есть брат Эллис Стрейкер, известный астронавт. Через два года после того, как вы попали ко мне, когда стало ясно, что Ямато собирается уничтожить Свободную Корею, я сообщил о вас Хавкену. Он передал мне, что я должен убедить вас вернуться в Американо на военном корабле. Но вы не согласились.

— Если бы вы сослались на Хавкена, все было бы иначе.

Чой развел руками.

— Как я мог выдать его накануне таких событий? Я не отважился это сделать. Он ведет двойную игру с Ямато с согласия вашего Президента. В Ямато настолько убеждены, что он работает только на них, что император втайне пообещал назначить его даймё на Либерти, как только они завоюют Американо. Я не мог подвергать его опасности. Если бы вас схватили и зондировали, вы бы выдали его, и все планы рухнули. Случись такое, и даже в Американо его жизни угрожала бы опасность. Тайные ниндзя способны найти человека и отомстить ему, где бы он ни находился.

Дюваля вновь охватил страх. В душе эхом отзывались слова Чоя: «Если бы вас схватили и зондировали...» Внезапно он с ужасом представил, как зонд разрушает его сознание. Перед ним вновь всплыли картины распятия на площади в Канадзаве. Он понял, что не переживет этого еще раз. Он боялся не смерти, а душевной муки. Но теперь этой жуткой пытке могут подвергнуть не только его, но и его жену и сына. Ему показалось, что железный ошейник вновь сдавил горло.

Чой провел Дюваля в кабинет, где он хранил записи о своих торговых сделках. Несмотря на отсутствие окон, в комнате было прохладно. Пахло расплавленным воском от сгоревших свечей. Как только они остались одни, Чой достал микроскоп и открыл крошечную капсулу, которую он вытащил из-под пластины на лапке голубя. Он извлек из капсулы едва заметную металлическую

пластинку и положил ее под микроскоп. Прочитав написанное на пластинке, Чой опустил ее в склянку с кислотой, так что послание вскоре растворилось.

— Откуда это сообщение? — спросил Дюваль, чувствуя, как страх отпустил его и тепло вновь разливается по всему телу. Он вытер холодную испарину со лба и посмотрел на свои пальцы. Они дрожали.

— С границы Ямато. Боюсь, что новости не очень радостные,— задумчиво произнес Чой.

— Что там? — с тревогой спросил Дюваль.

Чой попытался увести разговор в сторону, но Дюваль настаивал.

— В этом году Кин кайгун добрался до Домашних Миров без потерь. Джону Уюку не удалось перехватить его.

Позже они уселись на балконе, с которого был виден город. Они отчаянно пытались найти выход из сложившейся ситуации. Дюваль чувствовал необычайную ясность мысли, чего не случалось с ним вот уже неделю. Все это время он словно переживал пси-шторм во время космического полета. Теперь же страх притупился и начал отступать. В хаосе событий, настоящих и будущих, Дюваль различил тот единственный путь, который сулил спасение ему и его семье. Он знал, что необходимо предпринять.

— Прежде всего, что вы собираетесь делать с Мити? — спросил Дюваля Чой Ки Вон.

Дюваль поколебался с ответом. Он стоял, опершись локтями на балконные перила. Ночь была тиха и безветренна.

— Вы не поможете мне переправить ее в Американо?

— В Американо? Зачем? — спросил Чой.

— Скажите мне, это возможно?

Чой пожал плечами.

— Не знаю. Но зачем?

— Я в ловушке,— мрачно проговорил Дюваль, не зная, с чего начать.— Если я буду сидеть сложа руки — я погиб. Но у меня есть идея.

— Терпите, друг мой.— Чой посерьезнел, напомнив Дювалю учителя дзэн. Он пригладил седые усы, глаза его заблестели. Звезды мерцали над его головой, словно нимб.— Трудно смириться, я знаю. Но все хорошее трудно. Награда — это осознание того, что вы помогаете бороться с великим злом. Помните об этом и...

— Нет! — решительно прошептал Дюваль. Он уже полностью овладел собой.— Послушайте. Неделю назад на складе в порту я видел контейнер с замороженным серебром. Я сказал себе: «Уничтожь его! Сделай это сейчас. Твой поступок выбьет их из колеи. Борись открыто. Это твой шанс!» Вы понимаете, что я хочу этим сказать, Чой?

Чой пожал плечами.

— Это просто смешно. Через неделю они заменят контейнер, и вы ничего не добьетесь.

— Вот именно! — Дюваль зашагал по балкону. Его кулаки сжались, а голос окреп.— Нет, вы не понимаете. Ваш путь никогда не дает ощутимого результата. Я наблюдаю и вижу, что флот растет с каждым днем, как на дрожжах. Это необратимый процесс. Они поглощают на планете все подряд, эти ужасные корабли и их экипажи — словно прорва. Я должен действовать, но что можно сделать в одиночку? Я бессилен. Мне хорошо известно, что я ничем не могу помешать вторжению. Ничем!.. За исключением одного...

— Вы хотите устроить крупную диверсию? — спросил Чой, стараясь подбирать мягкие выражения.

Его охватил страх, когда он увидел, как изменилось лицо Дюваля.

— Нет, не диверсию. Я знаю, что мне нужно делать.— Дюваль глубоко вздохнул и вытер вспотевший лоб.— Я видел прибытие главнокомандующего — самого барона Харуми! Он ступил на сеульскую землю в окружении тысячной толпы самураев. Он находился так же близко от меня, как вы сейчас. Тогда я подумал: если бы у меня был нож, я воткнул бы его в глотку барона. Теперь вы понимаете?

Чой с ужасом посмотрел на Дюваля.

— Не думайте об этом! Нет! Это безумие!

— Я мог убить его неделю назад!

— Но вы совершенно случайно оказались рядом с его шаттлом. Вы же сами сказали, что вокруг него была тысячная толпа преданных людей. Пусть боги вернут вам разум! — в отчаянии воскликнул Чой Ки Вон.— Харуми сейчас в крепости, которая очень хорошо защищена. Вам никогда туда не попасть.

— Я знаю, как туда пробраться.

— Но даже если вам это удастся, вы ни за что не сможете к нему приблизиться. У него много телохранителей. Они сопровождают его повсюду, куда бы он ни пошел. Вы самоубийца!

— Да, я конченый человек!

— Но вы еще живы!

— Извините, Чой, но мне открылось мое будущее. Я знаю, что должен сделать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Место действия: Либерти

Река Потомак стремительно несла свои воды под однообразно серым пасмурным небом.

— Как высоко поднялась река. Знаешь, Эллис, я никогда не видел ее такой,— произнес Хавкен.

Они стояли в пяти шагах от берега на узкой, залитой лужами улочке. Эллис ничего не ответил, чувствуя непреодолимое отвращение к своему собеседнику.

— Наверное, бог дождя сегодня в гневе, как ты думаешь? — спросил Хавкен.

Эллис посмотрел на него с нескрываемой неприязнью, как на смертельного врага, совершенно не желая продолжать этот бессмысленный разговор. Хавкен дважды просил его о встрече, и он дважды отказывал ему. Эллис был уверен, что Джос не мог сказать ему ничего, что смягчило бы его вину.

— Этот месяц обычно очень дождливый. К тому же он совпадает с весенним разливом,— холодно проговорил Стрейкер.

— Нет, это гнев,— настаивал Хавкен, в упор глядя на Эллиса.— Я чувствую, как он витает в воздухе. А ты?

— Я могу уловить только запах измены.

Он согласился встретиться после того, как Хавкен попросил его в третий раз, и то после долгих уговоров Ребы. Эллис отправился на встречу не один. Он оделся, как грузчик: напялил поношенную кепку, затянул широкий пояс, к которому прицепил оружие. Увидев Хавкена, Стрейкер вспомнил все давние обиды и насторожился.

— Зачем ты меня позвал? — резко спросил он.

— Мне нужно поговорить с тобой, Эллис.

— Говори, и разойдемся побыстрее,— резко ответил он.

Хавкен переминался с ноги на ногу.

— Но не здесь же, на перекрестке. Мне многое нужно сказать тебе, Эллис. Это вещи личного характера.

— Здесь безлюдно.

— Безлюдность любят преступники, а я предпочитаю безопасность. Я буду говорить только в надежном месте. Только на борту «Чизпэка».

— О нет,— встревожился Эллис.

— Это касается не только меня, но и тебя тоже. Там я буду чувствовать себя свободно.

— Я сваляю дурака, если соглашусь.

— Ты в этом уверен? — Хавкен чуть улыбнулся.— Твое доверие ко мне уже настолько подорвано, что ты боишься, будто я тебя убью? Во всяком случае, я вижу, что ты взял оружие не только ради украшения.

Эллис незаметно сунул руку в карман и резко выстрелил. Хавкен отшатнулся, его рука невольно скользнула под куртку.

— В чем дело? — спросил Джос.

— Ты тоже взял с собой оружие. О каком доверии может идти речь? — усмехнулся Эллис.

Тут же, словно из-под земли, появились два человека и подбежали к Эллису. Он повернулся спиной к Хавкену, что-то шепнул им и отпустил.

— Кто это? Что ты им сказал?

— Это мои телохранители. Я сказал им, что, если к семи часам не подойду к Мемориальным ступеням, они должны будут разыскать тебя. Ладно, где твой аэромобиль?

— У меня здесь нет аэромобиля.

Эллис удивился. Он прекрасно помнил, как несколько лет назад один из врагов Хавкена обстрелял его, когда тот ехал на своем автомобиле по Пенсильвания-авеню. Нападение произошло среди бела дня, на самой широкой и оживленной улице Линкольна. Хавкен чудом остался жив. С тех пор он всегда соблюдал крайнюю осторож-

ность. То, что он положился на честное слово вооруженного человека, к тому же недружелюбно настроенного, казалось весьма сомнительным.

— У тебя и автомобиля нет? — спросил Эллис.

— Нет. Ну как же я смогу завоевать твое доверие, если не покажу первым, что сам тебе доверяю?

— Ты хочешь, чтобы я тебе поверил? — Эллис коротко и зло рассмеялся.— Нет, Хавкен, тут у тебя ничего не выйдет.

Хавкен отвернулся. Лицо его окаменело.

— Я вызову такси, если хочешь.

«Может быть, это ловушка,— мелькнуло в голове Эллиса.— Трудно предположить, на что он решится в такой ситуации». Вскоре подъехала машина. Когда Эллис увидел худого юношу-водителя, сомнения его улетучились.

— Порт Норфолк.

— Слушаюсь, сэр.

Юноша оказался в хорошем настроении и болтал без умолку. Он пустился рассказывать занятные истории, а затем предложил несколько деликатных услуг за умеренную плату. В ответ Хавкен грубо посоветовал ему попридержать язык.

«Нет, этот парень не убийца,— размышлял Эллис, украдкой разглядывая водителя.— Ему никто не платит, он сам зарабатывает себе на жизнь. Значит, Хавкен просто хочет доставить меня на борт «Чизпэка». Это не похоже на попытку задержания или покушения. Но что тогда? — терялся в догадках Эллис. Он взглянул на своего бывшего командора.— Что он хочет мне сказать? Да и вообще, что можно сказать в подобной ситуации?»

Они пробивались сквозь скопление машин. Наступил час пик. Все небо было черным от аэромобилей. Хавкен напоминал Эллису искусного борца, который в последнюю секунду сумел избежать туше. Кассабиан, казалось, уже положил его на лопатки, но тот выскользнул столь виртуозно, что невольно вызвал восхищение у Стрейкера, хотя тот и презирал Хавкена.

«Конечно, тебе бы не удалось избежать Лагеря Расплаты, не находись ты под покровительством Конроя Лаббэка,— размышлял Эллис, когда их машина застряла в пробке возле старого помпезного здания.— Интересно, каким образом вице-президент заставил Кассабиана и Уюку держать язык за зубами? Как ему удалось предотвратить сплетни в кулуарах Белого дома? Впрочем, купить Уюку не так сложно. Только помани его в Зону, дай ему полдюжины кораблей и позволь пиратствовать, как в былые времена, и он на все согласится. Ну а когда ему предложили вместо полудюжины двадцать кораблей, да еще позволили направить их непосредственно в Ямато, тут его купили с потрохами. Эх, Джон, ты неисправим. Конечно, я понимаю, что на такую приманку мог поманить только Лаббэк, здесь чувствуется его почерк. Именно он приложил руку к этому делу.

Но Кассабиан — вот настоящая загадка! Он тоже молчит, словно воды в рот набрал. Каким образом Лаббэку удалось решить эту проблему? Нет, что-то здесь не так. Не понимаю. Это дело настолько запутано, что даже Реба не может вникнуть в его хитросплетения. Она советовала мне не горячиться и во всем спокойно разобраться, но попробуй тут, разберись! Кассабиан ушел в тень.

Это тоже в его стиле. Но неужели его купили только тем, что ввели его пасынка в Комиссию флота и позволили вылететь в Зону вместе с Уюку? Не может быть, чтобы Фарис так мало взял. Черт их всех знает! Что же ждет теперь меня? Тоже какая-нибудь награда. Они хотят заплатить, откупиться, избавиться от меня. Но ничего у них не выйдет! Если только Хавкен предложит мне взятку, я с него шкуру спущу!»

— Эта встреча — идея Конроя Лаббэка? — с подозрением спросил Эллис.

— Нет.

— Я не верю тебе.

— Я мечтаю сбить с тебя спесь, Эллис,— спокойно проговорил Хавкен тоном человека, которому нечего

стыдиться.— Я собирался сделать это еще несколько лет назад, но вице-президент не позволил мне.

Эллис промолчал. Аэромобиль набрал скорость и медленно взмыл в небо. Линкольн, горя тысячами огней, растворялся в снежной круговерти. Они вышли на воздушную трассу, но не могли развить хорошую скорость, так как этому препятствовали специальные буксиры силовых полей. Буксиры регулировали движение и способствовали его безопасности. Чтобы избавиться от них, нужно было сойти с трассы, но мало кто на это отваживался. Эллис различил в мутном небе несколько высотных зданий. Промелькнул острый шпиль Финансового департамента, затем силуэт-обрубок здания Центральной полиции. Впереди маячило около сотни башен-буксиров. На южном берегу реки можно было разглядеть Дворец наслаждений и Парижский парк — традиционное место прогулок всех влюбленных Линкольна.

— Какая отвратительная погода,— сокрушался таксист. —Неплохо бы немного надбавить...

— Посмотрим, как ты поведешь машину, парень,— отозвался Хавкен.

— А вам нужно побыстрей?

— Да.

— О'кей. Если хотите, можно обойти буксиры.

Эллис уселся поудобнее, непроизвольно схватившись за пистолет. Аэромобиль рванул изо всех сил и сошел с трассы. Снаружи резко засвистел ветер, а салон наполнился запахом приближавшейся реки. Впереди над рекой возвышалось современное здание Томпсоновского рынка, возведенное на двадцати узких улицах. Эллису показалось, что сейчас они свалятся в Потомак. Водитель оказался не очень опытным, но он хотел побыстрее доставить своих пассажиров в Норфолк, поэтому решил рискнуть. У него был только один способ избавиться от силового поля буксира, чтобы не тащиться на малой скорости по длинной спиральной траектории,— спикировать к реке и пройти под узкими арками, а затем резко взмыть вверх.

Неделя выдалась очень дождливой, и Потомак сильно разлился. Длинные, в форме лодок, пирсы, на которых стоял рынок, образовали узкие тоннели — в них бурлила и пенилась мутная вода. Когда они приблизились к рынку, водитель сбавил скорость, но все равно он здорово рисковал. Эллис почувствовал, как силовое поле ослабло, и такси стало двигаться свободнее. Пирсы препятствовали течению, возле них кружились водовороты. Аэромобиль грузно ударился о воду и вошел в тоннель. В салоне стало темно, гулкое эхо работающего двигателя надсадно раздавалось под аркой. Нос машины резко зарылся в воду, и мутная волна, окатившая купол, проникла в приоткрытое боковое окно и плеснула на колени Хавкена. Затем машина внезапно вынырнула на свет, и лишь пена на полу такси напомнила им об опасности, которой они только что избежали. Таксист включил двигатели на полную мощность. Машина, совершенно свободная от силовых полей буксиров, быстро набрала скорость и высоту. Путешествие до Норфолка заняло не более пяти минут. Вскоре они увидели «Чизпэк», стоявший в порту.

— Может быть, мне притормозить, чтобы вы почистились? — улыбнулся таксист.

— Что ты лыбишься? — грубо ответил Хавкен: его лучший костюм был весь перепачкан грязью.— Ничего смешного. Тебе будет не до смеха, я не заплачу тебе ни цента!

— Оставь ему деньги,— возразил Эллис.— Ведь ты сам хотел, чтобы он свернул с трассы.

— Этот сукин сын испортил мой лучший костюм! Я не буду ему платить!

Глаза таксиста сузились. Он с ненавистью посмотрел на пассажиров.

— Нет, вы заплатите мне, как мы и договаривались, или я вышвырну вас к чертовой матери, хотя под нами триста футов высоты!

— Ах ты, скотина! — распалился Хавкен.— Да я тебе сейчас все зубы пересчитаю!

— Попробуй, может, у тебя и получится! — прошипел таксист.

Он съежился и вытащил из-под сиденья увесистый гаечный ключ. Вид у парня был воинственный. Эллис хотел достать пистолет, но затем передумал. Вместо этого он мягко обратился к таксисту.

— Известно ли тебе, что ты угрожаешь знаменитому капитану? — спросил водителя Стрейкер, подняв брови.— Он путешествовал в Нейтральную Зону столько раз, сколько ты съел гамбургеров.

Слова Эллиса не произвели на водителя никакого впечатления, он по-прежнему не выпускал из рук гаечный ключ.

— Да мне плевать! — выпалил таксист.

— Почему? — спокойно спросил Эллис.

— Я не люблю дерьма, кто бы им ни был. Здесь Американо, а не Ямато! Он первый угрожал мне!

— Ну и что дальше?

— А то, что от вас оставят мокрое место, как только мы приземлимся и я свистну своим приятелям.

— А ты не робкого десятка,— усмехнулся Эллис и полез в карман.

Это насторожило водителя. Он был готов к любой неожиданности, особенно после заявления Хавкена, продолжавшего мрачно смотреть на него.

— Ты что, собираешься заплатить ему? — спросил с удивлением Джос.

— Да, он честно заработал свои деньги.— Эллис достал кредитную карточку.— Вот, дружище. Забирай.

Таксист не верил своим глазам.

— Здесь десять тысяч. Вы в самом деле хотите...

— Бери, бери,— успокоил его Эллис.— Это тебе за храбрость. Ты нырнул в тоннель, словно астронавт в черную дыру.

Все еще колеблясь, таксист протянул руку. Он не мог поверить, что Эллис не обманывает его. Но тот действительно платил ему десять тысяч. Глаза таксиста сверкнули, он схватил кредитную карточку и спрятал ее в

нагрудный карман. Вскоре аэромобиль пошел на снижение.

— Спасибо, сэр. Скажите, я не пси-талант?

— Ты выиграл дело,— подмигнул ему Эллис,— но не умеешь расслабиться после встряски.

— Что вы имеете в виду?

— Направь свою энергию от низа живота вверх и распрями диафрагму. Это избавит тебя от нервного напряжения.

— А-а...

— И пошли эту карточку по адресу, указанному на обороте, если хочешь развить свой пси-талант. Я уверен, он в тебе дремлет.— Таксист перевернул карточку, и глаза его вспыхнули.

— Благодарю вас, капитан Стрейкер!

Расставшись с таксистом, они вскоре добрались до «Чизпэка», который находился в самом конце порта. Вслед за Хавкеном Эллис поднялся на борт корабля, отметив про себя восхитительно гладкие очертания его корпуса. Вышколенные члены экипажа безукоризненно выполняли свои обязанности. Первый офицер приветствовал Хавкена с должным уважением и отвечал на вопросы командора, пока тот его не отпустил. Они вошли в капитанскую каюту. Эллис с напряжением ждал какого-нибудь сюрприза, но его не было.

— Выпьешь чего-нибудь? — спросил Хавкен.

— Я бы не стал с тобой пить, будь это даже последняя бутылка в Освоенном Космосе.

— Ах, Эллис, Эллис,— с грустью проговорил Хавкен.— Как порой трудно иметь с тобой дело.

— Я пришел к тебе на корабль. Что тебе еще от меня нужно? Говори, что хотел сказать, и побыстрее. Меня мутит от одного твоего вида.

Хавкен вскочил, глаза его гневно блеснули.

— Ты меня неправильно понял, Эллис. И я ненавижу, когда обо мне шепчутся за моей спиной.

— Если хочешь, я могу сказать тебе в лицо все, что о тебе думаю. Ты мошенник и вор, Джос Хавкен! Да к тому же еще и предатель!

Как ни странно, Хавкен не проявил гнева в ответ на оскорбление. Он разлил янтарную жидкость в два маленьких керамических чоко, затем протянул один Эллису, а второй взял сам.

— Ты слеп, Эллис, и упрям, как осел. Выслушай меня. С тех пор как ты обратился к Конрою Лаббэку с клеветническими заявлениями в мой адрес, произошли некоторые немаловажные события. Во-первых, Джон Уюку отправился в Нейтральную Зону и вторгся непосредственно в сферу Ямато. Во-вторых, Рамакришна совершил фундаментальное открытие, позволяющее применять новые методы в исследовании неосвоенного космоса. В-третьих, Бернардо Шпиц уничтожил пять кораблей Ямато в Нейтральной Зоне. В-четвертых, твой сумасшедший приятель Ким оборудовал базу на Маршалле-4, с которой он совершает налеты на Ямато. В-пятых, твои предложения рассматриваются в Совете флота. В-шестых, Президенту предложен план перехвата кораблей Золотого флота, прежде чем они достигнут Домашних Миров. Ты думаешь, что все эти события — лишь цепь случайных совпадений?

Взгляд Эллиса был тяжел, как свинец. Хавкен говорил правду, но этот разговор казался Стрейкеру неуместным.

— Ты закончил? — спокойно спросил он.

— Нет! — взорвался Джос.— Я не закончил! Это работа Конроя Лаббэка. Все происходит с его ведома, либо при его участии. Неужели ты не понимаешь, что тебе не единственному известно о замыслах Ямато?!

— Я не говорил...— попытался возразить Эллис, но Хавкен прервал его.

— Ты помешал мне, Эллис! Ты несправедливо обвинил меня в то время, когда я не имел возможности для публичного опровержения! Я выполнял задание Конроя Лаббэка, я рисковал собственной задницей, которую могли легко заморозить после твоих заявлений.— Хавкен сжал тонкие губы, лицо его побледнело, но он по-прежнему держал себя в руках и взвешивал каждое слово.

Он принялся нервно расхаживать по каюте.

— Я не глупый человек, Эллис. Я прекрасно понимаю мотивы твоих поступков. Но я не прощу тебе, что ты безоговорочно поверил словам Джона Уюку и так ожесточился против меня. Неужели ты не понял, что эта клеветническая информация исходит от Кастнера, Белкова и людей Люсии Хенри? Эх, Эллис, Эллис. Я столько сделал для тебя, а ты предал меня при первом же удобном случае. Я воспитал тебя в надежде, что ты окажешься гораздо умнее и преданнее.

— Преданнее? — сердито отозвался Эллис.

— Да, преданнее!

Эллис задумчиво взглянул на Хавкена. Стрейкер знал: несмотря на то, что строительство новых кораблей и их вооружение контролировал Хавкен, он делил пост главного казначея со своим главным политическим врагом — Николаем Белковым, которого сам Хавкен в свое время обвинил в воровстве и коррупции. Эллису показалось, что Хавкен вновь хочет взвалить всю вину на Белкова.

— Неправда! — воскликнул Эллис.— Уюку представил мне неопровержимые письменные доказательства. Что мне еще оставалось делать? Закрыть на них глаза только потому, что когда-то мы вместе летали в Зону? Нет, Джос. Ты очень изменился с тех пор. И Американо мне дороже любого человека!

— Уюку — великий астронавт. Лучше, чем я в его возрасте. Он смелый и безупречно честный человек. Но, кроме всего прочего, у него горячая голова. Он всегда был таким — огонь и бешенство. Но он не дипломат и не интриган. А ты, Эллис, мог бы разглядеть кое-что в этом курином дерьме.

Стрейкер с презрением посмотрел на Хавкена.

— Ты недостоин того, чтобы ставить себя в один ряд с Джоном Уюку. Он действительно честный человек, а ты...

— Ты уже многое успел позабыть, Эллис. Вспомни, как я учил тебя. Вспомни, как я подсказал тебе «пустить утку», чтобы проверить членов твоего экипажа. Именно

такую «утку» и пустили перед наивным Джоном Уюку, а он «поймал» ее и принес тебе. Конрой Лаббэк предупреждал тебя, но ты его не послушал. Вы клацали челюстями, как тигры в клетке, готовые схватить кусок мяса, едва только ваш дрессировщик Кассабиан кинет его вам в клетку!

Хавкен в изнеможении опустился в кресло и взглянул на Эллиса. Тот по-прежнему сохранял неприступный вид.

— Как ты можешь все это доказать? — спросил он Хавкена.

— Когда я приступил к делам в Комиссии флота, многие пришли в смятение. Я заверил Президента, что очищу флот от коррупции и сделаю все для безопасности Американо. Я выполнил свои обещания, но приобрел множество врагов. Я вырвал у них прямо изо рта лакомый кусок, и они никогда мне этого не простят, Эллис! Они воспользовались своим положением и заявили, что я сфабриковал против них обвинения. Я упразднил их должности, ославил их, избавив флот от паразитов.

— Значит, Джон предъявил тебе ложные обвинения? — с сомнением покачал головой Эллис.— Ты утверждаешь, что они сфабрикованы коррумпированной частью администрации?

— Да, это ложные обвинения, выдвинутые тайной оппозицией, это хорошо организованная травля! Они пытались избавиться от меня. Николай Белков хотел сместить меня с поста, а Люсия Хенри мечтала о том, чтобы меня с позором изгнали с Либерти и отправили в ссылку. Теперь ты понимаешь, Эллис, под чью дудку вы плясали?!

— Это правда?

— Клянусь!

Лицо Эллиса не изменилось. Он в упор посмотрел на Хавкена, и тот отвел взгляд.

— Ты гнусный лжец! — взорвался Стрейкер.— Когда в тридцать втором году ты приступил к делам в Комиссии как соначальник, на флоте насчитывалось двести двад-

цать крупных кораблей. Теперь, после шести лет твоего управления, мы имеем двести тридцать! И ты называешь это подготовкой к войне? Я видел подписанные твоей рукой приказы о разоружении многих кораблей! Приказы исходили из твоего кабинета. Сотни килограммов золота, запасы серебра, наиболее выгодные контракты, миллионные кредиты предоставлялись твоим «деловым друзьям». Ты использовал государственные промышленные комплексы для постройки собственных кораблей — таких, как тот, на котором мы сейчас находимся. Ты сукин сын, потому что строил эти корабли и продавал их барону Харуми, чтобы набить свои карманы накануне войны! И это в то время, когда самураи готовят вторжение в систему Калифорния!

Эллис резко встал, возмущенный бесстыдством Хавкена. Стул наклонился и упал на пол.

— Это были фальшивые отчеты...— попытался оправдаться Хавкен.

— Фальшивые отчеты? Да ты меня совсем за дурака считаешь?

— Да, были сотни ложных реквизиций, которые лично я выдумал и подписал.

— Я не верю тебе!

— Идиот! — Хавкен не выдержал и хлопнул кулаком по столу так, что стоявший на нем письменный прибор подпрыгнул и задребезжал.— Ты слишком уверен в своей правоте и не желаешь даже выслушать меня до конца. Ты наивен, как новорожденный. Что ты понимаешь в политической игре? А твой друг Джон Уюку, который так старательно собирал на меня компрометирующие материалы,— тоже хорош. Вы оба просто болваны, которых дергают за ниточки. Ты и не представляешь, Эллис, какую опасность вы вдвоем с Уюку представляете для Американо!

— Как это?! — опешил Стрейкер.

— Да, вы не менее опасны, чем флот барона Харуми!

— Ну, это уж слишком...

Хавкен встал и тяжело оперся о стол.

— Не беспокойся, не только ты живешь в преддверии грядущей войны с Ямато,— устало проговорил он.— Я понял, что война неизбежна уже тогда, когда мы обедали с предателем Ивакурой на Садо, и ты спас мне жизнь. Я ничего не забыл, Эллис. Я вспомнил твой замечательный удар, когда решился подарить тебе «Конституцию». Я вспомнил его снова, когда ты находился в заключении в Лагере Расплаты, и я обивал пороги Белого дома, пытаясь помочь тебе. Я не забыл, как ты спас меня, когда уговаривал Алису Кэн, чтобы та убедила Курта Райнера продать тебе имение Санаду.

— Так это твоих рук дело? — Эллис был ошарашен таким известием.

— Да.

— Значит, ты и в этом замешан...— Удивление Стрейкера было так велико, что он опустился в глубокое кресло, стоявшее рядом с ним.

— Конечно,— в голосе Хавкена прозвучала горечь обиды.— Более того, между мной и Президентом заключена не одна сделка. Об этом никому не известно, в том числе и тебе. Но секретность делает наше соглашение более плодотворным. Я никогда не буду это афишировать, зачем? Чтобы об этом узнали все — от сенатора до последней шлюхи из портового бара? Скрытность и осторожность — вот мой девиз! Именно так я сколотил свое состояние. Уверяю тебя, что мой бизнес не причинил Американо никакого урона, и даже наоборот. Тебе и в голову не пришло, что с ведома Президента я составлял липовые бумаги, которые мы подсовывали шпионам.

— Как?..— Эллис почувствовал себя обескураженным. Гнев его рассеялся, он получил удар в самое сердце. Все стало проясняться, он был потрясен своим чудовищным заблуждением.

— А ты думал, что я состою на службе у Муцухито? — Хавкен понял, что наконец перехватил инициативу.— Только глупец будет раскрывать истинное состояние флота перед войной. Мы ввели противника в заблуждение. Рынки и склады кишат двуличными ки-

тайскими дельцами, все напичкано подслушивающими и подсматривающими устройствами, агенты кэмпэя наводнили наши порты и взлетные площадки. Каждый день они докладывают о количестве наших кораблей и местах их дислокации. Власти Ямато уверены, что полностью осведомлены о возможностях нашего флота.

— Я идиот...— прошептал Эллис.

— Зачем нам раскрывать точное количество наших кораблей? — продолжал Хавкен, не обратив внимания на реплику Стрейкера.— Зачем нам рекламировать их качества? Мы выставляем один корабль напоказ, пару кораблей прячем так, чтобы их обнаружили шпионы, и дюжину кораблей скрываем так, что о них не знает никто! Вот это маневр, достойный настоящего стратега! А, Эллис?

— Да,— устало согласился Стрейкер. Ему казалось, что силы оставили его.

— Ну вот, взять хоть «Чизпэк», на котором мы сейчас находимся,— продолжал вдохновленный Хавкен.— Мог бы ты с полной, стопроцентной уверенностью ответить мне на вопрос: какой это корабль — военный или торговый?

Эллис ничего не ответил и только покачал головой. Он понимал, что должен сполна расплатиться за свою ошибку и снести унижение.

— Ага, ты не можешь ответить, потому что ничего нельзя сказать по его внешнему виду. Если на его борту мирный груз, значит, это торговое судно. Начини его пушками — и он превратится в военный крейсер. Его назначение не отражается на его конструкции. Даже ты, опытнейший астронавт, не можешь определить, что это за корабль. А если не можешь ты, то шпионам барона Харуми это тоже не под силу. Вот в чем заключается моя тактика.

Эллис опустил голову. Поучения Хавкена напомнили ему советы Рамакришны.

— Ты советовался с гуру? — спросил он в растерянности.

— Нет, я советовался с тобой,— усмехнулся Хавкен.

— Как это? — не понял Эллис.

— Я перехватывал все твои письма, и это дало хороший результат. «Маневренные крейсера со сверхпушками, корабли без ярко выраженной функции, оснащенные скрытым лазерным оружием,— вот что необходимо Американо». Ты писал это?

— Да, писал,— прохрипел Эллис.

— И был абсолютно прав. Адмиралы Ямато действительно отстают от жизни. Они уверены, что можно выиграть войну в одном генеральном сражении, которое откроет им путь в систему. Барон Харуми подтвердил это в недавнем бою с корейцами. Но с нами этот номер не пройдет. Мы приготовим ему несколько сюрпризов. Шпионы докладывают императору, что наш флот насчитывает двести тридцать кораблей, и они уверены, что это те же самые развалины, которые достались нам от Люсии Хенри. Но они дважды ошибутся. Во-первых, эти «развалины» начинены новейшим оборудованием, а во-вторых, барон Харуми уверен, что все остальные американские суда — торговые. И мы не станем его разубеждать раньше времени.

На корабле прозвучал резкий сигнал к обеду, который заставил Эллиса вздрогнуть. Он почувствовал в груди жгучую боль, словно его поразило сверхоружие. «Какой позор,— мучительно думал он.— Так мог купиться какой-нибудь желторотый кадет, но не опытнейший капитан. Старая неприязнь к Хавкену затмила мне разум». Но вместе с тем Эллис испытывал и некоторое облегчение, потому что его обвинения оказались, к счастью, необоснованными, и безопасность Американо находилась в надежных руках.

— Я приношу свои извинения,— хрипло проговорил Эллис.— Я был не прав, полностью не прав.

Хавкен поднял левую бровь. Лицо его немного смягчилось.

— Да. Ты действительно ошибся. Но должен признаться, что будь я на твоем месте, то поступил бы точно так же. Это доказывает то, что где-то в глубине души мы похожи.

— Значит, ты принимаешь мои извинения?

— Я приму их, но на трех условиях.

— Каких?

— Первое: ты добровольно отдашь семь кораблей вместе с экипажами в мое распоряжение.

— Согласен,— кивнул Эллис, чувствуя себя, как побитая собака.

— Второе: когда вернется Джон Уюку, ты все объяснишь ему и уговоришь сотрудничать со мной. Втроем мы сможем предотвратить любой массированный удар Ямато.

— Согласен. Каково твое третье условие?

— Ты выпьешь этот чоко с ромом вместе со мной!

— Хорошо! — с облегчением вздохнул Эллис.— Конечно, я выпью с тобой, Джос Хавкен. Я подниму тост за человека, воспитавшего меня.

— А я выпью за вероломного сукиного сына, который вымахал, как дуб, хотя, по-моему, иногда смахивает просто на дубину!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Тразу же по возвращении Уюку из Зоны, Эллис и Хавкен встретили его в форте Буша, на главной орбитальной станции в защитной цепи Либерти. Форт находился на стационарной орбите и предназначался для охраны Либерти и торговых складов порта Вильсона, куда прибывали грузовые корабли, наполненные минералами, добытыми на спутниках и газовых гигантах других систем. Форт Буша представлял собой гигантский вращающийся волчок с миллионами огоньков, сияющих, как звезды.

Уюку отсутствовал десять месяцев. За это время Эллис неустанно работал над приведением американских нексускораблей в боевую готовность. Угроза нависла над всем сектором. Все новые и новые слухи нагнетали обстановку на Либерти. Говорили, что тревога за будущее Американо довела Президента чуть ли не до безумия. В Белом доме стало неуютно. Помощницы Алисы Кэн старались избегать ее, слуги исчезали, едва заслышав ее грозный голос, секретари прикусили языки, никто не смел обращаться к ней с прошениями. Она дважды выгоняла из кабинета самого Конроя Лаббэка. Алиса кричала на него и топала ногами, а тот, сгорая от стыда, терпел все это в присутствии охраны. И хотя Уюку привез некоторые обнадеживающие новости, настроение Президента оставалось тревожным, и эта тревога передавалась всему Американо.

В форте Буша можно было говорить прямо, не боясь шпионов и подслушивающих устройств. Хавкен подробно рассказал Уюку о последних приготовлениях и о работе Эллиса. В свою очередь тот доложил о собственных действиях в Зоне. Джон рассказывал об этом с большой неохо-

той, поскольку считал свое последнее путешествие неудачным. Он не достиг ощутимых результатов, а возвращаться с пустыми руками было для него непривычным. Уюку не получил стратегически важных «контрибуций», хотя его путешествие заметно подняло дух американского народа.

Слушая беседу Уюку и Хавкена, Эллис понял, что Президент, Отис Ле Гран и братья Хавкены являлись главными фигурами в промышленно-политическом союзе, который выступал за экспансию. Именно этот союз взял на себя основную тяжесть подготовки американского флота к войне. К союзу примкнули и другие крупные бизнесмены, за исключением Эллиса. Его беспокоила мысль, что его преднамеренно обошли вниманием.

Стрейкер молча наблюдал за собакой Хавкена — долговязой глупой гончей в вельветовом жилетике, с черным носом, черными глазами и черным хвостом. Собака зигзагами семенила по станции, подозрительно принюхивалась и нагло «метила» территорию у каждого угла. Она, несомненно, чувствовала себя здесь хозяйкой. На шее у нее болтался ошейник с металлической пластинкой, на которой была гравировка: «Мое имя Тоёта; 1400, Пенсильвания-авеню».

Снова и снова Эллис задавал себе вопрос: почему ему не сказали правду, когда он обвинил Хавкена. Для этого, на первый взгляд, не было никакой видимой причины. Эллис понимал, что Хавкен еще многое скрывал от него. В течение нескольких месяцев с тех пор, как он покинул борт «Чизпэка», словно побитая собака, Эллис испытывал жгучее унижение и чувствовал себя последним идиотом. Эти мысли не выходили у него из головы, постоянно будоража сознание.

— Президент то радовалась, то негодовала по поводу моего отъезда,— рассказывал Уюку.— Она до сих пор находится под влиянием миротворцев — смиренных и благоразумных. Они все еще верят в возможность избежания войны с Ямато. Я пытался втолковать ей, что основные причины войны заключаются в ограничении нашей торговли в Зоне, что это урок истории. Но она даже не дослушала до конца. Алиса убеждена в том, что наши корабли должны оставаться в Американо.

— Как тебе удалось уговорить ее, почему она отпустила тебя в Зону?

— Я обещал ей привезти много фактов — как будто я направлялся на экскурсию! Это подействовало. В конце концов, я улетел четырнадцатого сентября, взяв с собой двадцать кораблей и восемь шаттлов. Собирался я в спешке, боясь, что она в последний момент изменит свое решение. Некоторые корабли оказались не до конца укомплектованными и плохо подготовленными. Мы долго курсировали в Зоне и показали императору, что не собираемся лизать ему задницу. Если бы мы вылетели чуть раньше, у нас был бы настоящий повод отпраздновать мое возвращение. Все началось с неудачи, и невезение преследовало нас в течение всей экспедиции!

Эллис услышал рассказ Уюку о том, как тот упустил Золотой флот тридцать восьмого года, опоздав всего на один день. После этого, раздосадованный, он направил свои корабли в систему Сакисима и разграбил ее, захватив запасы золота, правда не очень большие. Там его экипажи подхватили лихорадку, а врачи не сумели вовремя остановить эпидемию. За неделю до Рождества Джон пересек официальную границу Ямато.

Он обчистил несколько планет, но вновь упустил Золотой флот, на этот раз тридцать девятого года. Кроме того, лихорадка скосила около сотни астронавтов. На обратном пути он залетел на Тайвань, где сильно потрепал японские военные корабли, которые в это время там находились. Но в рассказе Уюку слышалось разочарование. Ему не удалось осуществить свои планы в отношении Золотого флота, и в этом он видел главную неудачу.

— Ну, а что ты сам думаешь о своем путешествии? — без обиняков спросил Эллис.

— Это самое бесславное путешествие за последние годы. От меня многого ждали, и я не скупился на обещания. Но мы слишком поздно вылетели. Я даже не окупил вложенных в экспедицию средств. Я дважды упустил Золотой флот, и это нам дорого обойдется.

— Да,— спокойно проговорил Хавкен. Он искал взглядом собаку, бегавшую по станции.— Двухгодичных запасов золота достаточно для императора, чтобы погасить ссуды. Теперь японские банкиры осмелеют, когда Муцухито потребует от них еще больших средств для ведения войны. В результате мы можем оказаться в сложной ситуации. Но клянусь, для нас еще не все потеряно.

— Кстати,— Уюку решил уйти от неприятной ему темы и обратился к Эллису,— брат твоей жены зарекомендовал себя в сражениях как настоящий мужчина.

— Чудесно, я передам твои слова Ребе,— улыбнулся Эллис.

— Что же касается твоего сына, Джос,— Уюку обратился теперь к Хавкену,— то я ходатайствовал о назначении его командиром корабля.

— Благодарю,— Хавкен снисходительно принял комплимент.— Я рад за него. Надеюсь, когда-нибудь он полетит за пределы Освоенного Космоса. Если верить предсказаниям Рамакришны, такой перелет не за горами.

— А как насчет Люсии Хенри и Николая Белкова? Они, наверное, причиняли вам большое беспокойство? — спросил Уюку.

— В общем, да,— ответил Хавкен.— Но они уже сыграли свою роль, и с ними покончено. Они прекрасно осознают свое поражение. Я бы предпочел навсегда избавиться от этой парочки. Ничто уже не изменит их взглядов. Президент оказалась права, назначив меня на более высокую должность, чем старых бюрократов вроде Белкова. Все-таки во главе такого предприятия должен стоять бизнесмен нового типа.

Они прошлись по станции. Эллис заметил напряжение на лицах рабочих. Каждый из них понимал неизбежность близкой войны с врагом, не знающим пощады. Эллис объяснил Уюку, что кроме нексус-кораблей, официально внесенных в списки военного флота, у них еще существует не меньшее количество кораблей, приписанных к торговому флоту, но готовых к любому сражению.

Вот, например, «Небраска»,— Эллис указал на корабль в шесть тысяч тонн.— Прекрасный маневренный корабль. Но держать его в составе военного флота — значит, заранее продемонстрировать его возможности японским шпионам. Уверяю тебя, что это не единственный такой корабль.

Они обсуждали детали больше часа. Уюку по-прежнему сетовал на неудачу, а Хавкен уговаривал его, что нужно смотреть в будущее с большим оптимизмом.

— У нас очень мало времени, поэтому мы должны использовать его с максимальной продуктивностью,— проговорил Джос. Он подозвал собаку и потрепал ее по холке.

Чтобы поднять настроение Уюку, Эллис продолжил описывать силы, скрытые под видимостью устаревшего флота. Он рассказал о новых кораблях и особенно отметил их замечательную форму, позволявшую им легко маневрировать и быстро набирать скорость. Но Эллис ни на минуту не забывал о том вопросе, который хотел задать Хавкену. Он ждал возвращения Уюку, чтобы в его присутствии спросить Хавкена о том, что так волновало его. Эллис чувствовал себя связанным с Хавкеном обещанием и хотел загладить свою вину за напрасное обвинение в измене. Именно поэтому он усердно выполнял все распоряжения Хавкена, приводя корабли в боевую готовность. «Я не привык служить на побегушках,— с горечью думал Эллис.— Единственный человек в Американо, кто может помыкать мною, это Хавкен. Но, Боже, как бы я хотел оказаться сейчас на борту «Конституции» и принимать решения по своей собственной воле. А в штате Хавкена я как собака на поводке. Нет, я должен освободиться!»

Затем Эллис вспомнил о неприятностях Уюку. «Что ж, неудача Джона, как это ни парадоксально, предоставляет мне шанс исправить его ошибки. Уж я воспользуюсь этой возможностью. Конечно, несправедливо упрекать Джона, особенно если учесть те обстоятельства, в которые он попал. Уюку — великий капитан и великий астронавт. Он провел корабли по нексус-связям, которых нет ни на одной карте, и возвратился домой с золотом Ямато. Однако...— Эллис глубоко вздохнул.— Я никогда

бы не приземлился на планету, известную своими опасными заболеваниями. Я бы не крутился возле японской границы и не разменивался по мелочам, а захватил бы Золотой флот. Нет, я не упущу свой шанс!» Он неожиданно перебил Хавкена, разговаривавшего с Уюку:

— Почему нам с Джоном не сказали правду, когда мы впервые обвинили тебя?

— Наверное, потому, что тайна лучше сохраняется, когда о ней знают немногие,— осторожно ответил Хавкен.— Лаббэк хотел, чтобы отголоски этого скандала достигли Ямато и японцы узнали бы, сколь слабо защищен Американо.

— Мы могли бы хорошо разыграть свои роли, так что никто бы не догадался.

— Нет игры реальнее, чем жизнь, Эллис.

Уюку сдержался и решил не вмешиваться в этот спор.

— Нас специально держали в неведении! — настаивал Эллис.— Почему ты не сказал нам правду? Ты не доверял нам?

— Вряд ли Джон получил бы двадцать кораблей для захвата Золотого флота, если бы ему не доверяли,— усмехнулся Хавкен.

— Все это можно истолковать иначе! — горячо возразил Эллис.— Джона просто убрали с Либерти, из него сделали живую мишень для Ямато! Но я ведь остался здесь, а ты все-таки мне ничего не рассказал!

Улыбка исчезла с лица Хавкена.

— Я дважды просил тебя о встрече, но ты отказывался.

— Да, но ты мог заехать ко мне.

— Чтобы передо мной захлопнули дверь? — Хавкен снова подозвал собаку, которая на этот раз принесла в зубах обглоданный кусок кабельной изоляции. Джос долго выдирал у нее изо рта огрызки, а затем неожиданно выпрямился и пристально посмотрел на Стрейкера.

— Эллис, чего ты от меня хочешь?

Он не ответил, потому что понимал: сейчас не время продолжать спор. Уюку принялся расспрашивать Хавкена о текущей политике, оставив Эллиса наедине с его мыслями.

— Я знаю, что ты хотел устроить блокаду системы Ямато. Но Президент не одобряет любые неспровоцированные военные действия. Мы с Лаббэком напрасно убеждали ее в том, что любой ценой должны предотвратить формирование японского флота на Сеуле.

— Можно снарядить новую экспедицию! — вдохновился Уюку.— Корейцы объединятся под флагом своего экс-президента. Мы устроим хорошую заварушку, если полетим в Китай и...

— Я размышлял об этом,— перебил его Хавкен.— Те же самые мысли я уже высказывал в Конгрессе, но мои предложения отвергли, сочтя их слишком агрессивными. Там просто не понимают, что если японские корабли стартуют раньше наших — это нам дорого будет стоить. Барон Харуми уже собрал на Сеуле флот из четырехсот кораблей и ста тысяч боевых отрядов. Примерно такие же силы он сосредоточил на Хоккайдо. Харуми не собирается долго ждать, это уж точно.

Эллис внимательно слушал Хавкена, вглядываясь в светящиеся огни других фортов. Он удивлялся, откуда у Хавкена такая точная информация.

— Я допускаю,— вмешался в разговор Эллис,— что блокада ключевых космических трасс Ямато может оказаться неудачной, но это отвлечет японцев от подготовки флота на Сеуле, поэтому мы можем попробовать. Самые мощные наши корабли могут курсировать вдоль японских границ в течение нескольких месяцев, прежде чем им понадобится дозаправка. Если мы предпримем решительные действия, то в конечном итоге сорвем планы вторжения, во всяком случае, отодвинем сроки. А каждый день промедления влетит им в копеечку — содержание такого колоссального флота обходится очень дорого. Я уверен, что нам надо рискнуть.

— Не думаю, что Президент решится на такой шаг,— возразил Хавкен.— Слишком многие из ее окружения сомневаются в успехе блокады. В Совете Безопасности утверждают, что флот Ямато все равно прорвет блокаду и направится к Американо. Это их главный аргумент. В

самом деле, если они прорвут блокаду — Американо окажется безоружен.

— Значит, мы должны сидеть сложа руки и ждать нападения? — разочарованно спросил Эллис.

— Вспомни о том, как Уюку в последний раз отправлялся в Зону. Понадобился весь талант Лаббэка, чтобы убедить Президента. Она согласилась только под влиянием общественного мнения, выявленного при социологическом опросе.

— Мы ждем, как ягнята на бойне,— пробурчал Уюку и отошел в сторону, прогуливаясь по главному коридору станции.

— Никто не хочет попадаться им в руки,— проговорил ему вслед Хавкен,— а я особенно. Экспедиция была бы возможна, если бы ты привез чуть больше золота.— Он повернулся к Эллису.— По правде говоря, его неудача все испортила.

Эллис сжал кулаки и решительно взглянул на Хавкена.

— Война выигрывается решительными действиями! Дай мне ударный отряд в пятьдесят нексус-кораблей, и я разгромлю японцев одним массированным упреждающим налетом. Я вылечу в систему Сеула и разобью флот барона Харуми до того, как он поднимется в воздух.

— Я предупреждал тебя,— зашипел Хавкен. Он оглянулся, желая проверить, не подслушивает ли кто-нибудь их разговор.— Не смей и думать об этом!

— Согласись, Джос! Представляешь, мы накроем сразу весь этот гнусный улей.

— Успокойся,— Хавкен перешел на шепот.— Я тебе уже сказал, что не смогу одобрить такую экспедицию.

Неожиданно раздался лай. Собака наткнулась на робота-ремонтника и набросилась на него, но тот сохранял невозмутимость. Как только собака приближалась к роботу, он направлял на нее мезоновый инструмент. Запахло паленой шерстью.

— Иди сюда, глупая тварь! — забеспокоился Хавкен. Он, а вслед за ним и Эллис бросились к роботу. Стрейкер догнал Хавкена и схватил его за руку.

— Послушай, договорись с Лаббэком! Заставь его понять, что налет на Сеул просто необходим!

— Даже Лаббэк ничем не сможет здесь помочь. Президент откажется лишить Американо защиты ради сомнительной затеи. Подумай, система Сеула наглухо закрыта. Ты не сможешь прорваться через лазерные установки, а если и прорвешься, то не выберешься обратно.

— Какое это имеет значение?! — вскипел Эллис.— Мне прекрасно известны мои возможности. Я могу попасть в любую систему. Я долго размышлял о Сеуле и о его так называемой неприступности. Повидай Лаббэка и убеди его!

— И Лаббэк, и Кассабиан сейчас очень заняты,— покачал головой Хавкен. По всему чувствовалось, что ему уже надоел этот разговор, и он хотел его закончить.

— Что ты имеешь в виду? — нетерпеливо спросил Эллис.

— Только то, что я сказал. Лаббэк занят сейчас делами, имеющими исключительную важность.

— Но что может быть важнее этого?

Хавкен выжидающе посмотрел на Эллиса, словно обдумывая, стоит ли рассказывать.

— Все это очень секретно. Я не имею права никого посвящать в это, даже тебя, Эллис.

— Но ты знаешь, что это?

— Да.

— Тогда скажи мне.

— Не могу.

Хавкен развернулся и направился к Уюку, стоявшему в конце коридора. Эллис с неприязнью смотрел вслед удалявшемуся Хавкену, возле ног которого крутилась собака. Она подпрыгивала и заискивающе смотрела в глаза своему хозяину. Эллис встревожился. «Судя по его тону, он что-то скрывает от меня,— размышлял Стрейкер.— Отчего он так рассердился, когда я предложил ему атаковать Сеул? Что бы ни замышляли Лаббэк с Кассабианом, я бы хотел принять в этом участие».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Присаживайтесь, джентльмены, прошу вас.

Эллис уселся в одно из деревянных кресел, стоявших в кабинете вице-президента. Здесь находились также Хавкен, Кассабиан и Уюку. Встреча проходила в особняке Конроя Лаббэка в условиях чрезвычайной секретности. Чтобы избежать подслушивания, по обеим сторонам коридора выставили караул. Двор просматривался на мониторах. Там никого не было, за исключением двух женщин-охранниц, стоявших по стойке «смирно» у ворот.

Лаббэк, как обычно, развел в камине настоящий огонь, который потрескивал и наполнял комнату уютным теплом. Конрой Лаббэк совсем поседел от неустанных забот о секторе. Его вытянутое лицо, оттененное белой бородой, казалось печальным, как одинокий зимний месяц на холодном небе Либерти. Затылок прикрывала бархатная шапочка. Он говорил неторопливо, тщательно взвешивая каждое слово.

— Я позвал вас сюда, чтобы обсудить с вами надвигающиеся события. К сожалению, обстоятельства складываются против нас. Я предпочел сопротивляться им с вашей помощью и теми средствами, о которых расскажу вам сегодня. Завтра мы совершим первый шаг, направленный на то, чтобы спасти голову нашего Президента. Да, спасти, вопреки всем ее стараниям.

Слушателей при этих словах охватило беспокойство. Эллис вспомнил о том, как он доставлял домой «Ричарда М.», о том, как подавил мятеж, когда они приближались к системе Чеджудо. Затем ему припомнился эпизод, когда

он закопал на безлюдном астероиде золотые запасы «Конституции», упредив начинавшийся на корабле бунт. Они собрались тут, словно заговорщики. Только на этот раз бунт был направлен не против капитана корабля, а против «капитана сектора». Такое преступление называлось не иначе, как государственная измена.

— Я понимаю, о чем вы думаете,— продолжал Конрой Лаббэк.— И вы вправе так думать. Но выслушайте прежде Фариса Кассабиана, и вы поймете причины нашего разговора. Я надеюсь, что мы придем к соглашению, потому что в противном случае мы конченые люди, а Американо обречен.

Справа от вице-президента сидел Кассабиан, одетый в коричневый свитер, из-под которого выглядывал белоснежный воротничок. Вид у государственного секретаря был озабоченный и усталый.

— Вторжение в Американо зиждется на трех столпах: колоссальной армии, которая нам угрожает, флоте, который доставит эту армию, и восстании, которое поднимут сочувствующие захватчикам американцы. Этот последний столп является пьедесталом Люсии Хенри. Уже год после неудавшегося покушения на Алису Кэн она изолирована от внешнего мира по решению Совета Безопасности. Многие надеялись, что эта мера приостановит деятельность некоторых фракций проямато в Американо. Однако они глубоко заблуждались. По своей инициативе полгода назад я обнаружил канал, по которому Люсия могла получать письма. Эта уловка принесла плоды. Я перехватил послание от некоего Тони Бола, молодого адвоката, числящегося в Колледже Армстронга, сообщника предателей Льюиса де Кэмпиона и Роберта Янсена. Тони Бола используют для переброски шпионов в Американоу. В своем послании Бол интересовался мнением Люсии по поводу вторжения Ямато, связанного с этим мятежа и убийства Президента. В своем ответе Хенри одобрила все три этих пункта.

Эллис громко втянул воздух, а Уюку даже привстал. Они посмотрели на мрачного Хавкена.

— Я снял копию с этого письма,— продолжил Кассабиан,— и направил его адресату, чтобы подробнее выяснить их замыслы. Нет необходимости убеждать вас в том, что действия экс-президента являются нарушением закона и заслуживают смертной казни.

— Она — экс-президент,— проговорил Эллис, понимая намерения Кассабиана,— как ее можно казнить? Думаю, это будет нелегко.

— Она будет отдана под суд, состоящий из членов Совета Безопасности и конгрессменов. Если Люсию признают виновной, ее ожидает Лагерь Расплаты, а затем смертная казнь. Да, если она попадет под суд, никакая сила в Освоенном Космосе не спасет ее, кроме самой Алисы Кэн, которая может отменить смертный приговор.

Эллис понял, почему Белый дом сотрясали бури, а Алиса Кэн по-прежнему отказывалась подписывать смертный приговор. Когда Хавкен изложил ей эту идею, она выгнала его.

— Люсия — главный союзник Ямато,— проговорил Эллис, прямо высказывая свою точку зрения Конрою Лаббэку.— Если ее казнят, в Ямато поднимется буря. Император поддержит усилия барона Харуми, что удвоит опасность для Американо.

— Нет! — резко возразил Кассабиан.— Естественно, если Люсию казнят, император будет этим очень недоволен. Но он обнаружит, что у него нет союзников, которые могли бы поддержать мятеж.

— Но и ваше замечание не лишено смысла, капитан,— сказал Лаббэк, кивнув Эллису. Его седая борода чуть дрогнула, четко выделяясь на фоне блестящей ткани пиджака.— Президент опасается, что казнь опорочит идеалы американский справедливости, и мы потеряем доверие остальных секторов. Если мы не оградим ее от обвинений в политическом убийстве, она никогда не подпишет смертный приговор.

— Но как вы собираетесь осуществить свой план? — пожал плечами Эллис.

— Сейчас это вас не касается,— ответил Лаббэк.— Помните, капитан, что мы посвящаем вас в это дело с тем условием, что вы под страхом смерти никому ничего не расскажете. Мы раскрываем наши планы только потому, что хотим вам кое-что поручить.

— Что именно?

— Джос,— Лаббэк кивнул Хавкену.

Тот взволнованно подался вперед, положив руки на колени. Серьезность дела явно тяготила его.

— Как только Люсия Хенри умрет,— проговорил Хавкен,— разобьется последняя надежда на мирное разрешение конфликта. Жизнь Люсии представляет собой компромисс. Без нее после захвата Американо Ямато будет вынужден искать другую кандидатуру на должность Президента-марионетки, но никто из сторонников Хенри не согласится на это. В таком случае у них будет только один выход — принять прямое правление Муцухито. Тогда армию барона Харуми вряд ли будут встречать с распростертыми объятиями, как это произошло бы в случае восстановления власти Люсии.

Уюку заметил слабое место в рассуждениях Хавкена.

— Но разве смерть Люсии не уберет последнее препятствие перед Муцухито? — спросил он.— Это препятствие мешает ему полностью поглотить Американо и превратить его в Сферу Процветания Ямато.

— Да,— нетерпеливо согласился Хавкен.— Именно поэтому мы должны предпринять самые решительные действия против Ямато.

Эллис вздрогнул. Он увидел тот витиеватый путь, по которому рассуждение Хавкена приближалось к своей сути. Сердце его неистово заколотилось в груди. Он понял подтекст: поставив вопрос открыто, Конрой Лаббэк и Фарис Кассабиан признавали то, что упреждающий удар против сил барона Харуми не только возможен, но и необходим. Внезапно предприятие, о котором он говорил Хавкену, умоляя и настаивая на его осуществлении в течение нескольких месяцев, стало не только вероятным, но и неизбежным!

— Налет на Сеул! — воскликнул Эллис так радостно, словно увидел, как вспыхнула новая звезда.

— Да,— сухо согласился Конрой Лаббэк.— Налет, если хотите. Хотя я бы предпочел назвать это операцией флота, тщательно продуманной и спланированной.— Он повернулся к Уюку.— Я проинформирую Совет Безопасности, а вернее, тех его членов, кто посвящен в наши планы и одобряет их по всем пунктам. Конгрессмен Уюку, вы будете командовать этой экспедицией. Я также сообщу Совету, что вы назначите Николая Белкова своим вице-адмиралом, как этого требует сложившаяся ситуация.

Эллису показалось, что чья-то холодная рука безжалостно сдавила его сердце. Он был глубоко разочарован, его охватили ревнивые подозрения. Он ясно понял, что в душе Конрой Лаббэк презирал его. Отец Ребы всегда считал Эллиса пиратом-интриганом, выскочкой, преступным грабителем, которого всегда выручало счастливое пси и которого можно было просто не замечать. Сюда еще примешались различия в социальной иерархии. Статус Стрейкера никогда не поднимался выше статуса простого гражданина, а Уюку был конгрессменом. К тому же Лаббэк не мог простить Эллису Ребы. Он жестоко отомстил ему теперь, не доверив Стрейкеру ни один из командных постов экспедиции, которую Эллис замышлял и планировал.

Он с трудом перевел дыхание. Только теперь Эллис почувствовал всю глубину лицемерия Конроя Лаббэка. «Я — автор этого замысла — Стрейкер. И какое участие я принимаю в предприятии, которое спланировал? Никакого! Ты лживый ублюдок, потому что понимаешь: именно я должен быть назначен командором этой экспедиции. Но ты решил свести со мной старые счеты. Ты знаешь, как это ранит меня, и, в конце концов, тебе наплевать на то, что означает эта операция для Американо! Сука! Я задушил бы тебя своими собственными руками, но сначала оторвал бы тебе яйца!»

— Конрой, а я принимаю какое-нибудь участие в этой экспедиции? — холодно спросил Эллис.

Лаббэк сделал вид, что не слышит.

— Капитан Уюку,— обратился он к Джону,— в ваши обязанности входит подготовка экспедиции. Вскоре вы получите в свое распоряжение необходимое количество кораблей. Учтите, это ваш последний шанс перехватить японский флот, прежде чем барон Харуми завершит свои приготовления к атаке. Теперь идите и обдумайте все хорошенько. Будущее Американо в ваших руках.

Лаббэк тяжело посмотрел на Эллиса, затем кивнул Уюку, чтобы тот вышел. Кассабиан поднялся и тоже собрался покинуть кабинет. Уюку ободряюще похлопал Эллиса по плечу. Когда дверь закрылась, Лаббэк нажал на кнопку вызова, и через секунду перед ним появился один из охранников. Вице-президент что-то прошептал ему, и охранник ушел.

— Я повторяю свой вопрос, Конрой: принимаю ли я участие в этом деле?

Лаббэк смерил Эллиса долгим взглядом.

— Как вы понимаете, с тех пор, как мы виделись с вами в последний раз, обстоятельства значительно изменились.

— Да,— кивнул Эллис.— Я уже принес свои извинения Джосу Хавкену, и он принял их.

— Хорошо. Вы сделали это очень своевременно. Не беспокойтесь, я не собираюсь продолжать ненужные споры.— Лаббэк осторожно поправил рукав.— Я хочу напомнить вам, что вы дали мне клятву относительно вашего брата.

— Да,— встревожился Эллис.— Но я не понимаю...

— Эта встреча была организована в ваших интересах, капитан.— Лаббэк неожиданно сменил тему разговора.— Вы неглупый человек и прекрасно понимаете, что все, недавно сказанное означает полное изменение курса внешней политики.

— Я уже понял это.

— Я сожалею о перемене нашего курса. Но мы с Кассабианом пришли к выводу, что это наш единственный шанс предотвратить несчастье. Нам стало очевидно: если сидеть сложа руки и ждать вторжения отрядов

барона Харуми, то рано или поздно нас полностью уничтожат. «Это правда, — чуть не сказал Эллис.— У нас есть замечательные корабли и сверхоружие, способное на близком расстоянии разгромить японский флот». Но что-то остановило Эллиса, и он промолчал.— Лаббэк закрыл глаза и откинулся в кресле. В беседу вступил Хавкен. При этом он старался не встречаться глазами с Эллисом.

— Я бы хотел избежать этого, Эллис. Но обстоятельства вынуждают нас... Твой брат жив!

— Как?! — вскричал Эллис, будто с него в одно мгновение содрали кожу.

— Дюваль на Сеуле. Он изготовляет сверхоружие для кораблей барона Харуми.

— Нет, не может быть!

— Этому есть неопровержимые доказательства.

— О, Боже...— Эллис бессильно склонился к столу и в ужасе закрыл руками лицо. Все смешалось у него в голове. «Я дважды мысленно хоронил Дюваля, и дважды мне говорят, что он жив и изготовляет сверхоружие для Ямато. Господи, когда же все это кончится?! За что мне такая мука и унижение?!»

— Мне не были известны все подробности,— быстро заговорил Хавкен, словно желая поскорее сообщить Эллису суть дела.— Я знал, что Дюваль остался жив, что он каким-то образом сбежал от кэмпэя, а затем попал в Сеул. Он женат, и у него есть сын. Он работал на моего связного на Сеуле — человека, стоявшего во главе нашей разведки в Корее. Ты помнишь Чой Ки Вона, Эллис? Он помог нам, когда мы прибыли на Чеджудо на борту «Ричарда М.». Позже Чой переехал на Сеул и стал моим деловым партнером во времена Свободной Кореи. Когда Ямато захватил Корею и стал нам угрожать, Чой сделался шпионом. Он возглавлял разведывательную работу в Корее. Он был так важен для нас, что я побоялся рисковать его жизнью. От этого зависела и жизнь Дюваля. Ты понимаешь меня, Эллис? Я не отважился рисковать Чоем даже ради тебя.— Эллис запутался в обрушившемся на него потоке слов. Но все-таки кое-что он сумел понять.

— Значит, Дюваль не предатель... Если он работает на нас, он не предатель. Однако... Однако ты говоришь, что он изготовляет сверхоружие для Ямато... Я не понимаю...

— Дюваля схватили, или он сдался. Чой мертв. У нас имеется только путаное донесение о происшедшем. По крайней мере, мы знаем, что он в руках у барона Харуми, и Ямато использует его.

Эллис задумался.

«Значит, Конрой Лаббэк оказался прав! — с ужасом понял он.— Если у японцев будет сверхоружие, вторжение не удастся остановить на границе!» Стрейкер услышал в коридоре звуки чьих-то шагов. Лаббэк впустил в кабинет морского пехотинца, который ввел за собой двух женщин восточного типа. Одна была среднего возраста, седеющая, с умным взглядом и покрасневшим от слез лицом. Ее фигуру скрывал длинный темный плащ. Другая, шедшая за ней, была выше и лет на пятнадцать моложе — женщина в расцвете лет, удивительно красивая. Эллиса поразили ее горящие глаза и оливковая кожа. В ее горделивой осанке, стройной фигуре, плавной походке чувствовалась кровь древнего самурайского рода. Стрейкер тяжело вздохнул и невольно поднялся с кресла, когда она подошла к столу.

— Это жена твоего брата, Эллис.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Они прогуливались по банкетному залу, стены которого украшали древние картины ярких тонов, написанные маслом. Полотна на античные и библейские темы, в тяжелых золоченых рамах, были внушительных размеров — каждое из них могло заполнить собой стену просторного кабинета. Их перевезли из Белого дома на Древней Земле. Картины изображали традиционные для классицизма XVIII века аллегории.

— Подождите здесь, капитан,— обратился Кассабиан к Эллису.

Стрейкер задумался о тех сложных обстоятельствах, которые привели его сюда, в Белый дом, и о двусмысленности своего положения. После казни Люсии Хенри Алиса Кэн выгнала Конроя Лаббэка из своего кабинета. Ярость ее была ужасна. Она не хотела иметь ничего общего с теми, кто оказался причастен к этому делу. Кассабиан же схитрил, подставив вместо себя своего заместителя Дэвидсона, который сообщил Президенту об исполнении приговора и находился теперь в Лагере Расплаты.

— Она идет,— прошептал Кассабиан, схватив Эллиса за руку и повернув его спиной к часовому.— Помните: она прочла письмо, но ваша встреча не подготовлена, она должна казаться случайной.— Кассабиан поспешно отошел, предоставив Эллису несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

«Черт, какая сложная ситуация! — промелькнуло у него в голове.— Все будущее Американо зависит от результата этой встречи». Он призвал всю свою силу воли,

чтобы успокоиться. Незадолго до этого дня у него состоялся разговор с Кассабианом.

— Но почему именно я должен уговаривать ее? — спрашивал взволнованный Эллис.

— Потому что этот план принадлежит вам, и вы будете доказывать необходимость его осуществления.

— А как же Хавкен, Уюку, адмиралы флота?

— Они слишком тесно связаны с Лаббэком,— пожал плечами Кассабиан.— Уюку нельзя подпускать к Алисе. Ее слишком раздражают грубые манеры Джона, а после неудачной экспедиции она совсем к нему охладела.

— Но я не политик,— попытался возразить Эллис.

— Это не имеет значения. Она помнит вас, и вы ей нравитесь, потому что никогда не обманывали ее ожиданий.

Так Эллис вновь оказался в Белом доме. В коридоре послышались шаги и громкий разговор. Стрейкер невольно замер, когда увидел, как часовые вытянулись по стойке «смирно». Появился президентский эскорт, а затем в зал вошла Алиса Кэн. Ее свита остановилась и разделилась надвое, чтобы не толпиться вокруг нее. Алиса Кэн взглянула на Эллиса. Эллис снял шляпу и галантно поклонился. По его внешнему виду трудно было догадаться, что он сильно волновался. Президент стояла на значительном расстоянии от него, не желая подходить ближе.

— Кто вы?

Он внимательно посмотрел ей в глаза и чуть помедлил с ответом.

— Я спрашиваю: кто вы? — повысила она голос.

— Меня зовут Эллис Стрейкер, мисс Президент.

— А, я помню вас. Посмотрите,— она обратилась к своей свите,— это тот самый капитан, который увлекся дочерью Конроя Лаббэка.

В зале раздались шепот и смешки.

— Хорошо, Эллис Стрейкер. Я бы хотела знать: что вас сюда привело? — холодно поинтересовалась Алиса.

Его разозлило высказывание о «дочери Конроя Лаббэка», но он не подал виду.

— Я хотел взглянуть на эти картины,— неожиданно ответил Эллис.

— В самом деле? И как вы их находите?

— О, они очень интересны, мисс Президент.

Она повернулась к свите и многозначительно переглянулась со своими помощницами, словно желая сказать: «Ну что ж, сейчас мы узнаем, что за душой у этого человека».

— Какая же из картин вам больше всего нравится, капитан? — спросила Алиса Кэн.

Стрейкер окинул взглядом полотна. «Ты должен произвести на нее впечатление,— сказал себе Эллис.— От этого зависит успех всего дела. Но будь осторожен. Один неверный шаг — и все рухнет. Во второй раз уговорить ее уже не удастся». Стрейкер взглянул на две ближайшие к нему картины — «Музыку» и «Танец». Он знал, что эти темы близки сердцу Президента. «Нет,— подумал Эллис,— сейчас такой разговор неуместен».

— Позвольте мне рассмотреть получше,— осторожно сказал он.

— Посторонитесь,— приказала Алиса своей свите.— Пусть капитан подойдет поближе.

Она заметила, как его взгляд скользнул по «Смертным грехам». Эллис поморщился. Еще меньше ему нравилось «Торжество Времени над Славой». Затем он внимательно осмотрел «Торжество Славы над Смертью». Наконец, он уставился на «Ганнибала».

— Капитан, а что вы скажете по поводу вот этой картины? —спросила Алиса Кэн, указывая на «Торжество Смерти над Целомудрием», висевшую справа от нее.

Эллис понял намек. Президент хотела сказать, что она никогда не выйдет замуж за китайского принца и вообще умрет старой девой. Она увидела, как он наморщил лоб, его густые светлые брови нахмурились.

— Мне кажется, мисс Президент, эта картина не самая лучшая. Здесь есть более интересные полотна.

— Вот как...— разочарованно проговорила Алиса.— В таком случае,— неожиданно энергично сказала она,— мне бы хотелось услышать ваше мнение не только по поводу картин, но и о состоянии нашего флота.

Эллис на минуту задумался. Она заметила, что он сложил руки на груди точно так же, как это делал Конрой Лаббэк, когда решал сложную задачу. Эллис стоял, сгорая под нетерпеливыми взглядами свиты. Сопровождающие Президента были недовольны тем, что приятная прогулка по Белому дому неожиданно прервалась беседой на политические темы с каким-то капитаном. Прошло еще несколько томительных секунд, и Эллис решился высказать свои мысли.

— Нашим кораблям завидует весь Освоенный Космос,— уверенно и громко произнес Стрейкер.— Мы долго работали над их усовершенствованием, и это дало свои результаты. Наш флот может выполнить любую поставленную перед ним задачу!

— Ваши слова обнадеживают, капитан,— улыбнулась Алиса.— Ну а что же по поводу картин?

— Что касается живописи, то я не очень хорошо в ней разбираюсь. Но здесь есть две картины, которые мне очень нравятся. Я предпочел бы их всем остальным.

В этот момент один из приближенных нагнулся и прошептал на ухо Президенту подсказку. Она улыбнулась.

— Позвольте, я угадаю ваш выбор.

— Пожалуйста,— спокойно сказал Эллис, хотя душа у него ушла в пятки.

Президент прошлась по залу, звонко стуча каблуками о полированный паркет. Затем она вернулась и внимательно посмотрела на Эллиса. Ему показалось, что ее взгляд пронизывает его насквозь. Она коснулась массивного кулона, висевшего у нее на шее на тонкой платиновой цепочке. Только сейчас Эллис заметил, что в кулон был вправлен один из тех изумрудов, которые он привез из Зоны и преподнес ей через Кассабиана в качестве рождественского подарка много лет назад.

— Кстати, я совсем забыла поблагодарить вас за подарок,— улыбаясь, проговорила Алиса. Она произнесла это таким тоном, как будто Эллис преподнес ей ларец с изумрудами несколько дней назад.

— Я рад, что он вам понравился. Но мы сможем добыть для вас нечто более ценное, если вы вновь отправите нас в Зону,— с замиранием сердца произнес Стрейкер.

Она снова улыбнулась:

— Пожалуй, я могу угадать, но лучше уж вы сами покажите мне, если не возражаете.

— Хорошо, мисс Президент.

— Хотя... Может, вот эта? — она с лукавством во взгляде указала на «Танец» — античную пастораль с изображением обнаженных муз, кружащихся в весеннем хороводе.

— О, эта картина великолепна, но больше всего мне нравится другая,— дипломатично возразил Эллис.

— Какая?

Он дерзко шагнул к «Торжеству Славы над Смертью», затем круто развернулся и указал на противоположную стену, где висела картина с изображением Ганнибала.

— Вот эта!

Наступила полная тишина. На холсте был изображен легендарный полководец далекой античности во время его славной победы в Каннах, где он разгромил пятидесятитысячную армию и обезоружил Рим. Внезапно резкий смех Алисы разорвал напряженную тишину.

— Великолепно, капитан Стрейкер! Вы сделали правильный выбор! Я благословляю вас и ваши корабли!

Президент резко развернулась и вышла из зала. Свита последовала за ней. Эллис остался один, боясь поверить в свою удачу. Затем до него постепенно дошло, что он выиграл. Стрейкер подпрыгнул от радости и издал громкий клич, как мустанг, выпущенный на волю.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Место действия: Сеул

Кацуми наблюдал, как генералы свиты Верховного главнокомандующего входили в крепость. Прославленные на всю империю самураи поднимались по крутым ступенькам, их кривые мечи звенели, ударяясь о блестящие доспехи. Они направлялись в кабинет Военного совета. Подготовка к вторжению почти закончилась, но сегодня здесь произойдет важнейшее событие, которое повлияет на судьбу всего Освоенного Космоса. Из этой крепости, возвышающейся над портом Сеул, небесная кара наконец обрушится на непокорный Американо. Кацуми вспомнил о создателе сверхоружия, и дрожь пробежала по его телу. Он почувствовал силу, которую ощущают только воины,— опьяняющую силу сакэ «Белая цапля».

«Все наше будущее зависит от этого решения, сложного, как перемещение камешка го в конце игры,— в волнении размышлял Кацуми.— Но куда бы этот камешек ни поставили, главная роль отводится Дювалю Стрейкеру. Она подтверждается торжественным соглашением, которое Нисима-сан и Дюваль заключили двадцать четыре часа назад. «Война — это погоня за славой!» — вот что сказал тогда Нисима Юн. На войне отличаются честолюбивые люди, и в особенности те, которые оказались на виду у командиров. А со временем они сами станут командовать.

Таков Путь, такова война. Вот почему настоящее начало — именно сегодня,— думал Кацуми.— Да, сегодня столкнутся армии белых и черных камешков, и мне, Ураве-но Хасэгаве Кацуми, посчастливится наблюдать за

этим столкновением. Я уже давно не юноша. Это мой последний шанс завоевать истинное признание. Но если Нисиме не повезет, я, как и было условлено, переверну доску и разбросаю камешки, но так, чтобы их можно было потом собрать».

Кацуми последовал за командующими. Они рассаживались вдоль низкого стола с картой-экраном. Скрестив ноги, барон Харуми занял место во главе, а остальные, сопровождаемые своими хатамото, расселись слева и справа, согласно рангам. На татами возле стола собрался весь цвет самурайского воинства со времен Хайнаня. Справа от барона Харуми сидел Аеки Дзэнго, его заместитель, а рядом — адмирал Курита Имари. Двух других адмиралов, двоюродных братьев Ямогути Кофуи и Мацумото, ненавидевших друг друга, предусмотрительно разместили у противоположных концов плана. Между ними находились генерал То и генерал Сумита, напротив — Мунами Ёриясу и генерал Ёнай. Нисима Юн сел у подножья плана. Его голубые яркие одежды украшало изображение стрекозы — символа Ямато.

Все собравшиеся в кабинете Военного совета были известнейшими в Ямато людьми. На каждом лице светились достоинство и гордость. Каждый из них носил гербы своего древнего рода, награды за прошлые победы и знаки отличия.

Их тела защищали доспехи, в которых сражались еще их предки, добывавшие в течение веков славу императору. Сражения эти были победоносными — по велению богов, нынешний император правит уже двумя секторами и собирается завоевать третий. Все они твердо верили в то, что придет время — и весь Освоенный Космос окажется под властью Ямато. Ради этого проливали кровь их предки, ради этого можно принять смерть и покрыть себя неувядаемой славой!

Собравшиеся приступили к делу, и в кабинете воцарилась тишина. Барон Харуми сразу же удивил всех, вытащив свой тяжелый меч. Это было не простое оружие. Его изготовил славный кузнец Мунэтика еще на

Древней Земле. Говорят, что боги позволяют раз в тысячелетие изготовить такой совершенный меч, как тот, которым владел Харуми,— он никогда не терял гибкости, не тупился и не ржавел. Сплетения узоров пиой говорили о том, что меч изготовлен по заказу императорской семьи. Это был личный подарок Муцухито своему Верховному главнокомандующему.

— Мы проводим эту встречу с большим опозданием,— объявил собравшимся барон Харуми.— Его императорское величество устал от бесконечных отсрочек. Он не примет больше никаких изменений в плане вторжения. Теперь появилась еще одна причина, по которой мы обязаны срочно привести флот в полную боевую готовность. Сегодня ночью мне доложили, что, по сообщению агентов его императорского величества в Линкольне, на Либерти было совершено величайшее преступление. Американский узурпатор Алиса Кэн казнила законного Президента Люсию Хенри.

Собравшиеся склонили головы.

— Поэтому прежде, чем сегодня вечером я закончу работу,— продолжал Харуми,— вы узнаете мое окончательное решение относительно флота. Но сначала я хотел бы изложить план в целом.

Хотя известие о казни Люсии неприятно поразило Нисиму, он нисколько не встревожился. Нисима понимал, что его назначение генералиссимусом армии вторжения практически гарантировано, как если бы император уже подписал указ. «Смерть Хенри ничего не меняет,— размышлял Нисима.— Алиса Кэн просто дала нам хороший предлог для расправы с ней».

— Каждый из вас получит возможность высказать свое мнение по этому поводу.— Барон Харуми посмотрел на лица своих подчиненных.

Только его тяжелый взгляд с затаенной в нем болью, да пальцы, судорожно сжимавшие ногу возле колена, свидетельствовали о мучившем его серьезном недомогании. Он склонился над экраном, дотрагиваясь до изображений кончиком меча.

— Я намерен собрать все наши девять эскадр здесь, на Сеуле,— хрипло проговорил он.— Как только это будет сделано, мы отправимся вдоль сеульской цепи орбит и войдем на Гавайи. Затем мы преодолеем американскую границу, воспользовавшись хорошим гравитационным индексом в этом районе, и двинемся по направлению к системе Калифорния-2. Наша цель — потрясти, вселить страх и посеять панику среди жителей Американо. Пусть они увидят, какая армада брошена против них. Каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок должны почувствовать силу и решительность Ямато. Они обязаны осознать всю бессмысленность сопротивления!

Собравшиеся завороженно внимали барону Харуми. Они были поглощены разворачивающимся перед ними планом вторжения, которого с нетерпением ожидали не один год.

— Я намереваюсь разгромить западную эскадру американского флота на Каролине. Если она там, мы придем и уничтожим ее. Затем мы сразу же направимся к орбите Одинокой Сосны, находящейся в самом центре главной внутренней американской цепи. Там, на Массачусетсе, я собираюсь высадить шестьсот тысяч воинов, основать главный плацдарм для наступления, занять систему и уничтожить все очаги сопротивления. Как только восточные порты окажутся в наших руках, мы осуществим высадку основных сил. Наша армия в состоянии преодолеть любое сопротивление.

Главный удар будет нанесен со стороны Красных Равнин по направлению к Либерти.— Харуми перевел дыхание и изучающе посмотрел на лица подчиненных.— Как только войско высадится, флот снова снимется и продолжит движение к Маршаллам, где произойдет погрузка второго войска под командованием генерала Ямогути. Мы должны переправить его отряды через границу и выставить сопровождающий эскорт для его кораблей, чтобы благополучно довести их до Калифорнии. Таким образом, когда войска Ямогути приземлятся

на Либерти, столица сектора Линкольн окажется между молотом и наковальней, и все будет готово к ее захвату. Только после этого мы займемся остатками американского флота.

Слова барона Харуми вызвали энтузиазм у генералитета. Главнокомандующему пришлось даже успокаивать своих подчиненных.

— Я понимаю ваши чувства,— сказал он.— Но изложить план еще не значит осуществить его. Я прошу генерала Яхару детально описать нам, как его армия приблизится к Линкольну и вызовет американский флот на прямое столкновение.

Нисима уставился в одну точку, не веря своим ушам. «Как, генерал Яхара?! — мысленно воскликнул он.— Этот отвратительный выскочка с жирными волосами?! Не может быть! Это просто насмешка обезумевшего от болезни Харуми. Я должен командовать десантом на Либерти. Это распоряжение императора! Как посмел барон его отменить?!»

За спиной Нисимы стоял побледневший Кацуми. «Один ход противника — и мы оказались в проигрыше, как дилетанты,— сказал он себе.— Но ничего, не стоит отчаиваться. У нас в запасе есть хитрый маневр. Мы выдвинем вперед Дюваля Стрейкера». Генерал Яхара, седовласый напыщенный человек, медленно встал на ноги и поклонился собравшимся.

— Почтенные господа,— зазвучал его грубый стальной голос.— Все мы хорошо знаем, что сектор Американо не испытывал внешних угроз и вторжений со времен Освоения Космоса, то есть более четырехсот лет. Наши же воины постоянно закалялись в борьбе с корейскими мятежниками и грязными китайцами, многие из которых владеют боевыми искусствами. Это дает нам несомненное преимущество над врагом. Американцы неспособны вести настоящую войну, тем более на собственной территории. Даже сейчас, накануне вторжения, у них нет настоящей армии, всего лишь сброд неопытных рекрутов, которые не в состоянии отличить один

конец оружия от другого. Наши отряды доблестных самураев сомнут их, как только мы подойдем к Линкольну с юго-запада.

Моя первостепенная задача,— продолжал Яхара,— захватить и разрушить их главные порты в Харрисбурге, Филадельфии и Балтиморе и стереть с лица земли города, находящиеся между ними. Как вы можете видеть, все эти цели удобно расположены к северу от экватора, и нам не составит труда приблизиться к ним с полярной орбиты.

Именно таким образом наш флот ворвется на Либерти и устремится к Линкольну. К тому времени, когда городские здания уже будут в огне, наше основное пехотное войско завладеет западным континентом. Если узурпатор улетит в Детройт, это вобьет клин между ней и Линкольном. Если же она останется в Белом доме, мы запрем ее в столице и в конце концов арестуем, чтобы предать справедливому суду.

Одновременно с наступлением западной группы войск мы планируем удар с востока, чтобы отрезать пути к отступлению из города. Затем повернем к югу и сомкнем кольцо. Ни один человек после этого не выберется из Линкольна. Нам известно, что большую часть Либерти защищает устаревшее оружие, которое не является серьезным препятствием для наших войск. Мы разрушим все христианские храмы и сожжем их служителей, что станет устрашающим примером для американцев. Алиса Кэн должна быть схвачена и казнена! После этого сопротивление значительно ослабнет.

Минами Ёриясу, опытнейший генерал, участник битвы при Хайнани, холодно посмотрел на Яхару.

— Что, если американский флот блокирует Одинокую Сосну, когда наши корабли к ней приблизятся? — высказал он возражение.

— Ну и что? — спросил Харуми.

— Не следует ли нам, барон, вступить с ними в сражение как можно раньше?

— Нет, нам нужно держать курс на Красные Равнины.

— Но наш флот значительно превосходит американский, и мы могли бы разгромить его до высадки армии.

Все разом заговорили. Барон взмахнул мечом, восстанавливая тишину, а затем положил его на экран.

— Вы забываете, что эта операция проводится совместно с армией генерала Ямогути. Если мы высадим десант численностью пять миллионов человек, Американо будет разбит. Никто не сможет противостоять такой силе. Наша основная ставка — это высадка десанта, а не сражение двух флотов.

Дзэнго согласно кивнул головой и поддержал своего начальника.

— Это самое главное в предстоящей кампании,— сказал он.— Зачем вступать в сражение с американским флотом, если мы можем просто обойти его? Они не решатся атаковать нас до тех пор, пока мы будем держаться все вместе и сохранять строгий порядок. Мы должны действовать строго по плану генерала Яхары.

— Но нам нельзя и недооценивать силу американского флота,— осторожно заметил молодой генерал То.— Когда тридцать лет назад мой отец доставил его императорское величество на Либерти, он имел возможность подробно ознакомиться с американскими кораблями. Тогда они произвели на него сильное впечатление.

В спор вступил генерал Сумита, лихой вояка, который участвовал в сражении на Хайнани и захватил тогда китайский флагман. Он был полностью на стороне Яхары.

— С тех пор состояние их флота значительно изменилось,— едко заметил Сумита.— Причиной тому — скупая и неумелая военная политика женщины, которую они называют Президентом. От их флота осталась половина того, что было раньше. К тому же, у них души пиратов. Совершить неожиданный налет на плохо защищенную торговую эскадру или мирный город — на это они мастера. А вот вести настоящие боевые действия с сильным противником они не умеют и никогда не умели.

Присутствующие закивали в знак одобрения.

— Я согласен,— сдался То.— Приземлиться у Красных Равнин — значит, повторить историю. Именно на эти орбиты прибыл император, когда посетил Американо. Я думаю, это хорошее предзнаменование. Однако мы не должны находиться в плену у примет,— все же попытался возразить То.

— Принимаем ли мы во внимание возможность того, что американский флот может неожиданно атаковать наши корабли? — спросил Аеки Дзэнго барона Харуми.

Тот улыбнулся. Ему понравился вопрос. Харуми знал, что генералов мучает тайное опасение — они боялись вероломного нападения Черного Дракона, который не проиграл еще ни одного сражения и даже в самых тяжелых и безнадежных ситуациях выходил сухим из воды. Барон понимал, что репутация Уюку и его экипажа была вполне заслуженной. Он действительно представлял собой большую опасность. Вред, который причинил Черный Дракон, нанеся оскорбление чести Ямато, был намного страшнее разрушений, произведенных им. Барон решил воспользоваться возможностью успокоить своих подчиненных накануне вторжения. Сделать это было необходимо, тем более что он тщательно продумал стратегию, которая полностью исключала внезапное нападение пирата.

— Мы имеем возможность создать мощное поле защиты,— сказал Харуми.— И сделаем это вот таким образом.— Он поднял руки и описал в воздухе круг.— Недаром на нашем флаге изображено солнце. Мы будем подобны ему!

Удивленный гомон прокатился по кабинету Военного совета.

— Да, да! Именно восходящее солнце! Мы сомкнем в кольцо и сконцентрируем силовые поля сотен кораблей, что создаст такой мощный щит, который не сможет пробить ни одно орудие. Грузовой транспорт окажется в центре, а с внешней стороны мы разместим крейсеры.

Нисима раздраженно слушал объяснения барона Харуми. Новость о назначении Яхары командующим де-

санта на Либерти разрушила все его планы. Нисима был глубоко уязвлен. Сам император назначил его генералиссимусом, оказав бывшему даймё Садо высокое доверие и отблагодарив за верную службу. Нисима не ожидал, что Харуми отодвинет его на второй план. «Харуми занял исключительное положение,— сердито размышлял Нисима.— Он осмеливается игнорировать приказы императора и распоряжаться флотом как своей собственностью. Он единолично принимает главные решения, не считаясь ни с кем! А как раболепно ведут себя его подчиненные, в том числе и Яхара. Но ничего, скоро все станет на свои места!»

Нисима переглянулся с Кацуми. Они понимали друг друга без слов. Бывший даймё Садо вспомнил ту ночь, когда Дюваль Стрейкер во второй раз попался им в руки, на этот раз уже на Сеуле. Нисима не смел даже надеяться на это, но судьба преподнесла ему неожиданный подарок.

— Я все понимаю, господин,— сказал тогда Кацуми,— но власть сейчас сосредоточена в руках барона Харуми. Он начнет вторжение тогда, когда сочтет нужным.

— К несчастью, да. К несчастью, потому что с Дювалем Стрейкером мы могли бы так вооружить флот, что он стал бы неуязвимым.

— Что же делать? — спросил Кацуми.

— Подумайте. Вы видели, каким усталым и изможденным выглядит барон Харуми?

— Да.

— Верховный главнокомандующий начал принимать плохие решения. Конечно, я регулярно докладываю об этом императору.

Кацуми неуверенно взглянул на своего начальника.

— Но император не потерпит отсрочки. Мне известно, что он чуть ли не каждый день пишет барону Харуми, побуждая его начать кампанию,— осторожно возразил Хасэгава.

— Я слышала,— вмешалась в разговор Фумико,— что венерическое заболевание Харуми настолько запущено, что уже неизлечимо. Он не протянет и года.

Фумико ненавидела теперь Сеул так же, как когда-то Садо. А Харуми являлся для нее живой помехой, препятствующей возвращению в Киото.

— Что вы хотите этим сказать? — холодно спросил Нисима.

— Вы могли бы способствовать падению Харуми. К тому же, он совершенно не заботится о себе. Император не будет сильно огорчен, узнав о его смерти. Муцухито не любит упрямцев, противников своей воли. Если вы устраните барона, то в конце концов сможете использовать американца в своих целях.

— Американец тут ни при чем,— солгал Нисима.

— В самом деле? — Фумико не поверила мужу.

— Харуми достаточно силен, чтобы начать вторжение. Пока что он еще нужен императору.

— Но вы в состоянии ускорить закат карьеры Харуми, и его жизни тоже,— злобно проговорила Фумико.— Это ваш единственный выход.

Нисима с гневом посмотрел на жену. Он хотел бы обойти молчанием ее слова, но их явно отметил про себя Кацуми, поэтому он решился раскрыть карты.

— Хорошо,— спокойно проговорил Нисима.— Предположим, что Харуми умрет до начала вторжения. Что ожидает нас в таком случае? Как вы думаете, Хасэгава-сан?

Кацуми погрузился в глубокие размышления.

— Император должен будет назначить другого Верховного главнокомандующего.

— И кто, по вашему мнению, претендует на этот пост? — с иронией спросил Нисима.

— Мне трудно сказать...— замялся Кацуми.

— Ну, ну, смелее, капитан.

— Я думаю, что им станет человек, находящийся в фаворе и в добром здравии,— дипломатично ответил Хасэгава.

— Кто именно? — настаивал Нисима.

— Вероятно, адмирал Аеки Дзэнго. Он заместитель.

— О, нет. Вы ошибаетесь. Этого не произойдет. Во-первых, Дзэнго слишком стар. Во-вторых, он всегда со-

стоял при Харуми и не способен к самостоятельным действиям. После смерти барона он окажется в роли ребенка, потерявшего своих родителей.

— В таком случае, император будет выбирать между Куритой, Кофуи и, конечно же, вами, господин.

— Вот именно,— радостно подхватил Нисима.— Мы должны направить добрую волю императора в нужное русло. Что нам тогда необходимо предпринять? Подумайте, Кацуми-сан. Вы обладаете талантом организатора,— польстил Нисима своему офицеру.

— Мы сообщим, что на флоте не все благополучно. Многие экипажи неопытны, другие плохо вооружены. По статистическим данным, у нас приходится всего лишь по тридцать зарядов на одну пушку. Конечно, для такой кампании, как вторжение в Американо, этого количества недостаточно. Отсюда следует, что необходимо воспользоваться сверхоружием.

— Сколько гравитационных установок сможет сделать для наших кораблей Дюваль Стрейкер в ближайшее время? — спросил Нисима.

Кацуми наморщил лоб и надолго задумался. Пока он решал в уме эту сложную задачу, его начальник размышлял о возможной кандидатуре на пост Верховного главнокомандующего. «А что, если император предпочтет Куриту? — с тревогой спрашивал он себя.— Это очень опытный адмирал, известный своей смелостью. Он той же закалки, что и барон Харуми. Не знаю, как относится к Курите император, но, каким бы ни было его мнение, я смогу найти его уязвимое место... Муцухито никогда не согласится на то, чтобы вторжением командовал человек, чья приверженность Пути подлежит сомнению. Он не доверит такой ответственной кампании адмиралу, который однажды унизился до шантажа мэцукэ! Он обвинил самого Фукуду Икку, что тот одержим черными демонами. Нет, Курита мне не помеха. Я уберу его!»

Кацуми наконец решил сложную задачу.

— Я полагаю, ваше превосходительство, что Дюваль Стрейкер сможет сделать в ближайшее время около

пятидесяти пушек. Но для их зарядки потребуется много серебра.

— Значит, я попрошу сто. Сделайте необходимые расчеты и скажите мне, сколько для этого понадобится дополнительных средств.

— Опасаюсь, ваше превосходительство, что император не согласится,— засомневался Кацуми.

— Не думаю. Затраты на вторжение уже достигли четырехлетних доходов Садо и Окинавы. Раз император решился на эту кампанию, то уже ничто его не остановит.

— А вы не могли бы написать императору и уговорить его лично приехать на Сеул?

— Зачем? — спросил Нисима, удивляясь наивности Кацуми.— Император никогда не покинет Киото. Он безвыездно живет во дворце, и это нам на руку. Мне меньше всего хотелось бы, чтобы Муцухито вмешивался в происходящее на Сеуле. Я ему все подробно описываю. Императору остается только верить во все то, что я ему сообщаю. В этом наша сила.

— Я понимаю вас, ваше превосходительство.

— Рад это слышать.— Нисима сделал глоток сакэ.— Ну, а теперь я хочу вернуться к разговору о Дювале Стрейкере. Пожалуй, пришло время использовать нашего американца против барона Харуми. Только одна деталь по-прежнему озадачивает меня: почему он добровольно решил сдаться вам, Кацуми-сан?

— Я не могу точно ответить на этот вопрос, ваше превосходительство. Меня он тоже очень тревожит.

— А как объясняет этот удивительный факт сам американец?

— Он убежден, что мы все равно обнаружили бы его, рано или поздно. Я, конечно, подверг его зонду...

— Как?! Вы зондировали его?

— Да.

— Зачем?

— Я хотел выяснить, где находится моя сестра.

— Но, я надеюсь, вы не причинили ему серьезного вреда?

Кацуми вытащил вспотевшую ногу из сандалии и пошевелил пальцами. Эта привычка очень раздражала Нисиму, но сейчас он не стал делать замечание своему подчиненному.

— Мы допрашивали Дюваля Стрейкера в бессознательном состоянии. Он говорил о Мити-сан. Он очень тревожится за ее судьбу. Я только хотел выяснить, где она.

— Ну и как, вам удалось выяснить?

— Нет.

— И не пытайтесь больше. Это приказ. Мы должны полностью сохранить его мыслительные способности. Это слишком дорогой и редкий товар. Не рискуйте им ради личных капризов.

— Слушаюсь, господин.

— И все-таки, почему он сдался? — озабоченно спросил Нисима.

— Я не могу объяснить этого, ваше превосходительство. Как узнать, что творится в душе варвара?

Нисима холодно улыбнулся:

— Я простил вам ваши грехи, Кацуми-сан. Я не наказал вас, когда вы упустили американца на Садо. И вот теперь боги вознаграждают мою добродетель.

Кацуми потупился. Нисима вспомнил, как тот зверски расправился со стариком Хосино. В своем старшем офицере он часто замечал проявления безудержной жестокости. Это могло в свое время пригодиться. Тогда, на Садо, Кацуми без всякой видимой причины убил Ватару Хосино. Хотя старик выполнил план даймё, американец сбежал не только от кэмпэя, но и от своего «спасителя». Нисима взял Ватару на встречу, о которой договорились Кацуми и Мити. Когда стало ясно, что американец не придет, разгневанный Кацуми рассек старику шею, удовлетворив этим, как он позже объяснил Нисиме, желание Хосино — тот, якобы, всегда хотел умереть как солдат.

После этого, несмотря на тщательные поиски кэмпэя, ни Дюваля, ни Мити так и не удалось обнаружить. Они точно сквозь землю провалились. Конечно, было много

донесений: Гуам, Маршаллы, Корея. Попалось даже какое-то сообщение о катастрофе торгового судна, во время которой сбежал некий американец. Но точных сведений добыть так и не удалось. Теперь Дюваль явился сам. Это было изумительно. Он попал к ним в руки в самый подходящий момент, накануне вторжения. Нельзя было искушать судьбу во второй раз и подвергать его зондированию.

— Заботьтесь о Дювале Стрейкере,— проговорил Нисима, откинувшись на подушки.— Ни один волос с его головы не должен упасть без моего ведома.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Вы верны мне, Кацуми-сан? — неожиданно спросил Нисима и пристально посмотрел на своего офицера.

— Да, господин,— без колебаний ответил тот.

— И императору тоже?

На этот раз Кацуми помедлил с ответом.

— Безоговорочно!

— Мне интересно было бы знать,— Нисима даже привстал, поглощенный безрассудной идеей,— да, мне интересно: что бы вы сделали, если бы я сообщил вам, что терпение императора по отношению к барону Харуми на пределе и что Муцухито хочет, чтобы его Верховный главнокомандующий побыстрее умер?

Нисима улыбнулся, вспомнив, как у Кацуми отвисла челюсть, когда он услышал эти слова... Но в этот момент звонкий удар гонга, раздавшийся в кабинете Военного совета, вернул Нисиму к действительности. Он огляделся. Справа от него стоял барон Харуми. «Мне известно, что ты неизлечимо болен,— размышлял Нисима.— Но как скоро ты умрешь? Если это затянется, я воспользуюсь помощью Кацуми, который беспредельно предан мне. Он достаточно жесток и глуп, чтобы без угрызений совести разделаться с тобой, особенно после того, как я показал ему письмо, полученное из Киото».

Несколько дней назад Нисима получил срочную депешу от Муцухито. Император интересовался состоянием флота, сетовал на промедление Харуми, просил подробно

описать намерения барона, а также сообщить, каким образом можно помочь Харуми преодолеть те трудности, которые перед ним возникли. Тон этого письма, как и всех посланий Муцухито, был нарочито двусмысленным. «Да,— размышлял Нисима, возбуждаясь от затаенной мечты,— когда-то меня использовал принц Сэкигахава, чтобы убить сумасшедшего сына Муцухито. Теперь я точно так же использую Кацуми, чтобы убить барона Харуми».

— Вы хотите что-то сказать, Нисима-сан? — неожиданно обратился к нему Верховный главнокомандующий.

— Я? — растерялся Нисима.

Харуми пристально посмотрел на него своим пронизывающим насквозь взглядом, от которого невозможно было укрыться.

— Вы, кажется, чем-то встревожены.

Нисима встал на колени и поклонился.

— Я бы хотел подчеркнуть необходимость надежного вооружения. Я полагаю, что нам следует задержаться и установить на наши корабли сверхпушки. Лучшие исследователи и конструкторы Ямато и Кореи работают над этой проблемой. Мы нанесем оскорбление императору, если начнем вторжение подготовленными лишь наполовину.

Барон Харуми досадливо поморщился и отвернулся.

— Вы эксперт, Нисима-сан. Не забывайте, что в вашу задачу входит следить за техническим обеспечением кораблей, а не определять сроки начала военных действий.

Генерал Яхара воспользовался моментом, чтобы поддержать барона Харуми.

— Для нас важнее всего быстрая и решительная атака пехоты. Естественно, это будет зависеть от удачного старта. Когда мы вылетаем с Сеула?

— Терпение, Яхара-сан, ждать осталось совсем недолго,— поспешил заверить его Харуми.— Я знаю, что ваши люди рвутся в бой. Скоро им предоставится такая возможность. Мы отправимся из Сеула через полтора, мак-

симум два месяца. Через шесть недель после этого мы пересечем американскую границу, и вы будете стоять у городских стен Линкольна, а на следующий день пить зеленый чай на руинах Белого дома. Я обещаю вам это!

— Извините, но я сомневаюсь в том, что это возможно,— неожиданно возразил Курита.— Я понимаю, что Муцухито разгневается, если произойдет новая задержка. Но разве мы в состоянии подготовить флот за такой срок?

— Мы можем вылететь хоть сейчас, если я отдам такой приказ! — резко сказал Харуми.

Курита прикусил язык.

— Я жду лишь эскадру, которая формируется на Чхонджине. Как только она прибудет, мы отправимся в путь.

— Но нам не хватает сверхоружия,— вставил генерал То.— Нисима-сан совершенно прав. Многое нуждается в доработке.

Харуми вскипел от гнева.

— Я не могу согласиться с этим! У нас достаточно сил, чтобы разбить американцев! Мы не должны терять ни одной недели. Время работает против нас!

— Извините, но не означает ли это, что вы готовы рискнуть всей операцией? — вновь вступил в спор Нисима.

Взгляды всех присутствующих обратились на него.

— Нет! — отрезал Харуми.— Медлить нельзя!

— Конечно,— спокойно продолжал Нисима,— я ни в коем случае не хочу высказать неуважение к вам, барон. Но у меня складывается впечатление, что вы очень торопитесь. Мне кажется, лучше подождать еще несколько месяцев. В этом случае мы возьмем Линкольн, как вы и планируете, но наши корабли будут оснащены сверхоружием и смогут уничтожить любой американский корабль. Если мы повременим, то полностью застрахуем себя от неудачи.

— Да, Нисима прав,— поддержал его Курита.— Несколько месяцев ничего существенно не меняют. Почему мы вылетаем так скоро?

— Потому что император приказал нам уложиться в сроки! — в ярости закричал Харуми.— Пусть мы потеряем несколько кораблей! Ничего страшного. Это война, и в ней участвуют гордые самураи! Солдаты! Воины! Война несет с собой опасность и смерть. Бессмысленно прятаться от смерти во время войны. Так поступают только трусы! Но мы не трусы. Мы хотим войны, чтобы пройти через кровь и покрыть себя неувядаемой славой, как делали наши предки! Разве не так?

Гул одобрения раздался в ответ на патетические восклицания Верховного главнокомандующего. Барон Харуми тяжело посмотрел на Нисиму, как бы навязывая ему свою волю.

— Разве я не прав, Нисима-сан?

Тому ничего не оставалось, как нехотя согласиться.

— Конечно, правы...

— Да! Здесь не может быть никаких возражений! — развивал свой успех Харуми.— Как можно думать иначе? Мы сыны Ямато! Мы следуем Пути. Мы помним наш долг. Никто не остановит нас. Никто! И если император говорит, что мы должны напасть на Американо, значит, мы нападем на него!

Наступила тишина. Глаза барона Харуми налились кровью, на лбу его проступили пульсирующие вены. Он медленно обвел взглядом подчиненных.

— Адмирал Курита,— хрипло произнес барон.

Тот смело взглянул в глаза Харуми.

— Я уверен в том, что в словах Нисимы есть доля истины. Несколько раз гвардия Ямато испытывала на себе боевую силу сверхоружия. На близком расстоянии от него нет защиты. Однако ждать больше нельзя. Мы вооружим наш флот сверхпушками за три месяца, но за это время может измениться гравитационный индекс, и тогда мы вынуждены будем отложить вторжение до следующего года...

— Вовсе не обязательно,— прервал его Нисима. Он решил высказать еще один аргумент в пользу своего плана.

— Никто не способен предсказать изменение индекса. И нам не нужно ждать три месяца. Я утверждаю, что здесь, на оружейных комплексах Сеула, мы сможем изготовить сверхпушки всего за месяц. Они ничем не уступят американскому оружию.

Слова Нисимы вызвали бурную реакцию.

— Невозможно! — воскликнул генерал Ёнай.

— Это правда?

— О чем вы говорите, Нисима-сан?

— Замолчите! — резко прервал споры Харуми.— Через месяц мы уже будем курсировать в Нейтральной Зоне, направляясь к американской границе. Император приказал, значит, так тому и быть! А теперь, адмирал Курита, огласите боевой порядок.

— Слушаюсь, барон.— Курита поклонился и стал зачитывать приказ Харуми:

— Верховный главнокомандующий барон Харуми лично возглавит эскадру Ямасиро из пятнадцати кораблей, десять из которых, атакующие крейсеры, будут сопровождать транспортные корабли. Флагман эскадры — личный корабль барона Харуми «Иэясу Токугава», в двенадцать тысяч тонн, в настоящее время он находится на Чхонджине.

Флотилией «Кудзуке»,— продолжал зачитывать приказ Курита,— будет командовать генерал То: десять транспортных кораблей и четыре атакующих крейсера, включая «Иэсигэ». Эскадра «Синано»: генерал Сумита. Четырнадцать транспортных кораблей, два боевых крейсера. Эскадра «Бидзэн»: генерал Киносита. Десять транспортных кораблей, один круглый корабль. Эскадра «Сёцу»: генерал Ёнай.

Одиннадцать транспортных кораблей и два боевых крейсера. В первой линии, в атакующей колонне — эскадра «Симофудза» под командованием адмирала Мацумото, который будет находиться на борту «Иэмицу». Десять круглых кораблей и пять боевых крейсеров. Нисима-сан будет находиться на борту «Такэды Сингэна» вместе с Аоки-сан.

Присутствующие в кабинете Военного совета с волнением слушали приказ барона Харуми, который внимательно следил за реакцией каждого подчиненного. Некоторых пока еще не назвали, других вовсе не упомянут. Главнокомандующему показалось, что он нашел компромисс. Никто не выглядел полностью удовлетворенным, однако никто не возмутился вслух, даже отвратительный и высокомерный Нисима Юн.

— Есть какие-нибудь вопросы? — спросил Харуми.

— Вы позволите мне направить свои усилия на оснащение кораблей новыми пушками в случае отсрочки вылета с Сеула? — поинтересовался Нисима, восхищаясь про себя тем, что заставил Харуми публично признать зависимость своих действий от воли императора.

— Нисима-сан, как пятый командующий, вы должны воздержаться от тех дел, которые не входят в вашу компетенцию. Ваша задача — проследить, чтобы отряды Яхары были нормально экипированы и погружены на исправный транспорт в условленное время. И не более того.

Харуми с ненавистью посмотрел на Нисиму, а затем повернулся к Курите и сделал ему знак продолжать чтение приказа.

— Хай! Вторая боевая линия, следующая за...

Нисима внимательно наблюдал за тем, как холодный взгляд барона Харуми скользит по подчиненным. Наконец Курита закончил чтение. Вновь наступила тишина.

— Кто-нибудь желает высказаться? Нет? Хорошо, тогда я хочу сказать вам еще несколько слов.— Харуми сделал паузу и перевел дыхание.— Я командовал многими экспедициями и участвовал не в одном сражении. Каждая битва учила меня тому, что успех в войне зависит от расстановки сил и строгой дисциплины. Подчиненные должны выполнять приказы командиров. Точно, без оговорок и вопросов. Я распределил между вами эскадры нашего флота после долгих размышлений. Некоторые из вас, возможно, испытывают разочарование, но, независимо от того, довольны вы своим назначением или нет, я прошу вас забыть о своих чувствах и личных

амбициях. Я хочу, чтобы каждый из вас принес торжественную клятву на верность мне и нашему императору.

Первым поклялся адмирал Мацумото. Харуми по очереди обходил подчиненных, и те церемонно выказывали ему свою верность. Нисима, внимательно следивший за Харуми, видел, что это представление доставляет главнокомандующему явное удовольствие. Нисима решил немного испортить настроение барону, когда очередь дойдет до него. Наконец Харуми подошел к Нисиме. Их взгляды встретились.

— Нисима-сан, ваше слово...

Тот встал на колени и поклонился.

— Клянусь, что буду оказывать вам поддержку,— он сделал паузу,— пока вы живы.

Харуми побледнел и отвернулся.

— Теперь я позову жрецов, чтобы они благословили наше предприятие,— громко объявил Харуми.

Вошли жрецы Синто. Присутствующие поклонились им и поклялись посвятить свою жизнь и все устремления императору, Сыну Небес. Началось монотонное пение. Внезапно за дверью раздались крики. Все отвернулись от жрецов. Встревоженный Харуми вскочил на ноги.

— Кто осмеливается мешать нашим молитвам?! — вскричал он.

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет вбежал связной. Он был смертельно бледен и не успел еще отдышаться после борьбы со стражей.

— В чем дело?! — грозно прорычал Харуми.

Вместо ответа связной упал ниц и протянул сообщение, которое заставило прервать молитву Военного совета.

— Что это? — с тревогой спросил главнокомандующий.

— Ужасное несчастье, господин!

— Несчастье?!

— Черный Дракон! Его флагман во главе огромного флота видели в цепи орбит Небесного Мира! Он направляется сюда, на Сеул, чтобы уничтожить нас!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Место действия: Нейтральная Зона

Эллис Стрейкер сидел в модернизированной капитанской каюте на борту своей испытанной, прошедшей многие сражения «Конституции». Эллис прислушивался к знакомым звукам двигателей. Он различал в их шуме малейшие нюансы, говорившие ему лучше всяких компьютеров о режиме работы корабля и его состоянии. Как обычно, у штурвала стоял Джонс Куртис. Мощные двигатели развили ускорение до двухсот g. Корабль развернулся по направлению к станции Реш-4-9.

На те несколько минут, что Эллис имел в запасе, он погрузился в воспоминания. Он не сдержал данного Ребе обещания. Она не забыла, как он говорил ей, что никогда больше не выйдет в открытый космос. Но все же ей пришлось освободить его от обета. Реба понимала, что должна это сделать ради Эллиса, ради всего будущего Американо. С замиранием сердца и со слезами на глазах она благословила его на дальний путь. Эллис уверил ее, что с ним ничего не случится. Он размышлял, мучительно пытаясь понять, почему Хавкен так долго не рассказывал ему о жизни Дюваля на Сеуле. Джос открыл секрет только тогда, когда экспедиция, направленная на уничтожение императорских кораблей в корейских портах, стала реальной.

С нехорошим предчувствием Эллис взял в руки запечатанный пакет. Он не имел права вскрывать его. Пакет был адресован адмиралу, а адмиралом назначили Джона Уюку. Сегодня, когда они прибудут в цепь Небесного Мира, и перед ними откроется прямой путь к Сеулу,

Джон вскроет пакет и ознакомится с его содержанием. Эллис знал, что адресованные Уюку документы уже просмотрел Лаббэк. Их доставил связной из Ямато. В них содержалось подробное описание подступов к сеульскому порту и его защитным сооружениям. Связной утверждал, что описание составлено Дювалем. «Неужели эти данные действительно собраны Дювалем? — с волнением спрашивал себя Эллис.— Если да, то на кого он все-таки работает?»

Существовали два главных подступа к сеульскому порту: основная транспортная орбита, проходящая над полюсом, и высокая экваториальная трасса, кишащая спутниками и станциями, напичканными лазерным оружием и надежно защищенными. Сеул патрулировался эскадрой быстрых вооруженных шаттлов, вокруг возвышались неприступные крепости. Таким образом, порт был неуязвим. Эллиса очень беспокоили слухи о том, что Дюваль вооружает флот Ямато. Вторжение в Американо со сверхоружием могло иметь самые тяжелые последствия.

Двигатели «Конституции» перешли в режим торможения. Корабль постепенно снижал ускорение. Когда оно достигло двух g, Эллис сунул конверт в карман кителя и направился к капитанскому мостику, где его поджидал младший лейтенант. Вдвоем они взошли на палубу шаттла. Новенький шаттл был очень маневренным и быстрым.

Пилоты старались продемонстрировать свое умение перед Эллисом. Дорога не заняла много времени, и уже через час они приблизились к центральной палубе «Калифорнии» — корабля, принадлежащего Джону Уюку. Всю дорогу Эллис вспоминал, как они встретились с Джоном в последний раз перед вылетом. Это произошло в Харрисбурге, после того как Эллис уговорил Президента направить их на Сеул для нанесения упреждающего удара. Джон, назначенный адмиралом, выглядел тогда самым счастливым человеком на свете.

— Ну что, Ганнибал? — захохотал он, увидев Эллиса.— Я слышал, ты убедил Президента бросить наши

войска на покорение Рима? Надеюсь, ты не сказал ей, что мы отправимся на слонах?

— Нет,— улыбнулся Стрейкер,— я только заверил ее, что мы растопчем корабли императора.

— О'кей!

Порт Харрисбург уже наводнили экипажи, ожидавшие отправления. Эллис встретил множество знакомых. Некоторых из них он уже не надеялся когда-нибудь увидеть. Это напомнило ему о былых временах, обрадовало и вселило уверенность в успехе их очень рискованного предприятия.

Ирландец Корнелиус прибыл вместе с капитаном Боуэном. Томас Брофи прихватил собственный корабль. Эллис был шокирован, когда увидел, что грубый техасец, не лишенный чувства юмора, назвал свой корабль «Поцелуй меня в зад!». Стрейкер все-таки рассмеялся и не стал убеждать Брофи переименовать его. Затем в толпе мелькнуло лицо Ноувела, а рядом с ним — Као. За последние десять лет китаец превратился в преуспевающего торговца. Он прибыл из Филадельфии на личном торгово-военном корабле, чтобы предложить свою помощь. Были и многие другие, участвовавшие в сражениях вместе с Уюку и Эллисом. Экспедиция не испытывала недостатка в желающих нанести Ямато сокрушительный удар. Настроение у всех было самое приподнятое.

Уюку взял приказ и зачитал его перед собравшейся толпой.

— Пятнадцатого марта 2441 года решением Президента Джону Уюку присвоено звание адмирала.

Раздались аплодисменты.

— Он назначается командующим Американским флотом,— продолжил Джон,— для проведения операции в Корейском секторе с целью уничтожения кораблей Ямато.— Толпа радостно заревела.

Это событие взбудоражило весь военно-промышленный комплекс и привела его в движение. Алиса Кэн открыто высказала свою позицию. Она вдохновила мно-

гих бизнесменов вложить свои средства в экспедицию, чтобы рискнуть несколькими миллионами кредитов в надежде получить прибыль. Среди инвесторов оказалось много друзей и деловых партнеров Эллиса. «Торговые» корабли, находившиеся в секретных ангарах Ньюпорта, Харрисбурга, Норфолка, мгновенно превратились в боевые крейсеры. Можно было уже не скрывать своих намерений. Джон Уюку прямо сказал об этом в своем вечернем телеинтервью.

— Нам приказано объявить протест незаконному захвату Ямато многих территорий, включая Нейтральную Зону и Свободную Корею. Мы будем уничтожать военные японские корабли, где бы их ни встретили».

Ночью они долго беседовали и строили планы.

— Мы получили полную свободу действий, Джон! — радостно воскликнул Эллис.

— Да, такого еще не бывало! — подхватил Уюку.

— Это значительно больше того, что позволил нам Лаббэк.

— И именно то, что нам нужно.

— Но Кассабиан предупредил меня, что у нас могут возникнуть некоторые затруднения,— осторожно заметил Эллис.

— Какие? — встревожился Джон.

— Через неделю Алиса объявит Лаббэку, что она передумала. Конрой пошлет Дзиро Ито с приказом остановить нас.

— Что?! — не поверил своим ушам Уюку.

— Не переживай,— успокоил его Эллис.— Если мы спровоцируем войну, Американо придется нести за нее ответственность. Это скажется на ее международном престиже. Алиса должна нам официально «помешать». Понимаешь?

Уюку расхохотался над тонкостями мировой дипломатии, уловив в словах Эллиса скрытый подтекст.

— Да,— задумчиво проговорил Джон, неожиданно перестав смеяться,— так уже бывало в истории. Ни одна из сторон не решается первой открыть огонь, а в резуль-

тате боевые действия начинает тот, кто оказывается между ними.

— Что ты думаешь о наших ближайших планах? — спросил Стрейкер.

Он внимательно посмотрел на Джона.

— Мы вылетаем через два дня. Нам нужно побыстрей набрать ускорение, чтобы нас не перехватил Дзиро Ито. Я пошлю своего племянника Аби Харриса в форт Буша. Он достаточно компетентный человек, чтобы помешать любому, кто попытается наладить с нами срочную радиосвязь.

— Хорошо. Я обеспечу назначение связного корабля. Им будет «Бирмингем».

— Здорово! — обрадовался Джон.— Кажется, капитан этого корабля — сын Джоса Хавкена?

— Точно. Он сделает все возможное, чтобы мы «разошлись» с Дзиро Ито.

— Эллис, ты просто молодец!

Джон покинул Харрисбург первого апреля, в День Дураков, выпустив над портом голубое пламя салюта из сверхоружия, установленного на шестнадцати крейсерах и семи фрегатах. Эллис вылетел чуть позже. Они условились встретиться на станции Реш-4-9 в Нейтральной Зоне. Стрейкер должен был доставить от Лаббэка запечатанный пакет с документами и приказами. Джон радостно приветствовал своих гостей на борту «Калифорнии». Все собравшиеся думали, что целью их экспедиции является Сеул. Никто, кроме Эллиса, не знал настоящего пункта назначения.

Николай Белков, дородный, седовласый, испытывал унижение оттого, что им командует Уюку. Как и хотел Лаббэк, Белкова назначили вице-адмиралом. В Линкольне Хавкен объяснил Эллису, что это лучший способ держать заговорщика подальше от Президента. Белков прибыл на «Аризоне». За ним следовали Кент Феннер, преданный Уюку астронавт, участвовавший в последнем налете на Домашние Миры, Хол Бел сдержанный, честный и решительный и сам Эллис. Стрейкер незаметно

передал Уюку пакет. Тот распечатал его и пробежал глазами приказ. Джон и Эллис многозначительно переглянулись. Как обычно, Уюку дал возможность высказаться всем. Николай Белков стал объяснять, почему Сеул кажется ему недостижимой целью.

— Вы правы,— неожиданно согласился с ним Уюку.— Именно поэтому мы и не стремимся туда.

Все были шокированы.

— Как? — воскликнул Гамильтон.— Мы не полетим на Сеул?

— Нет,— твердо ответил Джон.

— Почему?

— Потому что мы постараемся подловить «Иэясу Токугаву» — флагман барона Харуми. Этот корабль снаряжается вместе со вторым флотом на Чхонджине.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Место действия: Система Чхонджина

В среду девятого апреля около полудня они прибыли в порт Чхонджин, согреваемый лучами голубого гиганта. Планета находилась между мирами двадцатого градуса и корейской границей. Город был удален от порта на несколько километров. Он стоял на скалистом острове, связанном мостом с длинной отмелью, переходившей в известковую пустыню. Город возвышался над северным, внешним портом, но существовал еще второй, внутренний порт, надежно защищенный и засекреченный. Именно оттуда корабль полковника Койзуми из эскадры наземной защиты двинулся на перехват передового корабля неизвестной флотилии, ворвавшейся на орбиту Чхонджина.

Этим передовым кораблем была «Конституция», на капитанском мостике которой стоял Эллис Стрейкер. Он ликовал. Удачное пси и высокий индекс позволили им стремительно приблизиться к порту. Наблюдая за движением корабля-перехватчика, Эллис пытался выбросить из головы содержание того ужасного письма, которое лежало в запечатанном пакете вместе с документами и инструкциями.

Когда совещание на борту «Калифорнии» подошло к концу, Уюку вытащил это письмо из пакета и отдал его Эллису. Оно было от Хавкена. В нем Джос напоминал Эллису о клятве на борту «Чизпэка» и о его обещании Лаббэку. В письме сообщалось, что Конрой получил подтверждение того, что Дюваль занимается разработкой сверхоружия на Сеуле. Это грозило Американо самыми серьезными последствиями. Хавкен обязывал Эллиса либо

привезти Дюваля, либо сдержать клятву, то есть убить его. Хавкен, как обычно, поступил очень хитро. Он не стал навязывать Эллису эту тяжелую миссию, когда тот находился на Либерти и мог еще отказаться от экспедиции. Джос взвалил это бремя на Стрейкера, когда тот был уже в Нейтральной Зоне и не имел возможности отступить.

— Что ты собираешься делать? — спросил Уюку, когда они остались одни.

— Не знаю,— откровенно признался Эллис.

— Хавкен прав. Дюваля надо остановить.

— Но почему именно я, его брат, должен заниматься этим? — сокрушался Эллис.

— Потому что Хавкен уверен: кроме тебя никто не сможет этого сделать.

— А если и я не смогу?

— Сможешь.

Эллис предпочитал не думать о требовании Хавкена. Первый раз в жизни Стрейкер решил положиться на случай, рассудив про себя, что многое может измениться после событий на Чхонджине.

— Открыть предупредительный огонь по кораблю-перехватчику,— скомандовал Эллис, когда нос вражеского корабля оказался в опасной близости от них. Последовали два выстрела. Сквозь клубы дыма было видно, как перехватчик бросился прочь. «Такое впечатление, что они приняли нас за торговые корейские суда»,— усмехнулся Эллис. Он представил себе, какая паника охватила наземную защиту порта. Как всегда грозная репутация Черного Дракона служила лучшим союзником во время неожиданных налетов. Позади «Конституции» разворачивались другие американские корабли. Они прошли опасный мезоновый слой и стремительно приближались к поверхности планеты. Эллис понял, что тактика внезапной атаки открыла им путь к хорошо укрепленному секретному порту.

Вдруг он заметил, что японцы собирают эскадру для ответного удара. Внизу около десяти кораблей готови-

лись оказать сопротивление. «Их командующий просто сумасшедший, если собирается вступить в сражение,— подумал Эллис. Он был не в состоянии понять, что творится в душе полковника Койдзуми.— Неужели он не видит, что мы раскидаем эти жалкие атмосферные корабли, как пух? — недоумевал Стрейкер.— Будь я на его месте, я бы отправил перехватчиков обратно на базу и установил щиты для обороны внутреннего порта. Нет, упрямый самурай решил пойти на верную гибель, лишь бы не потерять лицо. Что ж, он получит по заслугам».

Сквозь панорамные купола Эллис наблюдал с капитанского мостика, как перехватчики стали маневрировать, занимая боевые позиции. Они выстроились в классический клин, чтобы не служить противнику крупной мишенью. Это рассмешило Эллиса, хотя на небольшой высоте перехватчики могли представлять серьезную опасность для космических кораблей. Но опытные американские капитаны не могли угодить в такую простую ловушку.

— Сигнал с «Калифорнии», сэр.

— Слушаю,— живо отозвался Эллис.

Уюку передал, что четыре американских корабля, имеющих самое внушительное вооружение, откроют огонь по перехватчикам. Эллис в это время должен приземлиться в порту и первым обрушиться на стоящие там японские корабли. Эллис мысленно поблагодарил командующего перехватчиками за то, что тот предоставил ему возможность напасть первому. Мимо молчавших батарей наземной охраны «Конституция» устремилась в порт Чхонджин. При этом Эллис постоянно контролировал передвижения остальных своих кораблей по аэротрассам. Они приблизились к взлетно-посадочным полосам, и глаза Эллиса радостно вспыхнули при виде зрелища, которое предстало перед ними. На стоянках располагались тридцать два корабля, каждый массой свыше десяти тысяч тонн. Это были мощные крейсеры, предназначенные для вторжения в Американо. У ремонтных доков стояло еще около тридцати кораблей, как овцы в овчар-

не. Эти корабли, наполовину подготовленные, не имели еще двигателей, на них проводилась внутренняя реконструкция.

— Они обрезают кабели и хотят увезти корабли в ангары! —закричал встревоженный Хол Бел.— Капитан, что будем делать?

— А что вы предлагаете?

— Уничтожить их! — ответил хор голосов.

— Так кто же вам мешает?

— Вы приказываете атаковать их? — спросил возбужденный Хол.

— Да,— коротко ответил Эллис.

— Слушаюсь, сэр.

С «Конституции» увидели, как Уюку ударил по перехватчикам, сбив один корабль и разогнав остальных. Американские корабли резко развернулись и пронеслись совсем низко над испуганными техниками, бросившимися врассыпную. На площадке остались безоружные новенькие крейсеры. Они размещались в несколько рядов — без экипажей, без щитов и пушек, которые могли бы вести ответный огонь. Нападение действительно оказалось внезапным и стремительным. Охрана Чхонджина была к нему не готова.

В течение следующих трех часов американцы грабили и уничтожали корабли, стоявшие во внешнем порту. Шаттлы с жадными до добычи командами курсировали по площадке, перебираясь от корабля к кораблю в поисках трофеев. Американцы методично обыскивали их и взрывали, превращая в дымящиеся груды развалин. Только один корабль смог оказать сопротивление — тяжелое торговое судно в восемнадцать тысяч тонн. Вероятно, оно прибыло незадолго до нападения, и его команда не успела покинуть порт. Американцы сомкнулись возле него кольцом, как голодные волки. Направив на торговца сверхпушки, они разнесли его на куски, оплакивая дорогую добычу.

К вечеру нападающие сгруппировались в самом центре внешнего порта. Здесь они находились в безопасно-

сти, тяжелые японские батареи не открывали по ним огонь, потому что боялись повредить корабли, стоявшие во внутреннем порту. Наземные войска должны были подоспеть на защиту Чхонджина не раньше, чем через несколько часов.

Несмотря на сумерки, было светло, как днем. Пламя, охватившее сооружения порта, ярко освещало взлетно-посадочную площадку. Изредка с батарей раздавались одиночные выстрелы, которые не могли причинить вреда пиратам. Уюку созвал капитанов на совет, чтобы выслушать их мнения. Многие, уже удвоившие свое личное состояние, готовы были следовать за Уюку хоть в ад. Но нашелся и один недовольный.

— Мы сделали все возможное. Теперь нам нужно выбираться отсюда, пока не поздно,— настаивал Николай Белков.

Эллису не понравилось поведение Белкова, но он промолчал. Уюку отреагировал на слова вице-адмирала иначе. Глаза Джона сузились, когда он почувствовал страх и непокорность Белкова.

— Мы успели выполнить только половину задуманного,— возразил Уюку.

— Если индекс упадет,— не успокаивался Белков,— мы окажемся в ловушке. Перехватчики скоро вернутся, и мы превратимся в живые мишени.

— Мы должны довести дело до конца! — отрезал Джон.

— Но вы неправильно меня поняли...

— В самом деле?

Белков не привык к такому обращению. Он разволновался, лицо его покрылось красными пятнами.

— Капитан Уюку! До сих пор нам сопутствовала удача. Мы уничтожили несколько десятков японских кораблей и не можем желать большего.

Эллис заметил, как глаза Уюку вспыхнули ненавистью. Стрейкер хорошо знал неизменное правило Джона — он не терпел возражений от людей, которых не уважал. Как-то один из капитанов, Харвис Доути, взбун-

товался во время налета. Уюку довольно просто расправился с мятежником, послав его в самое пекло.

— Давайте позабудем о сегодняшнем дне, тем более что он уже заканчивается. Лучше подумаем о том, что ждет нас в будущем,— проговорил Джон с обманчивым спокойствием.— Как скажет вам любой игрок в кости, фортуна переменчива.

— Вы собираетесь играть в кости? — разошелся Белков.— Вас нисколько не заботит, что мы можем сложить головы в этом порту? Нам нужно убираться с планеты, и побыстрее. Мы вернемся победителями. Это единственно разумный...

— Молчать! — заорал на него Джон.— Держите рот на замке, пока я не дам вам слова.

— Я протестую!

— Идите к черту!

— Вы лишаете меня права высказать свое мнение,— губы Белкова задрожали.— Я доложу в Комиссию, что вы не соблюдаете флотских законов.

— Флот тут не при чем,— зловеще проговорил Уюку.— Это просто перебранка между мной и агентом Ямато. Вы бы лучше попридержали язык, если хотите остаться в живых.

Белков тяжело запыхтел. Он был возмущен угрозой, но взял себя в руки. Когда они покинули «Калифорнию», Эллис холодно сказал Белкову, что тот вел себя неумно.

— Но нам необходимо выбраться отсюда. Все трактаты о войне говорят...

— Забудьте о трактатах. Вам не следовало спорить с Джоном. Он легко может убрать вас. Он здесь хозяин и не потерпит возражений.

Белков вспомнил слухи о том, как Уюку расправился с Харвисом Доути.

— Капитан Стрейкер, я нахожусь здесь как официальный наблюдатель. Вице-президент направил меня в качестве представителя от флота. Здесь есть наши корабли, и я думаю только о благе миссии. Если индекс упадет...

— Делайте, как вам сказали.

— Вы забываете, что я не только наблюдатель. Я нахожусь в чине адмирала и являюсь здесь заместителем командующего!

— Делайте то, что вам говорят! — повторил Эллис, повысив голос.— Вы подонок, Белков. Джон не потерпит возражений от человека, который ввел нас в заблуждение и настроил против Джоса Хавкена. Именно вы и ваши приятели вымогали деньги у Комиссии, подвергая риску не только экипажи, но и всю безопасность Американо! Убежден, что Уюку рассчитается с вами за это!

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что теперь вы можете заключать пари на свою жизнь — вы окажетесь в самой горячей точке следующего сражения. Может быть, это заставит вас задуматься об оборотной стороне лживой политики.

Белков ничего не ответил, и они молча разошлись. Эллис заметил страх на лице вице-адмирала. «А теперь можешь наложить в штаны, сукин сын,— тихо выругался Эллис.— Война проучит тебя,— мысленно обращался он к Белкову.— Ты заслуживаешь того, чтобы тебе надрали задницу. Твоя правительственная карьера закончена. Хотя я и согласен с тем, что внутренний порт — опасная ловушка. Нам будет нелегко оттуда выбраться. Желая укротить тебя, Джон утратил чутье. Трудно сказать, что ждет нас во внутреннем порту...»

Эллис понимал, что соблазн был очень велик. В конце взлетно-посадочной полосы внутреннего порта парковался «Токугава Иэясу» — флагман барона Харуми, мощнейший корабль в двенадцать тысяч тонн. Стрейкер видел, что Уюку вышел из себя во время спора с Белковым, и это привело Джона к необдуманному решению. С рассветом следующего дня американцы начали боевые действия, пытаясь захватить корабль барона Харуми. Рой шаттлов медленно прокладывал себе дорогу к флагману. В конце концов они захватили его, разграбили и сожгли. Та же участь постигла еще шесть крейсеров, стоявших рядом. Члены экипажа Эллиса заполучили много добра. На последнем корабле им попались четыре странных

контейнера. Они притащили их на «Конституцию» и вскрыли с помощью мезоновых ножей. Но пиратов постигло разочарование: в контейнерах лежали только аккуратно сложенные кимоно монахов каннуси и их плетеные корзины.

— Что это за...

— Какая дряны!

— Выкинем их к черту!

— Нет! — резко остановил их Эллис.— Оставьте все здесь.

Опьяненные успехом пираты шутки ради стали примерять монашеские одежды. У Эллиса, наблюдающего за ними, неожиданно родился план, как «остановить» Дюваля. Они уже готовились покинуть порт, когда вновь появились корабли-перехватчики. Батареи открыли огонь. Корабль Белкова попал под сильный обстрел и был поврежден, Уюку нехотя взял его на буксир. Затем американцы покинули планету. Их преследовали залпы лазерных орудий, но щиты не подвели. Набрав необходимую скорость, они направились к станции Гимл-8-0-1. Именно там Эллис и объявил всем, что хочет спасти Дюваля и что у него уже есть план.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Место действия: Сеул

Кровавый рассвет поднимался над Сеулом. Дюваль протер глаза от сна и выглянул из окна командной крепости, чтобы выяснить причину шума на улице. Весь предыдущий день он наблюдал за тем, как приходили и уходили связные офицеры высокого ранга. Случилось нечто непредвиденное и чрезвычайно важное. «Что же произошло? — терялся в догадках Дюваль.— Кажется, какое-то несчастье».

В крепости он находился в заключении со дня своего нежданного появления перед Кацуми. Мити кричала, что это самоубийство. Она забилась в истерике, когда поняла, что ей не удастся отговорить мужа. Чой Ки Вон нашел потом место на корабле Объединенных Балтийских Государств для Мити и Кэнити. По пути на Ригу корабль должен был сделать остановку в Американо. Чой хорошо знал капитана и полностью доверял ему. Дюваль вспомнил их прощание и ощутил в своем сердце пустоту. Напоследок Мити сказала, что любит его и всегда будет любить, но у нее такое предчувствие, что они больше никогда не увидятся. Это опустошило его душу, и в памяти часто всплывали ее слова.

По приказу Нисимы его заключили в командную крепость, как он и надеялся. Чой Ки Вон отослал свою жену и троих сыновей на том же корабле. Через неделю Чоя арестовал Кацуми. После того как Нисима запретил проводить допросы с применением зонда, Кацуми нашел еще один способ выяснить, куда подевалась его сестра. Он знал, что Чой и Дюваль были дружны.

Хасэгава распял старика на крепостных стенах, и тот умирал три дня.

«Почему Нисима не использует меня?» — терялся в догадках Дюваль. Но однажды, когда Стрейкер уже почти утратил надежду, Нисима вызвал его к себе и дал работу. За то время, пока Дюваль находился в плену, ненависть его окрепла. Он понимал, что необходимо терпеливо ждать своего шанса. Несмотря на то, что лаборатории командной крепости работали день и ночь, вооружая корабли, их усилия не повлияли на основную силу флота. Вторжение должно было начаться через три недели, а они сделали всего двадцать сверхпушек по новому образцу. Для гигантского флота, состоявшего из двухсот крейсеров, это было незначительное количество — достаточное для вооружения лишь двух больших кораблей.

Месяцы, потраченные Нисимой, дорого обошлись императору. Но Дюваль поклялся, что заставит Муцухито заплатить еще больше. Стрейкера волновало только одно — убийство барона Харуми. Без главнокомандующего вторжение потеряет стремительность и эффективность. «Только бы представился случай, только бы представился...»,— неистово молился Дюваль.

Стрейкер выглянул на улицу, чтобы выяснить причину шума. На этот раз он увидел не знаменосцев, не курьеров, а религиозную процессию. Торжественно ступая, приближались монахи. Свободные голубые одежды свисали до самых пят, ноги их были обуты в сандалии, а головы закрывали высокие тростниковые корзины тэнгай. У каждого за плечами болталась матерчатая сумка на двух веревках, символизировавших инь и ян. В сумках, Дюваль хорошо это знал, лежали мечи и флейты сакухати. Это были монахи каннуси, того же ордена, что и монахи, которые поддерживали заключенных на допросах кэмпэя и сопровождали во время церемоний распятия. Вид монахов пробудил в душе Дюваля жуткие воспоминания.

Для процессии освобождали дорогу. Остановилось утреннее движение транспорта, люди теснились вдоль стен

и почтительно кланялись монахам, проходившим мимо них чинным строем. Шагавший впереди монах помахивал кадилом. Следующий за ним высоко держал жезл и знамя — белый треугольник с фиолетовой ящерицей, герб клана Кунэсоки. За ними шли двадцать четыре монаха, в ряд по четыре. Еще восемь человек несли красный лакированный гроб, покрытый белой мантией, которую поддерживали четверо монахов. Шествие замыкала еще одна колонна из двадцати четырех человек. Печальные погребальные причитания заполнили улицу и проникли за стены крепости.

— Вей-е-йе-е...— завывал один монах.

— Хоу-оу-оу-оу...— вторили ему остальные.

Дюваль внимательно прислушался. Он никогда не слышал такого оплакивания, хотя его ритм казался знакомым.

— Вей-е-йе-е... Хоу-оу-оу-оу...— отвратительно выли монахи.

«Должно быть, это корейцы из какой-нибудь секты на Хоккайдо», —подумал Дюваль. Монахи высоко подняли факелы, рука одного из них обнажилась, так что на ней можно было заметить голубоватую татуировку. Дюваля словно пронзила молния. Внезапно он понял, что это за ритм. Его часто выстукивали на американских кораблях во время затишья уставшие астронавты. «Господи, не может быть... Этого не может быть»,— с содроганием прошептал Дюваль. Он испуганно наблюдал, как процессия приближалась к крепости. Монахи прошли мимо стражи, которая почтительно пропустила их, не задавая вопросов. Они направлялись к высоким плексовым стенам, за которыми располагались исследовательская лаборатория и оружейный блок, где изготовляли сверхоружие.

Дюваль разгадал намерения «монахов» и бросился к ним навстречу. Прижавшись к стене, он увидел, как они бросили гроб и вытащили из него тяжелое лазерное оружие. Другие доставали его из мешков и корзин. «Монахи» мгновенно превратились в налетчиков. Один

из охранников, отправившийся по нужде, завернул за угол и разинул от удивления рот, который ему тут же закрыли. Несчастного пронзили кинжалом, так что тот умер, не издав ни звука, только дернулся несколько раз в конвульсиях и залил серую брусчатку своей кровью.

Не произнося ни слова, пираты разделились на четыре отряда и рассеялись по крепости. Дюваль понял, что они очень хорошо знали план бастиона и целенаправленно искали то, что хотели найти. Его также поразили удивительная слаженность и дисциплинированность их действий. Один из отрядов приблизился к лаборатории, обстреливая защитную систему. Раздались крики, застрекотали выстрелы. Трое рабочих выскочили из лаборатории и попытались спастись бегством, но их сразили атакующие. Голубоватая струя мезона лизала стены оружейного блока.

Внезапно страшный взрыв сорвал крышу и подбросил ее высоко в небо. Дюваль упал на землю. Он закрыл голову руками, но перед этим успел увидеть образовавшийся над крепостью гигантский оранжевый гриб. Посыпались обломки, Дюваля окатила волна горячего воздуха, словно смерч, поднявшийся в пустыне. Ворота внутренней крепости, где находился генералитет, с шумом захлопнулись. К ним стекалась охрана, пытаясь остановить атакующих. Многие защитники падали, сраженные лазерными лучами. Дюваль с ужасом наблюдал, как нападающие собирались у арсенала. «Они скоро будут здесь,— шептал он.— А как же барон Харуми? Они схватят меня, и я не смогу его убить! Сейчас мне не добраться до него, внутренняя крепость наглухо закрыта. Что же делать? Что?! — в панике спрашивал он себя.— Харуми должен умереть! Я должен убить его!»

Навязчивая идея полностью овладела сознанием Дюваля. Он вскочил на ноги и огляделся. Повсюду гремели выстрелы. Голубоватые лучи лазерного оружия налетчиков разили защитников. Лабораторный блок превратился в пылающий очаг. Рушившиеся пристройки отбрасывали кривые тени на заполненный дымом двор. Один из пиратов, с лазерным пистолетом в руке, заметил

Дюваля и бросился к нему. Тот почувствовал, что попал в ловушку.

— Нет! — дико закричал он на английском языке.— Остановитесь! Вы все портите! Барон Харуми! Он должен умереть! Барон Харуми! Разве вы не понимаете? — Дюваль, много лет не говоривший на родном языке, испугался собственного голоса. Ему показалось, что эти слова выкрикнул кто-то другой.

Атакующий внезапно остановился. Его лицо, запачканное расплывшейся от пота сажей, пылало яростью. Темно-синий балахон жреца превратился в лохмотья, из-под которых выглядывали плексовые пластинки, покрытые хромом. Они ярко сверкали во вспышках пожарища, словно сердце горело в его груди. «Жрец» потянулся к пистолету, но затем внезапно отбросил его и кинулся к Дювалю.

— Дюваль! Дюваль! Ты не узнаешь меня?!

Тот остолбенел. Все это казалось ему страшным сном. Он не мог даже пошевелиться.

— Эллис? Нет! — Дюваль отпрянул, словно увидел привидение.

— Послушай меня! — кричал ему Эллис.

— Убирайся!

— Дюваль! Дюваль! — пытался докричаться до него Эллис.— Я возьму тебя обратно в Американо! Там твои жена и сын! Там твой дом! Дюваль, послушай меня!

— Нет! Я не могу! Я должен остаться! Ты — призрак!

Он набросился на злого ками в образе Эллиса. Дюваль знал только одно: он не имеет права покинуть Сеул, пока барон Харуми жив. Привидение размахнулось, чтобы ударить Дюваля, сбить его ног и захватить. Но в этот момент точный выстрел снайпера попал демону в грудь, и тот упал. Дюваль повернулся и бросился в укрытие. Оглянувшись, Дюваль увидел, что дьявольская свита быстро окружила тело и поволокла его к тупоносому шаттлу, который, словно по волшебству, спустился с неба и навис над ними. Они мгновенно исчезли в широко разинутой пасти шаттла, и тот с невероятной скоростью унес их из пылающей крепости.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Место действия: Либерти

Эллис проложил себе путь сквозь намокшую под дождем толпу и соскреб грязь с ботинок, прежде чем последовать за помощником секретаря, который вышел ему навстречу. Они направились к пышной колоннаде Белого дома. Эллис радовался тому, что морозы сменились оттепелью.

Но дождь немного испортил ему настроение. Он испытывал приступы боли в груди — ныли два ребра, сломанных во время июльского налета на Сеул. Луч снайпера пронизил бы его сердце, но помешали плексовые пластинки, которые он надел в последний момент перед атакой.

Лазерный луч оплавил их и расколол, добравшись до тела. Но энергии лазера хватило только на то, чтобы сильно обжечь кожу и сломать ребра. Люди Эллиса оттащили его к тому месту, где два захваченных шаттла пробили себе дорогу над стенами крепости. Бегство было хорошо спланировано и прошло удачно — погибли только трое. Эллис благодарил судьбу за то, что остался жив, но ему не удалось ни захватить, ни убить Дюваля, и он испытывал угрызения совести.

На Либерти уже наступила весна. Ожившие деревья покрылись красноватыми почками. Все приметы предвещали жаркое лето, но синоптики утверждали обратное. Всю последнюю неделю лил проливной дождь, таких сильных дождей местные старожилы не могли припомнить. Столица жила в ожидании вторжения. Просторные улицы ощетинились плексовыми баррикадами на случай

рукопашного боя. Ремонтировали укрытия, развешивали указатели, устанавливали лазерные батареи.

— Рад вас видеть, капитан,— приветствовал Эллиса знакомый лейтенант из охраны Белого дома.— Как съездили?

— Благодарю. По правде говоря, отвратительно. Вся планета покрыта защитными установками. Повсюду тяжелый транспорт и проливной дождь.

— Что поделаешь? — вздохнул лейтенант.— Трудное время.

— У Белого дома я видел группу призывников. Они столпились, как стадо баранов, и глазели на здание. Черт побери, лейтенант, они еще совсем мальчики.

— Это добровольцы с Канзаса. Они прилетели как раз сегодня. Большинство из них просто фермеры. Они никогда не видели столицы, не говоря уже о Белом доме.

— Но какого черта их пригнали сюда, если они никогда не нюхали пороха?

— Они изъявили добровольное желание участвовать в войне. Не отказывать же им.

— Понятно...

Эллис вытер капли дождя с лица и поднялся по ступенькам. Он прилетел по срочному вызову Кассабиана, надеясь услышать новости, не менее интересные, чем те, которые порадовали его, когда он вернулся в июле прошлого года с Сеула. Тогда Фарис сообщил ему о триумфальном завершении экспедиции Уюку. До Эллиса доходили восторженные слухи, но то, что рассказал ему Кассабиан, превзошло все ожидания. Уюку вернулся на Либерти через четыре дня после летнего солнцестояния. Его встречала ликующая толпа. После того как они расстались с Эллисом, Джон направился к цепи Инчхон, где находилось скопление наиболее важных стратегических нексус-станций.

Он приземлился и захватил Кванчжу. Эта станция контролировала трассу от Чхонджина до Сеула. Там Уюку в течение месяца поджидал боевые крейсеры адмирала Мацумото с Окинавы. Он все-таки надеялся захватить

Золотой флот, но запасы продовольствия стали истощаться. Половину кораблей во главе с Дэйлом Хамильтоном пришлось отправить домой.

Через неделю Джон тоже решил вернуться на Либерти. Он уже разворачивался вдоль цепи Инчхона, но какое-то сверхъестественное чутье опытнейшего пирата-астронавта заставило его оттянуть перелет еще на сутки без видимых причин. И они все-таки наткнулись на хорошую добычу. В последний момент чувствительные экраны «Калифорнии» засекли едва заметную темную точку на юго-востоке. Это оказался тяжелый транспорт «Хидзэн Мару», возвращавшийся с Чхунджу. Он шел под прикрытием черного радиощита и был перегружен очищенным золотом.

На первый взгляд эта встреча казалась случайной, она была необъяснима для всех, кроме таких пси-талантов, как Уюку и Эллис. Стрейкер знал, что Джон обладал фантастическим чутьем и улавливал колебания пси-энергии, говорившие ему о появлении любого корабля в районе нексус-станции. Уюку достаточно было одного взгляда на экран, чтобы почувствовать, что корабль, появление которого он предугадал, нагружен богатой добычей. На «Хидзэн Мару» действительно оказалось по четыре тонны золота и серебра и еще несколько контейнеров с редкими радиоактивными металлами. Этого хватило не только на то, чтобы окупить экспедицию, но и на то, чтобы увеличить состояние ее инвесторов и астронавтов. Из четырехсот пассажиров оказалось двадцать нейтралов и даже один пленный американец, который необыкновенно обрадовался внезапному спасению.

Теперь, приближаясь к офису государственного секретаря, выходящему окнами прямо на широкую Пенсильвания-авеню, Эллис размышлял о том, какую огромную пользу принесла их пиратская операция, проведенная весной и летом прошлого года. Восемьдесят семь дней отважной экспедиции спасли Американо. Массированное вторжение Ямато оказалось если не сорванным, то уж во всяком случае надолго отодвинутым. Весь сектор вдох-

новили известия о том, что пятая часть японского флота уничтожена. Передышка в целый год, позволившая значительно укрепить оборону, явилась большим достижением. Однако восемьдесят процентов японского флота уцелело. Теперь Ямато напоминал тяжело раненного разъяренного тигра. Опасность усугублялась еще и тем, что император был смертельно оскорблен и жаждал мести.

Эллис вспомнил о встрече с братом, и настроение его испортилось. Перед глазами стояло безумное лицо Дюваля. Он отказался вернуться в Американо, как будто на него была наброшена смирительная рубашка дзэн, которая завладела не только телом Дюваля, но и его сознанием.

Подойдя к усиленно охраняемой двери приемной Кассабиана, Эллис заметил, насколько все изменилось с тех пор, как он был здесь в последний раз. Все без исключения посетители подвергались усиленному досмотру. Эллиса тщательно обыскали, но не заметили кинжала с тонким кривым лезвием, который он специально спрятал в складках одежды, чтобы проверить бдительность часовых. Они оказались доверчивыми и неопытными.

— Вот те на! — ухмыльнулся Стрейкер, вытаскивая кинжал.— Как же ты не заметил такое перышко? Им можно хорошо пощекотать. Разве так охраняют Президента?! — возмутился Эллис.— А если бы на моем месте оказался шпион кэмпэя?

— Но, сэр... Я знал, что вы знаменитый...

— Ну ладно, ладно,— снисходительно успокоил Эллис растерявшегося охранника.— В следующий раз будь повнимательнее.

— Ловко это у вас получилось,— восхищенно проговорил часовой.

— Пустяки. Нам, пиратам, не привыкать.

«Господи, как долго я здесь не был»,— подумал Эллис, идя по коридору к кабинету Кассабиана. Восемь месяцев назад, когда он вернулся на Либерти после тяжелого ранения, его встретила заплаканная Реба. Они

проговорили всю ночь. Увидев черные пятна ожогов на его груди, она вздрогнула.

— Когда я провожала тебя, мне казалось, что твой корабль потерпит крушение и ты погибнешь,— говорила она, утирая слезы.

— Но, как видишь, я вернулся.

— Я вижу, что тебя чуть не убили,— мягко возразила Реба, осторожно дотронувшись до его заживающей раны.

— Нет, меня не могли убить.

— Ты знал об этом? — недоверчиво спросила она.

— Скорее предчувствовал.

— Слава Богу, что твои предчувствия оправдались. Но ведь это предрассудки.

— Нет, не предрассудки, а чутье, пси-талант. Он есть у всех астронавтов.

— Правда? — наивно спросила Реба.

— Да. В минуты опасности он обостряется. Ему нужно доверять — он космической природы. Это невидимое течение определяет нашу судьбу. Тот, кто ему противится, гибнет. Но мы не слепые пловцы. У нас есть руль и весла, поэтому мы можем повлиять на собственную судьбу, в известных пределах, конечно, и тем отличаемся от прочих живых тварей.

— Какие странные слова.

— Да.— Внимание Ребы воодушевило Эллиса.— Мы принадлежим и себе и космосу, больше все-таки космосу. Самое трудное в жизни — добиться, чтобы космические пси-волны наполнили твою судьбу. Гениальный человек — не тот, кто создал что-то гениальное, а тот, кто нашел космические пси-волны, полностью соответствующие его судьбе.

— У тебя целая философская система.

— Нет, всего лишь богатый жизненный опыт и... развитое пси-чувство.— Он протянул ей обожженную плексовую пластину.

— Что это? — с тревогой спросила Реба.

— Смотри! Она расплавилась, но спасла мне жизнь. Фантастика, один шанс из тысячи. Любой другой человек

погиб бы на моем месте. Думаю, это не случайное совпадение. Но меня здорово обожгло, потому что я вмешался в неумолимый ход событий. Напрасно я пытался забрать Дюваля с Сеула. У него свой путь.

— Эллис...— Реба уткнулась лицом в его плечо и вновь заплакала. Она даже не пыталась сдерживаться.

— Ну что ты...— успокаивал он ее.

— Эллис, обещай мне...

— Что?

— Обещай мне, что ты больше никогда не полетишь в Зону.

— Нет.

— Почему?

— Это моя судьба.

— Ты упрямый и безжалостный!

Он нежно гладил ее по голове, успокаивал, словно ребенка. Затем уселся в глубокое мягкое кресло и посмотрел в окно, где на дрожащей влажной листве серебрились лунные блики. Заныла старая рана, напомнила о Садо. «Приближается великая битва,— размышлял Эллис.— По сравнению с ней все предыдущие — просто детские игрушки. Твой отец предвидел это событие двадцать лет назад. Милая, мне предстоит еще одна экспедиция,— мысленно обращался он к Ребе.— Только одна, а потом я твой».

Он провел всю зиму дома, залечивал переломанные ребра. К весне объявили мобилизацию. Повсюду собирались отряды добровольцев. Их обучали опытные инструкторы, а затем отправляли в места возможной высадки десанта. Эллиса обуревали тягостные раздумья. «Если на этих желторотых юнцов обрушатся отряды самураев, начнется резня — жуткая, грязная. Весь сектор будет залит кровью. Я обязан был захватить Дюваля, возможно, убить его... Почему я этого не сделал?..»

Однажды он поделился с Ребой своими сомнениями.

— Я не смог убить его,— сознался он ей.— Я стоял от него так же близко, как сейчас от тебя. Держал в руках оружие, но не сумел нажать на спуск.

— Ты не мог этого сделать.

— Почему? Я же обещал...

— Что бы ты ни обещал, со времен Каина ни один братоубийца не сохранил чистую совесть.

— Но он не захотел вернуться в Американо,— неуверенно возразил Эллис.

— Вспомни наш ночной разговор после твоего возвращения. Таков путь Дюваля. У него своя судьба, а у тебя — своя...

Вскоре его вызвал к себе Кассабиан, и теперь Эллис входил в его кабинет. Утомленное лицо Фариса осветилось улыбкой.

— Эллис! — воскликнул Кассабиан, даже не поздоровавшись, чего с ним никогда не случалось.— Удивительные новости!

Сердце Эллиса учащенно забилось.

— Что такое?

— Это просто фантастика!

— Да скажите же, наконец...

— Сказочная удача! Его словно скосило ударом молнии!

— Кого? Какой удар молнии?

— На Сеуле. Клянусь, это не моя работа. Мы такого меньше всего ожидали.

— Что?! Что такое?! — Волнение Эллиса возросло. Он терялся в догадках.

— Да, черт побери! Настоящая молния. Умер Харуми. Погром, который вы учинили на Сеуле, окончательно подорвал его здоровье. Верховный главнокомандующий, который представлял для Американо самую серьезную опасность, мертв!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Место действия: Сеул

Нисима очень доволен вашей работой, Дюваль Стрейкер,— произнес Кацуми, рассматривая искусно составленную икебану из цветов ириса и ивовых веток.

Дюваль с неприязнью взглянул в лицо Хасэгавы. Теперь, после смерти барона Харуми, он ненавидел его больше всех на свете. Стрейкер вспомнил тот далекий день, когда он швырнул Кацуми на землю во время стычки на Садо.

«Как бы я хотел снова вцепиться тебе в глотку,— мечтал Дюваль.— Но на этот раз я бы не разжал пальцев, пока ты не задохнешься. Я знаю, ты хочешь найти Мити, но тебе это никогда не удастся...»

— Да, Нисима-сан очень доволен. Мы изготовили уже более ста пушек. Этого достаточно, чтобы разрушить американский флот. Не правда ли?

— Возможно, ваше превосходительство.

Дюваль страстно желал наброситься на Кацуми. С тех пор как умер барон Харуми, жизнь для Стрейкера потеряла всякий смысл. Незачем стало изготавливать пушки для Ямато, не нужно подкарауливать главнокомандующего в надежде убить его. Напрасно он не улетел с Эллисом. «Но кто мог предвидеть, что все произойдет без моего участия?» — горестно думал Дюваль. Он заставил себя обратиться к Кацуми.

— Кацуми-сан...

— Да.

— Я бы хотел через вас попросить Нисиму об одном одолжении...

— Об одолжении? — холодно переспросил Кацуми.— О каком же?

— Я бы хотел... Я бы хотел лететь вместе с вами в Американо.

Дюваль тяжело страдал от мысли, что совершил непоправимую ошибку. Каждый день он искал возможность проникнуть во внутреннюю крепость, но ему так и не представился шанс приблизиться к барону Харуми. Однажды Дюваль видел, как главнокомандующий наблюдал во дворе крепости за установкой щита. В другой раз Харуми зашел в лабораторию, чтобы ознакомиться с разрушениями, которые произвели американские пираты. Но в обоих случаях вокруг адмирала находился усиленный наряд охраны, и убить его не было никакой возможности.

В последнее время Дюваль часто вспоминал о налете пиратов. Огни той мучительной ночи долго горели в его памяти. Он уцелел только благодаря тому, что вовремя спрятался в нишу массивной каменной стены. Вскоре после бегства американцев несколько взрывов до основания потрясли крепость. Грозное эхо разбудило весь Сеул. К полудню следующего дня сангокуины потушили последние очаги пожаров, а через месяц крепость была уже полностью восстановлена. Несмотря на жуткую картину побоища и огромное количество жертв, разрушения оказались не очень серьезными. Была снесена крыша лаборатории, но ее быстро восстановили. Исколеченные там полторы тысячи серебряных труб были каплей в море для гигантского флота. Вскоре производство сверхоружия возобновилось, и Дюваль уже ничем не мог помешать.

Единственным серьезным результатом налета стало то, что вторжение перенесли на год. Но за этот год лаборатория выпустит столько сверхпушек, что Американо вряд ли сможет отразить массированный удар, флот его будет уничтожен, и самураи зальют весь сектор кровью. Они уже сгорали от нетерпения отомстить за нанесенные оскорбления, особенно за уничтожение кораблей в Чхон-

джине. Даже эта новость не обрадовала Дюваля. Он понимал, что война все равно неизбежна. Его угнетала мысль о том, что его стараниями подготовлена гибель Американо. Осознавая свое бессилие, он иногда хотел покончить с собой. Но это бы ничего не изменило: сверхпушки могли уже производить и без его участия. Дюваль жил только для того, чтобы убить барона Харуми. Но Харуми умер.

— Вы хотите в Американо? — спросил Кацуми.— Я думаю, Нисима-сама не согласится на это. Зачем?

— Я родился в Американо и хотел бы еще раз взглянуть на нее перед смертью. К тому же я помог бы... очистить свою родину. Я профессиональный стрелок, и ни один человек лучше меня не умеет обращаться со сверхоружием. Мой опыт окажется очень полезным. Помните тот день, когда в поместье вашего отца я демонстрировал свое умение?

— Да. Я ничего не забыл,— зловеще произнес Кацуми.— Вы американец, и мы не можем доверять вам до конца. «О, как я ненавижу тебя! — подумал Кацуми.— Ты осквернил мою сестру, принес несчастье нашему дому и опозорил наш род. Я никогда не прощу тебе этого».

— Неужели я не заслуживаю доверия? Я выполнил все свои обещания. Флот Ямато оснащен сверхоружием. Я даже не убежал с американскими налетчиками, хотя у меня была такая возможность.

— У нас хватает стрелков. Я думаю, мы вполне справимся и без вашего участия,— насмешливо возразил Кацуми.

Новости из Киото повергли Хасэгаву в уныние, которое перешло в ярость. И теперь Хасэгава вымещал свою ярость на Дювале. «Пожалуй, Нисима хочет сохранить мерзавцу жизнь, а я нет. Пусть американец заплатит за все свои преступления. К тому же пришло время отдалиться от Нисимы. Я сделал для него столько одолжений и не получил взамен ничего. Это несправедливо! Я отравил барона Харуми не для того, чтобы главнокомандующим назначили какое-то ничтожество. О боги, как

вы могли допустить это? Нэмото Тикара — Верховный главнокомандующий флота! Да кто он такой? Разумеется, самурай. Но он ничего не смыслит в войне, не участвовал ни в одном сражении. Тикара лишь ловкий дворцовый камергер. Как он поведет наши корабли? Все правительство императора — бакуфу —совершенно обезумело!»

Кацуми с раздражением повернулся к Дювалю.

— Вы сдались нам в надежде защитить свою жену. Чой рассказал мне об этом перед смертью. Американцы не взяли вас только потому, что не знали о том, что вы здесь находитесь.

— Вы ошибаетесь, Кацуми-сан!

— Почему же? — язвительно спросил Хасэгава.

Дюваль сглотнул горький комок, застрявший у него в горле, и униженно склонил голову. Он догадался по тону Кацуми, что как только на последней сверхпушке будет закреплена последняя деталь, его вновь подвергнут допросу с применением зонда. Этим займется тот же самый Кацуми, который зондировал Чоя, чтобы выпытать у того местонахождение Мити. Дюваль понял, что попал в безвыходное положение. Но все же он попытался использовать оставшийся у него призрачный шанс. Он знал, что должен проникнуть на борт «Такэды Сингэна».

— Простите меня, Кацуми-сан, но вы заблуждаетесь насчет налетчиков.

— Откуда у вас такая уверенность? — поморщился Хасэгава. Его уже сильно раздражал этот разговор, и он собирался его прервать.

— Американцы специально прилетали за мной. Они точно знали о том, что я нахожусь в сеульской крепости. Об этом им рассказала Мити.

— Мити?!

— Да. Она в Американо, и только я знаю, где.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Место действия: Либерти

Все утро в штабе командования американского флота проходило компьютерное моделирование вторжения. На гигантском экране вспыхивали бесконечные диаграммы и графики. Они уже совершенно измучили Эллиса. Не успевал он обдумать один вариант, как тут же появлялся другой.

Из командного центра можно было наблюдать за развертыванием атаки, которая транслировалась компьютером в шестидесяти четырех цветовых оттенках. В условной зоне вторжения японские крейсера нападали на американские корабли, те отвечали контратакой. После инсценировки очередного сценария компьютер производил расчеты и подводил в общих чертах итог сражения.

Большинство генералов и адмиралов ожидали противника с газового гиганта Аркадии, но существовала опасность, что японцы могут воспользоваться новыми орбитальными станциями, чтобы преподнести противнику сюрприз.

Именно сегодня пришло тревожное известие, что японский флот уже находится в пути к сектору Американо. Все присутствующие в штабе понимали, что такая армада, которую собрал под свои знамена Муцухито, может сломить любое сопротивление. Командующие флотилиями, эскадрами и армиями снова и снова проводили компьютерные инсценировки, пытаясь найти лучший вариант защиты. Но результат оказывался неизменным — полный разгром. Эллис устало слушал взволно-

ванного адмирала Любана, который водил указкой по экрану.

— Мы не в состоянии справиться с таким количеством кораблей. Нам придется поставить Аркадию под удар.

— Значит, так и будет! — Дэк Капелан, главнокомандующий Американскими вооруженными силами, махнул рукой. Вот уже почти полгода Капелан руководил всеми военными приготовлениями. Теперь он должен был решить, как лучше разместить флот. Он повернулся к Эллису. — Я думаю, второй план лучше. У нас будут две эскадры. Сигрейв со своими кораблями вылетит к цепи новых орбитальных станций, чтобы отбить Ямогути, а главное войско разместится на Аркадии. Мы должны предотвратить высадку десанта на лунах.

— Забудьте о лунах! — бесцеремонно возразил Уюку, не обращая внимания на высокопоставленных военных.— Не понимаю, что вы там все вычисляете на компьютере, словно готовитесь к защите магистерской диссертации. Дайте возможность нашим кораблям сразиться с флотом Ямато! В открытом бою мы разобьем их и устроим настоящую резню!

— А если вы упустите их? Нет, Джон. Мы должны все просчитать,— возразил Капелан.— Я не могу рисковать и пускать все на самотек. На карту поставлено слишком много. Мы не имеем права ни ошибаться, ни проигрывать! Помните, за нами весь Американо, и назад пути нет. Нам некуда отступать!

Волнение главнокомандующего передалось всем остальным. Но Джон не сдавался.

— В прошлый раз мы победили! — выдвинул он веский аргумент.

— Но тогда они оказались беззащитными, потому что стояли на взлетно-посадочных площадках.

— Да неужели вы не понимаете, что у врага есть только одно направление для атаки?! — Уюку уже терял терпение. Эллис испугался, что Джон может устроить скандал и оскорбить генералитет. Это было бы очень некстати.

— А что, если японцы пробьются к новым станциям? — высказал опасение Капелан.— Нет, мы не можем так рисковать!

— Все равно наши корабли их не пропустят! — выкрикнул Уюку и отвернулся. Эллиса охватила тревога. Согласно донесениям шпионов Кассабиана, флот Ямато был не только многочисленным, но и превосходно вооруженным — во многом благодаря усилиям Дюваля. Эллис в очередной раз пожалел о том, что ему не удалось захватить брата.

— Я хочу обратиться к вам с предложением,— сказал Стрейкер главнокомандующему.— Мы можем подстраховаться и выставить три эскадры. Первую, во главе с Уюку, нужно направить на Аркадию, ваша пусть остается на Либерти, а Сигрейв прикроет новые орбитальные станции.

— Спасибо, Эллис. Я непременно подумаю об этом.

— Лучше подумать об этом побыстрее, адмирал! — резко проговорил Уюку. Он хотел еще что-то сказать, но его прервала сирена, возвестив об окончании еще одной смоделированной атаки на Либерти. После короткой паузы компьютер выдал неизменный результат: «Поражение». Дурные предчувствия Эллиса усилились. Пальцы его подрагивали, как перед началом пси-шторма.

— Взгляните! Мы снова разбиты,— сокрушенно развел руками Капелан.

— Ерунда! Не обращайте внимания на этот дурацкий компьютер! — не унывал Джон.— Все, на что он способен, это проводить благотворительные лотереи. Ну его к черту.

— В войне есть что-то от лотереи,— возразил Дэк Капелан.— Это более жестокая игра, но в ней также необходима удача. Я уверен, что она будет на нашей стороне.

— Да поможет нам Бог! — запальчиво воскликнул Уюку. Эллис одобряюще похлопал Уюку по спине. Стрейкер понимал: единственное, что их может спасти в сло-

жившейся ситуации — это мощный пси-шторм, который разбросает японские корабли на подступах к системе и приостановит вторжение.

— Послушайте, Дэк,— спокойно обратился Эллис к Капелану,— вы слышали когда-нибудь о Камикадзе? Так японцы назвали ураган, предотвративший вторжение монголов в Древнюю Японию. Если Бог на нашей стороне, мы станем свидетелями невиданного пси-шторма. И мы все будем ему рады.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Место действия: американская граница у тридцатого градуса

В полдень пятницы двадцать девятого дня месяца Ситигацу по календарю Киото на борту «Оды Нобунаги» раздался барабанный бой. Верховный главнокомандующий Нэмото Тикара развернул знамя императора — древнее полотнище, изображающее красный круг восходящего солнца на белом фоне. Именно это знамя император Сёва Хирохито держал в руках, когда японские войска захватили Сингапур на Старой Земле более пятисот лет назад.

Церемония выноса знамени транслировалась по телемониторам на каждый из кораблей флота вторжения. Как только она закончилась, все члены экипажа «Такэды Сингэна» заняли свои рабочие места. Дюваль побежал к оружейному отсеку. Его сердце неистово колотилось, словно отзываясь эхом на барабанную дробь церемонии. Впереди прямо по курсу находилась орбитальная станция, а за нею — Либерти. Флот приближался к главной американской системе. Они вылетели с Сеула в последний вечер мая, восемь недель назад. Жрецы Синто тщательно готовили их к трудному пути, они совершали жертвоприношения и пили сакэ. Дюваль тоже принял участие в ритуале, чувствуя, как тяжелое бремя войны ложится на его плечи.

В первый день путешествия Нисима Юн, облаченный в церемониальные доспехи, выступил с речью.

— Солдаты императора, мы отправляемся на битву, чтобы покрыть себя неувядаемой славой! Мы летим в

Американо, свергнуть подлого узурпатора и освободить из рабства тех, кто еще верен Пути. Пусть в ваших сердцах горит жажда победы! Пусть боги помогут нам. Слава императору! Мы — благородные воины Страны Восходящего Солнца, награда наша будет неизмерима! Ямато победит! Бандзай!

— Бандзай!

— Бандзай!

— Бандзай!

Дюваль пристально наблюдал за солдатами. Он видел, как они упивались словами Нисимы. Солдаты искренне верили в то, что они непобедимы. Никто из них не обращал внимания на корейских наемников, стоявших сзади. Сангокуины не понимали ни слова из речи Нисимы, однако тоже находились в приподнятом настроении и были готовы сражаться на стороне Ямато.

«Такэда Сингэн», тяжелый корабль в девять тысяч тонн, являлся вице-флагманом эскадры «Синано». На носу корабля торчали золотистые рога антенн, вдоль бортов находилось восемь тяжелых оружейных установок. Капитанский мостик, где обычно находился Нисима со своими офицерами, был покрыт прозрачным плексовым куполом. Удлиненный корпус корабля переливался красным и белым цветами. На нем горели изображения родовых гербов старших офицеров. На других кораблях эскадры высвечивались подобные солнечным лучам лепестки хризантемы и письмена каньи, провозглашавшие силу бусидо и знатность императора. Блестящие украшения на носах кораблей переливались всеми цветами радуги.

Но несмотря на внешнюю помпезность, состояние флота оставляло желать лучшего. На «Такэде Сингэне» находилось шестьсот сорок членов экипажа и три тысячи солдат. Все без исключения солдаты были помещены в плексовые контейнеры, напоминающие гробы. В целях экономии солдат заморозили и погрузили во временный анабиоз. Их должны были вновь пробудить к жизни незадолго до начала вторжения и высадки десанта на

Либерти. Из всего личного состава флота заморозке не подвергались только адмиралы со своей свитой, самураи высших рангов и члены экипажей, необходимые для обеспечения нормального полета кораблей и их безопасности.

Дюваль, официально числившийся стрелком «Такэды», отгородил себе место между четвертой и пятой бойницами орудийного отсека крейсера. Эта импровизированная «каюта» находилась за переборками механизма огневого контроля, которые отделяли Дюваля от назойливого шума и кутерьмы, царивших на корабле. И хотя «каюта» выходила прямо в коридор, Стрейкер все же получил возможность изредка уединяться. Весь плекс, покрывавший корабль, был переведен в максимально прозрачное состояние. Это стирало границу между замкнутым пространством корабля и открытым космосом. Многие утверждали, что прозрачность плекса предотвращала стрессы и накопление усталости во время длительных путешествий.

Дюваль проводил много времени в наблюдениях за космосом. Он удобно устраивался, облокачиваясь о переборку, доставал микрокомпьютер. Стрейкер подставлял в уравнения различные значения констант, вычислял положение звезд и планет. Находясь в одиночестве, он стал узником не только корабля, но и своих стихов.

Миллионы полей космических,
Бесконечных, как звезды, галактик.

— Это поэтическая вольность, понимаете? — объяснял он одному из артиллеристов.— Число звезд на самом деле не бесконечно.

— Откуда вы знаете, Хасэгава-сан? Разве вы их считали?

— Нет, Макино-сан. Но я могу доказать, что их не может быть бесконечно много.

— Это известно только богам.

— Я могу доказать, что их число не бесконечно с помощью рассуждений.

— Каких рассуждений?

— Если бы их число было бесконечно, то наш взгляд видел бы за пределами корабля только звезды.

— Пожалуй.

— Но в таком случае небо блестело бы, как алмаз, и не было бы черным. Понимаешь?

— Не совсем, Хасэгава-сан.

— Это потому, что Вселенная расширяется. Свет далеких звезд изменяется, его энергия ослабевает.

— Астрономы всегда склонны объяснять те вещи, которые им непонятны, расширением Вселенной. Я не верю в расширение, Хасэгава-сан. Не верю. Мне кажется, что космос — это черный бесконечный вакуум.

Через шесть дней у Макино началось тяжелое психическое расстройство на почве ностальгии. Он написал предсмертную записку, аккуратно сложил свое снаряжение в кожаный гамак, снял с себя все, кроме массивного золотого кольца, и бросился в дуврскую машину, синтезирующую пищу. К шести часам большинство членов экипажа уже успело попробовать его переработанные останки, а к десяти часам генераторы дуврских машин вышли из строя. Их каталитические преобразователи не смогли справиться с золотым слитком, в который превратилось кольцо, оставшееся на пальце Макино. Нечаянный каннибализм явился только началом испытаний и неудач. К четвертому перелету по кораблю распространился отвратительный запах гниющих отбросов, и никто не мог догадаться о его причинах.

— Лучше сидеть в скафандре. По крайней мере у тебя будет глоток свежего воздуха.— Сайго, главный стрелок, облокотился о силовые кабели. Он доел жареный лук и положил себе несколько ложек липкого риса.

— Вы совершенно правы, Сайго-сан.

— Еще бы чего-нибудь съесть,— мечтательно произнес Сайго. Он громко рыгнул, обдав присутствующих неприятным запахом.— Благодаря начальнику снабжения Кимуре нам приходится недоедать.

Дюваль знал, что Сайго лжет. С тех пор как поломались дуврские машины, их рацион значительно сокра-

тился, но Стрейкер видел, что Сайго уже два раза успел пообедать.

— Там есть еще что-нибудь? — спросил Сайго у повара.

— Да. Вот, возьмите.

— Что это?

— Китайская утка из замороженных запасов.

— Кажется, она с душком,— проговорил Сайго, подозрительно принюхиваясь.

— Какая есть,— сказал повар.— Сейчас на корабле все с душком,— пошутил он.

— Представляете,— обратился Сайго к Дювалю,— эти сволочи уменьшили мой рацион до такого, какой был у Макино-сан. Но ему больше не нужна никакая еда.

— Почему? — удивился Дюваль. Он не знал, что они уже доели последние кусочки несчастного оружейника.

— Он ушел...

— Как это, ушел?!

— Ну, умер,— пожал плечами Сайго.

— Когда?

— Вчера. Бросился в дуврскую машину. Поэтому поломались синтезаторы пищи.

— Мне никто не сказал об этом,— голос Дюваля изменился.

— Об этом не следует распространяться,— предупредил его Сайго.

— Но существует приказ, который обязывает нас докладывать о смерти любого члена экипажа.

— Вы можете, конечно, доложить о смерти Макино, но я не советую. Вчера Танака-сан попробовал сделать это, но его побили.

— Побили? — не поверил Дюваль.

— Да. Я сам видел,— заверил его Сайго.— Нисима-сан распорядился, чтобы известие о смерти Макино не распространялось на корабле. А когда Танака доложил, офицер Нисимы побил его.

— Какой офицер?

— Да этот ублюдок Кацуми.

Ненависть к брату жены, которую Дюваль скрывал, чуть не выплеснулась наружу. Но в этот момент вошел Харада, капитан стрелкового взвода с Хоккайдо. Он был известен своим грубым нравом.

— Ну, что у нас на обед? — спросил он.

— Да все та же дрянь,— пожаловался Сайго.

— И все-таки лучше это, чем ничего. Никто не знает, сколько мы будем еще скитаться и куда приземлимся, даже наше командование,— мрачно произнес Харада.

Дюваль вспомнил выражение лица Нисимы после того, как тот вернулся со встречи с Нэмото Тикарой. Главнокомандующий пригласил всех командиров на борт флагмана «Ода Нобунага», но вскоре отослал их обратно. Нисима и Кацуми вернулись взбешенные. Члены экипажа старались после этого не попадаться им на глаза. По кораблю поползли тревожные слухи. Одни говорили, что планируется десант на Аркадию, другие утверждали, будто его отменили. Третьи уверяли, что Тикара решил схитрить и приземлиться на Айове, прежде чем ударить по Нью-Йорку. Дюваль подумал, что Харада действительно прав: никто не знает, куда они летят.

С тех пор как они покинули Сеул, пси-шторм изрядно потрепал флот. Мощные поля значительно изменили их курс в тот момент, когда корабли набрали уже необходимую скорость. Один из тяжеловооруженных кораблей, «Цунэтоси», получил повреждения и вернулся на Сеул. Та же участь постигла еще несколько кораблей. С самого начала дурные предзнаменования не предвещали экспедиции ничего хорошего. Несчастья сыпались на них как из рога изобилия. К середине месяца пси-шторм утих, и гравитационный индекс поднялся. Правда, как уточнил астронавт Аоки, повышение произошло всего лишь на сорок процентов, а это было немногим лучше.

Нисима осунулся от забот и волнений. Он часто приходил в ярость, особенно когда ему казалось, что астронавты, которых он ненавидел, смеялись за его спиной. Астронавтам почему-то не понравилась речь Нисимы в первый день их экспедиции.

— Нисима сказал, что мы выполняем волю императора. Но почему нас преследуют неудачи? — сетовал Аоки.

Большинство астронавтов презирало государственных чиновников Нисиму и Кацуми и не скрывало этого. В наказание Нисима приказал через десять дней после вылета затемнить весь корпус корабля. Ощущение космического пространства пропало, и они оказались словно замурованы в склеп, что не способствовало, конечно, поднятию боевого духа, а только усугубило разлад между Нисимой и членами экипажа.

Через две недели после вылета они взяли наконец верный курс и прошли через систему Гавайев. Но к этому времени многие офицеры, не привыкшие к таким перелетам, превратились в стонущих бледных привидений. К тому же главнокомандующий приказал очистить корабли от всех лишних вещей, которые не предназначались для сражения, высадки десанта и рукопашной. Они выбросили почти все, включая личные вещи и книги. Никто не посмел открыто выразить свое недовольство, хотя было непонятно, с какой целью Нэмото Тикара отдал такой приказ.

— Кажется, главнокомандующий совсем рехнулся,— шептал взбешенный Аоки.

— Может быть, он боится, что американцы перехватят нас до того, как мы достигнем Либерти? — предположил Дюваль.

— В таком случае он не только дурак, но и трус.

— А почему не видно Нисимы? — спросил Дюваль.

— Этот болван заболел от перелетов, как и вся его свита.

Вскоре на корабле распространился отвратительный запах. Его терпели несколько дней. Первыми заподозрили неладное оружейники и спустились проверить контейнеры, в которых находились замороженные, помещенные во временный анабиоз солдаты славной армии Ямато.

— Посмотрите! — в ужасе воскликнул Сайго.— Контейнеры оказались негерметичны! Эти суки-корейцы нас надули.

— Что же стало с нашими солдатами?!

— Что, что,— передразнил разъяренный Сайго.— Сгнили! Уже весь корабль провонял.

Они открыли один из многочисленных сломанных контейнеров и содрогнулись. Там лежал полуразложившийся труп с пузырящейся треснувшей кожей, в желтоватой плоти копошились черви.

— А что, если то же самое творится на других кораблях? — Дюваль сморщился от отвращения, когда они, совершенно обезумев, вытаскивали и распечатывали испорченные контейнеры.

— Что бы там ни было, но Кимура доставит трупы на Гуам. Он не посмеет нарушить приказ императора.

На шум собирались другие члены экипажа. Они толпились возле злосчастного отсека. Кого-то начало тошнить.

— Иди отсюда! И без тебя вони хватает! — прогнали его остальные.

— О ужас! Кто же теперь будет штурмовать Линкольн?!

— Мы все здесь подохнем!

— С нами случится то же самое!

— А мне жаль американцев — они умрут от вони!

— Убирайтесь отсюда! — закричал Сайго.— Или я вытрясу из вас кишки! — Он захлопнул двери отсека. Дюваль, преодолевая отвращение, уставился на трупы. Он понимал, что это была месть друзей Чой Ки Вона, которые еще на Сеуле нарушили герметичность большинства контейнеров.

Через три недели после вылета с Сеула они вынуждены были приземлиться в чрезвычайно холодном порту Гуама. Местного даймё оповестили заранее, и он постарался получше разместить флот. Половина кораблей расположилась под прикрытием гор, а другие — на открытой площадке. Буран, поднявшийся в первую же ночь после их приземления, накрыл незащищенные корабли девятифутовыми заносами. Экипажи почти месяц проторчали на Гуаме, освобождая их от снега и льда. Похоронив сгнивших в разгерметизированных контейнерах

солдат и починив дуврские машины, они продолжили экспедицию.

Теперь Дюваль наблюдал за тем, как вырисовывался на экранах сектор Американо, к которому они приближались. Он вспомнил о панике, охватившей их в ночь вылета с Гуама. Накануне туда прибыл спасатель «Хидзэн Мару» с известием о том, что Уюку напал на их эскадру всего лишь в пятидесяти световых единицах от Гуама. «Возможно, это событие решающим образом повлияло на главнокомандующего, и он отдал приказ направиться в сектор Американо,— размышлял Дюваль.— Возможно, его приободрил поднявшийся индекс. Или гневное послание Муцухито привело все в движение?»

Позже астронавт Аоки сообщил ему, что слух об отмене десанта на Аркадии подтвердился. Когда в полдень зазвонил колокол, Дюваль разглядывал корабли, наконец собравшиеся все вместе. Они занимали оборонительную позицию. Рядом находился «Хидэтада», названный в честь корабля, который много лет назад доставил Муцухито в Американо с единственным официальным визитом. За ним расположился тяжелый транспортный «Иэмицу» и боевые крейсеры «Иэцуна» и «Цунаёсии». Сзади стоял корабль генерала Сумиты, «Иэясу», а за ним — флагман эскадры «Синан», «Иэнобу». Дюваль видел, как корабли разделились на две группы, следуя, очевидно, замыслу покойного барона Харуми. Они образовали фигуру, напоминавшую кривой самурайский меч. Во главе находился личный корабль главнокомандующего, «Ода Нобунага».

Флот представлял собой грозное зрелище. Включились объединенные черные радиощиты, и звезды исчезли. Сработала система укрытия. Несмотря на все отсрочки, диверсии и разгром в Чхонджине, флот вторжения обладал колоссальной силой. Это был самый большой флот за всю историю Освоенного Космоса. Дюваль хорошо понимал, что Американо не сможет ему противостоять. Вместе корабли образовывали мощный щит и благодаря усиленной радиозащите становились почти невидимыми.

Наверху, на капитанском мостике, облаченный в древние доспехи Кацуми восторженно наблюдал за тем, как корабли, мерцая огнями, входят в пространство радиощита. Чуть выше Кацуми расположился Нисима. Он сидел, скрестив ноги, и держал в руке военный церемониальный веер. Точно такой же черный веер в форме бабочки тысячу лет назад брал с собой на войну японский даймё Такэда Сингэн. Нисима и Кацуми являли собой образец самурайской доблести, высокомерия и жестокости. Они были совершенно равнодушны к страданиям подчиненных и абсолютно убеждены в грядущей победе Ямато. Дюваль, заметивший их, заставил себя отвернуться. Он ненавидел их. «Я долго ждал возможности отплатить вам за все,— в гневе думал он, вертя в руках ключ от орудийного отсека.— И я благодарю своего Бога, что этот час скоро наступит».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Место действия: Либерти

На рассвете того же дня, третьего июля по американскому времяисчислению, капитан Томас Брофи курсировал вдоль границы. На корабле, купленном им на деньги, которые он накопил за время пиратства с Эллисом Стрейкером в Нейтральной Зоне, Брофи «нырнул» с одной из нексус-станций Либерти на четыре астрономических единицы от планеты и неожиданно обнаружил гигантскую акулью стаю, кольцом окружившую его корабль. На мгновение парализованный ужасом техасец протер глаза, а затем неистово заорал рулевому:

— Назад, разворачивайся! Быстрей, быстрей, сукин сын! Мы пробили их черный радиощит! Нужно уносить ноги! Они разорвут нас на куски!

Яростный огонь здорово опалил хвост корабля, но они все-таки успели удрать. Разбушевавшийся пожар не позволил им ответить на опознавательные сигналы, когда их корабль, словно комета, ворвался на орбиту Либерти. Аварийная посадка была очень тяжелой, и Брофи даже сломал себе руку. Несмотря на это уже к четырем часам его аэромобиль парил над Филадельфией и оповещал всех о том, что флот Ямато, под хорошим прикрытием и почти невидимый, находится всего лишь в тридцати миллионах миль от Либерти.

Это известие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Брофи с трудом разыскал Комитет обороны, который в полном составе находился на пикнике, устроенном мэром Филадельфии. Первым, кого увидел Брофи, был Джон Уюку. Бородатый, в праздничном костюме, он сто-

ял у жаровни, держа в руках кружку с пивом. Джон беседовал с Капеланом.

— Я нарвался на японский флот! — сразу же заорал Брофи.— Тысяча кораблей, они уже совсем близко!

Поднялся шум. Эллис чуть было не смахнул свою тарелку, но вовремя успел ее подхватить.

— Ну, Дэк, теперь у вас дел по горло. Наверное, не успеете попробовать жаркое. Жаль.

— О, Боже, Стрейкер! — воскликнул главнокомандующий.— У вас в жилах ледяная кровь. Они подкарауливают нас на орбите, и у них есть сверхоружие!

В хоре встревоженных голосов громче всех звучал голос Уюку. Джон набросился на официанта, который хотел унести наполовину опустошенную кружку пива.

— А ну, поставь на место! Мы еще не закончили, а он уже уносит! — Уюку закатал рукава и повернулся к Эллису.— Слушай, старина, даже если Брофи прав, у нас в запасе еще пара часов. Мы успеем поесть, черт побери. Не понимаю, куда это они все так побежали?

— Пожалуй, ты прав, Джон,— согласился Эллис. Они уселись и заказали официанту еще одну кружку. Вскоре им подали и жаркое. Разрезая сочащееся кровью мясо, Эллис вспоминал перипетии последних месяцев.

Ему удалось уговорить Капелана сосредоточить две эскадры под командованием его и Уюку в районе Филадельфии. Когда пришло сообщение о том, что японский флот находится на Гуаме, Лаббэк убедил сначала Совет Безопасности, а затем и Президента, что две эскадры во главе с Эллисом и Уюку должны вылететь на перехват. Весь июнь они курсировали возле Гуама, надеясь застать японцев врасплох. Они находились всего лишь в двадцати астрономических единицах от Гуама, когда резко изменившийся индекс заставил их повернуть назад.

Через четверть часа после сообщения Брофи порт Филадельфии находился в полной боевой готовности, а еще через полтора часа туда прибыли отобедавшие Эллис и Джон.

— Кажется, в нашей лотерее выпал не самый удачный номер,— сухо произнес Фрестли, вспоминая компьютерное моделирование вторжения.

— Это еще ничего не значит,— бодро возразил Уюку.

Орбитальное расположение главных защитных станций благоприятствовало атаке: американские корабли могли на большой скорости покинуть планету. Но нельзя было терять ни минуты. Сотни боевых крейсеров и шаттлов взмыли в небо. Эллис покинул порт последним — он не хотел пропустить удивительного зрелища вылетавшего навстречу врагу американского флота.

— Подожди,— попросил он пилота шаттла.

Вскарабкавшись на крыло, Эллис отдышался. Под ладонями он почувствовал маслянистый плекс, испещренный микропорами, эластичный, как бархатистая кожа акулы, еще не успевший остыть после перелета в порт. Кожух двигателя потемнел от выбросов сгоревшего топлива. В воздухе стоял едкий запах порта и раздавалось гудение уносившихся на орбиту кораблей.

Немного озадаченный пилот наблюдал за Эллисом с уважением. О пси-таланте Стрейкера ходили легенды. Может быть, он медлил, предвидя несчастье? Говорили, что в критических ситуациях настоящий пси-талант выводит корабль во время космической бури, полагаясь только на свою интуицию. Все это казалось пилоту загадкой.

— Посмотри! — обратился к нему Эллис, глядя в небо. Сотни светящихся полос, оставленные взлетающими кораблями, образовывали удивительный узор.

— Да, сэр,— отозвался пилот.— Это замечательное зрелище.

— Запомни его на всю жизнь. Это исторический момент.

Мощные корабли, окруженные огненным потоком, бороздили небо и сотрясали землю, устремляясь к орбите Либерти, чтобы выйти затем в открытый космос навстречу врагу. Впереди всех шла «Виргиния» Капелана, за нею «Арканзас», «Иллинойс» и «Миссури». Эллиса обда-

ла волна теплого воздуха, он почувствовал пьянящий запах топлива и работающих двигателей. Крыло под ним вибрировало. Вибрация уменьшилась, когда взлетевшая эскадра превратилась в едва заметные светящиеся точки.

Затем от земли оторвалась «Джорджия». Ее корпус украшал золотистый орел, светящийся глаз которого представлял собой бойницу. «Джорджию» сопровождали еще три корабля, участвовавшие в налете на Чхонджин,— «Пенсильвания», «Колорадо» и «Массачусетс». Повернувшись направо, Эллис увидел «Техас» Хавкена — мощное судно в восемь тысяч тонн. Оно направлялось в условленное место, чтобы встретиться с «Калифорнией» Уюку. «Огайо» Дэна Фенвика и «Флорида» Глори Смита должны были сопровождать «Конституцию».

При виде этих кораблей, напоминавших хищных глубоководных рыб, Эллис глубоко вздохнул и ощутил в груди радостное волнение. Никогда прежде столько опытнейших астронавтов не собиралось вместе. «Именно в этом заключена главная наша сила,— размышлял Стрейкер.— Каждый — яркая индивидуальность. Но нас объединяет общий долг, и мы — словно прочная семья».

— О'кей! — обратился он к пилоту.— Наш шаттл вылетает через пять минут.

— Слушаюсь, сэр!

Вскоре они вышли на орбиту и достигли «Конституции». Корабль приземлился в форте Буш еще до захода солнца. Когда индекс поднялся, американский флот покинул орбиту Либерти, вышел в открытый космос и незаметно для врага занял наступательную позицию.

Эскадра Эллиса Стрейкера осторожно подкралась к противнику по крутой гиперболе и начала вслепую приближаться к японским кораблям. Американцы знали, что, как только их обнаружат, радиощиты будут сброшены. Что случится после этого, предсказать было сложно. С наступлением полуночи по американскому времени шаттл Дэка Капелана подошел к флагману Ямато и дал свои позывные, как того требовал военный кодекс. Затем Капелан повел свою эскадру против эскадры адми-

рала Сумиты. Маневр был продуманным и осторожным. Американцы изолировали тяжелый транспорт Иэмоти, загнали его, как гончие медведя, пробили в нем дюжину дыр и уничтожили. Этот первый успех вселил в их сердца уверенность.

Однако к исходу второго дня Эллис понял, что американские корабли находятся в большой опасности. В случае неудачного маневра они столкнутся с японским флотом в открытом сражении и наверняка будут разбиты. В то же время им нельзя возвращаться на планету, потому что продвижение вражеской армады к орбите Либерти окажется тогда беспрепятственным. Эллис вспомнил о транспорте генерала Иэмоти и решил, что попытается убедить Капелана внезапно атаковать. Сверхоружие действовало на небольшом расстоянии, им нужно было поближе подкрасться к противнику. «Несколько американских кораблей могут ворваться в строй врага, уничтожить его флагман и посеять панику,— думал Эллис.— Это, конечно, самоубийственный план, но нужно же хоть на что-то решиться. Любое промедление не принесет нам пользы. Тактика выжидания — на руку врагу».

Всю ночь Стрейкер провел в тяжелых раздумьях. «Я обещал Ребе, что эта экспедиция будет последней. Скорее всего, я сдержу свое слово. У меня нет другого выхода — победа или смерть!» — сказал он себе к утру третьего дня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дюваль Стрейкер заметил черно-белые знаки отличия, светящиеся на корпусе американского корабля. Они сильно встревожили его. Дюваль приказал стрелкам надеть герметичные костюмы на тот случай, если выстрел из сверхпушки проделает отверстие в их корабле и лишит их атмосферы. Костюмы были из прозрачной синтетической ткани. К ним прилагались перчатки и пузыреобразные шлемы, которые куполом закрывали голову, шею и плечи. Четыре соединительных шланга для подачи воздуха вяло свисали вдоль туловища, как использованные голубые презервативы. Он приказал команде подготовить серебряные трубы и проверить температурные данные на мониторе. Дюваль был уверен, что наконец настал его час, и ждал возвращения Харады, который отправился на корму за серебром. Сайго распорядился увеличить боевой запас зарядов в ожидании атаки.

Тот же самый корабль, который атаковал Иэмоти, приближался теперь к ним. Дюваль вновь взглянул на опознавательные знаки — белый череп со скрещенными костями на черном фоне. Интуиция подсказывала ему, что этот пиратский символ мог быть эмблемой его брата — Эллиса Стрейкера. Тревога Дюваля усилилась — корабль Эллиса несся прямо под дула самых опасных сверхпушек на флоте. Харада вернулся с запасом серебра. Дюваль наклонился к термометрам, чтобы скрыть свои действия: в руке он держал тонкую магнитную пластинку, способную изменить показания приборов. Дюваль незаметно сунул магнит под панель. Затем, от-

крыв контейнер с серебром, он взял на пробу одну трубу и нахмурился.

— Это серебро очень горячее,— с наигранной тревогой произнес Стрейкер.

— Горячее? — переспросил Харада. В его речи слышался сильный акцент Хоккайдо.

— Да, горячее! Вы разве не чувствуете? Потрогайте.— Он протянул Хараде трубу из серебра высокой пробы.— И посмотрите на термометры. Это никуда не годится.

— Не может быть! — растерялся Харада. Температура не превосходила допустимой нормы.

— Вы, наверное, из любопытства сунули нос в контейнеры и разгерметизировали их! — упрекнул Дюваль Хараду.

— Нет, клянусь...

— Значит, кто-нибудь другой. Только вы и Сайго спускались в трюм с тех пор, как мы покинули Гуам.

— Может, опять проклятые корейцы...

— Вам лучше выяснить, в чем дело. Если Сайго-сан узнает, нам несдобровать.

Харада был в ужасе. Он обдумывал положение, отвернувшись от остальных. В это время щиты «Такэды Сингэна» задрожали. Американский корабль «ощупал» их несколькими лазерными лучами.

— Надо спуститься в трюм. Пойдемте со мной,— попросил Харада.

Дюваль обрадовался — именно этого он и добивался. Он захватил с собой тяжелый разводной ключ величиной с ружье, которым открывали контейнеры с серебром. Когда они проходили по центральной палубе, у экранов начался переполох. Произошло несчастье: корабль Эллиса атаковал флагман адмирала Ёная «Иэцугу», который, пытаясь уйти от обстрела, резко изменил курс и врезался в соседний корабль. «Иэцугу» получил сильный удар, ему снесло антенны. Корабль потерял маневренность, и его тут же окружили американские шаттлы, пытаясь отрезать от эскадры. Дюваль метнул взгляд в сторону Сайго, который суетился возле пушек, раздавая приказы.

Встревоженные шумом, на палубу выбежали Нисима и Кацуми.

— Харада, пойдемте, нам нужно торопиться.

— Я иду.

Они спустились на нижнюю палубу. Харада был в скафандре, но без перчаток и шлема. Он нес подозрительный на вид контейнер, прижимая его к груди. Часовые пропустили их в зону ограниченного доступа, и они помчались по коридору к оружейному складу. Всунув свои карточки-пропуска в паз возле плексовой двери, они открыли ее и оказались на складе, освещенном красноватыми отблесками работающих датчиков. Харада поставил контейнер на пол.

— Давайте возьмем другой, может быть, он исправный,— произнес ничего не подозревающий Харада. Он хотел повернуться к Дювалю, но в этот момент тяжелый ключ, который прихватил с собой Стрейкер, опустился на голову Харады и размозжил ему череп. Харада рухнул на пол, забрызгав его кровью. Удар пришелся в самое темя, и смерть наступила почти мгновенно. Дюваль перевернул Хараду на спину, чтобы убедиться, что тот мертв. Затем он приблизился к механизму самоуничтожения корабля и сорвал с него пломбы. Стоило только опустить рубильник, и через минуту «Такэда Сингэн» разлетится на мелкие части. Но как только рубильник опустится — раздастся сигнал тревоги, и механизм самоуничтожения будет заблокирован с капитанского мостика. Риск был чрезвычайный. Дюваль нервно облизал губы. Пять минут назад все казалось ясным. Он готов был умереть, лишь бы это привело к гибели корабля. Но внезапно он понял, что самоубийство является идеалом Ямато. Мысль эта вызвала у него отвращение.

«Должен существовать другой способ,— Дюваль поспешно искал выход из сложившейся ситуации.— Вперед по коридору. Десять секунд — до палубы и еще три — до воздушного шлюза и наружного люка. Всего минута, чтобы покинуть корабль и улететь с достаточным ускорением от обломков. А если я допущу ошибку?» Еще

один мощный удар потряс щиты, и корабль задрожал. «Скоро «Такэда» испытает на себе действие сверхоружия.— Дюваль лихорадочно пытался найти ответ на вопрос, что нужно сделать, чтобы разрушить корабль и остаться при этом в живых.— В любой момент мое отсутствие могут заметить. Они наверняка уже хватились Харады и ищут его».

Дюваль выбежал в коридор и приблизился к двери, возле которой спиной к нему стоял часовой, скрестив на груди руки. «Сосредоточься! — приказал себе Стрейкер.— Думай... Стоп! Если с капитанского мостика можно остановить процесс самоуничтожения, мне нужно вывести из строя пульт управления, расположенный на капитанском мостике. Тогда уже ничто не спасет «Такэду».— Он побежал по коридору к отсеку, где находился щиток электронной системы корабля. Дюваль сбил замок ударом ключа и откинул крышку. Дрожащими руками он вырвал провода, связывающие пульт управления капитанского мостика с электронной системой корабля. Затем бросился к складу, чтобы включить механизм самоуничтожения. В этот момент на «Такэду Сингэна» обрушился мощный удар лазерного оружия. Корабль вздрогнул, и Дюваль с отвращением услышал крысиный писк.

— Ага,— злорадно проговорил он,— почуяли неладное! — Вдруг он сообразил, что можно заблокировать сигнал тревоги. Не мешкая ни секунды, Дюваль вернулся к щитку и на этот раз более решительно вырвал еще несколько проводов. Теперь можно было опустить рубильник. Действие механизма самоуничтожения заключалось в том, что лазерный луч пережигал предохранители, после чего следовал взрыв. По своему опыту Стрейкер знал, что предохранители обычно сгорают в течение минуты. Он предполагал, что этого времени ему вполне хватит, чтобы покинуть корабль и преодолеть его силовое поле.

Дюваль ворвался в хранилище и опустил рубильник. Ударивший лазерный луч оказался большей мощности, чем он рассчитывал. Предохранители должны были

перегореть за двадцать-тридцать секунд. Дюваль поднял рубильник и стал соображать, как замедлить действие лазера. Взгляд его упал на окровавленный труп Харады, на шее которого висела цепочка с тонким платиновым кулоном. Преодолевая отвращение, он сорвал цепочку и намотал ее на предохранители так, чтобы кулон попал под луч. «Он будет плавиться больше минуты. Я должен успеть»,— подумал Стрейкер. Он вновь опустил рубильник и бросился по коридору, чтобы пробраться на палубу, а оттуда — к воздушному шлюзу и наружному люку.

— Стой! А где еще один? Я помню, вас было двое,— остановил его часовой.

— Да вот он, смотри.

Часовой оглянулся и получил оглушительный удар кулаком по голове. Он скатился по ступенькам, а Дюваль уже приблизился к воздушному шлюзу.

— Остановите его! Он сошел с ума!

Но было уже поздно. Стрейкер пристегнул шлем, задраил внутренний люк воздушного шлюза и открыл наружный люк. Мощный поток воздуха подхватил его и стремительно вынес в открытый космос.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эллис Стрейкер возобновил атаку на «Такэду Сингэна». Вице-флагман эскадры превосходил по массе американский корабль почти в три раза. «Конституция» получила отчаянный отпор, когда попыталась приблизиться к «Такэде».

— Это очень мощный корабль, капитан. Мы рискуем получить серьезные пробоины, если вы вновь подставите «Конституцию» под его пушки,— попытался удержать Эллиса рулевой.

— Замолчи! — закричал на него Стрейкер.— Мы должны уничтожить его! Высветить опознавательные знаки! — приказал Эллис. Он надеялся, что на «Такэде» окажутся ветераны Зоны, которые придут в панику, когда увидят знакомый череп с костями. Они приближались к вице-флагману. Палубы на «Конституции» сотрясались от ударов лазерного оружия врага. Щиты переливались фантастическими цветами.

— Пять тысяч ярдов,— произнес рулевой. — Капитан, компьютер предупреждает о серьезной опасности,— сообщил начальник отсека электронного контроля.

— Полный вперед! — выкрикнул Эллис. «Это один из самых мощных кораблей в японском флоте,— подумал он.— Я должен разнести его на куски».

— Четыре тысячи ярдов! Усилить защиту! Сверхоружие — к бою!

— Три тысячи ярдов! Капитан, они собираются открыть огонь!

— Если мы погибнем, то погибнем с честью! — воскликнул Эллис.— Держать курс на врага!

Подойдя к японскому кораблю на расстояние двух тысяч ярдов и попав под его смертоносный огонь, американцы внезапно увидели, как рука судьбы опустилась на корму врага и разнесла ее вдребезги. Секундой позже взрывная волна достигла щитов «Конституции»; корабль вздрогнул. Кружащиеся обломки «Такэды Сингэна» напоминали огненный цветок. Эллис не верил своим глазам: за последние минуты они ни разу не выстрелили.

— Начальник орудийного отсека! — крикнул Стрейкер.— Кто открыл огонь по врагу?

— Кажется, взрыв произошел внутри корабля! — ответил тот.— Похоже, сработал механизм самоуничтожения.

Эллис внезапно ощутил волнение, похожее на то, которое испытывал во время налета на Сеул. Интуиция подсказывала ему, что сейчас что-то произойдет и что взрыв на «Такэде» — только прелюдия к самому главному. Экипаж «Конституции» ликовал, расстреливая обломки корабля из сверхоружия. Они устроили фантастический фейерверк на виду у обескураженной японской эскадры. Но враг быстро пришел в себя. Несколько кораблей уже устремились к «Конституции», грозя отрезать путь к отступлению.

— Капитан! — закричал старший лейтенант.— Нас атакуют пять крейсеров! Нужно уходить!

— Развернуть корабль! — приказал Эллис. Внезапно он почувствовал, как мощная пси-волна коснулась его сердца. Он вздрогнул и застыл на несколько секунд, медля с приказом набирать скорость. Этого промедления оказалось достаточно, чтобы наблюдатели заметили на экранах необычный объект. Сигнал тревоги насторожил Эллиса:

— Что случилось?

— Человек за бортом!

— Какой человек?! — воскликнул Эллис. Сердце его мучительно сжалось.

— Живой! Капитан, прикажете его уничтожить?

— Нет! Захватить его силовыми буксирами!

— Капитан, они иногда устраивают ловушки! Среди них много камикадзе.

— Нет! Взять его на борт. Он многое может нам сообщить!

— Слушаюсь, капитан.

Через несколько секунд они опустили щиты и втянули на борт неизвестного в легком скафандре. Когда «Конституция» набрала ускорение, уносясь от окружавших ее врагов, изнуренный человек предстал перед капитаном.

— Дюваль... — прохрипел побледневший Эллис.

— Брат...

Стоявшие рядом увидели, как они кинулись друг к другу в объятия и застыли, не в силах вымолвить больше ни слова. Весь этот безумный день они не отрывали глаз друг от друга. Эллис вглядывался в лицо дорогого и близкого человека, чувствуя, однако, что Дюваль изменился до неузнаваемости и что этот «новый» Дюваль еще мало знаком ему.

Когда «Конституция» окончательно оторвалась от преследования, они поднялись на капитанский мостик, наблюдая за «Калифорнией» Уюку и «Техасом» Хавкена, которые вышли им навстречу. Дюваль объяснил, что остался на Сеуле из-за барона Харуми и что даймё Садо взорвался вместе с «Такэдой Сингэном». Эллис в свою очередь заверил брата, что его жена и сын находятся в безопасности в Американо. Когда Дюваль описал обстоятельства рождения Кэнити, Эллис покачал головой от удивления. Он вдруг понял, что брат находился на том самом корабле, который они атаковали и чей грузовой отсек был взорван шаттлом Боуэна. «Нет, это не случайное совпадение,— размышлял Эллис.— Мы чуть не уничтожили «Кавабату Ясунари», но какая-то сила удержала меня от этого. В результате я сохранил жизнь своему брату, его жене и ребенку.

На Сеуле мы встретились лицом к лицу. У меня в руках было оружие. Выстрел снайпера разлучил нас и не позволил опередить судьбу. Нет, я не верю в слепой

случай. Нас всегда связывали невидимые нити, а теперь после долгой разлуки нас как будто накрыла золотая аура».

— Ты никогда не рассказывал мне об отце,— прервал его размышления Дюваль. Непривычные интонации в голосе и заметный акцент очаровали Эллиса.

— Ты никогда не признавался мне, что мы братья только наполовину.

Эллис пристально посмотрел на Дюваля, затем отвернулся, незаметно смахнув слезу.

— Брат есть брат,— ответил Эллис.— Либо он у тебя есть, либо — нет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

В тот же вечер Эллис взял Дюваля на флагман Капелана, для участия в совете адмиралов. Обоих братьев очень тревожила нависшая над Американо угроза.

— Главнокомандующий флотом Ямато имеет приказ императора,— рассказывал Дюваль.— В приказе говорится, что не следует высаживать десант до тех пор, пока флот не обеспечит надежный плацдарм на орбите. Только после этого армия под командованием Ямогути начнет боевые действия. Именно поэтому луны Аркадии находятся в безопасности, и те силы, которые на них сосредоточены, можно стянуть в район скопления японских кораблей.

— Мне передали,— обратился к Дювалю Капелан,— что вам известно о диспозиции и вооружении противника. Наш флот имеет пять тысяч сверхпушек, но орудий, стреляющих на расстояние более трех миль, у нас меньше тысячи. Как обстоят дела у них?

— У японцев десять тысяч сверхпушек, бьющих на расстояние более трех миль. Подходить к ним ближе — просто самоубийство.— Дюваль повернулся к Эллису.— Я преклоняюсь перед смелостью и чутьем моего брата, но при этом уверен: его «Конституция» была бы разбита, если бы на «Такэде Сингэне» не сработал механизм самоуничтожения, который мне удалось вовремя включить. Еще раз повторяю: нам нельзя приближаться к ним.

— А какова диспозиция флота Ямато? — поинтересовался Капелан.

— Они используют тактику «сияющего солнца».

— Что это значит?

— Японские корабли сомкнулись вместе и образовали мегащит, который невозможно пробить лазерным оружием.

— Но что же нам делать? — развел руками Уюку.

— Мы должны разгромить их прежде, чем они доберутся до форта Буш!

— Да, отступать не в нашем стиле! — воскликнул Куртис Фрестли.

— Правильно! — поддержал его Уюку.— Нужно приблизиться к ним, или мы погибнем. Я ничего не смыслю в этой дерьмовой тактике и буду сражаться как всегда — в открытом бою! А если адмиралу Капелану это не нравится, то это его проблемы!

— А если тебя осудит военный трибунал за неподчинение? — спросил его Эллис.

— Пусть только попробует!

— Это несложно будет сделать,— подшутил над Уюку Эллис.

— Ты с ума сошел. Я один из лучших астронавтов, а ты хочешь пристрелить меня, да?

— Я не оспариваю твоих способностей, Джон. Но ты слишком самоуверен. Сейчас сложилась ситуация, с которой мы раньше никогда не сталкивались. Здесь нужно какое-то неординарное решение.

— Капитан Стрейкер прав,— согласился с ним Капелан. Он вновь обратился к Дювалю: — Вы говорили о тактике «сияющего солнца». Как им удается сохранять боевой порядок кораблей?

— Это требует значительных энергетических затрат и умелого пилотирования, потому что щиты имеют тенденцию отталкивать корабли друг от друга. Если нам не удастся рассеять их строй, мы не сможем остановить вторжение.

— Ничего! — бодро возразил Уюку.— Мы разгоним их, словно волки стадо овец.

— Флот Ямато не стадо овец,— холодно возразил Хавкен.— Нам следует подумать, как предотвратить захват форта Буш. Если это произойдет, армия Ямогути

получит тот необходимый плацдарм, о котором здесь уже упоминали.

Наступила тишина, адмиралы надолго задумались. Ситуация казалась чуть ли не безвыходной.

— Кажется, существует способ остановить врага,— неожиданно произнес Дюваль. Все присутствующие повернулись в его сторону. Голос Стрелка был тихим и каким-то далеким. Он вновь вспомнил изуродованную палубу «Томаса Дж.» и приближающийся корабль-камикадзе. Эта картина предстала перед ним столь явственно, как будто не прошло долгих двадцати лет с тех пор. Дюваль вдруг сообразил, что когда корабль охвачен огнем, сверхпушки беспомощны. Стабильность серебряных труб зависит от температуры. Измени ее всего лишь на три градуса — и пушки не сработают! Но как им подогреть пушки всего флота Ямато?

— Да,— более уверенно произнес Дюваль. Он взял калькулятор и на всякий случай проверил произведенные в уме вычисления.— Я знаю способ остановить врага!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В седьмом часу в воскресенье двадцать восьмого июля, в день ситибан, месяца Ситигацу по летосчислению Ямато, Непобедимый флот Освобождения наконец приблизился к Либерти. Перелет оказался успешным. Флот беспрепятственно прошел мимо строя американских кораблей и достиг цели — орбиты Либерти, в которую вошел почти без потерь. Когда флот, сохранявший боевой порядок, находился в тридцати тысячах миль от экватора Либерти, главнокомандующий собрал Совет. Они были совершенно неуязвимы внутри своего сферического щита. Никогда замыслы императора не были так близки к осуществлению.

Внезапно компьютеры стали передавать предупредительные сигналы. Восемьдесят безрассудных американских кораблей подкрались с теневой стороны Либерти. Каждый офицер Ямато понимал, сколь самоубийственной была атака на низкой орбите Либерти, это лишь продемонстрировало отчаяние американцев.

Пушки нацелились на щиты японских кораблей, и начался фейерверк — каждое американское орудие било в непроницаемую сферу «сияющего солнца» кораблей вторжения.

— Что они делают? — спросил Нэмото Тикари своего помощника.

— Извините, господин, но я не понимаю. Возможно, они совершают сэппуку.— Нэмото казался немного смущенным.

— Но ведь наши щиты поглощают энергию лазерного оружия, правда?

— Хай.

— Как долго они могут поглощать энергию?

— По крайней мере, в течение нескольких часов, господин. Но это не принесет пользы американцам.

— А это не может повредить нам?

— Нет, конечно. Они могут стрелять в нас изо всех своих лазерных орудий, и все равно им не удастся пробить наши самостабилизирующиеся щиты. Они как узел: чем сильнее потянешь за концы, тем крепче он становится.

— А они знают об этом?

— Да, господин. Именно американцы изобрели самостабилизирующиеся щиты.

Это замечание удивило Нэмото. Он наморщил лоб. Поведение врага было непонятно и немного тревожило его.

— Странно,— задумчиво произнес главнокомандующий, обнажив зубы, покрытые лучшим императорским черным лаком.

Вскоре американские корабли полностью окружили флот Ямато. Их бойницы превратились в яркие факелы. Колоссальная энергия изливалась на щиты, которые поглощали ее и постепенно накапливали. Замкнутая сфера, созданная японскими кораблями, напоминала теперь миниатюрную звезду. Внутри нее неумолимо росла температура. Капитаны японских кораблей получили приказ привести плексовые корпуса в фазу хрома — такая поверхность лучше всех отражала лазерные лучи.

Холодильные установки внутри кораблей подверглись перегрузке. Последовал приказ срочно вывести замороженных солдат из анабиоза и вытащить из суспензии, однако многие уже успели заснуть вечным сном.

Температура неумолимо поднималась от часа к часу, как внутри кораблей, так и внутри замкнутой сферы, которая напоминала теперь модель сжимающейся Вселенной.

Вскоре люди, одетые в униформы, вспотели. Они тяжело дышали и уже изрядно устали от жары. Дат-

чики сообщали о перегреве. Компьютеры передавали тревожную информацию, а затем стали отключаться. Лица у всех раскраснелись, словно в сауне. Морозильные установки постепенно выходили из строя. Плексовые покрытия кораблей засветились красным, потом оранжевым и, наконец, белым светом. Мощность корабельных двигателей ослабевала, корабли начали отталкиваться друг от друга. Строгий боевой порядок нарушился — сфера превратилась в пылающую виноградную гроздь. Отдельные «виноградинки» отрывались и уносились прочь.

Через несколько минут после отделения первого корабля эскадра Нэмото Тикары распалась, строй был полностью рассеян. Американцы стремительно преследовали японские корабли, чьи серебряные трубы входили из строя из-за перегрева, а двигатели отказывали.

Уюку, Стрейкер, Фрестли, Дэ Сото, Хавкен, Капелан беспощадно атаковали врага. Капитаны рангом пониже, следовавшие за ними, выбирали адмиралов Ямато каждый по своему вкусу. Они догоняли громоздкие золотистые корабли, пробивали их защиту и уничтожали. Пылающие обломки вращались по орбите Либерти.

Через час рынды на кораблях пробили полночь. Наступило двадцать девятое июля. Этот день должен был покрыть японскую армию неувядаемой славой — император объявил его первым днем вторжения. Но сейчас на орбите находились лишь жалкие остатки флота. Нэмото Тикара словно впал в гипнотический транс. Ему казалось, что все это жуткий сон, от которого он должен пробудиться.

Последние надежды на удачное приземление исчезли. На уцелевших кораблях отряды Яхары совершали ритуал. Коленопреклоненные японцы длинными рядами выстроились на средних палубах, с которых они должны были смертоностным дождем обрушиться на Линкольн и Филадельфию. Ритуальные ряды в точности повторяли схему доски го. Вслед за своими командирами все как один воины вытащили из-за поясов корот-

кие мечи и сделали на своих животах три смертельных надреза, отчего кишки их вывалились наружу. Люди забились в агонии.

«Гордые захватчики» удирали с орбиты Либерти под решительным натиском американцев. Жалкие остатки их флота пытались спастись на Аркадии. Ни одного святилища Синто не возведут они теперь на руинах Белого дома. Мечты императора рухнули.

Прямо над мокрым от дождя холмом, там, где восточный сад Белого дома сливается с осиновыми рощами, появились американские эскадры, летевшие крестообразным строем. Корпуса кораблей были абсолютно прозрачны. На палубах выстроились кадеты в белой униформе и хромовых шлемах. Они летели в Норфолк.

На лужайке Белого дома, несмотря на проливной дождь, сооружали трибуну в форме ростра, предназначенную для выступления Президента. Фарис Кассабиан с раздражением наблюдал за строительством из окна своего кабинета. Он понимал, что для веселья еще не пришло время — война только началась.

На противоположной стороне Пенсильвания-авеню, в казначействе, Конрой Лаббэк принимал свою блудную дочь. Он сообщил ей интересные новости. Во время атаки флагмана Ямато «Оды Нобунаги» самурай ударного отряда прострелил шлем отцу ее детей, но лазер, очевидно, только ожег ему волосы. Вопреки приказам главнокомандующего он в настоящее время в одиночку охотится на флагман в системе Орегона. Дэк Капелан доложил об инциденте Президенту. Алиса Кэн сказала, что нужно наказать Эллиса Стрейкера за неповиновение. Он должен прийти к ней с отчетом; может быть, тогда она подарит ему еще одну заколку с алмазами.

Мити, кутаясь в плащ, вышла из аэромобиля. Она прибыла в ночной Линкольн по приказу Лаббэка. Ее встречал как всегда бесстрастный Дзиро Ито. Невероятно, но, увидев Мити, он улыбнулся. Дзиро Ито рассказал, что ее мужа подобрали в открытом космосе. Сейчас он вместе с братом находится на борту «Конституции», ко-

торая преследует врага в одной из систем на границе Американо.

За оградой Белого дома розовые сады Президента наводнили тысячи пьяных солдат. Они праздновали первую победу — горланили национальный гимн, поднимали стаканы с вином, иногда поливая им головы, и гордо показывали свои трофеи подружкам, с которыми не расставались уже целый день. Они орали возле Белого дома до тех пор, пока Алиса Кэн не вышла и не поблагодарила их за верность. Стоя на трибуне, она смотрела на них с любовью и глубокой благодарностью. Это были удивительные люди — свободные и раскованные. Это был ее сектор, ее Американо.

Когда-нибудь историки назовут ее сто первым Президентом, бездетной женщиной. Но они будут не правы: она была матерью всем этим промокшим под дождем непослушным детям. Император хотел отобрать их у нее, но ему не удалось это сделать. Американцы поднялись наконец с колен и встали во весь рост, как и подобает свободным людям. Алиса Кэн хотела сказать им об этом, но передумала. Она понимала, что гордость воинства Ямато потускнела, но не погасла. Муцухито никогда не откажется от идеи завоевать Американо.

Через восемьдесят дней печальный посланник приземлился в порту Тиёдакю в Киото. Перейдя ров императорского дворца, посланник направился к пруду с карпами, плавающими в зеленой тине среди камышей. Император принял известие довольно сдержанно. Когда посланник ушел, Муцухито обратился к своему постоянному спутнику, камергеру Кидо:

— Я благодарю богов, что могу в любое время построить другой флот, еще больше того, что потерял.

Он взглянул на бледное рассветное небо. Над горизонтом еще сияла звезда Нагоя.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯМАТО. Книга III

НЕЙТРАЛЬНАЯ ЗОНА

Глава первая 10
Глава вторая 25
Глава третья 33
Глава четвертая 45
Глава пятая 54
Глава шестая 63
Глава седьмая 75
Глава восьмая 88
Глава девятая 101
Глава десятая 107
Глава одиннадцатая 117
Глава двенадцатая 128
Глава тринадцатая 134
Глава четырнадцатая 140
Глава пятнадцатая 143
Глава шестнадцатая 152
Глава семнадцатая 168
Глава восемнадцатая 173
Глава девятнадцатая 178
Глава двадцатая 195
Глава двадцать первая 202
Глава двадцать вторая 205
Глава двадцать третья 213
Глава двадцать четвертая 223
Глава двадцать пятая 232

ЯМАТО. Книга IV

ЛИБЕРТИ

Глава первая 240
Глава вторая 256
Глава третья 265
Глава четвертая 278

Глава пятая 283
Глава шестая 288
Глава седьмая 294
Глава восьмая 304
Глава девятая 312
Глава десятая 322
Глава одиннадцатая 338
Глава двенадцатая 347
Глава тринадцатая 355
Глава четырнадцатая 360
Глава пятнадцатая 380
Глава шестнадцатая 386
Глава семнадцатая 394
Глава восемнадцатая 399
Глава девятнадцатая 406
Глава двадцатая 410
Глава двадцать первая 414
Глава двадцать вторая 424
Глава двадцать третья 429
Глава двадцать четвертая 434
Глава двадцать пятая 438
Глава двадцать шестая 441

Литературно-художественное издание

Като Кен

ЗВЕЗДНЫЕ САМУРАИ

(ЯМАТО. Книги III, IV)

Перевод с английского:

Лариса Ордановская, Андрей Владимиров

Ответственный редактор *Игорь Петрушкин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Обложка *Сергей Шикин*
Художник *Кирилл Рожков*
Верстка *Посадова Елена*
Технический редактор *Елена Шараева*
Корректор *Вера Зуева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.05.97.
Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура "Школьная".
Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская.
Усл. п. л. 23,52. Тираж 11 000 экз. Заказ № 2013.

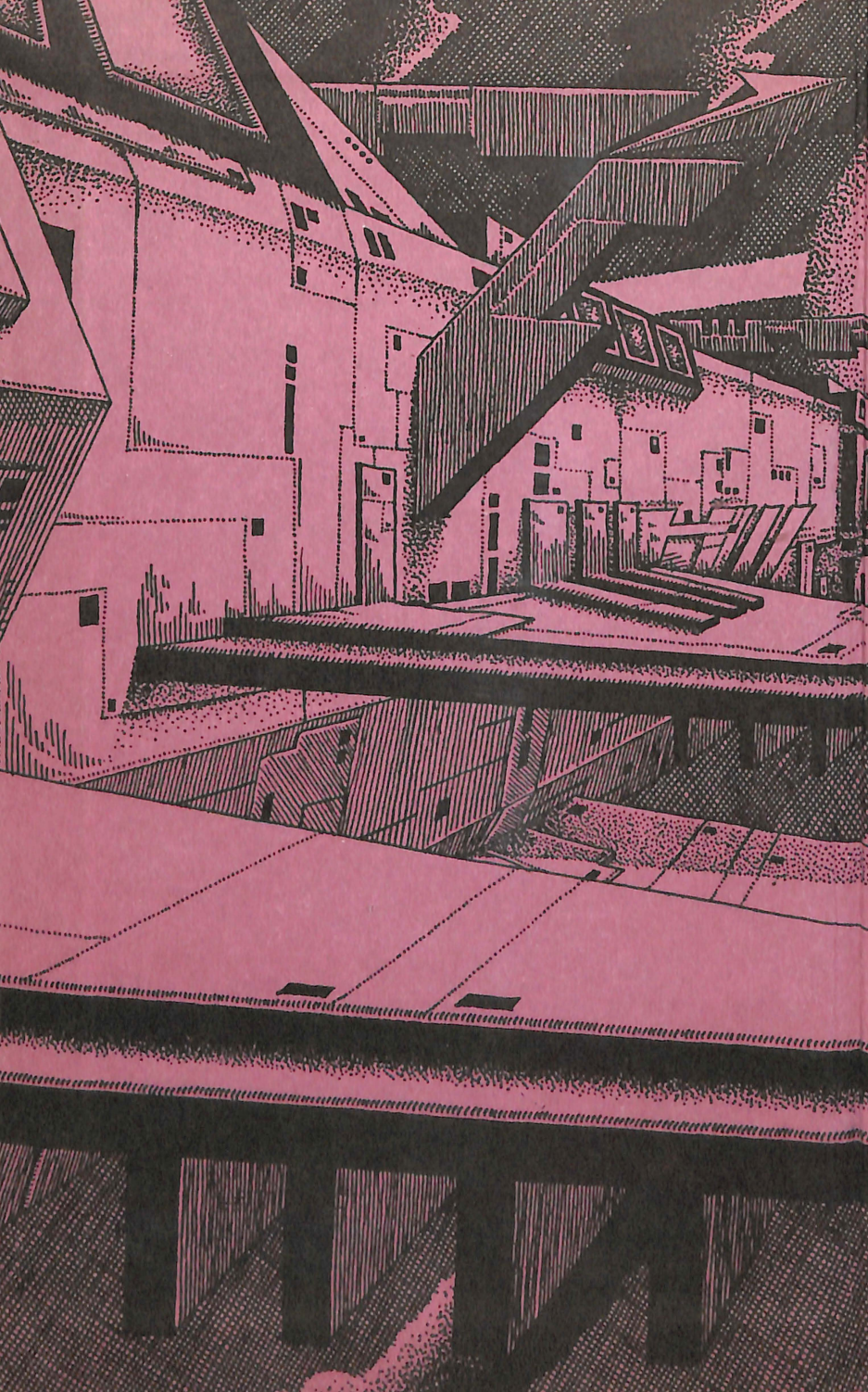
Издательство "Северо-Запад".
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

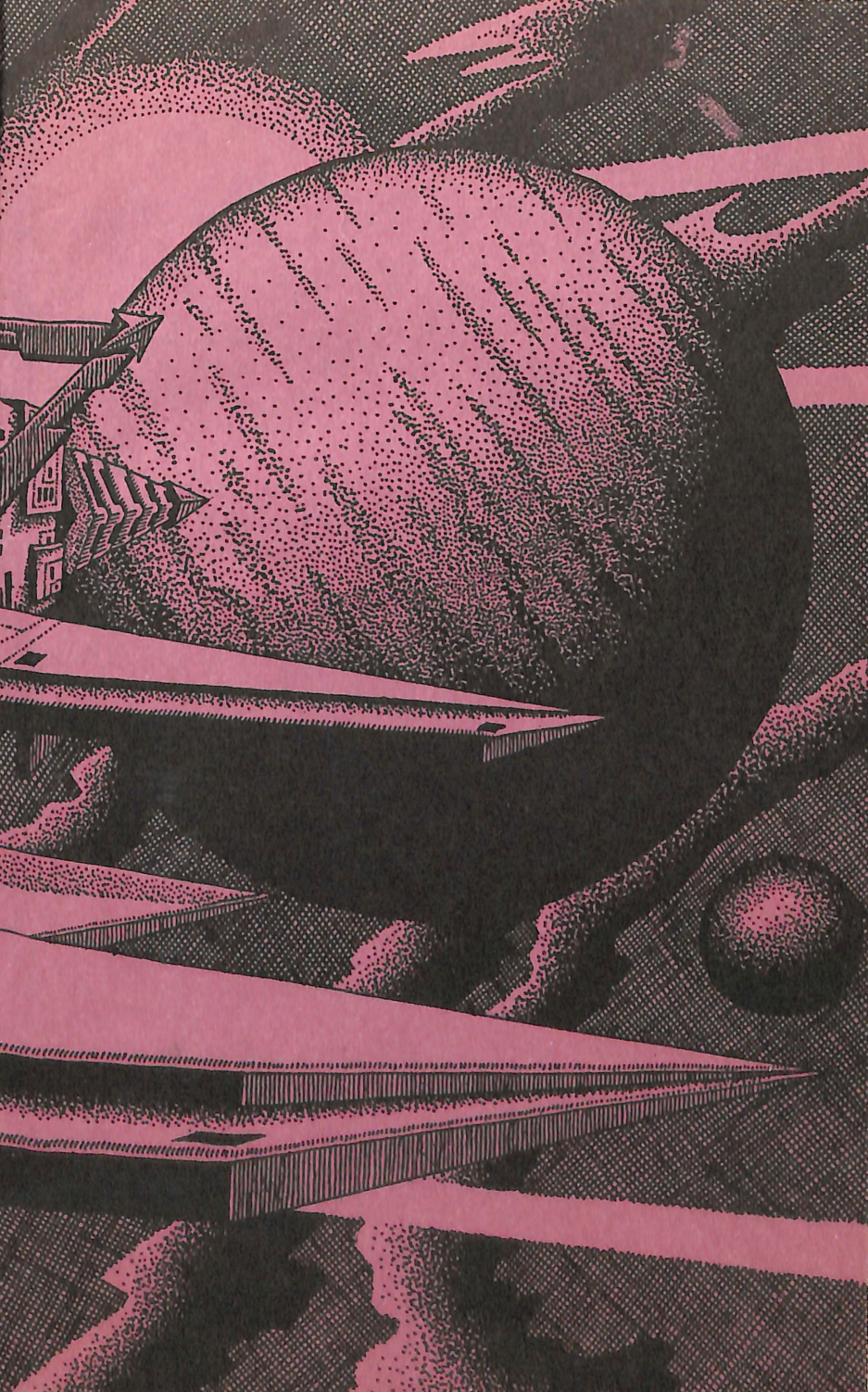
Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

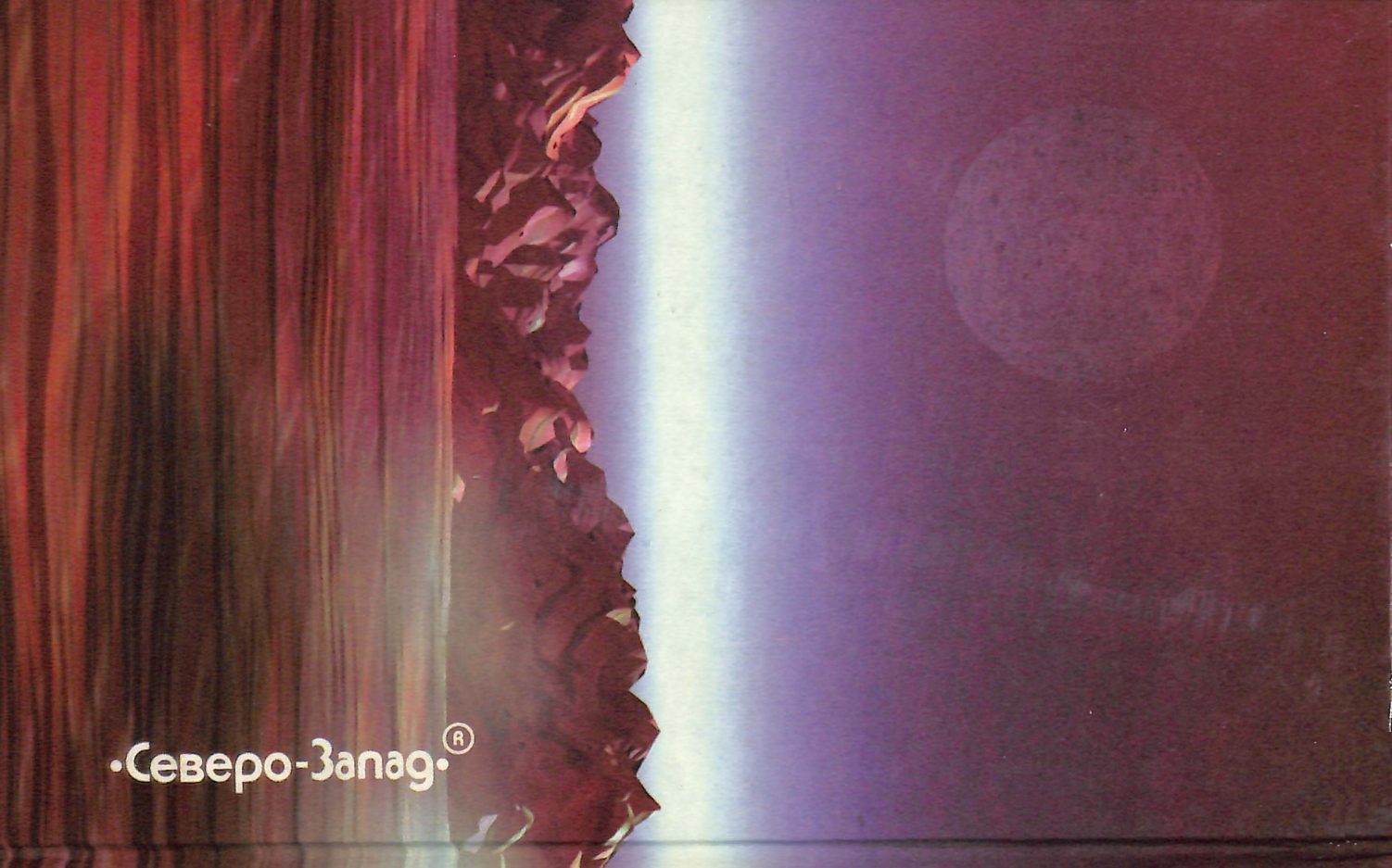
При участии ООО "Харвест". Лицензия ЛВ № 729 от 09.02.94.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.






•Северо-Запад•®